
мюриэл
спарк
НА
ПУБЛИКУ

На публику
Мюриэл Спарк

Аннотация
Мюриэл Спарк. На публику. Перевод с англий-ского
Содержание
Видимость и истина. (О творчестве Мюриэл Спарк)
  I
  II
  III
Баллада о предместье. Повесть
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
Рассказы
  Черная мадонна

Видели бы вы, что там творится
Близнецы
Темные очки
Позолоченные часы
Для зимы печальные подходят сказки *
На публику. Повесть
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII

Аннотация

Мюриэл Спарк - английская писательница, литературовед. Критикуя мораль и жизненную философию английского современного общества (роман "Баллада о предместье" (1960); повесть "На публику" (1968); рассказы), использует приемы реалистического гротеска. Суд над мнимыми нравственными ценностями и мотив воздания по существу, а не по видимости. Рисунок Спарк предельно реалистичен. Автор не сгущает красок, и действительность порой бывает страшнее того, о чем рассказано.

Мюриэл Спарк
На публику
Перевод с английского

Содержание

Видимость и истина (О творчестве Мюриэл Спарк) *В. Скороденко*

Баллада о предместье. Повесть. *Перевод В. Муравьева*

Рассказы

Черная Мадонна. *Перевод В. Скороденко*

Видели бы вы, что там творится. *Перевод В. Хинкиса*

Близнецы. *Перевод В. Хинкиса*

Темные очки. *Перевод В. Голышева*

Позолоченные часы. *Перевод В. Хинкиса*

Для зимы печальные подходят сказки. *Перевод В. Муравьева*

На публику. Повесть. *Перевод Е. Коротковой*

Видимость и истина
(О творчестве Мюриэл Спарк)

Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость.
Ф. де Ларошфуко *{1}

{1} notes: 1

Франсуа де Ларошфуко, Максимы и моральные размышления. Пер. Э. Линецкой. М.—Л., ГИХЛ, 1959, стр. 14.

I

«Коридорами власти» проходят персонажи романов Ч. П. Сноу — видные ученые и политики, финансовые магнаты и высокопоставленные чиновники, «сильные мира сего», те, кто вершит судьбами нации, управляет общественным мнением.

Бродят по улочкам и переулкам промышленных городов Великобритании герои книг «рабочих романистов» А. Силлитоу, С. Чаплина, С. Барстоу. Тянут лямку, бедокурят — иной раз очень зло и бессмысленно, — ухаживают за девушками, обзаводятся семьями и не перестают размышлять о том, почему так жестоко обманула их жизнь, пытаются сами во всем разобраться, докопаться до «корней» всего этого.

Исчерпав отведенную им роль «блаженненьких» и шутов, сходят со сцены не приспособленные к жизни потомки некогда славных, но опустившихся и выродившихся семейств английской католической аристократии. Такими вывел их в своих трагикомических фарсах недавно умерший Ивлин Во. А в недрах больших городов уже сложилось и набирает силу молодежное

«подполье» («underground»), неорганизованное движение деклассированных молодых людей, которые не приемлют в современной Британии решительно ничего и уже не враждуют с обществом, а попросту его третируют. О них писали К. Макиннес, Д. С. Лесли, М. Дрэббл.

Но власть имущие и обделенные властью, «хозяева» страны и труженики, родовая знать и «отпавшая» молодежь, как говорится, без роду, без племени, это полюсы. А между полюсами — та огромная масса населения, что получила в британской социологии наименование «среднего класса» («middle class»).

«Средний класс» — это мелкие собственники и рантье, служащие, государственные чиновники средней руки, работающая интеллигенция и многие другие. Одним словом, крайне пестрая мелкобуржуазная стихия, консервативная в своей основе и состоящая из тех, кто не относится к рабочему классу, но в равной степени далек и от классов правящих, — «стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма» *{2}, как определял ее еще В. И. Ленин. У «среднего класса» есть своя система ценностей, свой образ жизни,

---

{2} notes: 2

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 36, стр. 246.

своя мораль, в которой пуританство прихотливо соединяется с беспощадным прагматизмом в английском его варианте. Есть у него и свой жизненный идеал — благополучие через благосостояние. И даже своя внутриклассовая иерархия: «низший средний класс», «средний средний класс», «высший средний класс».

«Мелкая буржуазия... всю общественную атмосферу пропитывает мелкособственническими тенденциями» *{3}, — писал В. И. Ленин. Это наблюдение справедливо и для послевоенной Британии. Английская концепция жизненного успеха — из трудящихся классов перебраться в «низший средний» и далее по ступенькам до самого верха. Скорость такого продвижения и есть мерило ценности личности. Кинофильмы, пресса, радио, телевидение не перестают внушать англичанину, что так всегда было и должно быть. Особый упор делается на трудящиеся классы. Рабочего соблазняют материальным благополучием и достатком, пытаются — и порой небезуспешно — привить ему мелкособственническое сознание и мелкособственническую же мораль. Новое слово послевоенной британской

{3} notes: 3

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 36, стр. 256.

социологии — рабочего класса как такового в Англии уже нет, есть «низший средний».

В какой-то степени английский «средний класс» имеет аналогию в других высокоразвитых капиталистических странах; в США это — молчаливое большинство «средних американцев», к которым апеллирует вице-президент Агню, в ФРГ — бюргерство и т. д. Явление, следовательно, международное, но, понятно, в каждом случае со своей национальной окраской. В самой Англии создан некий собирательный портрет «среднего класса»: конгломерат достойных, респектабельных граждан, истинных патриотов, пекущихся о благе государства и менее всего склонных к изменению status quo; носитель исконных британских традиций, воплощение знаменитого здравого смысла; оплот христианской нравственности; страж чести, достоинства и национального самосознания.

Английские писатели, в особенности авторы 50—60-х годов, однако, внесли коррективы в этот иконописный социологический лик. Обнаружили на нем малоприятные гримасы и отвратительные уродства. Разумеется, речь шла не о конкретных людях, хороших или плохих, со своими чисто человеческими слабостями и

добродетелями. Речь шла о социальном типе, и поэтому кое-какие характерные черты «среднего класса» предстали на страницах художественных произведений далеко не столь благообразными, как рисуются они буржуазной социологии.

«Средний класс» очерчен в современной британской прозе весьма представительно, причем во всех его разновидностях — и в «низшей», и в «средней», и в «высшей». Почему-то писатели-реалисты не питают к нему особого пиетета. Напротив, в их произведениях отчетливо вырисовывается, говоря словами Маяковского, «мурло мещанина». Весомый вклад в художественное исследование этого социального феномена, точнее — его морали и жизненной философии, внесла Мюриэл Спарк, один из оригинальнейших и неподражаемых мастеров современной английской прозы.

II

Биография Мюриэл Спарк не очень богата внешними событиями. Она родилась и окончила среднюю школу в Эдинбурге, несколько лет провела в британской (тогда еще британской) Центральной Африке, во время войны возвратилась в Англию и начала работать в отделе Форин оффис (британское министерство иностранных дел). После войны Спарк редактировала два поэтических журнала, занималась филологическими штудиями, опубликовала несколько биографий и книжечку стихотворений, подготовила к печати сборники писем видных английских литераторов XIX века, в частности Эмили Бронте. В 1951 году Спарк получила первую премию на конкурсе рассказа, организованном английской газетой «Обзервер». С этого времени ее новеллы стали часто появляться в англо-американских периодических изданиях, а в 1957 году увидел свет ее первый роман «Утешительницы». Книга имела успех, но широкая литературная известность пришла к Спарк с выходом романа «Memento Mori» (1959). Сейчас отрывки из ее произведений, наиболее значительные из которых, помимо упо-

мянутых и тех, что вошли в этот сборник, — «Мисс Джин Броди в расцвете сил и энергии» (1961), «Девушки со скромными средствами» (1963) и «Ворота Мандельбаума» (1965), — включены даже в школьные хрестоматии. По популярности и неизменной читательской привязанности из нынешних английских писательниц (имеются в виду, конечно, серьезные авторы) с ней может соперничать только Айрис Мэрдок.

Спарк меньше всего бытописательница. А на первый взгляд может показаться, что содержание ее книг довольно камерно. Действительно, ни эпической обстоятельности и скрупулезно выписанных характеристик цикла Сноу «Чужие и братья», ни исторической масштабности трилогии Д. Стюарта «Смена ролей», ни философской горечи социально-психологических откровений Гр. Грина, ни ветхозаветного неистовства притч У. Голдинга, ни щемящей отрешенности лучших книг Мэрдок — ничего этого в произведениях Спарк нет. Есть другое: спокойное, порой стилизованное, порой даже пародийное, весьма объективное внешне, но пропитанное незримой иронией повествование о жизненном факте. Иногда о группе фактов. Подчас, как в новеллах «Для зимы печальные подходят сказки» или «По-

золоченные часы», сюжет вообще опирается на ситуацию анекдотическую. Но если вчитаться в Спарк, если вдуматься в то, что стоит за фактом, что кроется за анекдотом...

Повесть называется «Баллада о предместье». С полным основанием ее можно было бы озаглавить иначе: «Баллада о болоте и о том, как его взбаламутили». Ибо лондонский пригород Пекхэм Рэй, где происходит действие, — бытовая «кузница кадров» «среднего класса», школа, в которой людям ежедневно даются наглядные уроки себялюбия, корысти и снобизма. Здесь неукоснительно соблюдается общественная иерархия («В Пекхэме есть классовые различия и внутри классов»), здесь торжествует знаменитый британский снобизм, который Уильям Теккерей, классик английского романа XIX века и автор «Книги снобов», определил как хамскую помесь нагловатого презрения к стоящим ниже и лицемерного угодничания перед стоящими выше на общественной лестнице. Общественную атмосферу, пропитанную мелкособственническими тенденциями, — «атмосферу» Пекхэма — и показывает в этой повести Спарк со свойственной ей иронией и выпуклостью словесного рисунка.

В Пекхэме машинистка заводского машбюро

Дикси Морз считает зазорным обращать внимание на простую работницу Элен Кент, а мисс Кавердейл третирует Дикси, поскольку та ее подчиненная. Зажиточная домохозяйка Белла Фрайерн не рискует подойти на улице к родному брату, которого не видела много лет: «Он был плохо одет, у него был ужасный вид». Мисс Кавердейл не порывает с опостылевшим ей человеком, так как это уронит ее «достоинство», то есть социальный престиж: придется уйти из фирмы, понизившись в должности. И т. д. и т. п.

В Пекхэме превалирует «пуританский» тип морали — мораль стяжательства и своекорыстия. «Платить и чтобы тебе платили» — такова мораль капиталистического мира» *{4}. Любимое занятие Дикси Морз — просматривать свою сберегательную книжку. Бедняжка не спит ночами, тревожится, что не успеет скопить к свадьбе на собственный домик, этот материальный символ твердого и устойчивого положения в «среднем классе». Дикси не живет — «Дикси копит», так точно характеризует свою невесту заводской мастер Хамфри Плейс. Лесли, сводный братишка Дикси, хоть и юн, также постоянно в погоне за

{4} notes: 4

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 37, стр. 119.

деньгой — клянчит, вымогает, пытается шантажировать и в конце концов попадается на краже. Даже Хамфри Плейс, персонаж в общем и целом, как сказали бы критики, положительный, к тому же большой «дока» по части английских профсоюзов, рассматривает тред-юнионы лишь как инструмент для извлечения из фирмы очередной прибавки к жалованью.

Своекорыстие, подобно раковой опухоли, прорастает в отношения между персонажами повести, окрашивая собою все их чувства, в том числе и самые интимные. Таков нравственный закон «образа жизни», при котором корыстное начало намертво «забивает» духовное, не оставляя места ни для возвышенных духовных порывов, ни даже для простой теплоты и внимания людей друг к другу. Но если Дикси демонстративно не скрывает своего «личного интереса», то большинство действующих лиц предпочитают о нем умалчивать: признаваться в таких вещах считается «аморальным». Собственническая психология не исключает, напротив, предполагает нравственную распущенность. Блуд, пьянка, скандал, шантаж — пожалуйста, но «только не средь бела дня», как резонно замечает мисс Кавердейл. Этот негласный закон хорошо усвоен

жителями Пекхэм Рэя, у которых не принято выносить сор из избы, тем более втягивать в «выяснение отношений» полицию и делать свары достоянием гласности. Зато в подглядывании, подслушивании, сплетнях, злословии и взаимных обвинениях они знают толк и предаются всему этому с полной самоотдачей. Единственные обитательницы предместья, не зараженные повальным стяжательством, сохранившие достоинство, а не его видимость и способные к бескорыстным проявлениям элементарной человечности, — работницы, или «фабричные», как их именуют обыватели, гордые сознанием своей принадлежности к «среднему классу». Это Элен Кент и ее подружки, чьи образы Спарк рисует с несомненной симпатией.

Итак, Пекхэм Рэй — типичный английский пригород. Тут все друг друга знают и, главное, видят насквозь, попадая, как правило, пальцем в небо. Тут есть свои излюбленные места для «общественной жизни» во внерабочее время — закусочная под многообещающей вывеской «Слон», бары, кафе, кинотеатр «Дворцовый». Тут имеются свой полицейский участок и даже «свой» местный дурачок — юродивая Нелли Маэни, свихнувшаяся, по ее собственным словам,

на почве священного писания. Тут люди живут как обычно. Как все. Не лучше и не хуже. Одним словом, тихое болото, подернутое ряской, которая лишь слегка подрагивает от редких публичных скандалов да от хулиганских выходок предоставленных самим себе и понемногу дичающих подростков.

В это болото попадает некто Дугал Дуглас — и начинает твориться нечто совершенно невероятное.

Кривобокий выпускник Эдинбургского университета, наделенный «роковым недостатком» — отвращением к болезням и физическим недугам, Дугал Дуглас предлагает знакомым пощупать у себя на темени два симметрично расположенных бугорка, объясняя, что на этом месте некогда росли ампутированные впоследствии рожки. Понятно, Дугал не дьявол, он только с неимоверной ловкостью выдает себя за такового, но почтенненьким обитателям Пекхэма и впрямь начинает казаться, что дело здесь нечисто: так вызывающе и нагло говорить в глаза правду, так явно не считаться с требованиями «хорошего тона» может разве что какой-нибудь безнадежный «псих» или уж сам враг рода человеческого. А там, где появляется хотя бы и. о. беса, непременно

должна твориться форменная чертовщина. Так оно и происходит.

Многие сцены в повести с участием Дугала Дугласа непередаваемо комичны. В них правит стихия озорного, карнавального, местами даже бурлескного юмора в традициях английских просветителей XVIII века Филдинга и Смоллета. Юмор Спарк, однако, постоянно оборачивается злой и точно адресованной сатирой. Например, эпизоды, связанные с деятельностью Дугала в качестве эксперта по «проблемам настроения персонала» в двух конкурирующих фирмах, равно как и портреты руководителей-распорядителей этих фирм — мистера Друса, мистера Уиллиса и жены последнего, являющей собою законченный «продукт» «высшего среднего класса», решены в очевидном сатирическом плане. Под обстрел берется и характер труда на капиталистическом предприятии, и шире — официальная идеология «государства всеобщего благосостояния» (как именует сейчас Англию буржуазная социология), декларирующая классовый мир и мифическое единство интересов рабочих и предпринимателей.

Дугал Дуглас — бес отрицания, фермент, который, очутившись в болоте мещанского

благополучия, вызывает там моральное «брожение». Сюжетная функция этого персонажа — высмеивать все фальшивое, претенциозное, невсамделишное. В общении с Дугалом каждое действующее лицо повести невольно раскрывает свою потаенную натуру: то, что упрятано глубоко, но истинно и обусловлено средой и воспитанием. Тут-то и выясняется, сколь зловредна видимость истины, — настолько, что подчас установление самой истины чревато полнейшим жизненным крахом, и каждый персонаж повести получает то воздаяние, какого заслуживает: и мистер Друс, и мисс Кавердейл, и Дикси, и Тревор, и Хамфри Плейс, и многие другие участники этого трагифарса.

Суд над мнимыми нравственными ценностями и мотив воздания по существу, а не по видимости, характерны для всех произведений Мюриэл Спарк. Главный персонаж, она же рассказчица в новелле «Видели бы вы, что там творится», Лорна Меррифилд, — близнец Дикси Морз из «Баллады...». Правда, у нее культ показухи, свойственный «среднему классу», проявляется на другой лад: она обожествляет порядок, чистоту и внешний декорум. Но моральная слепота и отупение чувств все те же. Для Лорны немыслимо

выйти замуж за человека, если у того в доме беспорядок и к тому же он не следит за собственной внешностью.

Душно в доме, где живет образцовая супружеская чета Ривзов со своими идеальными красивыми детками («Близнецы»). Здесь закон — покрывать нечистоплотность друг друга, лицемерить, украдкой говорить о «любимых» благожелательные пакости, но, упаси боже, ни словом, ни взглядом не погрешить против «хорошего тона»: сплошная ложь. Жутко и страшно в уютном отеле преуспевающей фрау Люблонич, матерой хищницы, существующей исключительно ради приумножения собственности (рассказ «Позолоченные часы»). Эта уже при жизни поставила себя вне какой бы то ни было морали, условной или безусловной: не человек, а исправно функционирующий автомат для выколачивания прибыли. Отвратительны персонажи новеллы «Темные очки»: блудливый, корыстный и трусливый убийца мистер Симондс и его деловитая «леди Макбет», мужеподобная доктор Грей.

Рассказ «Черная Мадонна» — маленькая энциклопедия жизненной философии «среднего класса». Бесконечные потуги «быть на уровне»,

претензии на интеллигентность, показной демократизм и эдакое бравирование широтой взглядов — вот чем руководствуются супруги Паркер в своем поведении. Мнимые добродетели, однако, прекрасно уживаются в них с вопиющей душевной черствостью, предрассудками и тайным брезгливым презрением, помноженным на лицемерное сочувствие, к друзьям и знакомым, не столь удачливым в жизни. В основе всех их помыслов и действий лежит комплекс признаков, входящих в понятие «снобизм». Они глубоко аморальны в своей скупо отмеренной, дистиллированной «нравственности». Поступки их не хорошие, а «правильные», то есть в соответствии с внешними приличиями; но в этом-то, как справедливо подчеркивают последние строки новеллы, вся разница.

Читатель Спарк не раз отметит однозначность этических оценок автора, неукоснительно проводящего грань между *хорошим,* с точки зрения общечеловеческой нравственности, и *правильным,* с точки зрения условностей определенного, конкретно-исторического типа морали. Этические взгляды Спарк опираются на христианскую концепцию ценностей (в 1954 году писательница приняла католичество). Однако, не принимая

религиозных аспектов в мировоззрении ряда значительных художников современного Запада, таких, как француз Ф. Мориак, американец У. Фолкнер, немец Г. Бёлль, англичане И. Во и Гр. Грин, англо-американский поэт Т. С. Элиот, советский читатель по достоинству ценит и их талант, и их гуманизм, и социально-критическую направленность их творчества. Думается, Мюриэл Спарк не будет исключением в этом отношении. Ведь заповеди «не убий», «не укради», «не солги», «чти отца своего и матерь свою» и многие другие не являются сугубой собственностью христианства: они возникли как итог многовекового нравственного взросления человечества, и их соблюдение обязательно как для христианина, так и для любого разумного существа, называющего себя человеком.

Не секрет, что буржуазная жизненная практика постоянно вступает с этими заповедями в конфликт по существу, стремясь в то же время сохранить видимость их соблюдения. Такие конфликтные, кризисные состояния и интересуют Спарк как художника. Это противоречие между формой и содержанием наиболее контрастно, пожалуй, обнажено в повестях «Мисс Джин Броди в расцвете сил и энергии» и «На публику».

Главные действующие лица повести «На публику» — преуспевающая звезда кино Аннабел Кристофер и ее муж Фредерик, считающий себя несостоявшимся гением, в действительности же ленивый и завистливый «интеллектуал-невежда», — ведут стандартную жизнь давно охладевших друг к другу супругов. Им *хорошо* было бы честно признаться, что их ничто больше не связывает, и разойтись. Хорошо, но не *правильно, ибо* в глазах публики они выступают стараниями рекламы и прессы как образцовая, идеально счастливая пара. Семейный скандал или, того хуже, развод сказался бы на популярности Аннабел и на прибылях продюсера, в чьих фильмах она снимается, самым нежелательным образом.

Двойное существование — супруги сами по себе, их двойники в сознании потребителей невзыскательного чтива тоже сами по себе — тянется до тех пор, пока у актрисы не рождается сын, а Фредерик не изыскивает изощренно мерзкого и подлого способа поквитаться с женой, успеху которой, недостойному и случайному с его точки зрения, он завидует чуть ли не патологически. Именно тогда Аннабел делает решительный выбор и выходит из игры: «Мне хочется быть такой же свободной, как мой ребенок».

Образцово налаженная индустрия мифов и лжи, го есть сенсационная бульварная пресса, чье призвание — всепублично полоскать грязное белье знаменитостей, показана Спарк с беспощадной трезвостью и правдивостью. Точно так же пишет она и о нравах радужного космополитического «кинорая» с его непременными паразитами — разношерстной, унылой, впавшей в транс от принудительного «секса» и наркотиков богемой, слоняющимися по жизни и сатанеющими от безделья бездарностями, ретивыми девицами с хваткой бизнесменов и смазливыми юнцами, что в остервенелой погоне за успехом и состоянием готовы по первому требованию улечься с кем угодно и в какую угодно постель. Суровая точность и жестокость нравственных обобщений Спарк в этой повести заставляют вспомнить знаменитую «Сладкую жизнь» Федерико Феллини, тем более что многие эпизоды решены здесь с визуальной убедительностью кинематографа. Рисунок Спарк предельно реалистичен. Автор не сгущает красок, и действительность порой бывает страшнее того, о чем рассказано в повести: достаточно обратиться к биографиям Мерилин Монро, Бриджит Бардо, Жан Сиберг, Романа Поланского и Шэрон Тейт и многих других звезд

экрана.

История актрисы, рассказанная Спарк, — это история мучительного преодоления человеком психологии «среднего класса»: ведь Аннабел и на гребне успеха остается все той же мещаночкой, какой начинала свою головокружительную карьеру. Это история постепенного становления морали и освобождения живой человеческой души из цепкой хватки бульварного мифа и социальных условностей. Это повесть о победе истинной нравственности над ее новомодными суррогатами, повесть о банкротстве «зловредной видимости».

III

Нетерпимая к современному выхолащиванию изначального смысла строго определенных нравственных категорий, Спарк обращается к особым приемам письма, чтобы в полной мере передать эту нетерпимость своему читателю. Прямые авторские оценки вроде той, что заключает рассказ «Позолоченные часы», у нее редко встречаются. Обычно она полагается на эстетическое воздействие характеров и ситуаций, которые, будучи соответствующим образом «организованы» в ее книгах, с неумолимой логикой говорят сами за себя. Исследуя проявления морального кризиса, вызванного обстоятельствами и образом жизни, Спарк любит раскрывать относительность нравственного кодекса «среднего класса» через изображение относительности, нестойкости привычных и, казалось бы, бесспорных представлений. Легкий, почти неуловимый и оттого зловещий и одновременно комичный «сдвиг» реальности выступает у нее законченным комментарием к действительности.

В новеллах «Портобелло Роуд» *{5}, «Близнецы», «Темные очки» (все они написаны от первого лица) воплощена характерная для Спарк стилевая манера — вести повествование в интонациях младенческого простодушия и обманчивого «наива». Такая интонация, подразумевающая, что все, о чем говорится, вполне естественно и само собой разумеется, по контрасту с содержанием истории еще сильнее подчеркивает противоестественность происходящего. Это еще одна форма тонкого авторского комментария у Спарк: истина начинает глаголить устами младенца. Между прочим, метафора о младенце и истине иногда «реализуется» автором в прямом смысле слова, как в повестях о мисс Броди и Аннабел Кристофер (см. «На публику», эпизоды с участием девочки Гельды).

Интонация, выбор слов, построение фразы, индивидуальный говор — короче, все то, что принято называть «речью действующих лиц», выступает в произведениях Спарк выразительнейшим средством характеристики (нередко — саморазоблачения) и типизации персонажа. Рассказ «Видели бы вы, что там творится» от

{5} notes: 5

Сборник «Современная английская новелла». М., изд-во «Прогресс», 1960, стр. 419—441.

точки до точки — монолог Лорны Меррифилд. Не только содержание этого монолога, но в первую очередь повествовательная форма с головой выдают в ней истинную дочь «среднего класса», убогую в нравственном и умственном отношении и в то же время не без претензий. Типичный случай «молодой, красивой полуинтеллигентной дамы», как мог бы сказать покойный М. М. Зощенко.

В Англии более чем где бы то ни было различия между классами и даже между обитателями разных районов одного и того же города закреплены в говоре, языке. Спарк чутко улавливает эту «разноголосицу». Читатель увидит, сколь колоритен язык юродивой Нелли («Баллада...»), в котором архаическая образность священного писания соседствует с бытовыми, даже уличными словечками, или как безграмотная, но по-своему сочная и красочная речь Элизабет контрастирует с псевдорафинированным сюсюканием ее сестры Лу («Черная Мадонна»).

Искусство стилизации у Спарк особенно очевидно в «Балладе о предместье». Мало того, что почти все персонажи повести говорят каждый на «своем» языке, — на «их» языке изъясняется с каждым из собеседников и Дугал Дуглас, не

упускающий случая поиздеваться над нелепостями и жаргонными уродствами их речи. Он передразнивает тред-юнионистский «канцелярит» Хамфри Плейса, потешается над модой на «сексуальные беседы» и вульгарно-суконными оборотами, примитивными фразами-тычками, которые были завезены в Англию с другого берега Атлантики и усвоены некоторой частью британской молодежи. Сохраняя серьезную мину, он несет наукообразную ахинею в кабинете мистера Уиллиса («В Пекхэме наблюдаются четыре типа морали. Во-первых, эмоциональный. Во-вторых, функциональный. В-третьих, пуританский. В-четвертых, христианский»), проникается «производственной» терминологией на приемах у мистера Друса.

Многие страницы книг Спарк отчетливо пародийны. Фрагменты биографии миссис Чизмен и «творческие заготовки» к биографии, которую пишет все тот же неугомонный Дугал Дуглас, — явная пародия на сочинения такого рода, захлестнувшие книжный рынок Англии и США, и на устойчивые словесные штампы, что перекочевывают из одной биографии в другую. Сцены «военного совета», который держат юные кандидаты в уголовники под председательством

Тревора Ломаса, пытающиеся расшифровать несуществующий шифр, и их визита к юродивой Нелли воспринимаются как очевидная сатира на соответствующие эпизоды в низкопробных гангстерских боевиках американского производства. Стиль английских провинциальных церковноприходских журналов, помесь благолепия и развязного репортажа, изящно и тонко спародирован в «Черной Мадонне».

Как можно судить по новелле «Для зимы печальные подходят сказки», стилизация у Спарк не всегда носит пародийный характер. Этот рассказ относится к разновидности жанра, которую именуют «вариацией на тему». В его заглавие вынесена строка из «Зимней сказки» Шекспира: принц-отрок Мамиллий обещает рассказать королеве приличествующую этому времени года грустную сказку, но успевает произнести только первую фразу «У кладбища жил человек однажды». Отталкиваясь от этой фразы, Спарк создает коротенькую и вполне современную притчу о музыканте Селвине Макгрегоре, великом «выпивохе» и чудесном парне из той неунывающей породы людей, которую Шекспир прославил образом толстого рыцаря сэра Джона Фальстафа. Селвин, конечно, фигура помельче: не те нынче

времена пошли. Да и сказка про него кончается печально. Но, если поразмыслить, не так уж печально: ведь за всю жизнь он ни в чем ни разу себе не изменил, явив тем самым завидное для соотечественников постоянство натуры.

О стиле и языке произведений Спарк приходится говорить так подробно потому, что писательница заслуженно считается одним из самых блестящих стилистов современной английской прозы. Однако другими средствами и приемами художественной выразительности Спарк владеет не менее свободно. Намек, недоговоренность, фигура умолчания бывает в ее произведениях красноречивей всяких слов (см. рассказ «Темные очки»). Жест также. Когда, например, в новелле «Черная Мадонна» Лу «со всем вниманием» берется за статью и начинает читать, пропуская каждое второе предложение, основательность ее претензий на гуманитарную культуру проясняется как бы сама собой.

При том, что стиль Мюриэл Спарк отличается ясностью, а ход изложения — простотой и логичностью, назвать ее легким писателем вряд ли возможно. Ее произведения требуют внимательного, вдумчивого прочтения. В них нет ничего «непонятного», это подтверждается ее успехом

у самого широкого английского читателя. Но в качестве развлекательной беллетристики книги Спарк решительно не годятся. Чтобы проникнуть в идейный замысел писательницы, прочувствовать все многообразие оттенков и интонаций ее прозы, необходима встречная работа мысли.

В общении читателя с писателем умение читать зачастую не менее важно, чем умение писать. Старая истина, но в ее справедливости приходится убеждаться снова и снова. Творчество Мюриэл Спарк — лишнее тому доказательство.

В. Скороденко

Баллада о предместье
Повесть

Глава 1

— Пошел вон отсюда, свинья ты пакостная, — сказала она.

— Пакостная свинья сидит в каждом человеке, — сказал он.

— Постыдился бы хоть на глаза показываться, — сказала она.

— Да ладно вам, Мэвис, — сказал он.

На глазах у людей она хлопнула дверью у него перед носом, он нажал звонок, и она опять отперла.

— Позовите Дикси на пару слов, — сказал он.
— Ну, Мэвис, ну не глупите.

— Моей дочери, — сказала Мэвис, — нет дома.
— Она захлопнула дверь у него перед носом.

Он, видно, решил, что разговор удался. Влез в маленький «фиат» и поехал по Главной Парковой к Пустырю, где и остановился возле отеля «Парковый». Тут он закурил, вылез из машины и зашел в бар.

Трое пенсионеров в дальнем углу разом оторвались от телевизора и посмотрели на него. Один толкнул локтем приятеля. Женщина у стойки подперлась ладонью и сделала спутнику боль-

шие глаза.

Его звали Хамфри Плейс. Это он пару недель назад сбежал со своей свадьбы. Он пошел через улицу в «Белую лошадь» и пропустил там стаканчик горького пива. Потом сходил в «Утреннюю звезду» и в «Хитонский герб». Допивал он в «Глашатае».

Дверь пивной отворилась, и вошел Тревор Ломас. На глазах у людей он подошел к Хамфри и дал ему по зубам. Буфетчица сказала: «Обои убирайтесь вон».

— В жизни бы этого не было, кабы не Дугал Дуглас, — заметила одна женщина.

Он стоял у алтаря, Тревор — шафером за его спиной. Дикси вел под руку по проходу ее отчим Артур Кру. В церкви собралось побольше тридцати гостей. На другой день напечатали, будто Артур Кру сообщил репортерам: «Чуяло мое сердце, что эта свадьба добром не кончится». Но пока что он выводил из прохода Дикси, такую статную в свадебных сборках, темноглазую и чуть красноносую по случаю насморка.

Она сказала:

— Держись от меня подальше, Хамфри. А то подхватишь простуду. Достаточно, что я простудилась перед самой свадьбой.

Он возразил:

— А почему бы мне не подхватить от тебя простуду. Твои микробики перепрыгнут на меня, даже подумать приятно.

— Знаю я, где ты набрался таких мерзких мыслей. У Дугала Дугласа ты их набрался. Я хоть рада, что он уехал и не будет на свадьбе, а то как заставил бы всех щупать свою голову или еще что-нибудь.

— А мне Дугал нравился, — сказал Хамфри.

И вот они преклонили колени пред алтарем. Викарий читал над ними требник. Дикси достала из рукава кружевной платочек и тихонько высморкалась. От платочка на Хамфри пахнуло духами.

Викарий обратился к Хамфри: «Берешь ли ты эту женщину себе в жены?»

— Нет, — сказал Хамфри, — откровенно говоря, не беру.

Он поднялся с коленей и пошел напрямик к выходу. По рядам гостей пробежал шелест, как будто на скамьях сидели одни женщины. Хамфри вышел из дверей, сел в свой «фиат» и одинешенек поехал в Фолкстоун, где они собирались провести медовый месяц.

Он миновал парковую зону в объезд по Главной

Парковой до Льюишема, а там мимо голландского домика к Суонли, мимо Ротхэм Хилла по А-20-й и остановился в Диттоне перехватить стаканчик. За Мэйдстоуном он вкруговую объехал Эшфорд и опять остановился у пивной. В Фолкстоуне он свернул влево, к мотелю Лимпн, и на шоссе снова замелькали желтые фары французских автомобилей. Он заночевал в роскошном двухкомнатном номере, заказанном на медовый месяц, и заплатил двойную цену, не вступая в объяснения с администратором, который таращился на него и что-то бормотал.

— Убирайтесь вон, — сказала буфетчица. Хамфри встал, единым духом допил стакан, осмотрел свою приятную, даром что помятую физиономию в зеркале за спиной буфетчицы и скрылся вслед за Тревором Ломасом в осенних сумерках, а какая-то женщина вдогонку ему заметила:

— В жизни бы этого не было, кабы не Дугал Дуглас.

Тревор приготовился к драке, но Хамфри не пожелал сквитаться; он двинул к отелю «Парковый», где стояла его машина, а рядом — мотороллер Тревора.

Тревор Ломас догнал его.

— И чтоб я тебя здесь больше не видел, — ска-

зал он.

Хамфри остановился. Он спросил:

— Хочешь за Дикси приударить?

— А тебе-то что?

Хамфри врезал Тревору. Тревор врезал Хамфри. Завязалась драка. Две парочки, нагулявшиеся в интимной обстановке парковых сумерек, отошли к противоположному тротуару, склонились на перила у плавательного бассейна и пристроились поглазеть. Противники одинаково, хоть и на разный лад, попортили друг другу внешность, пока их не разняли зеваки, чтобы не мешать в дело полицию.

Хамфри дали от ворот поворот, осудили его нахальное поведение, и теперь семнадцатилетняя Дикси Морз — та самая, чья мать в свое время первой из пекхэмских девиц вышла замуж за американского солдата и первой вернулась из Штатов, — стояла у себя в комнатке на втором этаже № 12 по Главной Парковой и просматривала сберегательную книжку. За подсчетами она упражняла свои стройненькие бедра в такт песенке «Сцапали цыпку», которую напевала себе под нос.

Ее мать поднялась на второй этаж. Дикси спрятала книжку и сказала из-за прикрытой двери:

— Между прочим, я вовсе не нуждалась возобновлять с ним отношения. Я себя ронять не стану.

— И правильно, — сказала Мэвис из соседней комнаты.

— Он сам не свой стал с тех пор, как связался с Дугалом Дугласом, — сказала Дикси из-за стены.

— А мне Дугал нравился, — возразила Мэвис.

— А мне он не нравился. И Тревору не нравился, — сказала Дикси.

У входной двери позвонили, и Дикси насторожилась. Ее мать сошла вниз и что-то сказала отчиму. Они препирались, кому идти открывать. Дикси подошла к перилам и увидела, как ее сводный брат Лесли неторопливо удаляется по коридору от входной двери.

— Лесли, пойди отопри, — сказала Дикси.

Мальчик глянул на Дикси снизу вверх. Звонок раздался снова. Мэвис выскочила из полумрака гостиной.

— Ну, на этот раз он меня попомнит, — сказала она и отперла дверь. — А-а, Тревор, это ты, Тревор, — сказала она.

— Добрый вечер, Мэвис, — сказал Тревор.

Дикси быстро заскочила к себе, расчесала свои черные пряди и подкрасила губы. Когда она

спустилась в гостиную, Тревор уже сидел под торшером между матерью и отчимом, и все вместе досматривали телевизионную пьесу. У Тревора возле рта была наклеена полоска пластыря.

Пьеса кончилась. Мэвис вскочила и быстро — она все делала наспех — зажгла верхний свет. Муж ее Артур Кру улыбнулся всем по очереди, одернул пиджак и предложил Тревору сигарету. Дикси сидела нога за ногу и разглядывала кончик туфельки.

— Нипочем не догадаешься, кто к нам заявился нынче вечером.

— Хамфри Плейс, — сказал Тревор.

— Ты его разве видел?

— Как не видеть. Я его только что избил до полусмерти.

Отчим Дикси выключил телевизор и вместе со стулом повернулся к Тревору.

— По-моему, — сказал он, — так и следует поступать.

— Сле-ду-ет, — сказала Дикси.

— А никто и не говорил «сле-до-ва-ет». Я сказал «сле-ду-ет». Так что не лезь зазря в бутылку, девочка.

Мэвис приоткрыла дверь и крикнула:

— Лесли, поставь чайник. — Она просеменила

обратно к своему стулу. — С ума сойти, что делается, — сказала она. — Я тут как раз наливаю Дикси чай, а было так минут двадцать шестого, не больше, слышу — звонят. Я говорю Дикси: «Здрасте пожалуйста». Ну, иду к двери, а он собственной персоной стоит на крыльце. Он говорит: «Хэлло, — говорит, — Мэвис». Я ему говорю: «А ну-ка пошел вон». А он говорит: «Дикси можно повидать?» Я говорю: «Конечно, — говорю, — нельзя. Ты, — говорю, — пакостная свинья. Пошел, — говорю, — вон отсюда и не имей нахальства на глаза показываться», — это я-то ему. А он говорит: «Ну-ну, Мэвис». Я говорю: «Кому Мэвис, а тебе миссис Кру», и хлоп дверью прямо у него перед носом! — Она повернулась к Дикси и сказала: — А не выпить ли нам чайку?

Дикси сказала:

— Я с ним, между прочим, и разговаривать-то не стану, пусть не думает. А что он тебе сказал, Тревор?

Мэвис встала и вышла из комнаты, заметив:

— Уж где-где, а в этом доме ни от кого помощи не жди.

— Помоги матери, — рассеянно посоветовал Дикси Артур Кру.

— Он не говорил тебе, вернется он на прежнюю

работу? — спросила Дикси у Тревора.

Тревор уперся ладонями в колени и хохотнул.

Дикси посмотрела на толстомордого Тревора, потом на добродушную лысину отчима и заплакала.

— Вот он и вернулся, — сказал Артур. — Чего же плакать-то?

— Не плачь, Дикси, — сказал Тревор.

Дикси перестала плакать. Вошла Мэвис с чаем.

Дикси сказала:

— Он жутко некультурный. Посмотреть только на его сестру. Знаете, что Элси вытворила в первый раз на танцах?

— Нет, — сказала Мэвис.

— Ну, один парень к ней подошел и пригласил ее. А Элси: «Не могу, — говорит, — я вспотела».

— Что-то я от тебя раньше про это не слышала, — сказала Мэвис.

— Мне самой только что Конни Уидин рассказала.

Тревор коротко хохотнул.

— Он у нас вылетит из Пекхэма так же, как Дугал Дуглас.

— А по-моему, Дугал уехал сам, — сказал Артур.

— С подбитым глазом, — сказал Тревор.

А у старомодной стойки «Глашатая» несколько

свидетелей драки восстанавливали всю историю. Буфетчица сказала:

— Да еще месяца не прошло. В газетах небось читали. Ну, тот малый, что бросил девушку перед алтарем, он самый и есть. А она с Главной Парковой, фамилия — Кру.

Одна из трех домовладелиц сказала:

— Нет, ее зовут Дикси Морз. А Кру — это ее отчим. Уж я-то знаю, потому что она работает на «Мидоуз, Мид», в машинописном бюро, где бедняжка мисс Кавердейл заведовала. Мне про нее рассказывала мисс Кавердейл. А у парня место неплохое, он техник по холодильникам.

— А что за парень ему двинул?

— Сынишка старого Ломаса. Тревор его зовут. Электромонтер. Он на свадьбе шафером был.

— А я уж тут как тут, — вдруг запел старик, который обретался со своей женой где-то сбоку за стойкой, — в церквушке поджидал, в церквушке поджидал.

Его старуха ничего не сказала и не улыбнулась.

— Ну-ну, папаша, — сказала буфетчица.

Старик поднес ко рту трясущейся рукой стакан горького.

Еще до закрытия бара история разошлась по

окрестным пивным; там дополнили, что Хамфри тем же вечером звонил в дом № 12 по Главной Парковой.

И даже мисс Конни Уидин в баре одного из ресторанов прослышала, что Хамфри Плейс вернулся и что была драка; позже она имела об этом беседу со своим отцом, заведующим отделом кадров в фирме «Мидоуз, Мид и Грайндли», который в это время оправлялся от нервного потрясения.

— Жених Дикси вернулся, — сказала она.

— А шотландец вернулся? — сказал он.

— Нет, о нем не слышно.

Перед закрытием на свой пост у пивной заступила Нелли Маэни, та самая, которая на религиозной почве отошла от религии отцов. Ее седые космы развевал августовский ветерок. Она во всеуслышание заметила:

— Хвала господу, который сподобил руки слабых сокрушить сильных и чьим чудесам немеркнущим мы свидетели и в наши дни.

Остаток недели про Хамфри с Дикси говорили повсюду. Рассказали о возвращении жениха и негодному к несению воинской службы восемнадцатилетнему Колли Гулду, а тот поведал об этом местной шпане в закусочной «Слон». Наконец наутро, еще до перерыва, новости знал весь ниж-

ний этаж на «Мидоуз, Мид»: и прядильщица Доун Уэгорн, и ученица швеи Аннет Рен, и контролер качества Элен Кент, и мотальщица Одетта Хилл, и упаковщик Раймонд Лаузер, и шлихтовальщица Люсиль Поттер; оповещены были также учетчики, многие укладчики, сортировщики и работники конторы.

Но ни о чем не услышала мисс Мерл Кавердейл, недавняя заведующая машинописным бюро. Ни о чем не услышал мистер Друс, недавний управляющий. Не услышал ни о чем ни Дугал Дуглас, недавний специалист-гуманитарник, ни его квартирная хозяйка мисс Белла Фрайерн, которая смолоду знала всех в Пекхэме.

Однако через неделю все подробности перезабыли. Историю припоминали, если речь заходила о чьей-нибудь свадьбе. Одни говорили, что жених вернулся, покаялся и свадьбу все-таки сыграли. Иные говорили, что нет, он женился на другой, а невеста вышла за шафера. Интересовались тоже, не было ли прежде у невесты шашней с шафером. Иногда рассказывали, что невеста с горя сошла с ума, а жених застрелился в парке. Но все сходились на том, что он сказал «нет» в церкви, уехал со свадьбы одинешенек, а потом заявился к невесте.

Глава 2

Дикси с Хамфри только-только обручились, когда Дугал Дуглас поступил на службу в фирму «Мидоуз, Мид и Грайндли, фабриканты нейлонового текстиля» — небольшое, но растущее предприятие, как охарактеризовал его мистер Друс.

В ходе беседы мистер Друс сказал Дугалу:

— Мы чувствуем, что настало время специалисту-гуманитарнику внедрить у нас культуру. Индустрия должна идти рука об руку с культурой.

Мистер Друс, мужчина массивный, до облысения был блондином. Дугал, бывший исполнитель роли Риццо в студенческой постановке пьесы о Марии, королеве шотландской, изо всех сил постарался принять подобающий вид: он угрюмо и страстно воззрился на мистера Друса, выставил правое плечо, и без того весьма искривленное от природы, и уперся локтем в стол, устрашающе скрючившись. Дугал в полной мере одарил мистера Друса своей улыбкой: он ухмылялся все шире, показывая оба ряда молодых белых зубов, и помахал кистями рук. Мистер Друс глаз от него

не мог оторвать, и Дугал это понимал.

— Я чувствую, что без меня вам не обойтись, — сказал Дугал. — Что-то подсказало мне это нынче утром, не успел я проснуться.

— Так ли это? — сказал мистер Друс. — Так ли это?

— Так мне кажется, — сказал Дугал, — но я могу и обмануться.

— Видите ли, — сказал мистер Друс, — предупреждаю вас, что мы должны ознакомиться с другими кандидатурами и не можем в данный момент принять окончательное решение.

— Вот именно, — сказал Дугал.

При второй встрече мистер Друс прохаживался по кабинету, а Дугал сидел раскидисто, как араукария, и только глазами всюду следовал за мистером Друсом.

— Законы индустриального мира покажутся вам жестокими, — сказал мистер Друс.

Дугал изменился в лице и принял вид профессора. Он положил локоть на спинку стула и доброжелательно посмотрел на мистера Друса.

— Мы учреждаем для вас новую должность, — сказал мистер Друс. — Собственно, кадрами у нас уже заведует мистер Уидин. Ему нужен помощник. Чувствуется, что у нас не хватает че-

ловека с кругозором. Мы чувствуем, что вас надо отдать под начало Уидину. Но большей частью вам придется работать самостоятельно, на свой страх и риск, — так мы чувствуем. Но, разумеется, вы будете под началом у Уидина.

Дугал подался вперед и стал телерепортером. Мистер Друс остановился и посмотрел на него с удивлением.

— Скажите, — промурлыкал Дугал, — а вы не могли бы в общих чертах определить круг моих обязанностей?

— Целиком и полностью на ваше усмотрение. Мы чувствуем, что у нас найдется дело для специалиста-гуманитарника, который расширит кругозор нашим рабочим. Отличные люди, но чувствуется, что им не хватает кругозора. Расчет движений сделал на фабрике чудеса. Был тут у нас аспирант из Кембриджа, консультант по динамике труда. Выпуск продукции возрос на тридцать процентов. Он детально рассчитал движения, необходимые для выполнения того или иного производственного процесса, и разработал простейшие схемы, предполагающие минимальную затрату времени и энергии.

— Минимальную затрату времени и энергии! — подчеркнул Дугал.

— Минимальную затрату времени и энергии, — сказал мистер Друс. — Любое движение нашего рабочего теперь экономит время и силы, необходимые для работы на конвейере. Сами увидите — на фабрике всюду висит лозунг: «Силы и время сэкономишь — и конвейер не остановишь».

— И конвейер не остановишь! — сказал Дугал.

— И конвейер не остановишь, — сказал мистер Друс. — Как я уже сказал, эксперт был из Кембриджа. И чувствовалось, что кембриджскому выпускнику не место в отделе кадров. Мы чувствуем, что лично вам надо теснее связаться с рабочими или, выражаясь по-нашему, с персоналом; вам надо, знаете, быть в курсе. Но, конечно, законы индустриального мира покажутся вам жестокими.

Дугал скособочился на стуле и уставился в окно на железнодорожный мост: теперь это был кривобокий деятель с кругозором.

— В сердце индустриального мира, — сказал Дугал, — бурлит людская жизнь. И я стану деловито щупать массовый пульс и проникать в индустриальные глубины Пекхэма.

Мистер Друс сказал:

— Именно. Вы должны перекинуть мост через пропасть и протянуть руку помощи. Прогулы,

— сказал он, — вот одна из наших проблем.

— Наверное, им надоело работать, — сказал Дугал, на мгновение рассредоточившись.

— Я бы не сказал, что надоело, — сказал мистер Друс. — Надоело — это не то слово. «Мидоуз, Мид» славится своим умением обращаться с рабочим персоналом. У нас уже имеется план повышения квалификации, план досуга и план наградных. Правда, у нас еще нет плана пенсионного обеспечения, плана браков или плана похорон, но это придет со временем. Мы представляем собой сравнительно небольшое предприятие, согласен, но мы растем.

— Мне предстоит, — мыслил вслух Дугал, — исследовать их внутреннюю жизнь. Исследовать истинный Пекхэм. Надо раскопать духовный родник местности, ее величественную историю, прежде чем я смогу предложить нечто конструктивное.

Мистер Друс выказал некоторое волнение.

— Но только никаких гуманитарных лекций, — сказал он, собираясь с силами. — Мы это опробовали. Лекции имели мало успеха. Работники, то есть персонал, не любят возвращаться на фабрику после рабочего дня. Слишком много развлечений на стороне. А наша цель — стать

единой счастливой семьей.

— Индустрия, — возвестил Дугал, — имеет у нас славные традиции. Не так ли? И персонал должен осознать эти традиции.

— Славные традиции, — сказал мистер Друс. — Да, это так, мистер Дуглас. Пожелаю вам успеха, и теперь мне хочется, раз уж вы здесь, свести вас с мистером Уидином. — Он нажал на столе кнопку и попросил в микрофон вызвать к нему мистера Уидина.

— Мистер Уидин, — сказал он Дугалу, — не специалист по гуманитарной части. Но свое дело он знает вдоль и поперек. Отличные люди у нас в отделе кадров. Вы прекрасно поладите с кадровиками, если не будете наступать им на мозоли. Разумеется, есть еще Отдел благосостояния. Вам волей-неволей надо будет соприкасаться с благосостоянием. Но мы чувствуем, что вам надо самому изыскать свои пути и работать на свой страх и риск Да, войдите, мистер Уидин, и познакомьтесь с мистером Дугласом, магистром искусств, — он у нас человек новый. Мистер Дуглас окончил Эдинбургский университет и займется изучением персонала.

Одно дело — покупать провизию в центре, другое — в Кенсингтоне или Вест-Энде, и уж совсем

третье — в пекхэмских переулочках, особенно если вы с виду молоды или неопытны. Завсегдатаи лавчонок Пекхэма кровно заинтересованы в том, что вы купите Они заботятся, чтоб вас не надули. Иной раз задаются вежливые вопросы, как-то: где вы работаете? Что у вас за должность? Как вы устроились? Сколько с вас берут за квартиру? Только ответьте — и вас оповестят, что платят вам прилично или что за квартиру с вас дерут втридорога, как оно иной раз бывает. Дугал зашел субботним утром в бакалейную лавочку и спросил кусок сыра. Рядом с ним перед прилавком стояли молодая женщина с детской коляской и женщина постарше, а за его спиной откуда ни возьмись обнаружился старик. Бакалейщик положил сыр на весы.

— Не подсовывайте ему этот кусок, — сказала молодая женщина, — он запотел.

— Смотри, сынок, что тебе подсовывают, — сказал старик.

Бакалейщик убрал с весов кусок сыра и взял другой.

— Вам так много совсем не нужно, — сказала женщина постарше. — Вам ведь только для себя?

— Только для себя, — сказал Дугал.

— Значит, вам надо спросить две унции, — ска-

зала она. — Отвесьте ему две унции, — сказала она. — Из Ирландии приехал, сынок?

— Нет, из Шотландии, — сказал Дугал.

— А я по говору думал, что он ирландец, — заметил старик.

— И я тоже, — сказала молодая женщина. — А так на слух ирландцы вроде шотландцев.

Женщина постарше сказала:

— Век живи — век учись, сынок. Ты где устроился?

— Да пока что снял комнату в Брикстоне. Вот ищу, нет ли чего поближе.

Бакалейщик забыл свои огорчения и показал пальцем на Дугала.

— Тут подальше, на Парковой улице, живет одна леди, фамилия Фрайерн; к ней вам и надо. У нее славные комнатки, вам подойдут. Сдает только джентльменам. А леди ни за что не сдаст, это уж нет.

— Кто такая? — спросила молодая женщина. — Что-то я ее не знаю.

— Не знаете мисс Фрайерн? — сказал старик.

Женщина постарше сказала:

— Она тут всю жизнь прожила. Этот дом ей от отца остался. Раньше они перевозкой мебели промышляли.

— Дайте мне адрес, — сказал Дугал, — и я буду вам весьма обязан.

— Берет она, по-моему, недешево, — сказала женщина постарше. — Как у тебя с работой, сынок?

Дугал облокотился на прилавок так, что его кривое плечо искривилось еще больше. Он повернул к ней свою тощую физиономию.

— Я поступил на службу в «Мидоуз, Мид и Грайндли».

— Слыхали про таких, — сказала молодая женщина. — Приличная фирма. У Уэгорнов девчонка там работает.

— Мисс Фрайерн берет за комнату шиллингов тридцать — тридцать пять, не меньше, — сообщила бакалейщику женщина постарше.

— Включая плату за отопление и свет, — сказал бакалейщик.

— Нет, уж извините, — сказала женщина постарше. — У нее счетчики висят по всем комнатам, я это точно знаю. Скажете тоже — включая плату! Не те сейчас времена, чтобы включать.

Бакалейщик зажмурился, отвернулся от нее и открыл глаза, обратившись к Дугалу.

— В общем, если у мисс Фрайерн есть свободная комната, то вам просто здорово повезло, — сказал

он. — Сошлитесь ей на меня.

— Кем работаешь-то? — спросил у Дугала старик.

— В конторе, — сказал Дугал.

— В конторе невелики заработки, — сказал старик.

— Смотря у кого, — сказал бакалейщик.

— Есть надежды на будущее? — спросила у Дугала женщина постарше.

— Конечно, есть, — сказал Дугал.

— Пусть идет к мисс Фрайерн, — сказал старик.

— Ты не с военной службы? — спросила женщина постарше.

— Нет, забраковали меня.

— Куда ж ему с его увечьем, — сказал старик, показывая на плечо Дугала.

Дугал кивнул и потрепал себя по плечу.

— Это вам повезло, — сказала молодая женщина и расхохоталась.

— Нельзя ли позвать мисс Фергюсон? — сказал Дугал.

Голос на другом конце провода сказал:

— Подождите. Сейчас посмотрю.

Дугал стоял с трубкой возле уха и обозревал темные панели холла мисс Фрайерн.

Наконец она подошла.

— Джинни, — сказал Дугал.

— Ах, это ты.

— Нашел комнату в Пекхэме. Могу подъехать повидаться с тобой, если хочешь. Как?..

— Слушай, у меня тут молоко на плите. Я тебе перезвоню.

— Джинни, ты как себя чувствуешь? Мария Чизмен хочет, чтобы я написал ее автобиографию.

— Оно сбежит. Я тебе перезвоню.

— Ты же не знаешь номера.

Но она повесила трубку.

Дугал оставил четырехпенсовик на телефонном столике и поднялся на самый верхний этаж дома мисс Фрайерн, в свою новую комнату.

Здесь он уселся на пол среди пожитков, наполовину вываленных из саквояжа. Комнату украшала великолепная медная кровать. Такие кровати снова входили в моду. Но мисс Фрайерн этого не знала. Именно и только за этот предмет обстановки она принесла извинения; она пояснила, что кровать тут стоит временно и что скоро ее заменит односпальный диван. Дугал понял, что об этом ее благом намерении слыхивал не один новичок. Он заверил ее, что медная кровать с шишечками и балдахином ему как раз по душе. Только вот нельзя ли снять занавесочку? Мисс

Фрайерн сказала, что нет, без занавесочки будет плохо, а скоро она поставит вместо кровати односпальный диван. Да нет же, сказал Дугал, кровать мне нравится. Мисс Фрайерн про себя порадовалась, что ей попался такой обходительный постоялец.

— Она мне в самом деле нравится, — сказал Дугал, — даже больше, чем все остальное.

Ему понравилось, что из двух окон виден небесный простор, а внизу — продолговатая лужайка у дома мисс Фрайерн и такие же лужайки у соседей; поодаль теснились садики при домах на другой улице, но эти уже заброшенные, заросшие, с кучами хлама и сарайчиками для мотоциклов; не то что у мисс Фрайерн и ее соседей — опрятненькие, с бордюрами, а иные и со шпалерными беседками.

Он увидел дверцу высотой фута в четыре там, где стена сходилась с чердачным потолком. Он открыл ее и обнаружил глубокий стенной шкаф длиной во весь отсек. Пригнувшись, Дугал забрался в шкаф и выяснил, что он может там гулять почти в полный рост. Он обрадовался, хотя пещера была ему пи к чему, и начал раскладывать рубашки по ящикам темного комода. Он погладил скос потолка на уровне своей головы.

Побелка осыпалась под его пальцами. Он спустился позвонить Джинни. У нее было занято.

Линолеум в его комнате был сделан под паркет и глянцевито лоснился. На обширном пространстве пола островками располагались три вышитых коврика — два маленьких и один побольше. Дугал набросал понемногу одежды в каждый островок и протащил их по сияющему полу к гардеробу. Он отомкнул свою пишущую машинку и прибрал все вещи так, как это делала для него Джинни в его студенческие годы в Эдинбурге. Однажды, на последнем году тамошней жизни, они любовались на корабли в Литских доках, и она сказала: «Я, пожалуй, перегнусь через перила. Опять у меня с желудком не в порядке». Ее болезнь только начиналась, но он и тогда не выказал никакого сочувствия. «Джинни, все подумают, что ты пьяная. Выпрямись». Проболев немного, она прекратила называть его «кривуленком», озлобилась и стала называть «свиньей бесчувственной» и «гаденышем». «Тебя я люблю, а болезней терпеть не могу», — говорил он. Но в то время он иногда еще кое-как навещал ее в больнице. Он защитил диплом и прослыл в пивных легкомысленным, ибо не был националистом. Джинни на год перенесли защиту, и он провел

этот год во Франции, а потом в Лондоне, где жил в Эрлс-Корте и вконец растратился, поджидая Джинни.

Почти месяц он изо дня в день бывал в Челси, обхаживая бывшую актрису и певицу Марию Чизмен, которая в свое время выступала на пару с теткой Джинни.

Наконец он поехал встречать Джинни на Кингс-Кросс и различил еще издали ее румяное скуластое лицо и прямые каштановые волосы. Они спокойно могли бы пожениться месяцев через шесть.

— Мне снова придется лечь в больницу, — сказала Джинни. — На этот раз на операцию. Мне дали письмо к одному хирургу в Миддлсекской клинике. Ты меня будешь там навещать? — спросила она.

— Нет, честно говоря, не буду, — сказал Дугал. — Ты же знаешь, меня к больным силком не затащить. Я. буду тебе писать каждый день.

Она сняла комнату в Кенсингтоне, через две недели легла на операцию, выписалась в субботу и перед этим написала Дугалу, что ему незачем приходить к больнице ее встречать, и она рада, что он нашел работу в Пекхэме и занялся жизнеописанием Марии Чизмен, и надеется, что он

многого добьется в жизни.

— Джинни, я нашел комнату в Пекхэме. Могу подъехать повидаться с тобой, если хочешь.

— У меня молоко на плите. Я тебе перезвоню.

Дугал примерил новую рубашку и наклонил зеркало на туалетном столике, чтобы лучше себя рассмотреть. По-видимому, Пекхэм уже выявил в нем такое, что Эрлс-Корту и не снилось. Он вышел из комнаты и спустился по лестнице. Мисс Фрайерн вышла из своей гостиной.

— Все ли у вас есть, что нужно, мистер Дуглас?

— Мы с вами, — сказал Дугал, — заживем душа в душу.

— У вас хорошо пойдут дела в «Мидоуз, Мид», мистер Дуглас. У меня бывали жильцы из «Мидоуз, Мид».

— Зовите меня просто Дугал, — сказал Дугал.

— Дуглас, — сказала она. У нее выходило «Доуглас».

— Нет. *Дугал.* Дуглас — моя фамилия.

— Ах, Дугал Дуглас. Зовут, значит, Дугал.

— Правильно, мисс Фрайерн. Каким автобусом ехать от вас в Кенсингтон?

— Это моя единственная тайная слабость, — сказал он Джинни.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — До

смерти ненавижу болезни.

— Будь великодушнее, — сказал он, — будь сильнее. Будь настоящей женщиной, Джинни.

— Пойми меня, — сказал он, — попытайся понять мой роковой недостаток. Он есть у всех.

— Сейчас мне нужно прилечь, — сказала она. — Я позвоню тебе, когда буду себя получше чувствовать.

— Позвони мне завтра.

— Хорошо, завтра.

— В какое время?

— Я не знаю. Как-нибудь.

— Послушать тебя — так можно подумать, будто ты со мной не жила, — сказал он. — Позвони мне завтра в одиннадцать утра. Ты к этому времени проснешься?

— Хорошо, в одиннадцать.

Он облокотился на спинку стула. Она не шелохнулась. Он томно улыбнулся. Она закрыла глаза.

— Ты не спросила моего номера, — сказал он.

— Хорошо, оставь свой номер.

Он написал номер на клочке бумаги и возвратился на южный берег реки, в Пекхэм. Здесь, перед входом в распивочную «Утренняя звезда», дорогу ему пересекла облаченная в лохмотья Нелли Маэни. Она вопила: «Хвала господу предвечному

и всемогущему, мудро распределившему дары свои, славному во праведниках и взыскующему справедливых». Когда Дугал заказал выпивку, к нему подошел Хамфри Плейс. Дугал вспомнил, что Хамфри Плейс, техник по холодильникам из «Морозильщика», — его сосед с нижнего этажа и что этим утром мисс Фрайерн представила их друг другу. Потом она сказала Дугалу: «Парень опрятный и на хорошем счету».

Глава 3

— Это в каком же смысле особенный? — спросила Мэвис.

— Не знаю, как вам сказать. Ну, какой-то особенный. Шутки строит. Смешит всех, — сказала Дикси.

— Парень как парень, — сказал Хамфри. — Хороший малый. Не хуже любого другого.

Но Дикси видела, что он хитрит. Хамфри прекрасно знал, что Дугал особенный. Недели две Хамфри только и говорил, как они вдвоем с Дугалом допоздна сидят и болтают там у мисс Фрайерн.

— Вот и прихватили бы его разок на чашку чая, — сказал отчим Дикси. — Поглядим хоть на него.

— Он же в конторе, не чета нашему брату, — сказала Мэвис.

— Занят научной работой, — сказала Дикси. — Мозги ему вроде положены по должности. Но держится он запросто, ничего не скажешь.

— Он не задается, — сказал Хамфри.

— А ему и не для чего задаваться, — сказала Дикси.

— Не не для чего, а не с чего.

— Не с чего, — сказала Дикси, — задаваться. Что он, лучше нас, раз у него в двадцать три года хорошая должность?

— Зато сверхурочно работает задаром, — сказала Мэвис.

— Какие мы, такой и он, — сказала Дикси.

— Ты же сама сказала, что он особенный.

— Ну и все равно не лучше нас. Не знаю, чего ты с ним по ночам болтаешь.

Хамфри допоздна засиделся у Дугала.

— У меня отец по той же специальности. Хоть он и пишется наладчиком. А работа та же.

— Вернее и достойнее, — сказал Дугал, — вам зваться техником по холодильникам. В этом есть своя лирика.

— Самому-то мне это неважно, — сказал Хамфри. — Но для профсоюзов большая разница, как твоя специальность называется. Мой папаша этого не понимает.

— Вы любите медные кровати? — спросил Дугал. — Такие самые были у нас дома. Мы всегда отвинчивали шишечки и набивали их окурками.

— Согласно обычному праву, — сказал Хамфри, — профсоюз не имеет власти предпринимать против своих членов дисциплинарные меры.

Согласно обычному праву профсоюз не может оштрафовать, отстранить от должности или лишить членства. Это возможно лишь на договорных началах. То есть по условиям контракта.

— Вот именно, — сказал Дугал, развалившись на медной кровати.

— Представьте себе такой случай, — сказал Хамфри. — Вот, допустим, исключили члена из профсоюза, оперирующего в пределах данного предприятия.

— Какой ужас, — сказал Дугал, пытаясь отвинтить медную шишечку.

— Но это все вам, может, и не особо понадобится, — сказал Хамфри. — Для изучения персонала вам прежде всего надо знать о третейском решении профессиональных диспутов. Тут имеется Акт о примирительном производстве от 1896 года и Акт о промышленном разбирательстве от 1919 года, но вам, пожалуй, не стоит в них так уж вникать. Вам лучше изучить Постановление о диспутах на предприятиях от 1951 года. Хотя маловероятно, чтобы у вас был диспут с фирмой «Мидоуз, Мид и Грайндли». Впрочем, у вас могут возникнуть разногласия.

— А что, есть разница?

— Громадная разница. Иногда только судом и

можно решить, имел место диспут или же разногласие. Дело доходило до суда второй инстанции. Я вам предоставлю материалы. Разногласие касается того, соблюдает ли данный наниматель пункты данного обязательства по найму. Диспут же есть дебат между нанимателем и работником относительно самих пунктов обязательства или условий работы.

— Кошмар, — сказал Дугал. — Вы, наверное, на это немало сил положили.

— Я прослушал курс. Но и вы скоро разберетесь, что к чему в производственных отношениях.

— Упоительно, — сказал Дугал. — Я пока только и делаю, что всем упиваюсь. А знаете ли вы, что я вычитал на днях в прессе? Новости с ярмарки по дороге в Кэмберуэлл-Грин.

— С ярмарки?

— Как сообщает нам кольберновский календарь увеселений на 1840 год. — сказал Дугал. Он достал записную книжку, оперся на локоть, выставил увечное плечо и прочел:

«Здесь, и только здесь, можно увидеть то, чего вы не увидите нигде в другом месте: свежепойманную и высокообразованную юную русалку, о которой столь завлекательно писали в континентальных газетах. Она причесывается так, как

велят последние китайские моды, и любуется на себя в зеркало, как мода велит повсеместно. Лучшие наставники образовали ее ум, и теперь она с охотой поддерживает беседу о любом предмете, от наиобычнейших способов запасать впрок сливы до насущных перемен в кабинете министров. Она играет на арфе в новом эффектном стиле, предписанном магистром Боча, каковой по нашей просьбе должен был давать ей уроки, но, имея стыдливость поистине русалочью, она умоляла подобрать ей менее известного наставника. Будучи столь умна и образованна, она не терпит себе противоречия и недавно выпрыгнула из своей лохани и сшибла с ног почтенного члена Королевского зоологического общества, каковому угодно было выказать более любопытства и хитроумия, нежели ей было угодно признать желаемым. Она сочиняет для журналов различных родов поэмки, а также мелодические вариации для арфы и фортепьяно, весьма народного и приятного свойства». Дугал грациозно отбросил записную книжку.

— Как бы я хотел познакомиться с русалкой! — сказал он.

— Кошмар, — сказал Хамфри. — Вы это сами сочинили?

— Нет, я это выписал из одной старой книги в библиотеке. Плод изучения. Мендельсон создал свою «Весеннюю песню» в Рэскин-парке. А Рэскин обитал в Денмарк-Хилле. А миссис Фитцгерберт жила на Кэмберуэлл-Гроув. А королева Боадицея покончила с собой в пекхэмском парке — надо думать, где-нибудь возле нынешнего крикетного поля. Но шутки в сторону, вы бы хотели обручиться с русалкой, которая сочиняет стихи?

— Упоительно, — сказал Хамфри.

Дугал впился в Хамфри взглядом, будто собирался глазами пить из него кровь.

Друг Хамфри Тревор Ломас сказал, что Дугал небось интересуется мальчиками.

— Да нет, вряд ли, — возразил Хамфри. — У него где-то есть девушка.

— А может, ему без разницы.

— Может быть.

Дугал сказал:

— Босс посоветовал мне общаться с каждым жителем района независимо от его социального положения. Я хочу общаться с этой русалкой.

Дугал включил проигрыватель, одолженный у Элен Кент с текстильной фабрики, и поставил пластинку. Это был квартет Моцарта. Он отшвырнул ногой коврики и станцевал под музыку на

голом полу, судорожно дрыгая руками. Когда пластинка кончилась, он остановился, постелил коврики на место и сказал:

— Мне нужно ознакомиться с деятельностью молодежных клубов. Надо полагать, Дикси посещает какой-нибудь молодежный клуб?

— Нет, не посещает, — довольно поспешно сказал Хамфри.

Дугал откупорил бутылку алжирского вина. Он старательно извлек из бутылки длинным пинцетом кусок раскрошившейся пробки. Он представил пинцет на обозрение.

— Этим пинцетом, — сказал он, — я выщипываю волоски, которые произрастают у меня в ноздрях и портят мой внешний вид. Со временем я потеряю этот пинцет и уж тогда куплю новый.

Он положил пинцет на постель. Хамфри взял его, осмотрел и положил на туалетный столик.

— Дикси должна бы знать, — сказал Дугал, — что делается в молодежных клубах.

— Нет, она не знает. Она к этим клубам не имеет никакого отношения. В Пекхэме есть классовые различия и внутри классов.

— Дикси — это рабочая аристократия, — сказал Дугал. Он налил вина в две стопки и протянул одну из них Хамфри.

— Ну, я бы сказал, средний класс. Никто ведь не задается, не в этом дело, это вопрос самосознания.

— Или класс пониже среднего, — сказал Дугал.

Хамфри как бы усомнился, не звучит ли это оскорбительно. Но потом успокоился. Он сощурился, откинул голову на спинку стула и развалился в излюбленной позе Дугала.

— Дикси копит, — сказал он. — Она только о том и думает, как бы подкопить и выскочить замуж. А теперь она еще и не то надумала. Оказывается, мне тоже нужно прирабатывать, и поэтому хватит с нас и одного вечера в неделю.

— Должно быть, — сказал Дугал, — ее роковой недостаток — это скопидомство. У каждого есть свой роковой недостаток. Если она захворает, как вы на это посмотрите, вам не будет противно?

Днем в субботу Дугал прогуливался с мисс Мерл Кавердейл по большому припарковому солнечному пустырю. Мерл Кавердейл заведовала машинописным бюро в фирме «Мидоуз, Мид и Грайндли». Ей было тридцать семь лет.

Дугал сказал:

— Мое одинокое сердце обуревает меланхолия, и оно тихо блаженствует.

— Вдруг кто-нибудь услышит, что вы так го-

ворите.

— С вами кидает то в жар, то в холод, — сказал Дугал. — Вы похожи на окапи, вот что я вам скажу, — сказал он.

— На кого?

— Окапи — редкое животное с берегов реки Конго. Оно немножко похоже на оленя, но строит из себя жирафа. Оно полосатое, изо всех сил вытягивает шею, и уши у него как у осла. В нем всего понемногу. В неволе живет всего несколько штук. Оно очень робкое.

— И чем это я, по-вашему, на него похожа?

— Тем, что вы такая робкая.

— Это я робкая?

— Да. Вы даже не сказали мне, что живете с мистером Друсом. Вот вы какая робкая.

— О, мы всего лишь дружим. До вас дошли ложные слухи. А почему вы решили, что я с ним живу? Кто вам это сказал?

— Я ясновидящий.

Они подошли к воротам парка, и, когда он повел ее внутрь, она сказала:

— Так мы никуда не придем. Надо будет возвращаться той же дорогой.

— Нет, придем, — сказал Дугал, — эта дорога ведет на гору с одним деревом и к двум кладбищам,

Старому и Новому. Какое вам больше нравится?

— Не пойду я ни на какое кладбище, — сказала она и, расставив ноги, уперлась в проходе, будто он собирался тащить ее силой.

Дугал сказал:

— Можно прелестно прогуляться по Новому кладбищу. Пропасть ангелов. Красота. Вы меня удивляете. Кто вы: свободная женщина или раба предрассудков?

Она все-таки пошла с ним через кладбище и даже показала ему башню крематория, которая виднелась неподалеку. Дугал изобразил из себя ангела на неказистом надгробии какой-то могилы. Он изобразил кривобокого черного ангела со зловещей застывшей улыбкой и растопыренными в небе пальцами. Поначалу она как будто удивилась. Потом рассмеялась.

— Забавляетесь? — сказала она.

На обратном пути по тенистым улочкам-аллейкам и потом через пустырь она рассказала ему, как она уже шесть лет живет с мистером Друсом и про жену мистера Друса, которая никогда не бывает на ежегодных банкетах и вообще-то никакая ему не жена.

— Не понимаю, как они ухитряются жить вместе, — сказала она. — Никаких чувств друг к другу.

Это аморально.

Она рассказала Дугалу, что разлюбила мистера Друса, но никак не может порвать с ним и не знает почему.

— Вы к нему привыкли, — сказал Дугал.

— Видимо, да.

— Но вы чувствуете, — сказал Дугал, — что в вашу жизнь закралась ложь.

— Да, — сказала она. — Вы прямо читаете мои сокровенные мысли.

— К тому же, — сказала она, — у него есть разные странности.

Дугал скосил глаза и поглядел на нее, не поворачивая головы. Он увидел, что она точно так же глядит на него.

— Что за странности? Говорите, не стесняйтесь, — сказал Дугал. — Нехорошо застревать на полуслове.

— Нет, — сказала она. — Нечего нам с вами обсуждать поведение мистера Друса. Он все-таки и вам и мне начальство.

— Я его не видел, — сказал Дугал, — с тех пор, как он принимал меня на службу. Он, наверно, забыл обо мне.

— Нет, он все время про вас вспоминал. А на днях даже вызывал вас к себе. Вас тогда не было

в конторе.

— В какой день это случилось?

— Во вторник. Я сказала, что вы отлучились в связи с изучением персонала.

— Так оно и было, — сказал Дугал. — Я отлучался в связи с изучением персонала.

— В «Мидоуз, Мид» ни о ком не забывают, — сказала она. — Через пару недель он поинтересуется, что вы успели изучить.

Длинная холодная рука Дугала скользнула сзади по ее пальто. Она была такая коротышка, что рука легко доставала докуда угодно. Он пощекотал ее.

Она поежилась и сказала:

— Только не средь бела дня, Дугал.

— Средь темной ночи, — сказал Дугал, — я, чего доброго, могу заплутаться.

Она залилась грудным смехом.

— Расскажите мне, — сказал Дугал, — про самую крупную из мелких привычек мистера Друса.

— Он как ребенок, — сказала она. — Не знаю, чего я за него держусь. Я много раз могла уйти из «Мидоуз, Мид». Я могла перейти на службу в большую фирму. Вы ведь не думаете, что «Мидоуз, Мид» — большая фирма, или, может, случайно думаете? Потому что если вы так думаете, то

позвольте вам сказать, что «Мидоуз, Мид» сравнительно очень маленькая. Очень маленькая.

— А я думал, что большая, — сказал Дугал. — Может быть, потому, что у вас там всюду столько стекла.

— Раньше никаких перегородок не было, — сказала она. — Все сидели на виду, даже мистер Друс. Но потом начальство захотело уединиться, и мы поставили стеклянные перегородки.

— Мне нравятся эти стеклянные домики, — сказал Дугал. — Когда я в конторе, я чувствую себя помидором, который положили дозревать.

— А когда это вы в конторе?

— Мерл, — сказал он, — Мерл Кавердейл, запомните, что я по натуре труженик. Но приходится пропадать там да сям по причине все того же изучения персонала.

Они приближались к парковым улицам, где автобусы сверкали на солнце. Прогулка была на исходе.

— О, мы почти пришли, — сказала она.

Дугал показал на дом справа.

— А вон детскую коляску, — сказал он, — выкатили на балкон без перил.

Она посмотрела и в самом деле увидела коляску на выступе перед окном третьего этажа, где она

еле-еле умещалась. Она сказала:

— Да их под суд надо отдать. Там же ребенок, в этой коляске.

— Нет, это просто кукла, — сказал Дугал.

— А вы откуда знаете?

— Не в первый раз вижу. В этом доме фабрика детских колясок. А этот экземпляр для рекламы.

— Ох, я так перепугалась.

— Давно вы живете в Пекхэме? — спросил он.

— Двенадцать лет с половиной.

— И не замечали этой коляски?

— Нет, как-то не замечала. Наверно, недавно выставили.

— Таких колясок давным-давно не делают. На самом деле эта коляска стоит здесь двадцать пять лет. Видите, вы просто на нее внимания не обращали.

— Я не люблю ходить напрямик по парковым улицам. Давайте немножко покружим. Заглянем в Старый Английский парк.

— Расскажите мне еще, — сказал Дугал, — про мистера Друса. Вы с ним разве не по субботам встречаетесь?

— По субботам, только не днем. Вечерами.

— И сегодня вечером увидитесь?

— Да, он придет к ужину.

— А днем он, наверно, копается в своем садике. По субботам он ведь этим занят?

— Нет. Если уж на то пошло, хотите верьте, хотите нет, но по утрам в субботу он едет в Вест-Энд и ходит по большим магазинам. Он там катается вверх-вниз на лифтах. А после этого отдыхает. Настоящий ребенок.

— Надо думать, он испытывает при этом сексуальное удовлетворение.

— Какие глупости, — сказала она.

— Чудный тряский лифт, — сказал Дугал. — Не какой-нибудь новый, с плавным ходом, а такой, что ии-ээх как спускается вниз. — И Дугал подскочил и спружинил, подогнув колени, чтобы изобразить лифт. Двое или трое прохожих в аллее Старого Английского парка оглянулись на него. — Лично я, — сказал Дугал, — настраиваюсь на сексуальный лад при одной мысли об этом. Я отлично понимаю, как влекут к себе мистера Друса эти старые лифты. Ии-ээх!

Она сказала:

— Бога ради, говорите тише, — и закатилась своим грудным смехом.

Дугал подергал одинокий белокурый завиток среди ее каштановых волос, и она дала ему такого хорошего тычка, какого мужчины не получали

от нее уже лет двадцать.

Он спустился с нею по Нанхед-лейн; их пути расходились возле сборных домов на Коста-роуд.

— Нынче вечером я приглашен на чай домой к Дикси, — сказал он.

— Не знаю, почему вас тянет в такую компанию, — сказала она.

— Ну конечно, вы же заведуете целым бюро, а Дикси у вас какая-то машинисточка, — сказал он.

— Вы меня не так поняли.

— Давайте-ка погуляем еще утром в понедельник, если будет хорошая погода, — сказал он.

— В понедельник утром я работаю. Мне надо быть на работе, не то что вам.

— Девочка моя, да прогуляйте вы понедельник, — сказал Дугал. — Прогуляйте понедельник, и все тут.

— Хэлло. Заходите. Рады вас видеть. Вот ваш чай, — сказала Мэвис.

Вся семья уже поела, а для Дугала был оставлен прибор. На ужин были холодный окорок, язык и картофельный салат с бутербродами, а потом чай с фруктовым тортом. Дугал принялся есть, а Мэвис, Дикси и Хамфри Плейс смотрели на него с разных сторон. Когда он покончил с едой, Мэвис

наполнила чашки, и началось общее чаепитие

— Эта мисс Кавердейл из бюро, — сказала Мэвис, — загоняет Дикси до смерти. По-моему, она хочет от нее избавиться. С тех пор как Дикси обручилась, она прямо ужас что выделывает, верно, Дикси?

— Было без пятнадцати четыре, — сказала Дикси, — а она подходит со сметой и говорит: «Срочная», так и сказала: «Срочная». Я говорю: «Извините, мисс Кавердейл, но у меня уже две такие срочные». Она говорит: «Ну, пока еще только без пятнадцати четыре». *«Только,* — я говорю, — *только* без пятнадцати четыре. А вы знаете, сколько времени идет на одну смету? Может, вы думаете, мисс Кавердейл, что я могу и без чаю обойтись?» Она говорит: «Ох, Дикси, с вами сущее наказание», — и пошла к себе. Я вскочила и говорю: «Повторите», — говорю. Я говорю...

— Надо было сообщить о ее поведении в отдел кадров, — сказал Хамфри. — Именно так тебе надлежало поступить.

— Стервозная старая дева, — сказала Мэвис, — вот она кто.

— Она аморально ведет себя с мистером Друсом, женатым человеком, это я точно знаю, — сказала Дикси. — Так что у нее своя рука наверху. Как же,

доложишь на нее в отдел кадров, с ней только свяжись. Тебе же хуже будет.

— Прогуляйте понедельник, — сказал Дугал. — Вторник тоже прогуляйте. Отдохнете.

— Нет, с этим я несогласен, — сказал Хамфри. — Прогул есть совершенно аморальный поступок. Хорошо платят — хорошо работай.

Отчим Дикси, который смотрел телевизор в гостиной, вдруг соскучился и всунул голову в дверь.

— Не хочешь чашку чаю, Артур? — сказала Мэвис. — Знакомься с мистером Дугласом. Мистер Дуглас, мистер Кру.

— А где Лесли? — сказал Артур Кру.

— Да уже должен вернуться. Я его выпустила погулять, — сказала Мэвис.

— Тут на улице возле дома какая-то заваруха, — сказал Артур.

Все гурьбой прошли в гостиную и стали разглядывать через окно, как на сумеречной улице группа полисменов расспрашивает о чем-то почти равную им по числу компанию подростков.

— Молодежный клуб, — сказала Мэвис.

Дугал тотчас пошел выяснить, в чем дело. Не успел он отворить входную дверь, как юный Лесли прошмыгнул внутрь из какого-то укрытия

поблизости; он очень запыхался.

Дугал вскоре вернулся и сообщил, что у нескольких автомобилей на парковой стоянке изрезали шины. Полиция заподозрила подростков и устроила облаву. Юный Лесли чавкал жевательной резинкой. Время от времени он вытягивал изо рта длинную резиновую нить, потом засовывал ее обратно.

— Но, по-моему, ребята постарше тут ни при чем, — сказал Дугал. — Могли и детишки поработать.

Лесли на мгновение перестал жевать и поглядел на Дугала с таким омерзением, что казалось, будто он смотрит не глазами, а через ноздри. Потом снова зачавкал.

Дугал подмигнул ему. Мальчик вытаращился в ответ.

— Вынь эту дрянь изо рта, сынок, — сказал его отец.

— Сейчас вынет, — сказала его мать. — Так он тебя и послушал. Лесли, слышишь, что тебе отец говорит?

Лесли перепихнул резинку языком за другую щеку и удалился из комнаты.

Дугал подошел к окну и посмотрел на ребят, которых все еще допрашивали.

— А вот подошли две девушки с «Мидоуз, Мид», — сказал он. — Мотальщица Одетта Хилл и шлихтовальщица Люсиль Поттер.

— Ох, ни одна история с молодежными клубами не обходится без фабричных, — сказала Мэвис. — Не понимаю, почему вас интересует вся эта компания. — Говоря так, она прошлась рукой по перманенту, укладывая каштановые волны средним и указательным пальцами.

Дугал подмигнул ей и, улыбнувшись, оскалил все зубы разом.

Мэвис шепотом спросила у Дикси: «*Он* ушел?»

— М-м, — сказала Дикси, что означало: да, отчим пошел выпить пива на сон грядущий.

Мэвис подошла к серванту и вытащила оттуда большой конверт.

— Опять двадцать пять, — сказала Дикси.

— Она всегда так говорит, — сказала Мэвис.

— Ну, мам, ну что им у тебя там не лежится — не успеет новый человек в дом зайти, и ты сразу тащишь их на свет божий.

Мэвис извлекла из конверта три большие газетные вырезки и протянула их Дугласу.

Дикси вздохнула и поглядела на Хамфри.

— Пошли бы вдвоем да прогулялись, — сказала Мэвис. — Чего вы в кино не сходите?

— Мы вчера уходили из дома.

— Ну что вы в кино не были, это я ручаюсь. Поджимаешься, откладываешь на замужнюю жизнь и теряешь свои лучшие годы.

— Я ей это все время объясняю, — сказал Хамфри. — Все время об этом говорю.

— Куда вы ходили вчера вечером? — спросила Мэвис.

Дикси посмотрела на Хамфри.

— Гуляли, — сказала она. — Что скажете? — спросила Мэвис у Дугала.

Вырезки были из июньских газет 1942 года. На двух больших фотографиях Мэвис стояла на борту океанского лайнера. Всюду сообщалось, что она первой из пекхэмских девушек вышла замуж за американского рядового и теперь покидает родные берега.

— Вы не состарились ни на день, — сказал Дугал.

— Да ладно вам, — сказала Дикси.

— Ни на день, — сказал Дугал. — Всякому ясно, что жизнь вашей матери была полна романтики.

Дикси достала из сумочки пилку, щелкнула замком и принялась обтачивать ногти.

Хамфри подался вперед на стуле и уперся ла-

донями в колени; проявляя особый интерес к повести Мэвис, он как бы возмещал насмешливость Дикси.

— Вообще-то она была и романтическая и не романтическая, — сказала Мэвис. — Всякое бывало. С Глабом — это мой первый муж, — с Глабом сначала была не жизнь, а сказка. — Ее речь постепенно американизировалась. — Ухаживал, как за королевой. Галантный был до крайности и романтический. Это вы верно сказали. А потом что ж... Дикси вот родилась... ну и все как-то пошло прахом. В нашу жизнь закралась ложь, — сказала Мэвис, — и стало как-то аморально дальше жить вместе без взаимного чувства. — Она вздохнула и помолчала. Потом как бы очнулась и закончила: — Вот я и заявилась домой.

— Явилась домой, — сказала Дикси.

— Схлопотала развод. А потом встретила Артура. Старик Артур — он, конечно, не подведет.

— У мамы бывали денечки, — сказала Дикси. — Она об этом никому забыть не даст.

— Да уж побольше, чем будет у тебя, если ты не перестанешь с каждым пенни в банк бегать. Я в твои годы что не проживала, то на тряпки тратила.

— Мне на прожитье высылает собственный

папаша из Америки, — сказала Дикси.

— Может, он и думает, что оплачивает за все, только с таких денег не проживешь.

— Не оплачивает, а платит. Не с таких, а на такие, — сказала Дикси.

— Пойду лучше чай подогрею, — сказала Мэвис.

А Дугал сказал Дикси:

— В бытность мою в ваши годы у меня всегда не имелось много денег.

Он выставил плечо, сверкнул на нее глазами, и она не посмела его поправить. Но когда Хамфри фыркнул, она повернулась к нему и сказала: «Что-нибудь смешно?»

— С Дугалом, — сказал он, — тебе не управиться.

Мэвис вошла в комнату и включила телепередачу из кабаре. Когда вернулся ее муж, он увидел, что Дугал сопровождает эстрадное представление залихватской пляской посреди ковра. Мэвис визжала от восторга. Хамфри улыбался, поджав губы. Дикси тоже поджала губы, но не улыбалась.

По субботам, как и по воскресеньям, джентльмены, проживающие у мисс Фрайерн, обязаны были сами убирать свои постели. Вернувшись в субботу к одиннадцати вечера, Дугал нашел у

себя в комнате записку:

Сегодня ваша постель порадовала хозяйку. Испытательный срок закончен на отлично!

Дугал приклеил записку к зеркалу на туалетном столике и пошел вниз посмотреть, спит ли мисс Фрайерн. Он нашел ее в кухне: она чопорно восседала за столом с бутылкой портера.

— Мне писем нет?

— Нет, Дугал.

— А я так жду письма.

— Не расстраивайтесь. Может быть, придет в понедельник.

— Расскажите мне какую-нибудь историю.

— Да вы наверняка все мои истории слышали.

Он уже слышал о том, как в былые дни в парке не было проходу от грабителей, как чернокожие певцы бродили по мостовой, или, вернее, по ездовой, как она тогда называлась, если верить мисс Фрайерн. Она пригубила портер и рассказала ему еще раз, как она улизнула из дома с девицей по имени Фло, как они наняли кэб в Кэмберуэлл-Грин и поехали кутить в закусочную «Слон», угостили извозчика джином на два пенни и возвратились домой пешком как ни в чем не бывало.

— Уж вы-то в молодости своего не упустили,

— сказал Дугал.

Но на ее худом старческом лице выразилось презрение к недостойному намеку, и она отвернулась, ибо они еще не успели как следует подружиться и только через месяц мисс Фрайерн как-то вечером, со вздохом допив полезный для организма портер, достала бутылку джина и рассказала Дугалу, как в Пекхэме в первую войну стоял Гордоновский полк шотландских горцев; как юные леди спрашивали друг у друга, надето ли у солдат хоть что-нибудь под их форменными юбками; как мисс Фрайерн двадцати семи лет от роду пошла с шотландцем погулять на Гору с одним деревом; как он вдруг повернулся к ней и сказал: «Я знаю, девочка, что все вы очень не прочь выведать, что у нас под юбками, и сейчас я тебе все подробно объясню»; как он тут же схватил ее за руку и сунул ее себе под юбку; и она так ужасно вскрикнула, что у нее потом целую неделю была ангина.

Но когда Дугал сказал, не пробыв у мисс Фрайерн и двух недель: «Уж вы-то в молодости своего не упустили», она отвернула от него свое худое, бескровное лицо, и по неприметным движениям ее костистого тела Дугал мог понять, что слишком много себе позволяет.

Помолчав, она спросила:

— Хамфри не с вами пришел?

— Нет, я его бросил у Дикси.

— Я хотела с ним кое о чем посоветоваться.

— А я вместо него не сгожусь? Я даю редкостные советы.

Но ее обида еще не прошла.

— Нет, благодарю. Мне хотелось бы переговорить с Хамфри.

Дугал пошел спать, и дождь барабанил по крыше над его головой. Во входной двери щелкнул ключ, и слышно было, как Хамфри осторожно поднимается по лестнице на второй этаж. На площадке он надолго задержался, как будто решил передохнуть. Потом его неуверенные шаги послышались выше. Либо он был пьян, либо нес что-то тяжелое: наверху, возле самой двери Дугала, он едва не упал.

Дождь сильно застучал по скату крыши, и длинный стенной шкаф в комнате Дугала отозвался гулким бум-бум. Сквозь этот звук можно было различить неверную поступь Хамфри в коридорчике, ведущем к двери его комнаты.

Дугалу казалось, что он проснулся в тот самый момент, когда дождь перестал. И в этот самый момент откуда-то из шкафа донеслись шепот и

хихиканье. Он включил свет и поднялся с постели. В шкафу никого не оказалось. Но только он собрался прикрыть дверцу, как внутри шкафа кто-то заерзал. Он отворил дверцу, сунул туда голову и ничего не обнаружил. Тогда он улегся и заснул.

Поутру в понедельник Дугал получил письмо. Джинни дала ему отставку. Он пошел в контору «Мидоуз, Мид и Грайндли» и напечатал кое-что из своих заметок. Во время утреннего перерыва на чай он спустился в длинный, как туннель, зал фабричной столовой и навел там справки об Одетте Хилл и Люсиль Поттер. Ему сообщили, что те с утра не вышли на работу. «Прогуливают. Мастер орет как оглашенный. Орет, что никакой дисциплины нет». Он взял себе булочку и чашку чаю, потом еще булочку. Звонок возвестил конец перерыва. Мужчины быстро разошлись. Несколько девушек демонстративно продолжали беседовать с тремя подавальщицами. На виду у них Дугал уронил голову на руки и заплакал.

— Что с ним такое?

— В чем дело, сынок? — спросила девушка лет шестнадцати, и Дугал поднял голову и увидел, что это прядильщица Доун Уэгорн. Прогуливаясь по этажам, Дугал как-то видел ее за работой, и ее

строго рассчитанные кембриджским экспертом движения показались ему неотразимо влекущими. Дугал снова уронил голову и возобновил рыдания.

Доун потрепала его по увечному плечу. Он приподнял голову и тоскливо помотал ею из стороны в сторону. Из-за буфетной стойки вышла женщина и протянула ему аккуратно сложенное кухонное полотенце. «На-ка, вытри глаза, пока никто не видит», — сказала она.

— В чем дело, приятель? — сказала другая девушка. Она сказала: «Вот тебе сморкалка». Это была Аннет Рен, ученица швеи. Она громко и бессердечно хихикала.

— Моя девушка бросила меня, — сказал Дугал и высморкался в кухонное полотенце.

Опытный контролер качества Элен Кент, которой было под тридцать, повернулась к Аннет Рен и предложила ей заткнуться: чего тут, спрашивается, зубы скалить?

К Дугалу подошли еще две подавальщицы, и теперь женщины обступили его со всех сторон. Элен Кент раскрыла сумочку и достала оттуда расческу. Она принялась причесывать Дугала, который медленно мотал головой из стороны в сторону.

— Найдешь себе другую, — сказала подавальщица по имени Милли Ллойд.

Аннет снова хихикнула. Доун влепила ей пощечину и сказала:

— Ты, невежа. Не видишь разве, что он калека?

В ответ на это Аннет разразилась слезами.

— Не дергайся, — сказала Элен. — Как мне тебя причесывать, если ты головой мотаешь?

— Подольше почесать надо. Это очень успокаивает, — заметила одна подавальщица.

Тем временем Милли Ллойд искала свежий носовой платок для Аннет Рен, чьи рыдания грозили перейти в истерику.

— Отчего она тебя бросила, твоя девушка? — спросила Доун.

— У меня есть роковой недостаток, — сказал Дугал.

Доун решила, что речь идет о его искривленном плече, которое она как раз поглаживала.

— Стыд и срам, — сказала она. — Сучка она негодная, вот что.

Вдали, в дверях зала, внезапно появилась Мерл Кавердейл и направилась к сборищу.

— Начальство, — прошептала Милли, — заведующая бюро, — и вернулась за буфетную стойку.

Приближаясь, Мерл возвещала на всю столо-

вую:

— Попрошу налить чаю для мистера Друса. Он отлучался. Теперь он возвратился и хочет чаю.

Тут она увидела Дугала в окружении девиц.

— Это еще что здесь творится? — сказала она.

— Мигрень, — уныло сказал Дугал. — Голова болит.

— А вы все марш по своим местам, — сказала Мерл девушкам. — Во избежание неприятностей.

— А вы что за начальство, чтоб нам указывать?

— Кто она такая, чего раскричалась?

И Мерл не могла с ними ничего поделать. Она очень выразительно сказала Дугалу:

— У меня тоже утром болела голова. Я даже опоздала на работу. Немножко прогулялась по парку. В полном одиночестве.

— Я смутно припоминаю, что назначил вам свидание где-то в тех местах, — сказал Дугал. — Но я не смог явиться.

Мерл метнула на него неприязненный взгляд и сказала подавальщицам: «Так как же, чай будет или нет?»

Милли Ллойд вручила Дугалу чашку чаю. Мерл прошествовала через весь зал с чаем для мистера

Друса, гордо помавая головой взад-вперед, в такт шагам. Аннет тоже отпаивали чаем; она, давясь, негодовала по поводу полученной пощечины. Дугал прихлебывал из чашки, юная Доун гладила его по плечу и говорила: «Ничего, пройдет, стыд и срам», а Элен расчесывала ему волосы. Волосы были курчавые и очень коротко остриженные. Но Элен расчесывала их так, будто они длиннее, чем у сказочного принца.

Дикси, Хамфри, Дугал и Элен Кент сидели в кафе Коста. Дикси позевывала. Глаза у нее были сонные. Она бы непременно пошла домой и легла спать, но за ужин платил Дугал, и это ее удерживало.

— Весь день прямо с ног падаю, — сказала она. Она весь вечер адресовалась к мужчинам, минуя Элен, потому что Элен все-таки была фабричная, хоть и не простая, а контролер качества. Элен попробовала было иначе, но потом тоже перестала замечать Дикси.

— Смотрите-ка, кого сюда занесло, — сказала Элен.

А занесло длинного Тревора Ломаса. Он сел за ближний столик спиной к компании Дугала и уставился в окно. В те времена Тревор Ломас работал электриком при совете Лондонского

графства.

Тревор сонно повернул голову и в виде особого одолжения окинул глазами Хамфри. Хамфри сказал: «Хэлло». Тревор не ответил.

Вскоре явилась длинная медноволосая девица Тревора в узкой и короткой черной юбке и с густо затененными зелеными глазами. «Привет, змейка», — сказал Тревор. «Привет», — сказала девушка и уселась рядом с ним.

Дикси и Элен неподвижно смотрели, как она выскользнула из пальто и обронила его на спинку стула. Они тщательно, как по долгу службы, отмечали каждую мелочь. Девушка это чувствовала и, казалось, того и ждала.

Потом Тревор, не меняя позы, отодвинулся от стола и оказался вполоборота к дугаловской компании. Он нарочито громко спросил у своей девицы:

— Кружевная сморкалка при тебе, Бьюти?

Бьюти не ответила. Она держала перед собой зеркальце и старательно красила губы.

— Потому что, — сказал Тревор, — я сейчас буду плакать. — Он вытащил из верхнего кармана большой белый платок и приложил его сначала к одному, потом к другому глазу. — Сейчас вдоволь наревусь, — сказал Тревор, — потому что моя

девушка меня бросила. У-у-у, моя девушка меня бро-осила.

Бьюти безудержно хохотала. И чем больше она хохотала, тем больше расходился Тревор. Он уткнулся головой в стол и изображал рыдания. Девушка качалась на стуле, оскаливши свежена-крашенный рот.

Потом засмеялась и Дикси.

Дугал отодвинул стул и поднялся. Элен вскочила и повисла у него на руке.

— Да ну их, — сказала она.

Хамфри, которому еще не рассказали о том, как Дугал рыдал в столовой, спросил у Дикси: «В чем дело?»

Дикси от смеха не могла слова вымолвить.

— Да ну их, чего ты, — сказала Элен Дугалу.

Дугал сказал Тревору:

— Я с тобой посчитаюсь в парке, у теннисного корта.

Элен подошла к Тревору и ткнула его в бок.

— Не видишь, что ли, что он покалеченный? — сказала она. — Это же некультурно — так насмехаться над парнем.

Но в драке плечо Дугалу ничуть не мешало, а даже позволяло применять особый прием: с невероятным вывертом кисти правой руки он,

как клешней, намертво вцеплялся в горло противнику. Но пока что он не стал этим хвастаться.

— Хоть я и калека, — попросту сказал он, — но я этому жалкому, сопливому, сексуально озабоченному, паскудному, трепливому и вконец обнаглевшему муниципальному электрику всю морду побью.

— Это кто сексуально озабоченный? — спросил Тревор, поднимаясь из-за стола.

Два юнца, сидевшие у окна, пододвинулись, чтобы ничего не упустить. Появился грек в почти белом пиджаке; он показал на телефон, который висел сзади него на стене тускло освещенного кухонного коридорчика.

— Сейчас звонить буду, — сказал он.

Тревор окинул его долгим сонным взором. Потом он так же оглядел Дугала.

— Это кто сексуально озабоченный? — сказал он.

— Ты, — сказал Дугал, отсчитывая деньги за ужин. — И я с тобой поговорю в парке через четверть часика.

Тревор вышел из кафе, а Бьюти влезла в пальто и просеменила вслед. Грек вышел за ними, но мотороллер Тревора уже рванулся с места.

— Не заплатили кофе, — сказал грек, возвратив-

шись. — Ему фамилия и где живет, пожалуйста.

— Не имею понятия, — сказал Дугал. — Попрошу меня с ним не путать.

Грек повернулся к Хамфри.

— Видел тебя раньше приходить с этим парнем.

Хамфри швырнул на столик полкроны, и, когда все четверо вышли, грек хлопнул за ними дверью изо всех сил, но так, чтобы не высадить стекло.

Обе девушки сели в машину Хамфри, но тот сразу же отказался ехать к парку. Дугал спорил с ним, стоя рядом на мостовой.

Хамфри сказал:

— Да брось ты. Не ходи. Не будь ослом, Дугал. Ну его к черту. Он некультурный.

— Ладно, я пойду пешком, — сказал Дугал.

— Поеду унять Тревора Ломаса, — сказал Хамфри. Он остановил Дугала и отъехал вместе с девушками: Дикси впереди, на заднем сиденье Элен, которая тут же завопила, чтобы ее выпустили.

Дугал подошел к теннисному корту минут через шесть. Еще издали он услышал что-то похожее на женский визг.

Фонари со столбов поодаль тускло и косо освещали несколько человеческих фигур. Дугал

различил среди них Хамфри, Тревора и малознакомого юнца по имени Колли — без пиджака, в рубахе нараспашку. Эти трое, видимо, приставали к трем девушкам — к Дикси, Элен и к Бьюти, которая истошно визжала. Вблизи, однако, выяснилось, что мужчины не пристают к девушкам, а удерживают их. Дикси размахивала сумочкой на длинном ремне, стараясь зацепить Элен. Элен, пребывавшая в объятиях Тревора, исхитрилась пнуть Бьюти своим острым стальным каблуком. Бьюти выла и рвалась из рук Хамфри.

— Что тут происходит? — спросил Дугал.

На него никто не обратил внимания. Он подошел и дал Тревору по зубам. Тревор выпустил Элен, и та бухнулась на Бьюти. Тревор взмахнул кулаком, и Дугал, отшатнувшись, толкнул Хамфри. Бьюти завыла громче и забилась сильнее. Элен поднялась с земли и, получив свободу действия, лягнула Тревора стальным каблуком Тем временем Дикси попыталась освободиться из объятий незнакомого юноши с голой грудью по имени Колли, укусив его за руку. Бьюти визжала все громче. Дугал высматривал, как бы половчее подобраться к Тревору, но тут начались странные дела.

Свалка прекратилась. Элен запела в том же

тоне, в каком голосила, и так же безрадостно. Обе другие девушки, как будто по ее сигналу, перешли от воплей к песне:

Девчоночку с Кингстон-таун, —

Такой дурак, я завел в кабак, —

судорожно заводя глаза и поглядывая куда-то ввысь, за деревья.

Незнакомый юнец отпустил Дикси и начал откалывать рок-н-ролл с Элен. Через несколько секунд все, кроме Дугала, пели и откалывали быстрый рок. Драка на глазах превратилась в неистовый танец. Дугал увидел лицо Хамфри, когда тот на миг закинул голову. Лицо было испуганное. Дикси напряженно и решительно сохраняла радостный вид. Элен тоже. На лице незнакомого парня появилась кривая улыбка; он быстро застегнул рубашку, вертясь и выгибаясь в джазовом ритме. Дугал наконец огляделся по сторонам в поисках причины. Причины тут же нашлись: два полисмена были уже совсем неподалеку. Вероятно, Элен заметила их на расстоянии в три минуты полицейского шага, начала петь и подала сигнал остальным.

— Здесь что, по-вашему, зал для танцев?

— Нет, констебль. Нет, инспектор. Чуть-чуть потанцевали с девочками. Идем домой и никого

не трогаем, приятель.

— Вот-вот, идите-ка. Пошевеливайтесь. Чтоб через пять минут и духу вашего в парке не было.

— Да это все Дикси, — сказал Хамфри Дугалу по пути домой, — она кашу заварила. Она переутомилась и была на взводе. Она сказала, что эта треворовская шлюха на нее косо поглядывает. Подошла к девчонке и говорит: «Ты на кого косо поглядываешь?» Ну, та и вправду на нее поглядела. Тут Дикси как размахнется сумочкой! И началось.

Когда они свернули возле старого квакерского кладбища, пошел дождь. Нелли Маэни вытащила из черной сумки какую-то зеленую тряпку вроде шарфа и накрыла ею свои длинные седые космы. Она вопила: «В открытых долинах зазеленели травы, и сено скошено на косогорах. И бегут нечестивцы, никого же нет вслед им, но праведник зарычит, как лев, и не убоится».

— Чудесный вечер, хотя слегка сыровато, — сказал ей Дугал.

Нелли обернулась и посмотрела ему вслед.

У себя в комнате Дугал разлил алжирского вина и, передавая стакан Хамфри, заметил:

— Этот шкаф идет вдоль всего верхнего этажа.

Хамфри поставил стакан на пол возле своих ног

и поднял глаза на Дугала.

— Позавчера ночью, — сказал Дугал, — в шкафу было шумно. Оттуда раздавалось скрип-пип, скрип-пип. Я подумал, не у меня ли это в шкафу потрескивает, и решил, пожалуй, все-таки не у меня. Пожалуй, это у вас за стеной в шкафу что-то потрескивает. Скрип-пип. — Дугал развел колени, слегка присел и подпрыгнул. — Скрип-пип, — сказал он.

Хамфри сказал:

— Это только если в субботу ночью сыро и нельзя пойти в парк.

— Небось тяжело ее тащить на руках по лестнице? — спросил Дугал.

Хамфри явно встревожился.

— А что, можно было догадаться, что я ее несу на руках?

— Да. Лучше пусть она снимет туфли и идет сама.

— Нет, она один раз попробовала. Вылезла старуха и чуть нас не поймала.

— Лучше лежать в постели, чем в скрипучем шкафу, — сказал Дугал. — А то парню из нижней комнаты все слышно.

— Нет, старуха как-то ночью явилась наверх, когда мы были в постели. Чуть нас не поймала.

Дикси еле-еле успела в шкафу спрятаться.

Хамфри поднял стакан с вином с полу и разом осушил его.

— Не стоит расстраиваться, — сказал Дугал.

— А что же делать, как не расстраиваться. Ладно еще, если в субботу ночью сухо: можно поехать в парк, и Дикси к половине двенадцатого уже дома. А в дождь куда ж с ней денешься, если не сюда. Почему бы и нет, я же плачу за комнату. Но тут-то и загвоздка — как ее наверх доставить, потом опять вниз, когда старуха у заутрени. Да еще она каждый раз платит по пять шиллингов своему братцу Лесли, чтобы тот помалкивал. Вот она и расстраивается, Дикси-то. Она же над каждой копейкой трясется, Дикси-то.

— Утомительное это занятие — трястись-то, — сказал Дугал. — Усталый у нее вид, у Дикси-то.

— Будет тут усталый вид, когда она по ночам не спит от расстройства. А чего расстраиваться? И это в семнадцать лет — ужас, да и только. Я ей говорю: «Подумай, на что ты будешь похожа лет через десять?»

— Когда вы поженитесь? — спросил Дугал.

— В сентябре. Могли бы и раньше. Но Дикси хочет скопить вот столько, и ни на грош меньше. Она так настроилась, — чтобы ни на грош мень-

ше. Потому и ночами не спит.

— Я ей советовал прогулять утро в понедельник, — сказал Дугал. — В понедельник все должны прогуливать.

— Нет, тут я несогласен, — сказал Хамфри. — Это аморально. Прогульщик постепенно утрачивает всякое самоуважение. И вдобавок теряет поддержку профсоюзов: они на вашу сторону не встанут. Правда, у машинисток еще нет профсоюза. Пока что.

— Нет? — спросил Дугал.

— Нет, — сказал Хамфри, — но насчет прогулов — это вопрос принципа.

Дугал снова развел колени, присел и подскочил.

— Скрип-пип, скрип-пип, — сказал он.

Хамфри закинул голову и от души расхохотался. Он примолк, когда пол затрясся от ударов снизу.

— Малый с нижнего этажа, — сказал Дугал, — стучит в потолок ручкой швабры. Ему не по сердцу мои невинные танцы. — Он проплясал еще три раза с криком «скрип-пип!».

Хамфри запрокинул голову и захохотал, так, что Дугал мог бы рассмотреть его глотку в мельчайших подробностях.

— По ночам мне снятся, — сказал Дугал, разли-

вая вино, — фабричные девушки. Они сортируют, штабелюют, пакуют, проверяют, мотают, прядут, шлихтуют, пригоняют, подшивают и выкраивают — при этом все, как одна, ритмично подрагивают грудями, бедрами и плечами. Я вижу, как дьявол под видом аспиранта из Кембриджа дирижирует процессом, изучая динамику труда. Он поет такую песню: «Мы детально изучим движения, необходимые, чтобы выполнить любое производственное задание, и создадим простейшую схему движений в целях минимальной затраты времени и энергии». А пока он поет эту песню, девушки покачиваются и выгибаются вот эдак, — и Дугал покачал бедрами и проделал балетные движения руками. — Знаете, вроде индийского танца, — сказал он. — И конечно, — сказал Дугал, — дирижирую-то на самом деле я. Вообще-то я кончал в Эдинбурге, но во сне я дьявол из Кембриджа.

Хамфри улыбнулся, сделал умный вид и сказал: «Сногсшибательно». Это был верный признак, что он слегка растерялся.

Глава 4

Ранним июньским вечером мисс Мерл Кавердейл отперла дверь своей квартиры в Денмарк-Хилле и впустила мистера Друса. Тот снял шляпу и поместил ее на вешалке в передней с хрустальной люстрой под потолком, но по форме и размерам похожей на кухонный столик. Затем мистер Друс следом за Мерл прошел в гостиную. При этом не было сказано ни слова; когда же Мерл уселась с вязаньем возле двустворчатой электропечки, он так же молча открыл дверцу маленького серванта, извлек оттуда бутылку виски и посмотрел ее на свет. Из другого отделения серванта он достал стакан. Налив себе виски, он взял сифон с подноса, стоявшего на том же серванте, и брызнул в стакан содовой воды. Потом он сказал:

— Немного виски?

— Нет, спасибо.

Он вздохнул и направился со стаканом к большому креслу напротив Мерл; ее кресло было поменьше.

— Нет, — сказала она, — я передумала. Мне что-то захотелось виски с имбирным.

Он вздохнул, подошел к серванту и, выдвинув ящик, извлек оттуда открывалку. Пошарил в нижнем отделении и нашел там бутылку имбирного пива.

— Нет, лучше джина с тоником. Мне что-то захотелось джина с тоником.

Он обернулся с открывалкой в руке и посмотрел на нее.

— Да, мне что-то захотелось джина с тоником.

Тогда он налил джина, разбавил его тоником и поднес ей стакан. Потом сел в свое кресло, разулся и сунул ноги в приготовленное для него домашние туфли.

Через некоторое время он посмотрел на часы. Мерл без лишних слов положила вязанье на колени и включила телевизор. Показывали документально-видовой фильм; в таком сопровождении и началась их беседа.

— У Дровера и Уиллиса, — сказал он, — начато новое расширение производства.

— Да, вы мне на днях говорили.

— Как я заметил, — сказал он, — им требуются инструкторы по автоматике и ткачи высокой квалификации. Наряду с этим у них намечается сдвиг в сторону увеличения выпуска готового платья. Им требуются десять чесальщиков для

работы на станках двухигольчатой горизонтальной системы, а также инструкторы и чесальщики для работы на плоскозамочных станках. Да, они явно расширяют производство.

— Четыре, пять, шесть, — сказала она, — две внакид, семь, девять.

— Как я заметил, — сказал он, — им требуется специалист-гуманитарник.

— Чего же вы хотите? Это ведь рекомендовалось на конференции, правда?

— Да, но припомните, Мерл, что мы первыми приняли к сведению эту рекомендацию. Он сегодня появлялся в конторе?

— Нет.

— Передайте ему, что я хочу его видеть, пора уже представить нам отчет о проделанной работе. Я видел его только три раза с тех пор, как он поступил на службу. Уидин требует отчета.

— Напомните мне об этом послезавтра утром в помещении фирмы, Винсент, — сказала она. — Мой дом — не место для служебных разговоров.

— Уидин говорит, что он неделю на глаза не показывается. Ни в Отделе благосостояния, ни у кадровиков и ноги его не бывает.

Она пошла в кухню и загремела там посудой. Мистер Друс встал и принялся накрывать к обеду,

доставая из серванта салфетки, ножи и вилки и аккуратно раскладывая их на столе. Потом он вышел в переднюю и достал из кармана пальто склянку с желудочными таблетками, которую поставил на стол рядом с перечницей и солонкой.

Мерл принесла хлеб. Мистер Друс достал из ящика серванта хлебный нож и посмотрел на нее. Затем положил нож на доску возле хлеба.

— Капуста еще не протушилась, — сказала она, села в кресло и взяла свое вязанье. Он присел к ней на подлокотник. Продолжая вязать, она как бы невзначай резко толкнула его локтем. Он пощекотал ей шею у затылка, и она это терпеливо снесла. Но вдруг он с вывертом ущипнул ее за шею. Она взвизгнула.

— Ш-ш, — сказал он.

— Мне больно, — сказала она.

— Нет, это совсем не больно. — И он снова ущипнул ее за шею.

Она взвизгнула и вскочила с кресла.

— Капуста протушилась, — сказала она.

Когда она принесла еду, он выключил телевизор.

— Вредит пищеварению, — сказал он.

За едой они не разговаривали.

Потом он стоял возле нее в красно-белой ку-

хоньке и смотрел, как она моет посуду. Она сложила тарелки в красную сушилку, а он вытер вилки и ножи. Он отнес их в комнату и разложил по разным отделениям ящика. Когда была уложена последняя вилка, появилась Мерл с подносом, на котором стояли кофейные чашки.

Мерл включила телевизор и попала в середину пьесы. Они следили за пьесой и пили кофе. Потом они пошли в спальню и разделись в равномерном ритме. Мерл сняла кофточку, а мистер Друс снял пиджак. Мерл пошла к гардеробу и вынула оттуда зеленый стеганый шелковый халатик. Мистер Друс тоже пошел к гардеробу и разыскал там свой синий халат с белыми крапинками. Мерл сняла блузку, а мистер Друс жилет. Мерл набросила на плечи халатик и под его прикрытием стыдливыми движениями сняла все остальное. Мистер Друс отстегнул подтяжки и вылез из брюк. Брюки он бережно свернул и, мягко ступая, подошел к окну, где и положил их на кресло. Точно так же он прогулялся с жилетом и пиджаком, повесив их на спинку кресла.

Они пробыли в постели около часа, в течение которого Мерл дважды взвизгнула, потому что мистер Друс один раз ущипнул и один раз укусил ее. «На мне скоро живого места не останется»,

— сказала она.

Мистер Друс поднялся первым и надел халат. Он прошел в ванную, и почти тотчас же мокрая рука сердито просунулась обратно в спальню. Мерл сказала: «Ах, разве там нет полотенца?» — и подала ему полотенце из гардероба.

Когда он вернулся, она была одета.

Она пошла в кухню и поставила чайник, а он надел брюки и пошел домой к жене.

Западный ветерок шевелил листву в парке, был субботний июньский вечер. Хамфри нес два клетчатых пледа из машины, а Дикси шла рядом, поглядывая направо и налево и время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть, не видать ли на дорожке полисмена.

Дикси сказала: «Мне холодно».

Он сказал: «Ночь теплая».

Она сказала: «Мне холодно».

Он сказал: «У нас же два пледа».

Она все-таки шла рядом с ним, и наконец они добрались до своего облюбованного местечка под деревом у ограды Старого Английского парка.

Хамфри расстелил плед, и она уселась. Она подняла край пледа и занялась бахромой, разделяя спутанные шерстяные нити.

Он укрыл ей ноги другим пледом и разлегся

рядом, опершись на локоть.

— Прошлый раз мамаша чего-то почуяла, — сказала она. — Лесли ей сказал, что я осталась после танцев в Кэмберуэлле у Конни Уидин, но она чего-то почуяла. И когда я вернулась, она меня очень расспрашивала насчет танцев. Пришлось сочинять.

— Но на Лесли ты ведь не думаешь?

— Ну, знаешь, я ему плачу пять шиллингов в неделю. По-моему, за те недели, когда я ночую дома, хватило бы и трех. Но он здорово жадный, Лесли-то.

Хамфри притянул ее к себе и стал расстегивать ей пальто. Она снова застегнула все пуговицы.

— Мне холодно, — сказала она.

— Да ну, брось, Дикси, — сказал он.

— Конни Уидин повысили жалованье, — сказала она. — А я изволь ждать прибавки до августа. Спасибо мне сказала девушка, которая штемпелюет входящие и исходящие: ей попался балансовый счет на жалованье. Конни Уидин то же делает, что и я, и стаж у нее только на шесть месяцев больше. Зато отец заведует отделом кадров. Я еще поговорю насчет этого дела с мисс Кавердейл.

Хамфри снова притянул ее к себе и поцеловал

в щеку.

— В чем дело? — сказал он. — С тобой что-то неладное творится.

— Вот возьму и прогуляю в понедельник, — сказала она. — Тогда только тебя и начнут ценить, если раз-другой прогуляешь.

— Говоря откровенно и между нами, — сказал Хамфри, — я считаю такие поступки аморальными.

— Прибавка пятнадцать шиллингов минус налог, значит, десять шиллингов шесть пенсов в карман Конни Уидин, — сказала она, — а я жди до августа. И все они, конечно, будут кивать друг на друга. Если мисс Кавердейл не пойдет навстречу, к кому мне обращаться? Только в отдел кадров, то есть на поклон к мистеру Уидину. А он, ясное дело, постоит за свою доченьку. А если я дойду до самого мистера Друса, он отошлет меня обратно к мисс Кавердейл, и дело с концом — известно же, какие у них отношения.

— Вот поженимся, и ни до кого из них тебе никакого дела не будет. Можем прямо на будущей неделе пожениться, если хочешь.

— Нет уж, спасибо. А про дом ты забыл? Надо, чтобы денег хватило на дом.

— И так хватит денег на дом, — сказал он.

— А про электросушилку ты забыл?

— А пошла она к черту, твоя электросушилка.

— Мне полагается прибавка пятнадцать шиллингов минус налог, — сказала она, — а я эти деньги буду класть на книжку. Почему это ей полагается, а мне не полагается! Закон для всех один.

Он укрыл ее пледом до подбородка и стал расстегивать ей пальто.

Она села.

— Нет, ты нынче просто не в себе, — сказал он. — Пошли бы лучше на танцы. И обошлось бы недорого.

— Тебя теперь только секс интересует, — сказала она. — Это все потому, что ты связался с Дугалом Дугласом. Он помешан на сексе. Мне говорили. Он аморальный тип.

— Нет, он не аморальный, — сказал Хамфри.

— Нет, аморальный, он при людях рассуждает насчет секса в любое время дня и ночи. Насчет девушек и насчет секса.

— Да брось ты нервничать, что на тебя сегодня нашло? — сказал он.

— Не брошу, пока ты не порвешь с этим типом. Он тебе забивает голову невесть чем.

— Ты сама, слава богу, потрудилась, чтобы за-

бить мне голову, — сказал он. — По твоей милости у меня голова всегда была этим забита. Особенно в шкафу.

— Хамфри, повтори, что ты сказал.

— Ляг и успокойся.

— Нет, теперь ни за что не лягу. Ты меня оскорбил.

— Я знаю, что с тобой стряслось, — сказал он. — Ты теряешь чувство пола. У любой девушки пропадет чувство пола, если она ударится в скопидомство и дальше своей копилки ничего видеть не будет. Вполне объяснимо, если подойти психологически.

— Ты, конечно, все как следует обсудил с Дугалом Дугласом, — сказала она. — Сам бы ты до этого в жизни недодумался.

Она встала и отряхнула пальто. Он свернул пледы.

— Не хочу, чтоб вы меня обсуждали, это унизительно, — сказала она.

— Кто это тебя обсуждает? — сказал он.

— Допустим, ты не обсуждаешь, так слушаешь, как он обсуждает.

— Ты вот что пойми, — сказал он. — Дугал Дуглас — человек образованный.

— У моей мамы, может, дядя учителем работа-

ет, а так себя все равно не ведет. Он не ходит в столовую реветь, как твой Дугал. — Дикси засмеялась. — Он педик.

— Да он просто представлялся. Ты не знаешь Дугала. Спорить могу, что он не взаправду плакал.

— Ну да, не взаправду. Его девушка бросила, а он тут же нюни распустил. Курам на смех.

— Какой же он тогда педик, если плачет из-за девушки?

— Был бы не педик, так и вообще бы не ревел.

* * *

Июньским вечером Тревор Ломас вошел неверной лунатической поступью в танцевальный зал Финдлейтера и огляделся по сторонам в поисках Бьюти. Паркет был искусно выложен и тщательно отполирован. Бледно-розовые стены светились изнутри. Бьюти стояла в женской половине зала и обменивалась замечаниями с несколькими очень одинаковыми и очень пестрыми девицами. Их поведение было тщательно отработано с учетом обстановки: говоря между собой, они не особенно улыбались и почти не слушали друг друга. Если приближался кавалер, любая девушка преспокойно могла оборвать фразу на полуслове и с улыбкой вся устремлялась

к нему навстречу.

Большинство мужчин, по всей видимости, не вполне пробудились от глубокого сна; полузакрыв глаза, они одурманенно скользили по направлению к своим избранницам. Такой подход к делу явно нравился девушкам. Само приглашение к танцу обычно выражалось жестом: кавалер еле заметно мотал головой в сторону танцующих. В ответ на это девушка, подергавшись в знак покорности, плыла на зов в объятия партнера.

Тревор Ломас отошел от правил настолько, что выразил Бьюти свою волю посредством рта, который он, впрочем, приоткрыл не более чем на шестнадцатую часть дюйма.

— Пойдем поизвиваемся, змейка, — процедил он через образовавшуюся щель.

В залах Финдлейтера не танцевали буйный рок: здесь культивировался свинг, ча-ча и тому подобное. Бьюти извивалась с полным знанием дела. Особенно талантливо она трясла плечами и выпячивала животик; Тревор же слегка двигал коленями. Дугал, который в это время вошел в зал с белокурой Элен, оглядел публику с одобрением.

Во время следующего танца — полшага вперед, поклон, полшага назад, поклон — Бьюти стрель-

нула глазами в сторону обращенного лицом к танцующим дирижера джаз-банда, бледного юнца с тонкой шеей, которая колыхалась в просторном воротнике небесно-голубой курточки. Уловив взгляд Бьюти, он быстро поднял и опустил брови. Тревор посмотрел через плечо на юнца, который уже повернулся к джазу и чуть помахивал музыкантам расслабленными кистями рук. Тревор спросил одними губами: «Дружка завела?»

— Какого дружка?

Тревор коротко указал макушкой на дирижера джаз-банда.

Бьюти отрицательно содрогнулась в ритме танца.

Дугал танцевал с Элен. Он отпустил ее, высоко подпрыгнул, потом сгорбился; руки его болтались, как подвешенные. Он уперся левой рукой в бок и поднял правую, а его ноги выделывали яростные движения буйной шотландской пляски — пятка к щиколотке, потом к колену. Элен скорчилась от смеха и никак не могла выпрямиться. Парочки, танцевавшие возле них, останавливались, как будто у них кончился завод, и обступали Дугала. Высокий плотный мужчина в вечернем туалете пробрался к джаз-банду: он что-то сказал дирижеру, тот повел глазами на толпу вокруг

Дугала и сделал джазу знак остановиться.

— Ух! — крикнул Дугал, когда музыка прекратилась.

Кругом стояли гомон и хохот. Говорили все примерно одно и то же. Одни говорили: «Поменьше страсти, ишь разошелся», другие: «Нельзя этого допускать», третьи: «Парень гвоздь. Не лезьте к нему». Кое-кто хлопал в ладоши и говорил: «А ну давай». Высокий плотный распорядитель подошел к Дугалу и сказал ему, сияя от радости: «Очень здорово, сынок, только больше, пожалуйста, не надо».

— Вам что, не нравятся шотландские танцы? — спросил Дугал.

Распорядитель просиял и отошел. Джаз-банд начал играть. Дугал, а за ним и Элен покинули зал. Вскоре он снова появился, волоча за собой Элен, которая тянула его обратно. Но он врезался в толпу танцующих с крышкой от урны, раздобытой на заднем дворе. Он положил крышку вверх дном на пол, уселся в нее, скрестив ноги, и начал, как лодочник в утлом челне, бороться с волнами. Музыка смолкла, но никто этого не заметил из-за суматошного хора веселых, протестующих, ободряющих и сердитых возгласов. Танцоры постепенно столпились вокруг Дугала, который

исполнял воинственный зулусский танец, потрясая крышкой, как щитом.

Два вестиндца из толпы запротестовали:

— Брось, малый.

— Нечего нас оскорблять, малый.

Но два других длинных, черных до блеска танцора подбадривали его, присев на корточки и отчаянно хлопая. Им вторили их курчавые спутницы, хохот которых перекрывал все остальные звуки. Смеясь, они вращали верхней частью тела, вращались их плечи, головы и глаза.

Дугал поклонился чернокожим девушкам.

Затем Дугал сел на пол и стуком тамтама начал созывать племя. Он вскочил и с крышкой на голове стал меланхолически пережевывать рис, превратившись в китайского кули. Он зажал крышку между коленями, склонился к раме велосипеда и принялся бешеными рывками гнать его в гору. Он превратился в старуху под зонтиком; он качался на крышке и с копьем охотился за рыбой с борта своего каноэ; он крутил руль на автогонках; он использовал свою крышку на все лады и наконец подпер эту крышку от урны своим искривленным плечом и, одной рукой ударяя в тарелки, другой вяло дирижировал невидимым оркестром, явив зрителям вытянутую унылую

физиономию дирижера джаз-банда.

Все так же сияя, распорядитель протиснулся сквозь толпу. Не переставая сиять, он разъяснил, что крышка царапает и пачкает пол зала и что Дугалу лучше будет покинуть помещение. Он подхватил под локоть Дугала, который прижимал к себе свою крышку.

— Не распускайте руки! — закричала Элен. — Не видите разве, что он покалеченный?

Дугал высвободил локоть из руки распорядителя и сам взял его под локоть.

— Скажите мне, — сказал Дугал, выталкивая распорядителя за дверь, — у вас есть роковой недостаток?

— Это лучший танцевальный зал на весь юг Лондона, и нечего нам тут на полу гадить, понятно? Пришли в кабаре — так и соблюдайте.

— Будьте так любезны, — сказал Дугал, — накрыть этой вот крышкой вон ту урну, а я пока пойду посмотрю, что делается в зале.

Позади него стояла Элен. «Пойдем поскачем, леопарда», — сказал Дугал, и скоро они затесались в самую гущу танцующих.

Мимо двигались Тревор и Бьюти. Тревор разглядывал Дугала из-под прикрытых век, многозначительно поджав губы.

— Как животик, бегемотик? — спросил у него Дугал.

Извивающаяся Бьюти издала переливчатый смешок.

Когда они снова поравнялись, Тревор сказал Дугалу:

— Кружевная сморкалочка при тебе?

Дугал подставил ему ножку. Тревор чуть не упал. Оркестр заиграл государственный гимн. Тревор сказал:

— Такому кособокому, как ты, надо плечо под-домкрачивать.

— Имей уважение к государственному гимну, — сказала Бьюти. Ее глаза были устремлены на дирижера джаз-банда, который, повернувшись лицом к залу, повел бровями в ее сторону.

— Повидаемся в парке, — сказал Дугал.

Элен сказала:

— Ну да, еще чего. Ты меня проводишь домой.

Тревор сказал:

— Вы, девочки, пойдете домой на пару. У меня в парке дельце с одной крысой.

Некоторые посетители, покидая зал, кричали Дугалу через головы слова благодарности, как-то: «Вот уж спасибо за представление» и «Отлично работаешь, мальчик».

Дугал отвечал поклонами.

По пути к дамскому гардеробу Бьюти чуть замешкалась, прежде чем встать в очередь. Дирижер джаз-банда прошел мимо нее и слегка пошевелил надменными губами. Стоявший рядом Тревор расслышал: «Пойдем пошалим, овечка».

Бьюти показала глазами на Тревора, и тот заметил это.

— Она сейчас пойдет прямо домой, — сказал Тревор в нос, стоя лицом к лицу с дирижером. Он подтолкнул Бьюти по направлению к очереди.

Бьюти тут же снова повернулась к дирижеру джаз-банда.

— Ни одному мужчине не позволяется, — сказала она Тревору, — хватать меня руками.

Дирижер джаз-банда поднял и скорбно опустил брови.

— Пойдешь со мной, — сказал ей Тревор.

— У тебя же, по-моему, дельце в парке?

— Подождет, — сказал Тревор.

Бьюти достала из сумочки зеркальце и старательно подкрасила губы, вертя бронзовой головкой из стороны в сторону. Глаза ее тем временем следили за удаляющимся дирижером джаз-банда.

— Я пойду вдвоем с Элен, — сказала она.

— Этого не будет, — сказал Тревор. Он протолкался к выходу и высмотрел там Дугала и повисшую на нем Элен. Он привлек ее внимание и поманил ее двумя очень медленными движениями указательного пальца. Элен отцепилась от Дугала, раскрыла сумочку, вынула сигарету, прикурила, медленно затянулась и небрежной походкой направилась к Тревору.

— Отведи-ка домой своего дружка, ему же лучше будет, — сказал Тревор.

Элен выпустила струю дыма ему в лицо и отвернулась.

— Драка отменяется, — сказала она, возвратившись к Дугалу. — Хочет присмотреть за своей девчонкой, он ей не доверяет. Она аморальная.

Когда Тревор и Бьюти вышли из дверей, Дугал сказал ему с мостовой:

— Что, соловушка, болит головушка?

Тревор уронил руку Бьюти и пошел на Дугала.

— Не заводись с ним, — взвизгнула Элен, обращаясь к Дугалу, — он некультурный.

Бьюти пошла без провожатых, фасонно покачиваясь на высоких каблучках и переступая ровно, как по ниточке.

Тревор поглядел ей вслед, потом побежал вдо-

гонку.

Дугал прогулялся с Элен до Кэмберуэлл-Грин. Там он остановился в апельсиновом кругу фонарного света и стал шарить по карманам. Наконец он нашел свернутый лист бумаги, развернул его и прочел: «Я прогулялся с ней до Кэмберуэлл-Грин, и мы горестно сказали друг другу последнее прости на углу Нью-роуд: возможность тихого счастья исчезла навеки».

— Так поступил Джон Рэскин со своей девушкой Шарлоттой Уилкс, — сказал Дугал, — что выявилось в результате моих изысканий. Но мы с вами не скажем сейчас друг другу последнее прости на этом самом месте. Отнюдь. Я подвезу вас до дома в такси, потому что вы самая качественная контролерочка из всех, какие мне попадались.

— Уж что в тебе есть, так то есть, — сказала она. — Что-то такое особенное. Если б я точно не знала, что ты шотландец, поклялась бы, что ирландец. Моя мать ирландка.

Она сказала, что не надо ехать в такси до ее дома, потому что ее мать не любит, когда она разъезжает с мужчинами в такси. Они доехали по набережной канала до Брикстонского шлюза.

— На будущей неделе я ухожу с «Мидоуз, Мид», — сказала Элен. — С понедельника начну рабо-

тать у Дровера и Уиллиса. Это тебе не шуточки.

— Я видел, что Дровер и Уиллис расширяют дело, — сказал Дугал, — они давали объявления.

Они прошли еще немного вдоль канала, глядя на тихую воду.

Глава 5

Мистер Друс смущенно сказал:

— Я чувствую, я просто вынужден упомянуть тот факт, что за шесть недель вашей работы у нас число прогулов возросло. А именно — на восемь процентов. Не то чтобы я имел претензии. Я их не имею. И Рим не сразу строился. Я просто упоминаю тот факт, о котором твердят кадровики. Уидин вообще забавный парень. Как вы находите Уидина?

— Совершенно, — сказал Дугал, — лишен кругозора. Это его роковой недостаток. В остальном вполне нормален. — Говоря это, он как бы взвалил на плечи все бремя абсолютного знания и мирового опыта.

Мистер Друс отвел взгляд, потом снова посмотрел на Дугала, потом снова отвел взгляд.

— Кругозора, — сказал мистер Друс.

— Кругозора, — сказал Дугал и превратился в исповедника, который склоняется и вкрадчиво шепчет совет сквозь решетку. — Кругозор — это первый признак нормальности.

— Нормальности, — сказал мистер Друс.

Дугал закрыл глаза, и его большой рот медленно

растянулся в улыбке. Дугал дважды неторопливо кивнул, намекая, что для него в мире нет тайн.

Мистер Друс поневоле признался:

— Иной раз случается, знаете, что я сомневаюсь даже и в своей нормальности. — Потом он рассмеялся и сказал: — Можете себе представить, и это говорит вам управляющий фирмы «Мидоуз, Мид и Грайндли».

Дугал открыл глаза.

— Мистер Друс, вы не так счастливы, как следовало бы.

— Да, — сказал мистер Друс, — я не так счастлив. Миссис Друс, скажу конфиденциально...

— Разумеется, — сказал Дугал.

— Миссис Друс не является моей супругой в собственном смысле слова.

Дугал кивнул.

— Мы с миссис Друс не имеем общих интересов. Когда мы тридцать два года назад поженились, я был простым коммивояжером по сбыту вискозного шелка. Да, это были тяжелые времена. Но я не остановился на достигнутом. — Мистер Друс умоляюще посмотрел на Дугала. — Я продвигался и не остановился на достигнутом.

Дугал стыдливо поджал губы и кивнул: теперь он был судьей, который не торопился с выводами

по делу о разводе.

— Нельзя продвигаться, — взмолился мистер Друс, — не имея твердости характера.

— Нельзя продвигаться, — сказал мистер Друс, — если нет моральной устойчивости. А самое страшное — это ограниченность. Вот что самое страшное.

Дугал безмолвствовал.

— Нужна широта взгляда, — запротестовал Друс — В нашей жизни иначе нельзя. — Он облокотился на стул и приложил ладонь ко лбу. Затем оперся подбородком на руку и продолжал: — Миссис Друс не обладает широтой взгляда. Она обладает узостью взгляда.

Дугал уперся локтями в подлокотники и положил подбородок на сплетенные пальцы.

— Я полагаю, что тут имеет место типичный случай несходства характеров, — сказал Дугал. — Я полагаю, — сказал он, — что у вас, мистер Друс, глубокая и чувствительная натура.

— Вы так полагаете? — спросил мистер Друс у психоаналитика.

— А чтобы разгадать чувствительную натуру, — сказал Дугал, — требуется психологическое чутье.

— Моя жена, — сказал Друс, — ...да, в нашу

жизнь закралась ложь. Мы даже ни о чем не разговариваем. Мы не разговариваем уже почти пять лет. Однажды — это было в воскресенье — мы сидели за завтраком. И я непринужденно беседовал, вполне обычно, знаете, так непринужденно. И вдруг она сказала: «Кря-кря». Она сказала: «Кря-кря». Она сказала: «Кря-кря», и сделала ладонью вот так, — мистер Друс раскрыл ладонь и показал, как утка хлопает клювом.

Дугал тоже сложил пальцы в утиный клюв и показал, как крякает утка.

— Кря-кря, — сказал Дугал. — Вот так?

Мистер Друс уронил руку на стол.

— Да, вот так, и она сказала: «От тебя только это и слышно: кря-кря».

— Кря, — сказал Дугал, изображая ладонью утиный клюв, — кря.

— И она, моя жена, сказала это мне, — сказал мистер Друс. — Она сказала: «От тебя, кроме кряканья, ничего не услышишь». Да, и с этого дня я рта не раскрыл в ее присутствии. Я не могу, Дугал, это уже чистая психология, я просто не могу — ничего, что я называю вас Дугалом?

— Да что вы, Винсент, — сказал Дугал. — О, как я вас понимаю. Как же вы общаетесь с миссис Друс?

— Пишу записки, — сказал мистер Друс. — Ну, можно ли это назвать браком? — Наклонившись, мистер Друс выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда книгу в ярко-желтой суперобложке. Она называлась «Психология супружеских отношений». Друс полистал и отложил книгу. — Это не для меня, — сказал он. — Любопытные истории, но мой случай не охвачен. Я было думал, не пойти ли мне к психиатру, но потом рассудил: почему это я должен идти? Пусть она идет к психиатру.

— Подарите ей букет цветов, — сказал Дугал, разглядывая свою руку и кокетливо скрючив мизинец. — Заключите ее в объятия, — сказал он, превратившись в сотрудницу дамского журнала, — и начните все сначала. Зачастую нужен лишь один маленький шаг навстречу...

— Дугал, я не смогу. Не знаю почему, но я не смогу. — Мистер Друс положил руку на желудок. — Что-то останавливает меня.

— Вы должны расстаться, — сказал Дугал, — хотя бы на время.

Мистер Друс быстро убрал руку с желудка.

— Нет, — сказал он, — о нет, я не могу покинуть ее. Я должен остаться с нею во имя счастья прежних дней.

Зазвонил телефон.

— Я занят, — резко сказал он в трубку.

Он швырнул трубку и, подняв глаза, обнаружил перед самым носом указательный палец Дугала. Тощий и мрачный Дугал превратился в следователя.

— У миссис Друс, — сказал Дугал, — есть деньги.

— Имеется известное количество акций страховых компаний, держателями которых, — сказал мистер Друс, не сводя взгляда с пальца Дугала, — мы являемся совместно с миссис Друс.

Дугал слегка погрозил указующим перстом.

— Она не позволит вам уйти от нее, — сказал он, — из-за этих денег.

Мистер Друс явно испугался.

— У нее есть также, — сказал Дугал, — компрометирующие вас сведения.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Мои глаза видят сквозь землю. В моих жилах струится кровь горца. — Дугал опустил вытянутую руку. — Можете считать, что я вам всячески симпатизирую, Винсент, — сказал он.

Мистер Друс уткнулся головой в стол и заплакал.

Дугал уселся и закурил сигарету из пачки мистера Друса. Он вздохнул, и плечи его еще больше

перекосились. Он откинулся на спинку стула, как выдохшийся медиум после спиритического сеанса.

— Малость всплакнуть, — сказал Дугал, — это всегда полезно. Лет сто назад все парни плакали почем зря.

Вошла Мерл Кавердейл с бумагами на подпись. Увидев, что происходит, она остановилась и щелкнула каблуками.

— Благодарю вас, мисс Кавердейл, — сказал Дугал и протянул руку за бумагами.

Тем временем мистер Друс выпрямился и стал сморкаться.

— У вас случайно нет расчески? — спросил Дугал, пожимая под бумагами руку Мерл.

Она сказала:

— Ужас что у нас творится.

— По какому вы делу, мисс Кавердейл? — спросил мистер Друс, из всех сил стараясь не всхлипывать.

— У мистера Друса побаливает голова, — сказал Дугал, выходя из кабинета вслед за нею.

— Да расскажите же, что случилось, — сказала Мерл.

Дугал посмотрел на часы.

— Простите, не могу задерживаться. Мне сей-

час предстоит важная встреча, тесно связанная с исследованиями персонала.

Дугал сидел в солнечной приемной, глядя на тюльпаны в глиняных горшках.

— Мистер Дуглас Дугал?

Дугал не поправил ее. Наоборот, он сказал:

— Совершенно верно.

— Пройдите, пожалуйста.

Он проследовал за ней в кабинет мистера Уиллиса, директора-распорядителя фирмы «Дровер и Уиллис, пекхэмские фабриканты текстиля».

— Добрый день, мистер Дугал, — сказал человек из-за стола, — присаживайтесь.

Услышав голос мистера Уиллиса, Дугал на ходу перестроился, ибо он понял, что мистер Уиллис — шотландец.

Мистер Уиллис держал перед собой заявление Дугала.

— Кончали в Эдинбурге? — спросил мистер Уиллис.

— Да, мистер Уиллис.

На фоне кирпичного личика мистера Уиллиса ярко выделились голубые глаза. Они вглядывались и вглядывались в Дугала.

— Дуглас Дугал, — прочел человек за столом в заявлении Дугала и спросил с кривой улыбочкой:

— Состоите в каком-нибудь родстве с Ферджи Дугалом, игроком в гольф?

— Нет, — сказал Дугал. — К сожалению, не состою.

Уголки губ мистера Уиллиса опустились в улыбке.

— Почему вы решили пойти на производство, мистер Дугал?

— Думаю, что здесь хорошие заработки, — сказал Дугал.

Мистер Уиллис снова улыбнулся.

— Это правильный ответ. Когда предыдущему кандидату был задан тот же вопрос, он ответил: «Индустрия должна идти рука об руку с культурой». Он ответил неверно. Скажите мне, мистер Дугал, почему вы решили поступить именно к нам?

— Мне нужна была работа, и на глаза попалось ваше объявление, — сказал Дугал. — Я также обратил внимание, что вам требуются инструкторы по автоматике и ткачи высокой квалификации; кроме того, чесальщики для работы на станках двухигольчатой горизонтальной системы, чесальщики и инструкторы для работы на плоскозамочных станках. Я сделал отсюда вывод, что вы расширяете производственную базу.

— Вы что-нибудь знаете о текстильном производстве?

— Я знаком с постановкой дела на фабрике фирмы «Мидоуз, Мид и Грайндли».

— «Мидоуз, Мид» далеко отстает от нас.

— Да. Именно этот вывод я и сделал.

— Теперь я скажу вам, чего мы ждем, чего мы требуем...

Дугал сидел выпрямившись и вмешался, лишь когда мистер Уиллис закончил:

— Рабочий день с девяти до семнадцати тридцати.

— Мне нужно будет отлучаться для исследований.

— Исследований?

— В области производственных отношений. Исследование психологических факторов, обуславливающих прогулы и так далее, согласно изложенному вами...

— Курс производственной психологии вы сможете пройти вечерами. И разумеется, вы получите допуск на фабрику.

— Изыскания, которые я имею в виду, — сказал Дугал, — будут отнимать у меня первую половину дня в течение минимум двух месяцев. Двух месяцев, пожалуй, хватит. Нужно будет обсле-

довать окружающую среду. Домашние условия. Пекхэм, несомненно, имеет свой специфический моральный облик.

Голубые глаза мистера Уиллиса фиксировали каждое слово. Дугал выдержал этот взгляд и продолжал говорить с той размеренностью, какая подобает серьезному, кривобокому и потому особенно усидчивому выпускнику Эдинбургского университета.

— Я поговорю с Дэвисом. Он у нас заведует кадрами. Мы с ним обсудим кандидатуры и, возможно, вызовем вас еще, мистер Дугал. Если мы остановимся на вас, не беспокойтесь, никто вашим изысканиям препятствовать не будет.

Фабричные ворота как раз открылись, когда Дугал сошел с крыльца конторы в тень и тишину проулков Нан-роуд. Кой-кого из девушек встречали мужья и ухажеры с автомобилями. Другие отъезжали на мотороллерах. Остальные шли к станции пешком.

— Дугал, привет, — позвала одна из них. — Ты что здесь делаешь? — Это была Элен, которая уже неделю работала у Дровера и Уиллиса. — Что ты здесь делаешь, Дугал?

— Хочу поступить на работу, — сказал он. — И похоже, что уже поступил.

— Тоже уходишь с «Мидоуз, Мид»?

— Нет, — сказал он. — О нет, ни за что на свете.

— Что ты затеял, Дугал?

— Пойдем выпьем, — сказал он, — и учти, что по эту сторону парка меня зовут Дуглас. Дугал Дуглас на «Мидоуз, Мид» и Дуглас Дугал у Уиллиса, заметь себе это. Чистая формальность — для страховой карточки и тому подобное.

— Я лучше буду тебя звать Дуг, и дело с концом.

Дикси сидела за своим столиком в машинописном бюро. Не поднимая глаз от стенограммы и не отрывая пальцев от клавиатуры, она ответила соседке:

— Он какой-то весь перекошенный из-за своего плеча. Не понимаю, как это девушка может с ним гулять.

Конни Уидин, дочь заведующего отделом кадров, сказала под стук своей машинки:

— Папа говорит, что он придурок. А по-моему, в нем что-то есть. Определенно.

— Конечно, еще бы не было. Нахальство в нем есть, вот и все. Мой младший братец его терпеть не может. Мамаша его любит. Папаша к нему относится так себе. Хамфри его любит. А я с ним несогласна. Девчонки с фабрики любят его, ты

ж понимаешь. А я его терпеть не могу со всеми его дурацкими штучками. — Она допечатала последнее слово и вынула листы из машинки. Аккуратно присоединила их к стопочке бумаг на подносе, вставила в машинку конверт, напечатала адрес, потом вставила чистые листы, перевернула страничку своих стенографических записей и застучала снова. — Папаша против него ничего не имеет, а Лесли его прямо не выносит. Я тебе скажу, кто его еще терпеть не может.

— Кто?

— Тревор Ломас. Вот Тревор его терпеть не может.

— А я терпеть не могу Тревора, если на то пошло, — сказала Конни. — Вот уж кто определенно некультурный. Гуляет с девчонкой из салона мод Силии, ее Бьюти зовут. Ничего себе Бьюти-фьюти!

— Он хорошо танцует. А что он терпеть не может Дугала Дугласа, так я вам скажу, ребятишки, у него есть на то свои веские причины, — сказала Дикси.

— Папа говорит, что он придурок. Он вроде бы должен помогать папе, чтоб на фабрике все было по-тихому. Но папа говорит, что обошлось бы и без его выдумок, хоть он и кончал разные там

заведения. Но что поделаешь, раз он приятный человек. В нем есть что-то особенное.

— Он гуляет с фабричными. Он гуляет с Элен Кент, которая была у нас контролером качества. Он и с ее милостью тоже гуляет.

— Ну да?

— Ага. Он бы лучше поостерегся мистера Друса, если решил приударить за ее милостью.

— Тише, ее милость на нас смотрит.

Мисс Мерл Кавердейл подала голос из своего начальственного места на другом конце комнаты: «Вам что-нибудь неясно, Дикси?»

— Нет.

— Если вам что-нибудь неясно, подойдите и спросите. Вам что-нибудь неясно, Конни?

— Нет.

— Если вам что-нибудь неясно, подойдите сюда и спросите: я вам объясню.

В это время появился Дугал и прошелся вприпрыжку по всей конторе без перегородок; он подскакивал и резвился так, будто под ногами у него не зеленый пластик, а райская лужайка.

— Доброе утро, девочки.

— Подумаешь, какое начальство явилось, — сказала Дикси.

Конни выдвинула ящичек, где у нее хранилось

зеркальце, посмотрелась в него и поправила волосы.

Дугал присел возле Мерл Кавердейл.

— Лично вас, — сказала она, протягивая ему листок бумаги, — спрашивала по телефону какая-то леди. Будьте так добры позвонить по этому номеру.

Он взглянул на бумажку, сунул ее в карман и сказал:

— Да, это от моих нанимателей.

Мерл издала грудной смешок особого свойства.

— Нанимателей — как прекрасно вы их называете. И много их у вас?

— Пока два, — сказал Дугал. — Глядишь, будет и три. Мистер Уидин у себя?

— Да, и он интересовался вами.

Дугал вскочил и пошел к мистеру Уидину: тот сидел в одном из стеклянных кабинетов, примыкавших к машинописному бюро.

— Мистер Дуглас, — сказал мистер Уидин, — я хочу задать вам один вопрос личного свойства. Что именно вы имеете в виду под кругозором?

— Под кругозором?

— Вот-вот, под кругозором; это меня очень интересует.

— В каком, простите, смысле — в буквальном

ли, то есть в оптическом, или в фигуральном, в смысле расширения общей способности к восприятию?

— Друс выражает претензию, что, мол, нашему отделу не хватает кругозора. Я подумал, что вполне может быть, вы с ним имели одну из ваших затяжных бесед?

— Мистер Уидин, — сказал Дугал, — не надо так дрожать. Расслабьте мышцы. — Из его кармана появилась квадратная серебряная бонбоньерочка с двумя отделениями. Дугал открыл обе крышечки. В одном отделении было несколько белых таблеточек. Другое было заполнено желтенькими. Дугал предложил бонбоньерку мистеру Уидину. — Примите две белые таблеточки — и вы успокоитесь, примите одну желтенькую — и вас охватит приятное возбуждение.

— Я не нуждаюсь в ваших пилюлях. Я только хочу знать...

— Желтенькие настроят вас на сексуальный лад. Беленькие успокоят ваши чувства и направят их в нужное русло. Но, конечно, одними таблетками вы не обойдетесь.

— Вы хотите сесть на мое место? Вы этого добиваетесь?

— Нет, — сказал Дугал.

— Потому что если вы этого хотите, то сделайте одолжение. Мне надоело служить в такой фирме, где начальство только и слушает, что бредни разных молодых вертунов. У меня уже была история с Мерл Кавердейл. Она нашептывала Друсу, будто я не умею налаживать отношения. Она нашептывала Друсу, будто моя девчонка Конни докладывает мне обо всем, что делается в бюро. Она...

— Мисс Кавердейл — девушка чувствительная. Вроде окапи, знаете. Пишется О-К-А-П-И. Помесь всех зверей. Очень редкое, очень нервное животное. Вы должны с этим считаться.

— А теперь явились вы и намекаете Друсу, что нам тут не хватает кругозора. А Друс вызывает меня, и я по его лицу вижу, что ему опять что-то взбрело в голову. Кругозор ему, видите ли, понадобился. Посоветуйтесь-ка, говорит, о том, о сем с нашим специалистом-гуманитарником. Я говорю: да он хоть бы раз на работу пришел, этот ваш специалист-гуманитарник. Чепуха, говорит, Уидин, мы с мистером Дугласом имели ряд долгих собеседований. Смотрите лучше, говорит, какие у него манеры, как он чудесно общается с работницами. Как же, говорю, общается — все больше по ночам в парке. И вам, говорит он, Уидин, не

стыдно опускаться до таких намеков. Прикажете, говорю, считать совпадением, что с тех пор, как к нам поступил мистер Дуглас, кривая прогулов возросла на восемь процентов и продолжает расти? Сначала все и должно, говорит, идти хуже и хуже, а уж потом само собой лучше сделается. Вот был бы у вас, Уидин, говорит он, хоть какой-нибудь кругозор, так вы бы себе это уяснили. Изучайте, говорит, Дугласа, наблюдайте его методы.

— Я тут как раз кой до чего докопался, — сказал Дугал. — Оказывается, у нас возле парка рядом расположены пять кладбищ общей площадью в одну квадратную милю. Посчитайте: Новое Кэмберуэльское, Старое Кэмберуэльское — это, правда, набито до отказа. Но есть ведь еще Нанхедское, Дептфордское и Льюишем-Грин. А знаете ли вы, что Нанхедское водохранилище вмещает девяносто один миллион литров? Между прочим, поначалу Мендельсон назвал свою «Весеннюю песню» «Кэмберуэлл-Грин». Да, мир тесен.

Мистер Уидин закрыл лицо руками и расплакался.

Дугал сказал:

— Вы больной человек, мистер Уидин, а я не выношу болезней. Это мой роковой недостаток.

Но я захватил с собой расческу. Хотите, я вас немножко причешу?

— Вы ненормальный, — сказал мистер Уидин.

— На свете нет ни одного вполне нормального человека, — сказал Дугал. — Нельзя быть чересчур нормальным, а то вы невесть куда угодите.

Мистер Уидин высморкался и заорал на Дугала:

— В моем возрасте я ни за что не найду хорошего места в другой фирме. Всюду и так много охотников на место заведующего отделом кадров. Если вы меня выживете отсюда, мистер Дуглас, то мне придется понизиться в должности. А у меня на руках жена и дети. Нет никаких сил работать с Друсом. И нет никакой возможности уйти отсюда. Я иной раз просто боюсь дойти до нервного потрясения.

— Ничего страшного, потрясетесь, — сказал Дугал. — Вот если человек небоскреб, то трястись опасно. А вы всего-навсего маленькая миленькая дачка.

— У нас нет своего дома, мы снимаем квартиру, — успел вставить мистер Уидин.

— А знаете ли вы, — сказал Дугал, — что вся полиция с нашего участка раскапывает подземный ход, который начинается у них во дворе и ведет

до самого Нанхеда? А не мешало бы вам иной раз поразмыслить о подземных ходах. Да знаете ли вы, что Боадицею вконец разгромили и добили в аллеях нашего парка? А она была великой и могутной воительницей. Послушайтесь-ка мистера Друса и перенимайте мои методы, мистер Уидин. Могу давать вам уроки по десять шиллингов шесть пенсов за час.

Мистер Уидин встал и размахнулся, но ударить не смог: стены кабинета были почти целиком из стекла, и он чувствовал, что на них с Дугалом смотрят со всех сторон.

В субботу утром Дугал сидел в обшитом панелями холле мисс Фрайерн и набирал номер с листка бумаги, который вручила ему накануне Мерл Кавердейл.

— Мисс Чизмен, пожалуйста, — сказал Дугал.

— Ее сейчас нет, — сказал голос из-за реки. — Что ей передать, кто звонил?

— Мистер Дугал-Дуглас, — сказал Дугал, — пишется через черточку. — Передайте мисс Чизмен, что я буду дома все утро.

Потом он позвонил Джинни.

— Хэлло, как здоровье? — сказал он.

— У меня суп на плите. Я тебе перезвоню.

Мисс Фрайерн гладила в кухне. Она сказала

Дугалу:

— Хамфри собирался слазить сегодня под вечер на крышу. Там что-то скрипит. Не может быть, чтоб шифер отстал, это, наверно, в шкафу рассохлась какая-нибудь балка.

— Забавно, — сказал Дугал, — что она скрипит только по ночам. Откуда-то раздается: «Скрип-пип!» — Он подпрыгнул так, что посуда загремела в сушилке.

— Надо думать, что балка скрипит от холода, — сказала мисс Фрайерн.

Зазвонил телефон. Дугал бросился в холл. Однако это была не Джинни.

— Дуг, дорогой, — сказала Мария Чизмен из-за реки.

— А, это вы, Чиз.

— Но, право же, мы должны придерживаться фактов, — сказала мисс Чизмен. — Все, что у вас рассказано о моем детстве в Пекхэме, это же неправда, я выросла в Стретхэме.

— Нельзя нарушать закон о клевете в печати, — сказал Дугал. — Десяток-другой сверстников вашей стретхэмской юности еще живы. Если вы хотите правдиво описать свою жизнь, то забудьте, что вы росли в Стретхэме.

— Но, Дуг, дорогой, вот тот кусок, где я у вас рас-

сказываю, как я выступала вместе с Гарольдом Ллойдом и Фордом Стерлингом в театре Голден Доумз в Кэмберуэлле, — это же все неправда, дорогой. Я действительно выступала в одном ревю с Фэтти Арбаклем, но это было в Саут Шилдс.

— Я-то думал, что вы хотите создать произведение искусства, — сказал Дугал, — а теперь выходит, что я ошибался? Если вы хотите просто-напросто писать напрямик все как было — пусть за вас отдувается кто постройнее. А я кривобокий.

— Ну, Дуг, дорогой, эта история с шотландцем из Гордоновского полка, по-моему, вышла как-то грубовато, вы не находите? Конечно, это все очень забавно насчет юбки, но несколько смущает...

— Ну и пишите сами свою автобиографию, — сказал Дугал.

— О, Дуг, дорогой, приходите к чаю.

— Нет, вы меня оскорбили в лучших чувствах.

— Дуг, дорогой, я в таком восторге от своей книги. Я уверена, что все выйдет изумительно. Не то чтобы мне так уж понравилась вся глава третья, но...

— Что вас не устраивает в главе третьей?

— Ну, только самая-самая ее концовка, ведь это же не обо мне.

— Я буду у вас к четырем, — сказал он, — но учтите, Чиз, что я не люблю ездить туда-сюда через реку в разгаре работы над произведением искусства. Я посвящаю этой работе все свое время.

Дугал сказал Хамфри:

— Нынче я ездил по делам на тот берег реки, а оказавшись в тех местах, зашел повидаться с моей девушкой.

— Там живет ваша девушка?

— Живет, но уже не моя. Теперь она помолвлена с другим.

— Женщины вообще аморальны, — сказал Хамфри. — Взять хоть те же профсоюзы. Они сначала голосуют так, а потом идут и поступают эдак.

— Она мне подходила, моя Джинни, — сказал Дугал, — но у нее чересчур хрупкое здоровье. Вы верите в дьявола?

— Нет.

— А хоть кто-нибудь, по-вашему, верит в дьявола?

— Ну, наверно, какие-нибудь там ирландцы.

— Пощупайте мою голову, — сказал Дугал.

— Что?

— Пощупайте вот здесь эти шишечки. — Дугал помог Хамфри найти их среди завитков волос над

лбом. — Это у меня после пластической операции, — сказал Дугал.

— Что?

— Мне удалили оба рога путем пластической операции. Перед операцией мне в больнице выбрили голову. Волосы потом долго не отрастали.

Хамфри улыбнулся и снова пощупал шишечки в курчавых волосах Дугала.

— Пара наростов, — сказал он. — У меня у самого есть бугор на затылке. Пощупайте.

Дугал пощупал бугор с миной знатока.

— Значит, считать вас за дьявола? — спросил Хамфри.

— Нет, что вы, я всего-навсего злой дух, шляюсь по свету и ловлю человеков. А вы починили эти кровельные балки, которые издавали такой ужасный скрип-пип?

— Починил, — сказал Хамфри. — Дикси больше не придет.

Глава 6

— Совершенно поразительно, — сказал Дугал, — как это он ухитряется всюду поспеть, даром что в школе учится.

Нелли Маэни кивнула, расплющила окурок и посмотрела на пачку сигарет на столе возле Дугала.

— Одолжайтесь, — сказал Дугал и прикурил для нее сигарету.

— Ага, — сказала Нелли. Она оглядела свою комнату. — Это все чистая грязь, — сказала она.

— Поневоле подумаешь, — сказал Дугал, — что не худо бы его родителям слегка присматривать за ним.

Нелли благодарственно затянулась.

— Не иначе как торчит в «Слоне», где и остальные. Как зовут-то?

— Лесли Кру. Тринадцати лет от роду. Отец — мастер на фабрике готового платья Беверли-Хиллз в Брикстоне.

— А живут где?

— Дом двенадцать по Главной Парковой.

Нелли кивнула.

— И много вы ему платите?

— Первый раз дал фунт, второй — тридцать шиллингов. А теперь он просит пять фунтов в неделю, хоть ты тресни.

Нелли зашептала:

— Ясное дело, это его шайка подначивает. А вы не можете бросить какую-нибудь работу на месяц-другой?

— Чего ради? — сказал Дугал. — Разве чтоб доставить удовольствие тринадцатилетнему вымогателю?

Нелли замахала на него и яростно зашлепала губами. Она быстро показала глазами на стену соседней комнаты, напоминая, что у стен есть уши.

— Тринадцатилетнему вымогателю, — сказал Дугал чуть потише.

Но Нелли вообще не нравилось слово «вымогатель»: она заткнула Дугалу рот дряблой, пропахшей рыбой ладонью и зашептала на ухо — так, что ее длинные седые космы лезли ему в самый нос:

— В соседней комнате живет жуткий паршивец, — сказала она. — Такой слюнтяй — ни за что не станет работать, хоть ты его золотом осыпь. Лучше попридержите язык. — Она отпустила Дугала и принялась задергивать занавески.

— Не то что я, — сказал Дугал, — я хочу работать за троих, за четверых, за пятерых, а с меня за это вымогают шантажом деньги.

Она в три прыжка с присестом подскочила к нему и больно ткнула в спину. Потом вернулась к окошку, грязно-серому, как дерюга, и ничем не отличавшемуся от занавески, которую она задернула. На полу лежали клочья истертой циновки точно такого же цвета. Тот же оттенок являла и колченогая, сбитая комьями постель в углу.

— И все ж таки как я рада, что вы зашли, — сказала Нелли уже в третий раз, — да, не хотите ли чашечку чаю?

Дугал в третий раз сказал, что, спасибо, не хочет.

Нелли поскребла в голове и, возвысив голос, заявила:

— Хвала господу, рассыпающему награды среди тех, кто постигает истины себе в поучение.

— Мне думается, — сказал Дугал, — что я живу именно так, как велит священное писание.

— Еще чего, — сказала Нелли. Она содрогнулась в последнем приливе отходящего экстаза и взяла сигарету из пачки Дугала.

— Возьмите хоть историю про Моисея в тростниках. Ловко было сработано. Мать получила

ребенка назад, а в придачу и расходы были оплачены. Возьмите опять же притчу о Неверном Управителе. А как насчет притчи...

— Стоп, — сказала Нелли, возложа руку на истасканную блузку. — От священного писания меня аж дрожь берет: боюсь, как бы снова не заполучить чахотку.

— Вы родились в Пекхэме? — спросил Дугал.

— Нет, в Голуэе. Хотя не помню, может, и не там. А в Пекхэме я с детских лет.

— Где вы работали?

— На обувной фабрике началась моя трудовая жизнь. Не хотите ли чашечку чаю?

Дугал отсчитал десять шиллингов.

— Маловато, — сказала Нелли.

Дугал прибавил еще десять.

— Ежели я за этими парнями буду таскаться до «Слона» и обратно, так на дорогу и то больше уйдет, сами понимаете, — сказала Нелли. — С одним фунтом в кармане я за такое дело не возьмусь.

— Ну, пусть будет два фунта, — сказал Дугал. — Через неделю добавим.

— Договорились, — сказала она.

— А то, глядишь, мне дешевле станет платить Лесли.

— Нет, не станет, — сказала она. — Он будет с

вас тянуть все больше и больше. Но уж если я им глотки-то заткну, так вы меня, надеюсь, не обидите.

— Десять фунтов, — сказал Дугал.

— Идет, — сказала она. — А то смотрите, вдруг какой-нибудь ваш начальничек обо всем догадается? Конкуренты, сами понимаете, дело нешуточное.

— А скажите-ка мне, — сказал Дугал, — сколько вам лет?

— Да примерно так шестьдесят четыре. Как насчет чашечки чаю? — Она оглядела комнату. — Это все чистая грязь.

— Лучше расскажите мне, — сказал Дугал, — как оно было работать на обувной фабрике.

Она подробно рассказала ему, как ей жилось, когда она работала на обувной фабрике; но наконец ей приспело время возвращаться на круги своя и пророчествовать. Дугал спустился вслед за ней по вонючим и темным винтовым лестницам «Номеров для одиноких»; они расстались у самых дверей, он прошел первым.

— Спокойной ночи, Нелли.

— Спокойной ночи, мистер Дуйвголос.

— Где мистер Дуглас? — спросил мистер Уидин.

— Он уже неделю не показывался, — ответила Мерл Кавердейл. — Хотите, я позвоню ему домой и выясню, здоров ли он?

— Да, так и сделайте, — сказал мистер Уидин. — Нет, не надо. Собственно, почему бы и нет. Хотя, может быть, лучше...

Мерл Кавердейл стояла перед мистером Уидином, постукивая карандашом по блокноту, и глядела, как его руки ерзают по столу среди бумаг.

— Спросим лучше у мистера Друса, — сказал мистер Уидин. — Он, наверно, знает, где мистер Дуглас.

— Он не знает, — сказала Мерл.

— Разве не знает?

— Нет, он не знает.

— Подождем до завтра. Посмотрим, а вдруг он придет завтра.

— Как ваше здоровье, мистер Уидин?

— Это мое-то? Ничего, а что?

Мерл пошла к мистеру Друсу.

— Дугал уже неделю и близко не показывался.

— Оставьте его в покое. Парень знает, что делает.

Она вернулась к мистеру Уидину и остановилась в дверях с приторной улыбкой на лице.

— Нам надо оставить его в покое. Парень знает, что делает.

— Зайдите и притворите дверь, — сказал мистер Уидин.

Она закрыла дверь и подошла к его столу.

— Я не такой уж суеверный, — сказал мистер Уидин, и руки его, ворошившие бумаги, затряслись. — Но тут мистер Дуглас кое-что мне сообщил, и это засело у меня в голове. — Он вытянул шею и завертел головой, глядя по сторонам сквозь стеклянные панели.

— Они все пошли пить чай, — сказала Мерл.

Мистер Уидин уткнулся лицом в ладони.

— Это вам будет странно слышать, — сказал он, — особенно от меня. Но лично я убежден, что Дугал Дуглас состоит на службе у дьявола, если он не сам дьявол.

— Мистер Уидин, — сказала мисс Кавердейл.

— Да, я знаю, что вы думаете. Да, да, вы думаете, что у меня здесь не все в порядке. — Он показал на свой правый висок и повинтил возле него пальцем. — А знаете ли вы, — сказал он, — что Дуглас сам показывал мне шишки в тех местах, где у него были рога, ампутированные путем пластической операции.

— Не надо так волноваться, мистер Уидин. Не

кричите. Девушки уже идут из столовой.

— Я щупал его шишки вот этими самыми руками. Вы смотрели, вы когда-нибудь толком заглянули ему в глаза? А это его плечо...

— Успокойтесь, мистер Уидин, тише, тише, ну что вы говорите, сами подумайте.

Мистер Уидин указал трясущейся рукой в сторону кабинета управляющего.

— Заколдовали, — сказал он.

Мерл попятилась и мелкими шажками кой-как выбралась за дверь. Она снова пошла к мистеру Друсу.

— Мистеру Уидину пора идти в отпуск, — сказала она.

Мистер Друс взял разрезной нож, взвесил его в руке, замахнулся им на Мерл и положил нож обратно на стол.

— Что вы сказали? — спросил он.

Когда Дугал утром в пятницу отчитывался перед управляющим, на предприятии Дровера и Уиллиса стоял деловой гул.

— На протяжении первой недели, — сказал Дугал мистеру Уиллису, — я произвел ряд наблюдений над моралью Пекхэма. Мне кажется, что в основе неудовлетворенности персонала, ведущей к прогулам и халатности на производстве, то есть

к тому, на что вы мне указали, лежит моральный фактор.

Голубые глаза мистера Уиллиса рассматривали рассудительного земляка, сидевшего перед ним с засаленным блокнотом на коленях.

Наконец мистер Уиллис сказал:

— Такой подход представляется мне правильным, мистер Дугал.

Дугал расселся посвободнее и продолжал свой доклад с отсутствующим и сосредоточенным взглядом, полуприкрыв глаза.

— В Пекхэме наблюдаются четыре моральных типа, — сказал он. — Во-первых, эмоциональный. Во-вторых, функциональный. В-третьих, пуританский. В-четвертых, христианский.

Мистер Уиллис раскрыл серебряную сигаретницу и протянул ее Дугалу.

— Спасибо, не курю, — сказал Дугал. — Возьмем первую, эмоциональную категорию. Среди лиц этой категории считается, например, аморальным жить с женой, к которой не питаешь сексуального влечения. Возьмем вторую, функциональную: ее основным групповым фактором является классовая солидарность, подобная той, какая в иные периоды и в иных обстоятельствах существовала среди аристократии и домини-

рующее проявление которой в наши дни мы наблюдаем в профсоюзном движении. Третья — пуританская, которая имеет несколько новейших разновидностей: мерилом нравственной жизни здесь служит успех в его денежном выражении. Четвертая — традиционная, которая охватывает не более одного процента населения Пекхэма и в своей простейшей форме может быть условно названа христианской. Конечно, наблюдается взаимопроникновение нравственных категорий. Зачастую признаки всех четырех могут быть обнаружены в верованиях и поведении одного индивида.

— И что же из этого следует?

— Не могу вам сказать, — сказал Дугал. — Это лишь результаты предварительного анализа.

— Будьте добры представить ваши мысли в письменном виде, мистер Дугал.

Дугал раскрыл блокнот и извлек оттуда два листа бумаги.

— Вот разработка вопроса. С приложением случаев из практики.

Мистер Уиллис криво улыбнулся и спросил:

— Который же из этих четырех моральных кодов вы назвали бы наиболее привлекательным, мистер Дугал?

— Привлекательным? — переспросил Дугал, не скрывая неодобрения.

— Привлекательным для нас. То есть полезным, я хочу сказать, полезным.

Дугал весь ушел в размышления и не прерывал их до тех пор, пока мистеру Уиллису не пришлось, не роняя достоинства, незаметно убрать улыбочку с лица.

Затем мистер Уиллис услышал:

— Не могу вам сказать, не углубившись в изучение вопроса.

— Итак, вы нам представите очередной отчет на будущей неделе?

— Нет, мне понадобится месяц, — заявил Дугал. — Месяц самостоятельной работы. Если вы хотите, чтобы я продолжил изыскания по этой линии производственной психологии, то мы с вами увидимся не раньше чем через месяц.

— Вам надо держаться поближе к фабрике, — сказал мистер Уиллис. — Пекхэм велик. А нас прежде всего интересует наше собственное предприятие.

— Как раз сегодня меня и должны ознакомить с постановкой производства у вас на фабрике, — сказал Дугал. — А к концу месяца я намерен уяснить себе времяпрепровождение работников

в местах отдыха и в столовых.

Мистер Уиллис молча смотрел на Дугала, и тот позволил себе выказать некоторую увлеченность. Он подался вперед.

— Обращали вы внимание, мистер Уиллис, на то, как часто ваши работники употребляют слово «аморальный»? Замечали вы, что они почти столь же часто употребляют выражение «некультурный»? В этих словах есть глубокий смысл, — сказал Дугал, — как психологический, так и социологический.

Мистер Уиллис как можно более ободряюще улыбнулся Дугалу.

— Берите месяц и посмотрим, что у вас выйдет, — сказал он. — Но к концу месяца представьте нам подробный план действий. Дровер, мой компаньон, очень озабочен прогулами. Нам надо взять курс на моральное оздоровление, взаимоприемлемый для нас и для персонала. У вас есть здравые мысли, это я вижу. И есть метод. Мне нравится наличие метода.

Дугал кивнул и вышел из кабинета с деловым выражением на вытянутом лице.

Мисс Фрайерн сказала:

— Тут заходил такой мальчонка Лесли Кру. Вас искал. Хотел узнать, нет ли у вас каких поруче-

ний, чтоб ему подзаработать шиллинг-другой — умница, да и только. Небось у матери с деньгами туговато.

— С ним кто-нибудь был?

— Нет, никого. Он даже и пришел-то с черного хода.

— Да? — сказал Дугал. — И быстро вы его спровадили?

— Нет, почему, он довольно долго не уходил. Все говорил: хоть бы дождаться мистера Дугласа, вдруг бы, говорит, я бы ему чем пригодился. Очень себя вежливо держал, ничего не скажешь. Потом он спросил, сколько времени, а потом рассказал, что его папа раньше жил на нашей улице, дом номер восемь. Ну, я и провела его в кухню. Отчего, думаю, мальчика не побаловать, и дала ему пончик. Он рассказал, что его сестра только и думает о том, как они с Хамфри поженятся в сентябре. Рассказал, что она все свои заработки откладывает на книжку, а ее отец из Америки шлет деньги ей на тряпки. Он рассказал...

— Он, наверно, долго вам тут зубы заговаривал, — сказал Дугал.

— Да я была не против. Даже как-то отдохнула с ним. Он парень-то хороший. По воскресеньям ходит за город в походы с ровер-скаутами. А я

тогда как раз только зашла в дом и была немного не в себе, потому что со мной на улице кое-что приключилось, так вот...

— Он не спрашивал, нельзя ли ему пойти наверх и посидеть у меня в комнате?

— Нет, зачем же так уж сразу. Да я бы и не пустила его в вашу комнату, тем более раз вы просили туда не пускать. Не беспокойтесь вы за вашу комнату. Кому она нужна, ваша комната, хотела бы я знать.

Дугал сказал:

— Вы слишком невинны для нашей грешной земли.

— Я и всегда была слишком невинная, — сказала мисс Фрайерн. — Поэтому-то я так и растерялась в тот день на Горе с шотландцем Гордоновского полка. Выпейте чашечку чаю.

— Спасибо, — сказал Дугал. — Я сначала забегу на минутку к себе наверх.

В его комнате, конечно, кто-то похозяйничал. Он выдвинул ящик туалетного столика и увидел, что два блокнотика исчезли. Его портативную пишущую машинку раскрывали и не сумели толком запереть футляр. Однако тот тип, который орудовал у него в комнате, пока Лесли занимал беседой мисс Фрайерн, не тронул десяти пяти-

фунтовых бумажек в другом ящичке.

Он спустился на кухню, где мисс Фрайерн вздыхала над чашкой чаю.

— В следующий раз, когда Лесли явится к вам с черного хода, поглядите, кого он там оставил возле парадного, хорошо? А то мне его отец говорил, что он болтается после школы невесть с кем.

— Он только хотел узнать, нет ли у вас каких поручений. Видно, чтобы помочь матери, такой умница. Я ему сказала: что, небось бекона за завтраком мало достается? Он еще придет. Неиспорченный мальчик, это я сердцем чувствую, а сердце, оно всегда подскажет. Вот, например, сегодня со мной был один случай. — Она замолчала и отхлебнула из чашки.

Дугал тоже отхлебнул.

— Давайте, — сказал он, — вам же до смерти хочется рассказать мне, что у вас случилось.

— Вот как бог свят, — сказала она, — я повстречала сегодня в Кэмберуэлл-Грин своего брата, который ушел из дому в девятьсот девятнадцатом. И все эти годы от него не было ни слуху ни духу. А сейчас он шел от вокзала.

— Вы подошли и заговорили с ним?

— Нет, — сказала она, — не подошла. Он был так плохо одет, у него был ужасный вид. И что-то

остановило меня. Это заговорило сердце. Я не смогла к нему подойти. Он тоже меня увидел.

Она вытащила из рукава платок и вытерла глаза под очками.

— Надо было подойти, — сказал Дугал. — Надо было сказать: «Это ты...» — как его звали?

— Гарольд, — сказала она.

— Надо было сказать: «Это ты, Гарольд?» — вот что вам надо было сделать. А вы, наоборот, не подошли. Вы возвратились домой и угостили пончиком этого маленького паскудника Лесли.

— Не тычьте в меня пальцем, Дугал. В моем доме это никому не позволяется. Вы гложете подыскать себе другое жилище, если вам вздумается, когда вам вздумается и как только вам вздумается.

Дугал встал и прошелся по кухне, едва волоча ноги и ссутулившись под гнетом старости и болезней.

— Похоже на вашего старшего брата? — спросил он.

Она закатилась нервическим смехом.

Дугал сунул руки в карманы и уныло посмотрел на свои туфли.

Обильные слезы заструились из-под ее очков.

— А может, это был вовсе и не ваш брат, — ска-

зал Дугал.

— Вот я и думаю, сынок, вдруг это все-таки не он.

— Лучше пощупайте-ка мою голову, — сказал Дугал, — вот эти две небольшие шишечки.

— В Пекхэме имеется четыре типа морали, — сказал Дугал мистеру Друсу. — Первая категория...

— Дугал, — спросил тот, — вы сегодня вечером заняты?

— Как обычно, привожу в порядок свои записи. Представляете, ведь Оливер Голдсмит, оказывается, преподавал в пекхэмской школе? Он систематически прогуливал, уезжал из Пекхэма в Темпл и околачивался в кофейне. С чего бы это он?

— Мне нужен ваш совет, — сказал мистер Друс. — Есть одно местечко в Сохо...

— Терпеть не могу ездить через реку, — сказал Дугал, — на помело надо садиться.

Мистер Друс подпер рукой подбородок и с любовью посмотрел на Дугала.

— Есть одно местечко в Сохо...

— Пару часов я вам смогу уделить, — сказал Дугал. — Можем повидаться в девять вечера в Далуиче, в пивной «Дракон».

— Знаете, хотелось бы посидеть целый вечер, Дугал: пообедать в этом местечке в Сохо.

— В девять в «Драконе», — сказал Дугал.

— У миссис Друс в Далуиче масса знакомых.

— Тем лучше, — сказал Дугал.

Дугал прибыл в «Дракон» ровно в девять. В ожидании мистера Друса он выпил джина с мятным тоником. В половине десятого появились две девушки с фабрики Дровера и Уиллиса. Дугал подсел к ним. Мистера Друса все не было. В десять они поехали автобусом в «Розмариновую ветку», на Саутгэмптонское шоссе. Здесь Дугал растолковывал девушкам, что все должны через раз прогуливать утром в понедельник. Когда они вышли из пивной в одиннадцать, Нелли Маэни кинулась к ним через улицу.

— Хвала господу, — заорала она, — ибо воистину провидит все на свете...

— Привет, Нелли, — сказала ей мимоходом одна из девиц.

Нелли повысила голос и возгласила:

— Богу нашему хвала, ибо горек ему грех, Тревор Ломас, Колли Гулд в «Слоне» с юным Лесли, и сладка епитимья, вознесет же смиренных и укрепит мышцу праведным.

— Ну-ну, Нелли, — сказал Дугал.

Глава 7

— Да, Чиз? — сказал Дугал.

— Слушайте, Дут, по-моему, ни к чему нам с вами этот эпизод в далуичском «Драконе», он неприличный. И потом это же неправда. Я в этом возрасте и не бывала никогда в Сохо. Я в жизни не встречалась ни с каким управляющим.

— Надо обеспечить распродажу книги, — сказал Дугал. Он подышал на дубовую панель холла мисс Фрайерн и свободной рукой нарисовал на запотевшей туманной поверхности чей-то профиль.

— И еще, Дуг, дорогой, — сказал голос из-за реки, — как вы узнали, что моя трудовая жизнь началась на обувной фабрике? Ведь я-то вам этого не рассказывала. Откуда же вы это знали?

— Я не знал, Чиз, — сказал Дугал.

— Наверняка знали. У вас расписано все вплоть до подробностей, только это было не в Пекхэме, а в Стретхэме. Когда я читала, прошлое оживало передо мной. Прямо мороз по коже. Вы обо мне наводили справки, да, Дуг?

— Ага, — сказал Дугал. Он подышал на панель, написал какое-то слово, потом стер его.

— Дуг, так нельзя. Как подумаешь, что люди о

тебе все узнают, так просто ужас берет, — сказала мисс Чизмен. — Ну, зачем это все надо — про обувную фабрику и так далее. И там угадывается время. Это выдает мой возраст.

— И выходит, что вам всего-то шестьдесят восемь, Чиз.

— Но, Дуг, надо постараться, чтобы мне выходило еще поменьше. Приезжайте, Дуг, умоляю вас. Мне прямо-таки нездоровится.

— Ввиду моего рокового недостатка, — сказал Дугал, — я терпеть не могу, если кому нездоровится. Кроме того, по субботам я беру отгул, и вообще жаль губить такой прелестный летний день.

— Дорогой Дуг, я обещаю вам, что поправлюсь. Только приезжайте. Меня так волнует моя книга. Она написана как-то... как-то слишком...

— Вразброс, — сказал Дуглас.

— Да, вот именно.

— Буду у вас к четырем, — сказал Дугал.

В закусочной «Слон» к Залу холлисовских шницелей сзади примыкала комнатка, застланная синтетическим ковром серого цвета и обставленная современной мебелью в красных тонах. Здесь были тахта, два кубических кресла, телевизор на светлой деревянной подставке, низенький кофейный столик со стеклянной крышкой, столик с

портативным проигрывателем и магнитофоном, секретер светлого дерева, торшер и несколько пепельниц на треножниках. Две стены были оклеены обоями в серую полоску. Две других были выкрашены под накат: золотые звезды по красному полю. К стенам крепились многочисленные кронштейны, а на них — кашпо с «бабьими сплетнями». Полосатые красно-белые шторы были задернуты. Два темно-красных стенных светильника озаряли этот веселенький интерьер. В одном кресле сидел Лесли Кру, чья шея как бы одеревенела от напряженного внимания. На нем были темно-синий костюм стандартного покроя и персиковый галстук, и выглядел он куда старше своих тринадцати лет. В другом кресле развалился восемнадцатилетний Колли Гулд, признанный негодным к несению воинской службы; у Колли были не в порядке легкие, и он состоял под медицинским наблюдением. В настоящее время он обвинялся в краже автомобильных моторов и был условно освобожден на поруки. Он был в темно-сером двубортном пиджаке и узких черных брюках. Тревор Ломас, весь в серо-голубом, возлежал на тахте посредине. Все трое курили американские сигареты. У всех троих был плаксивый вид, но не

потому, что они собирались плакать: так у них выражалась инстинктивная готовность к чему угодно и на что угодно.

Тревор держал в руке тонкий черновой блокнотик, один из тех двух, которые он стащил из дугаловского столика. Другой блокнотик лежал возле него на ковре.

— Послушайте, — сказал Тревор. — Называется «Фразы для Чиз».

— Для чего? — спросил Колли.

— Тут сказано «для Чиз». Шифровка, это ясно. Послушайте, может, что поймете. Читаю подряд.

— «От его прикосновения меня охватил трепет.

В то время я была еще так молода, что даже не понимала, отчего плачет моя мать.

Когда он вошел в комнату, дрожь пронизала все мое существо.

Этот безмолвный миг обновил наше пошатнувшееся взаимопонимание.

Ей суждено было сыграть роковую роль в моей жизни.

Память не солгала мне.

Он всегда был неизлечимым романтиком.

Я стала горделивой обладательницей велосипеда.

Он говорил со мной безжизненным голосом.

И снова осень. Осень. И в парке жгут листья.

Он был для меня предвестником катастрофы.

Я упивалась своей первой трагической ролью.

Я не могла смотреть на других мужчин.

В нашу жизнь закралась ложь.

Она явилась неоценимым источником сведений.

Судьба еще раз вмешалась в нашу жизнь.

Щедрость была заложена в его натуре.

Я испытала злорадное удовлетворение.

Их разъединяла пропасть.

Я погрузилась в прерывистую дремоту».

— Прочти нам еще раз, Трев, — сказал Лесли. — Похоже на диктовку. Может, он вдобавок еще и учитель.

Тревор пропустил его слова мимо ушей. Он постучал по блокнотику и обратился к Колли.

— Шифровка, — сказал он. — Стоило повозиться. Несчастное выражение лица Колли показало, что он согласен.

— У него своя шайка, это ясно. Птица покрупнее, чем я думал. Теперь вопрос в том, чтобы разузнать, чего ему надо.

— Секса, — сказал Лесли.

— Да что ты говоришь? — сказал Тревор. — Да

ты у нас сообразительный, сынок. Но мы об этом и сами чисто случайно догадались. Какого секса? — вот весь вопрос. Вопрос в том, национального или интернационального?

Колли выпустил изо рта дым так медленно, как будто изрыгнул яд.

— Надо найти ключ и расшифровать, — сказал он больным голосом. — Ключ здесь осень. Что там было насчет осени?

— Вы что, совсем отупели? — вопросил Тревор через ноздри. — Это же шифровка. Осень тут совсем в другом смысле. Тут все в другом смысле.

Он уронил блокнотик и с болезненной гримасой поднял с пола другой. Он прочел:

— «Пекхэм. Способы общения.

Действия эффективнее слов. Все обыгрывать. Изображать.

Мораль. Функциональная. Эмоциональная. Пуританская. Классическая.

Нелли Маэни. «Номера для одиноких».

Подземный ход. Раскопки в Квакерском переулке, двор полицейского участка. Орден св. Бригитты. Наутро монахинь как не бывало».

Тревор перелистнул блокнотик.

— «Запись в приходской книге от мая 5, 1658.

Роза, мужняя жена У-ма Хэтэуэя

Захоронена на 103 году жизни
Сыну же раждила 63 лет от роду».

Тревор сказал:

— Определенно шифровка. Видите: написано «раждила». Кому это надо — рожать сыновей в 63 года.

Колли и Лесли пододвинулись и заглянули в блокнотик.

— Вот он, ключ-то, — сказал Колли, — давайте расшифровывать.

— Да ну, — сказал Тревор, — да что ты говоришь? Айда, ребятишки, надо повидаться с Нелли Маэни.

— Раз мы собираемся ругаться, — сказала Мэвис, — так включи приемник погромче.

— Мы не собираемся ругаться, — сказал ее муж Артур Кру, сдерживаясь что есть мочи. — Я тебя попросту спрашиваю, как это ты отпускаешь его и не можешь спросить, куда он пошел?

Мэвис включила приемник на полную громкость. Потом она переорала приемник:

— Хочешь узнать, куда он пошел, так спрашивай его сам.

— Почему это я могу его спросить, а ты не можешь? — спросил Артур, соревнуясь в громкости с музыкальной радиопередачей.

— Да какое тебе дело, куда он пошел? Что он, дитя малое, чтоб за ним бегать? Ему тринадцать исполнилось.

— Ты должна за ним хоть как-то присматривать. Конечно, теперь уже поздно...

— Вот и присматривай за ним, раз ты...

— Что мне, работу бросить и за детьми смотреть? Не будь ты такая...

— Нечего тут на меня ругаться, — сказала Мэвис.

— Я и не ругался. Но захочу и буду ругаться, чтоб я сдох, и нечего тут на меня орать. — Он выключил приемник, и наступившая тишина отдалась звоном в ушах.

— Включи приемник. Раз мы собираемся ругаться, так пусть хоть соседи не слышат, — сказала Мэвис.

— Ладно, оставь, — сказал Артур, мучительно сдерживаясь. — Никто не собирается ругаться.

Спустилась Дикси.

— Что за крик? — сказала она.

— Твой отчим завелся насчет Лесли. Я у него перед уходом, видите ли, не спрашиваю, куда он пошел. А я ему говорю, пусть сам спрашивает, раз ему так интересно. У меня что, глаза на затылке?

— Ш-ш-ш. Не повышай голос, — сказал Артур.

— Да он Лесли слово боится сказать, — сказала Дикси.

— В чем все и дело, — сказала ее мать.

— Кто боится? — заорал Артур.

— Ты боишься, — заорала Мэвис.

— Это не я боюсь. Это ты боишься...

— Выдержка, — сказал Тревор. — Главное — выдержка. Расчет на психологию.

Все трое размеренно поднимались по каменным лестницам «Номеров для одиноких». Два раза на площадках приоткрывались двери, выглядывали головы, и двери тут же снова захлопывались. Возле двери Нелли Маэни Тревор и его подручные затопали громче. Тревор постучал три раза на полицейский манер и приложил ухо к трещине двери.

Кто-то прошаркал в переднюю, щелкнул выключатель, и воцарилось молчание.

Тревор постучал еще раз.

— Кто там? — сказала Нелли из-за самой двери.

— Полиция, — сказал Тревор.

Снова щелкнул выключатель, и Нелли чуть приоткрыла дверь.

Тревор распахнул ее настежь и вошел, за ним последовали Колли и Лесли.

Лесли сказал:

— Меня не заманишь в эту грязную дыру, — и попробовал улизнуть.

Тревор остановил его, ухвативши за пиджак.

— Это все чистая грязь, — сказала Нелли.

— Садись вон туда, — сказал Тревор Нелли, указывая на стул возле столика. Она подчинилась.

Сам он примостился на краешке стола и указал Лесли на край кровати, а Колли — на хромоногое кресло.

— Мы пришли, — сказал Тревор, — потолковать насчет мистера Дугала Дугласа.

— В жизни о нем не слыхивала, — сказала Нелли.

— Да ну? — сказал Тревор, сложив руки на груди.

— Это вы, значит, и есть полиция? А ну-ка убирайтесь, если не хотите иметь неприятности. Тут за стенкой спит один джентльмен, и стоит мне повысить голос...

Колли и Лесли посмотрели на указанную стенку.

— Ври больше, — сказал Тревор. — Он сегодня ушел на футбол. Так вот, насчет мистера Дугала Дугласа...

— В жизни о нем не слыхала, — сказала Нелли.

Тревор слегка наклонился к ней, ухватил прядь

ее длинных волос и сильно дернул за нее.

— Помогите! Убивают! Полиция! — сказала Нелли.

Тревор заткнул ей рот. своей широкой ладонью и принялся увещевать:

— Слушай, Нелли, мы тебя не обидим. Мы тебе хорошо заплатим.

Нелли вырывалась, ее желтые зрачки расширились.

— Мои ребята могут тебе и всыпать, если ты не будешь меня слушаться, Нелли. Верно, ребята?

— Это точно, — сказал Колли.

— Верно, ребята? — сказал Тревор, глядя на Лесли.

— Конечно, — сказал Лесли.

Тревор отлепил ладонь от рта Нелли и вытер ее о штанину. Он достал из кармана большой бумажник и пошелестел кредитками.

— Он живет на Парковой у мисс Фрайерн, — сказала Нелли.

Тревор положил бумажник на стол и, скрестив руки, сурово посмотрел на Нелли.

— Он служит в фирме «Мидоуз, Мид», — сказала Нелли.

Тревор ждал.

— Он устроился к Дроверу и Уиллису под дру-

гой фамилией. Да нет в нем ничего особенного, сынок.

Тревор ждал.

— Вот и все, сынок, — сказала Нелли.

— Что значит «чиз»? — спросил Тревор.

— Чего что значит?

Тревор так рванул ее за волосы, что она чуть не свалилась со стула.

— Я разузнаю. Я с ним всего один раз виделась, — сказала Нелли.

— Чего ему от тебя надо?

— А?

— Ты меня слышала.

Нелли перевела взгляд на приятелей Тревора, потом снова посмотрела на него.

— Мальчикам рановато про это знать, — заметила она, и по ее глазам было видно, что она размышляет и прикидывает.

— Я тебя спрашиваю, — сказал Тревор, — зачем к тебе приходил мистер Дугал Дуглас?

— Насчет девушки, — сказала она.

— Насчет какой девушки?

— Бьюти ему приглянулась, — сказала она. — Он хотел, чтоб я разузнала, где она живет и так далее. Пошли бы лучше посмотрели, что он сейчас делает. Может, он как раз с ней прохла-

ждается.

— Кто с ним в одной шайке? — поинтересовался Тревор, потянувшись к волосам Нелли.

Она отпрянула. Нервы Лесли не выдержали, он подскочил к Нелли и ударил ее по лицу.

— Убивают! — завопила Нелли.

Тревор заткнул ей рот и сделал Колли знак глазами; тот подошел к двери, приоткрыл ее, прислушался и снова захлопнул. Потом Колли ударил Лесли, а тот свалился на постель.

Не отнимая широкой ладони от рта Нелли, Тревор тихо зашептал ей на ухо:

— Кто с ним в одной шайке, Нелли? Где ключ к шифру? С меня десять фунтов, Нелли.

Она покрутила головой, и Тревор убрал мокрую руку с ее рта.

— Кто с ним в одной шайке?

— Он иногда прогуливается с мисс Кавердейл. Гуляет с той белобрысой контролершей, которая ушла к Дроверу и Уиллису. Больше из его шайки никого не знаю.

— А кто из мужиков?

— Я узнаю, — сказала она. — Я разузнаю, сынок. Потерпите.

— Кто такая Роза Хэтэуэй?

— В жизни о ней не слыхала.

Тревор достал из внутреннего кармана свернутый в трубочку черновой блокнотик Дугала, отыскал и прочел вслух запись о Розе Хэтэуэй, захороненной на сто третьем году жизни.

— А на это что скажешь? — спросил Тревор.

— Чудно что-то. Я у него спрошу.

— Ты у него не спросишь. Ты все у него выведаешь окольным путем. И ни слова о том, что мы у тебя были, ясно?

— Да он просто дурачится. У него не все дома, сынок.

— Он случайно не приводил с собой Хамфри Плейса?

— Кого?

Тревор вывернул ей руку.

— Нет, в жизни с ним не встречалась, один только раз — в «Гроздьях».

— Ну, а с нами ты еще встретишься, — сказал Тревор.

Он спустился по темной каменной лестнице в сопровождении Лесли и Колли.

— Она себя в могилу сведет, — сказала Мерл, — и все из-за денег. Поутру приходит в бюро, еле на ногах держится — куда же ей работать. Я ей говорю: «Дикси, — говорю, — когда вы прошлой ночью легли спать?» — «По-моему, это мое лич-

ное дело, мисс Кавердейл», — говорит она. «Ах, — говорю, — ну тогда будьте добры перепечатать заново эти два отчета — или это тоже ваше личное дело, как вы их напечатали? В одном пять ошибок, а в другом шесть». — «Как! — говорит она. — Где ошибки?» Она ведь будет спорить, пока ее носом не ткнешь. Я говорю: «Там помечено, где ошибки». Она говорит: «Ой!» Я говорю: «Вы всю неделю только зеваете и зеваете вместо того, чтобы работать». А в перерыве, когда Дикси пошла пить чай, Конни мне говорит: «Мисс Кавердейл, Дикси же вечером работает, потому и устает». Я говорю: «Как это вечером?» Она говорит: «Ну да, билетершей в кинотеатре «Дворцовый» с шести тридцати до десяти тридцати, подрабатывает себе на свадьбу». — «Что ж, — говорю, — не удивительно в таком случае, что здесь она без толку место просиживает!» Дугал-билетер пробежал лучом невидимого фонарика по волнистой летней траве парка.

— Осторожнее, мадам. Места за три шиллинга шесть пенсов — направо.

Мерл залилась грудным смехом. Вдруг она села прямо на траву и заплакала.

— Боже мой! — сказала она. — Дугал, у меня была ужасная жизнь.

— Она пока не кончилась, — сказал Дугал, усевшись чуть поодаль от нее. — Может быть, самое худшее у вас еще впереди.

— Сначала родители, — сказала она. — Такие эгоисты. Они думают только о себе. Обо мне они подумать не могут. Им нравится говорить: «Мерл заведует целым бюро в «Мидоуз, Мид», — а до остального им и дела нет. Я решила жить одна — и, конечно, как последняя дура, спуталась с мистером Друсом. А теперь я не могу с ним порвать, вот как хотите. Вот вы явились в Пекхэм, Дугал, и выбили меня из колеи. У меня будет нервное потрясение, я это предвижу.

— Если оно у вас будет, — сказал Дугал, — то я к вам и близко не подойду. Для меня любая болезнь что нож острый.

— Дугал, — сказала она, — я рассчитывала, что вы мне поможете порвать с мистером Друсом.

— Подыщите себе другую работу, — сказал он, — и перестаньте с ним видеться. Это же так просто.

— Да, для вас все просто. Вы ничем не связаны.

— А вы связаны? — спросил Дугал.

— Формально нет.

— Вот и перестаньте встречаться с Друсом.

— На седьмом году совместной жизни, Дугал, я не могу так просто взять и расстаться с ним. И где

я найду работу в свои тридцать восемь лет?

— Придется вам понизиться в должности, — сказал Дугал.

— После того как я заведовала целым бюро, — сказала она, — я не могу на это пойти. У меня все-таки есть своя гордость. К тому же и за квартиру платить надо. А мистер Друс хоть немного, да помогает.

— Люди смотрят, как вы плачете, — сказал Дугал, — и думают, что это по моей милости.

— И по вашей тоже. У меня была ужасная жизнь.

— Ну и ну, посмотрите-ка, — сказал Дугал.

Она посмотрела в небеса, куда он указывал пальцем.

— Что такое? — сказала она.

— Вон там, вверху, — сказал Дугал, — растут деревья.

— Какие еще деревья? Ничего я там не вижу.

— Посмотрите как следует, — сказал Дугал, — вон туда. И не глядите по сторонам, потому что мистер Друс наблюдает за нами из-за павильона.

Она посмотрела на Дугала.

— Да смотрите же вверх, — сказал он, — вон в небесах выросли деревья с красными кисточками. Смотрите, куда я показываю.

Прохожий народ останавливался посмотреть, куда это показывает Дугал. Дугал сказал им:

— Новости науки и техники. В газетах читали? Лесопосадки и кустарник в небесах. Смотрите, вон виднеется сосна.

— Ага, вот теперь кое-что вижу, — сказала одна девушка.

Народ большей частью недоверчиво расходился, на всякий случай поглядывая на небеса. Дугал помог Мерл подняться с земли, и они как ни в чем не бывало побрели прочь с остальными.

— Он все еще там? — спросила Мерл.

— Да. Ему, наверно, надоело кататься вверх-вниз на лифте.

— Нет, он катается только в субботу с утра. Потом сидит дома. А ко мне приходит вечером. У меня была ужасная жизнь. Я иногда думаю, не наглотаться ли мне снотворного.

— Это ни к чему, — сказал Дугал. — Всего-навсего заболеете. А мне о болезнях даже думать противно.

— Он в вас влюбился, — сказала Мерл.

— Мне-то это понятно, а вот ему невдомек.

— Интересно. Влюбился — и самому невдомек.

— А вот так и невдомек. Я ведь первый симпатичный мужчина на его жизненном пути.

— Вы о себе много воображаете.

— Нет, обо мне много воображает мистер Друс.

— Тоже мне, — сказала она. — красавец кособокий.

— Вы это Друсу объясните, — сказал он.

— Он теперь меня не слушает.

— Сколько, по-вашему, он еще продержится на своем месте?

— С тех пор как у него все стало из рук валиться, я много об этом размышляю. Все дела пошли прахом. Прямо не знаю, что мне делать с квартирой, если мистера Друса выгонят с работы.

— Месяца три у него есть, — сказал Дугал.

Они повернули на Парковую улицу, и Мерл опять заплакала.

— Он все еще там? — спросила она.

Дугал сделал вокруг Мерл танцевальный пируэт и снова пошел рядом с нею.

— Он удаляется в обратную сторону.

— Интересно, куда это он идет.

— Куда же, как не домой в Далуич.

— С его стороны аморально, — сказала Мерл, — возвращаться домой к этой женщине. Они же словом друг с другом не обмолвятся.

— Перестаньте хлюпать. Красные глаза вас отнюдь не украшают. Из-за них вы меньше похожи

на окапи. Но все-таки ах, что у вас за шея!

Она поднесла руку к горлу и провела по своей длинной шее.

— Недавно мистер Друс так и вцепился мне в шею, — сказала она, — в шутку, конечно, но я испугалась.

— Она создана на радость маньякам, ваша шея, — сказал Дугал.

— Подумаешь, а у вас и шеи-то почти нет, плечо возле самого уха.

— Короткая шея — признак хорошей головы, — сказал Дугал. — Понимаете, импульсы быстрее доходят до мозга, потому что им ближе идти. — Он наклонился и достал рукой до носка. — Представьте, что импульс зародился здесь. Потом он направляется прямо сюда.

— Постыдитесь, люди на вас смотрят.

Они шли по Парковому проезду в потоке женщин с покупками и детских колясок. Дугал остановился, его тут же толкнула коляска, и он наскочил на двух беседующих женщин. Дугал принял их в распростертые объятия.

— Лапушки, надо быть внимательнее, — сказал он.

Они радостно улыбнулись ему и друг другу.

— Как мило, правда? — сказала Мерл. — Вон

возле магазина Хиггинса и Джонса кто-то высунулся из автомобиля и разглядывает вас.

Дугал посмотрел через дорогу.

— Это меня разглядывает мистер Уиллис, — сказал он. — Пойдемте, я вас познакомлю с мистером Уиллисом. — Он взял ее под руку и повел через дорогу.

— Мне неудобно знакомиться в таком костюме, — сказала Мерл.

— Вы всего лишь объект исследований персонала, — сказал Дугал, пробираясь с нею между машинами к мистеру Уиллису.

— Я просто жду свою жену. Она там внутри — делает покупки, — объяснил мистер Уиллис. Его, видимо, несколько смутило, что Дугал подошел к нему. — У меня не было уверенности, что это вы, мистер Дугал, — объяснил он. — Я вглядывался, чтобы уточнить. Слегка близорук.

— Мисс Кавердейл, одна из моих внештатных помощниц, — небрежно сказал Дугал. — Любопытно, — сказал он, — наблюдать в натуре, как пекхэмцы проводят свой субботний день.

— Да, весьма. — Мистер Уиллис, зардевшись, пожал руку Мерл и оглянулся на двери магазина.

Дугал сдержанно кивнул и, как бы начисто позабыв о мистере Уиллисе, повел Мерл дальше.

— Почему он называл вас мистер Дугал? — спросила Мерл.

— Потому что он мой подчиненный. В свое время он служил лакеем в нашей семье.

— А теперь кто он такой?

— Один из моих тайных агентов.

— Вы кого угодно с ума сведете, вам только дай волю. Смотрите, что вы сделали с Уидином. И мистер Друс того и гляди в уме повредится.

— Я отменный бесовщик, — сказал Дугал, — только и всего.

— Кто, кто?

— Я умею изгонять бесов.

— А вы, помнится, говорили, что вы сам дьявол.

— Одно другому не мешает. Пойдем в полицейский участок.

— Куда вы меня ведете, Дугал?

— В полицейский участок. Хочу посмотреть, как идут раскопки.

Он привел ее во двор участка, где был уже известен как археолог, интересующийся раскопками. Возле кучи угля, над ямой глубиною в несколько футов стояло деревянное сооружение. Работа прекратилась на уикенд. Они заглянули внутрь.

— Подземный ход ведет до самого Нанхеда,

— сказал Дугал, — по нему, бывало, гуляли монахини. Как-то ночью, примерно сто лет назад, они сложили барахло и удрали, а за ними осталась куча долгов.

Сзади неслышно подошел полисмен и, указывая на угольную кучу, сказал:

— На этом месте была покаянная келья. Добрый вечер, сэр.

— Боже мой, как вы меня напугали, — сказала Мерл.

— А вон там откопали скелеты монахинь, мисс, — сказал полисмен.

Мерл пришла домой поджидать мистера Друса, а Дугал по вечерней прохладце прогулялся до кафе Коста. Там оказалось человек восемь, и среди них Хамфри и Дикси, сидевшие за отдельным столиком и доедавшие яичницу с сосисками. Хамфри выпихнул ногой из-под стола сиденье для Дугала. Дикси тронула углы рта бумажной салфеткой и, бережно взяв нож и вилку, продолжала есть; проглатывая каждый кусок, она дергала головой.

Хамфри разделался с пищей. Он положил свой нож и вилку на тарелочку и отодвинул ее. Дважды потер одну ладонь о другую и сказал Дугалу:

— Как жизнь?

— Идет своим ходом, — сказал Дугал и огля-

делся.

— К вам нынче днем заявлялась важная персона. Вы только что ушли. Старухи не было, и он напоролся на меня. Он не пожелал назваться. Но я его, конечно, узнал. Мистер Друс из «Мидоуз, Мид». Дикси мне его как-то показывала, верно, Дикси?

— Да, — сказала Дикси.

— Мистеру Друсу так приспичило со мной повидаться, что он разыскивал меня по всему парку, — сказал Дугал.

— Я бы на вашем месте, — сказал Хамфри, — работал, когда и все люди. Тогда он не имел бы никакого права донимать вас днем в субботу, верно, Дикси?

— Очевидно, да, — сказала Дикси.

— Три чашки кофе, — сказал Дугал официанту.

— После четырех к вам снова пожаловали, — сказал Хамфри. — Угадайте кто. Она принесла горшок с цветами и большой пакет.

— Элен, — сказал Дугал.

Официант принес три чашки кофе: одну в правой руке и две, столбиком, в левой. Он осторожно поставил их на столик. Кофе из чашки Дикси плеснулся на блюдце. Она бросила взгляд на свою чашку.

— Поменяйся со мной, — сказал Хамфри.

— Возьмите мою, — сказал Дугал.

Она позволила Хамфри обменяться с нею блюдцами. Он вылил содержимое ее блюдца себе в чашку, отхлебнул кофе и поставил его на стол.

— Сахар, — сказал он.

Дугал пододвинул сахарницу к Дикси.

Она сказала: «Благодарю». Взяла два куска, бросила их в кофе и, пристально глядя в чашку, помешала ложечкой.

Хамфри положил себе три куска, быстро размешал сахар и попробовал кофе. Он подтолкнул сахарницу к Дугалу, который взял себе один кусок и положил его в рот.

— Я провел ее в вашу комнату, — сказал Хамфри. — Она сказала, что хочет у вас прибрать по-своему. Поставила горшок с цветами и разложила кретоновые подушечки. Старухи дома не было. По-моему, это очень мило со стороны Элен, верно, Дикси?

— Что мило со стороны Элен?

— Ну, что Элен заходила навести у Дугала порядок женской рукой.

— Очевидно, да.

— Ты здорова? — спросил ее Хамфри.

— Очевидно, да.

— Может, пойдем куда-нибудь или побудем здесь?

— Как тебе угодно.

— Хочешь пирожного?

— Нет, благодарю.

— Почему ваш брат ходит голодный? — спросил у нее Дугал.

— Чей брат ходит голодный?

— Ваш Лесли.

— С чего это вы взяли, что он ходит голодный?

— Он на днях ошивался у моей хозяйки и выпрашивал пончики, — сказал Дугал.

Хамфри потер одну ладонь о другую и улыбнулся Дугалу:

— Ох, эта ребятня, вы же сами знаете, что это за народ.

— С какой стати он мне будет тут наговаривать на Лесли, — сказала Дикси и обвела взглядом соседние столики: не прислушивается ли кто-нибудь. — Наш Лесли не попрошайка. Это вранье.

— Это не вранье, — сказал Дугал.

— Я передам ваши слова моему отчиму, — сказала Дикси.

— И правильно сделаете, — сказал Дугал.

— Ну, съест мальчишка лишний пончик, что тут такого? — сказал Хамфри им обоим. — Не

делайте вы из мухи слона. Не заводитесь.

— А кто начал? — сказала Дикси.

— Ты начала, если на то пошло, — сказал Хамфри. — Ты еле выдавила из себя «здравствуйте», когда Дугал вошел.

— Как же, как же, защищай его, — сказала она. — Вообще-то я не собираюсь здесь сидеть и слушать, как меня оскорбляют.

Она встала и взяла сумочку. Дугал снова усадил ее на стул.

— Не распускайте руки, — сказала она и встала.

Хамфри снова усадил ее.

Она осталась сидеть, неподвижно уставившись в пространство.

— А вот и Бьюти пришла, — сказал Дугал.

Дикси повернула голову и посмотрела на Бьюти. Потом она снова приняла отсутствующий вид.

Дугал присвистнул, явно адресуясь к Бьюти.

— А вот это вы напрасно, — сказал Хамфри.

— Господи, и это называется интеллигент, — сказала Дикси. — Разевает рот и свистит девушке.

Дугал снова присвистнул.

— Досвиститесь, что явится Тревор Ломас, —

сказал Хамфри.

Официант и сам Коста вышли из-за стойки и нервно топтались возле их столика.

— Переберемся в «Глашатай», — сказал Дугал, — и захватим с собой Бьюти.

— Ну, послушайте, Тревор же мой друг, — сказал Хамфри.

— Он будет шафером у нас на свадьбе, — сказала Дикси. — У него хорошая работа и надежные перспективы на будущее, не как у некоторых.

Дугал присвистнул. Потом он обратился к Бьюти через два столика:

— Кого-нибудь ждете?

Бьюти опустила ресницы.

— Пожалуй, никого, — сказала она.

— А не пойти ли нам в «Глашатай»?

— Не возражаю.

Дикси сказала:

— А я возражаю. Я не вожусь с кем попало.

— Кто-то что-то сказал? — спросила Бьюти, вытянувшись в струнку.

— Я говорю, — сказала Дикси, — что у меня назначено свидание в другом месте.

— Ладно, мы с Бьюти пойдем вдвоем, — сказал Дугал. Он направился к Бьюти, которая решила причесаться.

Хамфри сказал:

— Ну, Дикси, нам же, в конце-то концов, нечего больше делать. Даже смешно будет, если мы не пойдем вместе с Дугалом. Вдруг Тревор узнает, что Дугал шляется с его девушкой по пивным.

— Понимаю, со мной тебе скучно, — сказала Дикси. — Конечно, где уж нам, дурачкам, до Дугала.

— Не засыпайте меня комплиментами, — сказал ей Дугал издали.

— А по-моему, я не к вам обращаюсь, — сказала Дикси.

— Ладно, Дикси, мы остаемся здесь, — сказал Хамфри.

Дугал держал зеркальце, а девушка расчесывала над столом свои длинные медные волосы.

Дикси бросила взгляд на Дугала. Она глубоко вздохнула.

— Видно, придется уж пойти с ними в пивную, — сказала она, — а то ты потом скажешь, что я испортила тебе весь вечер.

— Никто особенно не настаивает, — сказала Бьюти, спрятав расческу и похлопывая по сумочке.

— Пойдем, глядишь, и не пожалеем, — сказал Хамфри.

Дикси собралась в путь не без торопливости, но заметила при этом:

— Ну, знаешь, такие развлечения не в моем вкусе.

И они пошли по Парковому проезду к «Глашатаю» вслед за Дугалом и Бьюти. Бьюти уже переступила порог салуна, но Дугал медлил, вглядываясь в темноту за плавательным бассейном: оттуда, из глубины парка, все громче доносились вопли какой-то пьяной женщины, но вскоре стало ясно, что это не пьяная женщина, а пророчествующая Нелли.

Хамфри и Дикси остановились у дверей пивной.

— Да это же Нелли, — сказал Хамфри и подтолкнул Дугала к проходу, в котором замешкалась Бьюти.

— Я люблю послушать Нелли, — сказал Дугал, — персонал-то надо исследовать.

— Ой, да заходите вы внутрь, — сказала Дикси, когда Нелли обрисовалась в лучах фонаря.

— Шесть суть вещей, — возгласила Нелли, — ненавистных господу, и для седьмой нет места в его душе. Надменные взоры, лживый язык, руки, пролившие невинную кровь. Увидимся завтра утром. Сердце, упорствующее в злоумышлениях,

ноги, влекущие к злочинию. В десять, двор Пэйли. Свидетель неправедный, чьи уста глаголют ложь. Квакерский переулок. И тот, кто сеет раздоры между братьями.

— Ну, Нелли здорово поддала, — сказал Хамфри, пропихиваясь к бару. — Того и гляди с катушек долой.

Яркая люстра с подвесками и ряд сверкающих хрустальных ламп возле зеркала за стойкой появились тут после войны, чтобы поддерживать представление, будто в доброе старое довоенное время эта пивная была украшением и гордостью тогдашнего Кэмберуэлла. У заведующей был крошечный носик и тяжелый подбородок; по ее лицу было видно, что она многое успела за свои двадцать пять лет. Бармен был маленький и юркий. Он все время покачивался взад-вперед, как ванька-встанька.

Бьюти пожелала мартини, Дикси думала, что платит Хамфри, и заказала имбирное пиво, потом смекнула, что платить будет Дугал, и дополнила: «Джин и имбирное пиво». Хамфри с Дугалом принесли и поставили на столик выпивку для девушек и две полупинты имбирного пива, сверкавшие в пупырчатых кружках, как маленькие люстры. Со стен глядели надписанные фото-

графии былых звезд эстрады; и хотя никто не помнил ни Флоры Финч, ни Форда Стерлинга, но всем почему-то казалось, что в десятых годах это были знаменитости первой величины. Пианино стояло вплотную к стене, и пианист Тони созерцал публику лишь между музыкальными номерами, поворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Тони был не просто бледен: в лице его не было ни кровинки. Его темно-синий пиджак был надет поверх наглухо застегнутой белоснежной рубашки без галстука. Доброхоты все время наполняли заново его пивную кружку в полпинты, которая неизменно стояла по правую руку от него на крышке пианино. За игрой плечи его ходили ходуном, а с иными аккордами он так и ложился на клавиши. Сзади он мог сойти за энтузиаста, но только сзади. Тони исполнял мелодии десятых и двадцатых годов под шуточки завсегдатаев; и, когда он ссутулился, чтобы сыграть «Чармейн», Бьюти сказала ему: «Заколачивай, Тони». Тони и ухом не повел: за девятнадцать месяцев работы его не затронула ни одна реплика. «Живей, малый, живей», — подбодрил кто-то. «Оставьте его в покое, — сказала заведующая. — Постыдились бы своей некультурности. Он прекрасный исполнитель. Эту вещь в свое время всюду играли. Ее так

и надо исполнять». Тони доиграл, взял свое пиво и уныло повернулся лицом к публике.

— Тони, разбуди меня, когда будет рок или ча-ча!

— Поднатужься, сынок. Заколачивай.

Тони повернулся на сто восемьдесят градусов, поставил кружку на место и взял первые аккорды «Рамоны».

— Живей, малый, живей.

— Еще раз услышу «живей, малый», — сказала заведующая, — и вы у меня живо очутитесь на улице.

— А я что говорю. Тони сейчас как даст по клавишам!

— Хлебни-ка пивка, Тони. Веселей, сынок! Умирать один раз.

В десять минут десятого в пивную вошел Тревор Ломас с Колли Гулдом. Тревор протолкнулся к бару, встал спиной к стойке, оперся на нее локтем и обозрел происходящее как бы с высоты птичьего полета.

— Хэлло, Тревор, — сказала Дикси.

— Привет, Дикси, — сурово ответил Тревор.

— Привет, — сказал Колли Гулд.

Бьюти допила четвертое мартини, грациозно поклонилась и кое-как выпрямилась.

Заведующая спросила:

— Будете что-нибудь заказывать, сэр?

Тревор сказал через плечо:

— Две пинты горького. — Он закурил сигарету и медленно, очень медленно выдохнул дым.

— Трев, — тихо сказал Колли, — Трев, не порти нам все дело.

— Я терпеливый, — сказал Тревор, не раскрывая рта. — Я очень, очень терпеливый. Но если...

— Трев, — сказал Колли, — Трев, не забывай о деле. Книжечки в наших руках.

Тревор, не оборачиваясь, швырнул полкроны на стойку.

— Ну и манерочки, — сказала заведующая, со звоном выдвинув денежный ящик. Она бросила на стойку сдачу. Но Тревор к ней и не притронулся.

Дугал и Хамфри приблизились к бару с четырьмя пустыми сосудами. «Мне только имбирное!» — крикнула Дикси им вслед, потому что на этот раз платил Хамфри.

— Одно мартини. Две полупинты слабого. Один джин и имбирное пиво, — сказал Хамфри бармену. И он пригласил Тревора составить им компанию, указавши ухом на свой столик.

Тревор не шелохнулся. Колли следил за Трево-

ром. Дугал достал горсть мелочи.

— Моя очередь, — сказал Хамфри, вытаскивая кошелек из кармана.

Дугал выудил полкроны из своей мелочи и, прислонясь спиной к стойке, швырнул монету через плечо. Потом он прикурил сигарету и очень медленно выпустил дым. Физиономия его угрожающе вытянулась, а глаза быстро замигали.

Бьюти закричала:

— Дуг, ты парень на все сто! Ну, Дуг дает! Крышка тебе, Трев. Пойди застрелись.

Тони заиграл «Сан-Луи блюз».

— Трев, — сказал Колли, — не надо. Трев, не надо.

Тревор с размаху обколол свою искристую пивную кружку о край стойки. В его руке остался кусок стекла с шестью острыми зубьями. Он сделал мгновенный выпад в лицо Дугалу. Но Дугал тут же отпрянул назад, и его макушка коснулась стойки. Стеклянные зубья врезались в лицо Хамфри, который стоял в профиль к Тревору. Дугал наклонился и схватил Тревора за ноги, еще кто-то вцепился ему в воротник, и вскоре он лежал, пригвожденный к полу множеством рук. Почти столько же рук протянулось к Хамфри; его увели в заднее помещение, где заведующая приклады-

вала ему к щеке толстое махровое полотенце, на глазах багровевшее от крови.

Бармен заорал, перекрывая шум: «Все вон отсюда!»

Но все и так сматывались, чтобы не попасть в свидетели. На тех, кто мешкал, бармен орал: «Все вон отсюда, не то позвоню в полицию».

Тревора отпустили; он поднялся на ноги и вышел в сопровождении Колли и Бьюти, которая на виду у всех плюнула Тревору в физиономию и дробно засеменила прочь по Парковому проезду.

Остались Дикси и Дугал. Она заявила ему: «Он же в тебя метился. Свинья ты пакостная, хватило же нахальства увернуться».

— Вон отсюда, не то позвоню в полицию, — сказал бармен, качаясь взад-вперед, как ванька-встанька.

— Мы из одной компании с пострадавшим, — сказал Дугал, — и если ему не под силу будет идти, то я позвоню в полицию.

— Попрошу за мной, — сказал бармен.

Хамфри держал голову над тазом; сбоку стоял Тони и лил на порезы холодную воду. Судя по всему, он считал это одной из своих нудных вечерних обязанностей.

— Боже, какой у вас жуткий вид, — сказал Дугал.

— В силу моего рокового недостатка я, пожалуй, не смогу и глядеть на вас.

— Свинья он пакостная, и больше никто, — сказала Дикси, — хватило нахальства подставить вместо себя другого парня.

— Заткнешься ты или нет? — попытался выговорить Хамфри.

Бармен суетливо проводил их до машины Хамфри. Дугал сел за руль и сначала отвез Дикси домой. Она сказала ему: «Так бы и плюнула тебе в рожу», — и хлопнула дверцей.

— Да заткнись ты, — выговорил Хамфри.

Затем Дугал отвез Хамфри в амбулаторное отделение больницы св. Георгия.

— Как мне ни мучительно ездить туда-сюда через реку, — сказал Дугал, — но нынче вечером, пожалуй, нам лучше держаться подальше от южного района.

В больнице он рассказал, что Хамфри, выходя из машины, споткнулся о бутылку с молоком, бутылка с молоком разбилась, а Хамфри упал ничком на осколки. Хамфри согласно кивал. Сестра промыла и заклеила пластырем его порезы. Дугал сообщил, что Хамфри зовут Дугал-Дуглас и что живет он на квартире у мисс Чизмен, Челси Райз, 14, третий Ю-3 сектор, Хамфри было велено

зайти через неделю, и они поехали домой, к мисс Фрайерн.

— И не видать мне ее как своих ушей до будущей субботы, потому что вечерами она работает билетершей в кинотеатре «Дворцовый», — сказал Хамфри Дугалу без четверти двенадцать ночи. Он сидел на постели в полосатой пижаме и по мере сил поддерживал беседу; но щека его была заклеена пластырем, и поэтому рот сползал на сторону. — Ей и в голову не придет отгулять хотя бы один день в счет отпуска: как же, ведь в сентябре медовый месяц, и надо копить, копить и копить. Посмотреть, как она надрывается, так можно подумать, будто я плохо зарабатываю. И вот вам результат — она теряет чувство пола.

Дугал сидел на корточках у газовой плитки и вилкой помешивал бекон на сковородке. Он вывалил бекон в тарелку, потом разбил над сковородкой два яйца.

— Я бы на ней не женился, — сказал Дугал, — ни за какие коврижки.

— Моя сестра Элси ее не любит, — сказал Хамфри, скосоротившись.

Дугал встал и взял в руку тарелку с беконом. Он приподнимал и опускал тарелку, как будто выискивал в книге нужный текст близорукими

глазами.

Наконец текст нашелся.

— Берешь ли ты, — раскатисто вопрошал Дугал утробным голосом священника, — эту женщину себе в жены?

Потом он отставил тарелку и упал на колени. Теперь это был мрачный пучеглазый жених.

— Нет, — заявил он, истово глядя в потолок, — честно говоря, не беру.

— Господи, не смешите меня, пластырь отклеится. Дугал разложил яичницу с беконом по тарелкам. Бекон для Хамфри он мелко нарезал.

— Вам обещали, что шрамов не останется, если вести себя осторожно и регулярно ходить на перевязку.

Хамфри погладил израненную щеку.

— Да. мне-то что. Вот Дикси, может, станет огорчаться.

— Не забывайте, что вы квалифицированный техник по холодильникам и член профсоюза. От девиц у вас отбою не будет.

— Я знаю, но мне нужна Дикси. — Он медленно засовывал яичницу с беконом в угол рта.

Было холодное летнее утро, и дождь поливал Нелли Маэни, которая сидела на куче старых автомобильных покрышек во дворе Пэйли, при-

емщиков утильсырья в Квакерском переулке. Она дожидалась с десяти минут десятого, хотя Дугалу явно не с чего было приходить раньше десяти. Он явился в пять минут одиннадцатого, вприпрыжку и под зонтиком.

— Они были у меня в субботу, — выложила она с ходу, — Тревор Ломас, Колли Гулд и Лесли Кру. Мне худо пришлось.

— Вы промокли, — сказал Дугал. — Чего вы под дождем торчите?

Она оглядела двор.

— Тут дело тонкое, сынок. Если торчишь посреди двора, тебя на худой конец прогонят, и все тут. А заберешься куда-нибудь, так могут и полицию позвать.

Дугал осмотрелся, прикидывая, где можно укрыться. В углу двора валялись остовы двух покореженных грузовиков. На низкой деревянной платформе стояла крытая лодка.

— Заберемся в лодку.

— Да мне туда не залезть.

Дугал подогнал ногой деревянный ящик под самую дверцу лодки. Он подергал дверную ручку. Дверца наконец поддалась. Он взобрался внутрь, потом вылез и взял Нелли под локоть.

— Полезай наверх, Нелли.

— А если нагрянет полиция?

— Я с ними заодно, — сказал Дугал.

— Господи Иисусе, да неужто правда?

— Полезай наверх.

Он подсадил ее и устроился рядом на изодранном кожаном сиденье. На окошечках болтались жалкие остатки кретоновых занавесок. Дугал задернул их по мере возможности.

— Меня аж трясет, — сказала Нелли.

— Не вздумайте заболеть, я этого не люблю, — сказал Дугал.

— Я и сама не люблю. Они выспрашивали про вас, — сказала Нелли. — Они пронюхали, что мы с вами виделись. Они стащили вашу шифровку. Они хотят знать, какой такой чиз. Они хотят выведать ключ к вашей шифровке и сулят мне десять фунтов. Они хотят знать, что у вас за шайка.

— Скажите им, что я заодно с полицией.

— Ну, этому-то я в жизни не поверю. Они хотят знать, кто такая Роза Хэтэуэй. Они явятся снова. Мне надо им чего-то наговорить.

— Скажите им, что я нанят полицией, дабы расследовать отдельные злоупотребления на пекхэмских предприятиях. Понятно, Нелли? Безобразия тут на ваших заводиках, особенно среди начальства. А во-вторых...

Мокрые седые космы взметнулись, а желтоватые глаза изумленно уставились на него.

— Знала бы я, что ты легавый...

— Следователь, — сказал Дугал. — Собираю улики под видом исследований персонала. Заодно расследую разные виды молодежного бандитизма. Так что, Нелли, попрошу сообщить мне, что именно произошло у вас на квартире под вечер в субботу.

— А, ничего там особенного не произошло.

— Вы сказали, что вам худо пришлось.

— Подумаешь, не тащить же их за это в полицию.

Дугал достал конверт.

— Вот ваши десять фунтов, — сказал он.

— Оставьте их себе на память, — сказала Нелли. — Мне надо идти.

— Пощупайте мою голову, Нелли.

Он нащупал ее рукой два бугорка среди своих курчавых волос.

— Рак мозга прямо наружу лезет, — сказала она.

— Я родился с козлиными рожками, Нелли. Позднее мне их обломали в драке.

— Пресвятая дева, да выпустите же меня отсюда. С вами и спятить недолго.

Дугал встал и обнаружил, что, расставив ноги посреди лодки, можно устроить морскую качку. По этому поводу он как следует раскачал лодку и спел Нелли матросскую песню.

Потом он помог ей спуститься вниз, раскрыл зонтик и догнал Нелли у самого выхода со свалки. Из участка на углу появился полисмен и, проходя мимо, кивнул Дугалу.

— А сейчас пойду-ка я в участок, Нелли, — сказал Дугал. — Охота покалякать с приятелями.

Нелли вылупилась на него, потом плюнула на мокрый тротуар.

— Ладно уж, так и быть, — сказал Дугал, — сообщите Тревору Ломасу, что я за человек. Можете передать, что, если он вернет мои блокноты, все пока будет шито-крыто. А то, понимаете ли, с нас, полисменов, то и дело спрашивают наши отчеты и секретные шифровки.

Она попятилась от него боком, выжидая, пока пройдут машины и можно будет пересечь улицу.

— Намекните им толком, — сказал Дугал, — тогда и нам с вами неделю-другую поспокойнее будет.

Он зашел во двор участка поглядеть, как продвигаются раскопки. Оказалось, что сверху шахты уже виден и сам подземный ход.

Дугал показал своим друзьям-полисменам отложения ила в нижних слоях почвы.

— Некогда, — сказал он, — Темза была в пять миль шириною, и вода покрывала весь Пекхэм.

Да, сказали они, так им и говорили другие археологи, которые следят за раскопками.

— Надеюсь, вам не очень мешает, что я иной раз забегаю проведать, как идут дела? — спросил Дугал.

— Что вы, сэр, пожалуйста. У нас тут бывают и студенты, и представители прессы. Вы читали про находки?

К вечеру мисс Фрайерн вручили пакет, адресованный Дугалу. В пакете были записные книжки.

— А пожалуй что, — сказал Дугал мисс Фрайерн, — задержусь-ка я у вас еще месяца на два. Не вижу пока ни малейшей надобности уезжать из Пекхэма.

— Если жива буду... — сказала мисс Фрайерн. — Сегодня поутру я снова видела того человека. Поклясться могу, что это мой брат.

— И вы с ним не заговорили?

— Нет. Что-то меня удержало. — Она заплакала.

— Кто принес горшок «бабьих сплетен» в мою

комнату? — спросил Дугал. — Уж не моя ли клыкастая белобрысая контролерочка?

— Да, такая худущая блондинка. Похоже, что ее неделю не кормили. У них у всех такой вид.

Мистер Друс прошептал:

— В тот раз у меня ничего не вышло. Обстоятельства неудачно сложились.

— Я просидел в далуичском «Драконе» с девяти вечера до закрытия, — сказал Дугал, — а вы не пришли.

— Я не смог выбраться. Миссис Друс с меня глаз не спускала. Но вот есть одно местечко в Сохо...

Дугал справился в своем карманном календарике. Потом захлопнул его и спрятал обратно.

— Придется отложить до будущего месяца. В этом работы по горло. — Дугал встал и прошелся по кабинету мистера Друса, как бы взвешивая что-то в уме.

— Я заходил к вам в прошлую субботу, — сказал мистер Друс. — Я подумал, а вдруг вы захотите проехаться.

— Так я и понял, — рассеянно сказал Дугал. — Вероятно, я в тот день исследовал персонал по линии мисс Кавердейл. — Дугал улыбнулся мистеру Друсу. — Опрашивал ее, знаете.

— А, ну да.

— Она удивительно привязана к вам, — сказал Дугал. — Ваше имя у нее с языка не сходило.

— А кстати, любопытно, что она говорила? Понимаете, Дугал, ведь не всякому можно доверять.

Дугал посмотрел на часы.

— Батюшки, — сказал он, — сколько времени. Собственно, зачем я к вам заходил — ах да, как насчет повышения зарплаты?

— Скоро будет приказ, — сказал мистер Друс. — Я доложил в правление, что ввиду болезни Уидина на ваши плечи легла масса дополнительной нагрузки.

Дугал помассировал себе плечи, сначала высокое, потом низкое.

— Дугал, — сказал мистер Друс.

— Винсент, — сказал Дугал и удалился.

Глава 8

Джойс Уиллис сказала:

— Откровенно говоря, в тот раз, когда вы впервые обедали у нас по приглашению Ричарда, я уже поняла, что решение найдено. Ричард не сразу это понял, откровенно говоря, но я думаю, что теперь и у него открылись глаза.

Она плавно прошлась по комнате, и ее стройные бедра едва подрагивали. Она посмотрела в эркерное окно, как сгущаются августовские сумерки.

— Ричард будет с минуты на минуту, — сказала она. Она поднесла к горлу точеные пальцы. Поправила подушечку на скамье у подоконника.

Все так же стоя, она подняла бокал с вином, пригубила его и поставила на низкий столик. Потом пересекла комнату и села в кресло, обитое темно-розовой парчой.

— Чувствуется, что мы с вами теперь говорим не таясь, — сказала она. — У меня такое чувство, что мы знаем друг друга с давних пор.

Она сказала:

— Дроверы уже накрепко прибрали фирму к рукам. Откровенно говоря, они попросту низвели

Ричарда до положения младшего партнера.

Марк Бьюлей, племянник, — то есть ее племянник, разумеется, — появился у нас два — как, неужели два? — нет, это было три года назад, и представьте себе, в октябре. Предполагалось, что он изучит производство как свои пять пальцев. Но, откровенно говоря, не прошло и шести месяцев, как он заседал в правлении. Затем, в прошлом году явился прямо из Оксфорда сын Джон, и повторилась та же история. В правлении сплошные Дроверы.

Ричард сделал большую ошибку — будем говорить откровенно, — сказала она, — когда настоял, чтобы мы жили в Пекхэме. Нет, сам по себе дом не так уж плох, но я имею в виду окружение. Здесь же попросту не с кем общаться. Наши друзья по пути к нам всегда рискуют заблудиться; они плутают часами. А на другом конце авеню живут черные, можете себе представить. Право, это все так глупо.

Вдобавок Ричард шотландец, — сказала она, — и отчасти поэтому, я думаю, особенно понятно, в каком он положении. Он скрупулезно добросовестен и патологически честен. Это, конечно, мило в своем роде, не могу не признать. Но он попросту не замечает, что Дроверы живут в Сассексе, в

ректорском доме георгианских времен, и это дает им громадное преимущество. Громадное преимущество. Тут тонкий психологический расчет.

Она сказала:

— Да, Ричард настаивает на том, чтобы жить ближе к делу, как он говорит. И откровенно говоря, Квини Дровер очень даже посматривает на меня сверху вниз, хоть она и мила в своем роде. Ей известно, разумеется, что Ричард несколько старомоден и гордится тем, что он настоящий коммерсант; это известно и ей и Дроверу. Даже слишком хорошо известно.

Легкими движениями изящных запястий она налила шерри в два бокала, придерживая их кончиками длинных пальцев с лакированными ногтями. На одном из пальцев сиял крупный изумруд. Прежде чем сесть, она взглянула на себя в зеркало в золоченой раме и отвела назад прядь коротких темно-золотых волос. У нее было строго овальное лицо; она повернулась в профиль и сказала:

— Разумеется, это так досадно, что у нас нет детей. Если бы у нас был сын, он стал бы опорой Ричарда в правлении... Откровенно говоря, иногда мне кажется, что фирму следует называть «Дровер, Дровер, Дровер и Уиллис», а не просто

«Дровер и Уиллис».

Вы очень растрогали Ричарда, — сказала она. — Он рассказывал мне, как около месяца назад, ожидая меня возле магазина, встретил вас и увидел своими глазами, что вы без устали трудитесь в свой день отдыха, что вы готовы потерять свой субботний день с какой-то пекхэмской девицей, только чтобы глубже изучить типы. Вы знаете, Ричард считает, что у вас блестящие способности. Первоклассный мозг плюс моральная устойчивость — так он мне вас охарактеризовал, и, откровенно говоря, он считает, что ваш талант совершенно попусту растрачивается в исследованиях персонала. Но я поняла задолго до Ричарда — и не скрываю ни от вас, ни от других, — что ваша натура представляет удивительное сочетание молодости и энергии с уравновешенностью. Видимо, тут сказывается ваша шотландская национальность.

Редкий молодой человек вашего возраста, — сказала она, и — не будем скромничать — вашей квалификации, ваших дарований был бы способен поселиться, как вы, в местечке вроде Пекхэма, где так не хватает развлечений — собственно, попросту нечего делать — и нет сверстников вашего круга. Простите меня за откровенность

— так я говорила бы со своим сыном.

Я испытываю к вам, — сказала она, — материнское чувство. Я надеюсь — и буду надеяться, — что вы станете со временем членом нашей семьи, хотя пока что, как вы знаете, нас всего двое, Ричард и я. Вот вы на днях рассказывали, и я была просто потрясена — оказывается, столько интересных событий происходит, откровенно говоря, прямо под боком. Разумеется, я слыхала о Кэмберуэльской картинной галерее, но насчет раскопок — да, я читала о них в «Известиях южного Лондона», — однако мне и пригрезиться не могло, что это имеет столь серьезное научное значение.

Она обернулась и поправила подушечку у себя за спиной.

Посмотрела на свои остроносые туфельки.

— Не худо бы вам иногда и в город выбраться вместе с нами. Мы бываем в театре минимум раз в неделю, — сказала она.

Она сказала:

— Я рада, что у Ричарда родилась прекрасная идея — ввести вас осенью в правление. Это все равно что ввести еще одного Уиллиса. И вы с Ричардом так похоже выражаете свои мысли — о, я не об акценте, то есть, откровенно говоря, я хочу сказать, что вы тратите немного слов, но любое

ваше слово идет к делу. Вы нужны Ричарду, и, по-моему, я не ошибусь, если скажу, что для человека вашего склада это идеальная перспектива — серьезная ответственность и прочное положение лет через пять-шесть. У вас ведь серьезный подход к жизни, не то что у иных — сегодня здесь, а завтра там, — и это очень импонирует Ричарду. О, Ричард разбирается в людях. Может быть, недалек тот день, когда фирма будет называться «Дровер, Уиллис и Дугал». Одну минутку...

Она подошла к окну, пригладила платье в талии и посмотрела, как автомобиль разворачивается в подъездной аллейке.

— Вот и Ричард, — сказала она. — Он так рассчитывал всерьез потолковать с вами нынче вечером и утрясти все вопросы перед нашим отъездом за границу.

— Это ты, Джинни?

— Да.

— Молоко у тебя на плите?

— Нет.

— Когда к тебе лучше зайти?

— Я на будущей неделе выхожу замуж.

— Не может быть, Джинни.

— Я в него влюбилась. Он ко мне так чутко относился во время моей болезни.

— Только я встал на ноги и обзавелся двумя даровыми зарплатами, — сказал Дугал, — как ты мне...

— У нас все равно бы ничего не вышло, Дугал. Я слишком слаба здоровьем.

— Что так, то так, — сказал Дугал.

— Мисс Чизмен пока прямо без ума от своей автобиографии, — сказала Джинни. — У тебя все наладится, Дугал.

— Ты переменилась. Из тебя так и сыплются выражения вроде «так чутко» и «прямо без ума».

— Ай, перестань. Мисс Чизмен говорит, что она довольна.

— Мне она этого не говорит.

— Ну, может, она и хочет кое-что поменять в пекхэмских главах, но в целом....

— Сейчас я к тебе приеду, Джинни.

— Нет, Дугал, это ни к чему.

Дугал пошел на кухню к мисс Фрайерн, достал из кармана громадный носовой платок и принялся плакать.

— Вам нездоровится? — спросила она.

— Нездоровится. Моя любимая девушка выходит замуж за другого.

Она налила воды в чайник и поставила его на сушилку. Открыла дверь черного хода и снова за-

творила ее. Обмахнула тряпкой спинку и ножки кухонного стула.

— Вы и без нее прекрасно проживете, — сказала она.

— Вряд ли, — сказал Дугал, — но ничего не поделаешь, у меня есть роковой недостаток.

— Вы по ночам не пьете, Дугал?

— Не больше обычного.

Она подняла чайник и опустила его на то же место.

— Успокойтесь, — сказал Дугал.

— Я просто места себе не нахожу, глядя, как вы убиваетесь.

— Зажгите газ и поставьте чайник на конфорку, — сказал он.

Она так и сделала и растерянно уставилась на него. Она сняла передник.

— Сядьте, — сказал Дугал.

Она села.

— Встаньте, — сказал он, — и налейте мне малость вашего джина.

Она принесла два стакана и бутылку джина.

— Сейчас только четверть шестого, — сказала она. — Рано еще налегать на джин. За тебя, сынок. Чтоб тебе скорее полегчало.

Раздался звонок у парадной двери. Мисс Фрай-

ерн мгновенно убрала бутылку и стаканы. Позвонили снова. Она пошла отворять.

— Ваша фамилия Фрайерн? — сказал мужской голос.

— Да, чем могу служить?

— Вы не могли бы уделить мне время для частной беседы?

Мисс Фрайерн вернулась на кухню с полисменом.

— Сегодня утром на Уэлуорт-роуд попал под автобус мужчина в возрасте семидесяти девяти лет. Прошу прощения, мадам, но в кармане у него был найден клочок бумаги с фамилией Фрайерн. Он скончался час назад. Он вам случайно не родственник, мадам?

— Нет, в первый раз о нем слышу. Какая-нибудь ошибка. Если угодно, опросите моих соседей. Из нашей семьи никого, кроме меня, в живых не осталось.

— Очень хорошо, — сказал полисмен и что-то записал.

— А при нем были еще какие-нибудь бумаги?

— Нет, никаких. Нищенствовал, бедняга.

Полисмен удалился.

— Ну, что я могу поделать, раз уж он умер, правда? — сказала мисс Фрайерн Дугалу. Она

заплакала. — Разве что заплатить за похороны. А тут и без того еле сводишь концы с концами.

Дугал снова достал джин и наполнил два стакана. Он посидел-посидел, потом приставил другой стул сиденьем к своему. Разлегся на двух стульях и спросил: «Случалось вам видеть труп?» Он запрокинул голову и приоткрыл рот; его нижняя челюсть запала и окостенела.

— Вы прямо какой-то бесчувственный, — сказала мисс Фрайерн и истерически захохотала.

Хамфри сидел с Мэвис и Артуром Кру у них в гостиной, время от времени ощупывая отметины на лице.

— В общем, если у вас дело не сладится — твое счастье, — сказала Мэвис. — Я это напрямик говорю, хоть она мне и дочь. Когда мне было семнадцать-восемнадцать, я что ни вечер крутилась с парнями, танцевала и тому подобное. Меня бы ты силком не затащил вечером на работу — чего это ради? Другой на твоем месте в жизни бы не стал сидеть тут дожидаться ее. Она еще опомнится, да поздно будет.

— Она, можно сказать, спит на своих деньгах, — сказал Артур Кру. — У Дикси ведь снега зимой не допросишься. Чем дальше, тем прижимистее.

— Ну и при чем здесь это? — сказала мать Дик-

си. — Тебе-то от нее ничего не надо, правда?

— Я и не говорю, что мне чего-нибудь надо. Я только сказал...

— Бывает, что Дикси не скупится, — сказала Мэвис. — Для Лесли она денег не жалеет, тут ничего не скажешь. Нет, нет, да и подбросит ему пяток-другой шиллингов.

— И напрасно, — сказал Артур. — Только портит мальчишку. Он так и смотрит, где бы разжиться.

— Много ты в детях понимаешь! Лесли мальчик как мальчик. Не хуже любого другого. Всем им подавай карманные денежки.

— Ладно, а сейчас-то Лесли где?

— Ушел.

— Куда?

— А я почем знаю? Спроси у него.

— Он сейчас с Тревором Ломасом, — сказал Хамфри. — В кафе Коста.

— Вот тебе пожалуйста, Артур. С Тревором, не с кем-нибудь.

— Мог бы Лесли водиться и с кем помладше.

— И все-то он ворчит, ворчит, ворчит, — сказала Мэвис и включила телевизор.

Лесли пришел к одиннадцати. Он заглянул в гостиную.

— Хэлло, Лес, — сказал Хамфри.

Лесли не ответил. Он прошел на второй этаж.

В половине двенадцатого домой вернулась Дикси. Войдя в гостиную, она сбросила туфли и плюхнулась на диван.

— И давно ты здесь сидишь? — спросила она у Хамфри.

— Часа два.

— Приятно посидеть отдохнуть летним вечерком, — сказала Дикси.

— Вот и посидела бы.

— Тревор Ломас говорит, что в «Морозильщике» уйма сверхурочной для всех желающих.

— А я не желающий.

— Это заметно.

— Кому это надо — всю жизнь работать сверхурочно? — сказала Мэвис.

— Я просто повторяю, — сказала Дикси, — слова Тревора Ломаса.

— Работать сверхурочно следует лишь в случае крайней необходимости, — сказал Хамфри, — так как это постепенно снижает нормальную работоспособность и в конечном счете ведет к понижению производительности труда, вследствие чего возникает необходимость еще больше работать сверхурочно. Это порочный круг. А где ты видела Тревора Ломаса?

— А это и есть случай крайней необходимости, — сказала Дикси, — потому что нам дай бог свести концы с концами.

— Пошла-поехала, — сказала Мэвис. — Другая бы радовалась, что муж хорошо зарабатывает, а ей почему-то все мало. К октябрю свой домик готов будет.

— А я хочу образцовый домик, — сказала Дикси.

— Будет тебе твой образцовый домик, — сказал Хамфри.

— Она хочет устроить не свадьбу, а фейерверк, — сказала Мэвис. — Что ж, мы с Артуром, конечно, сделаем все, что можем, но уж не более того.

— Вот именно, — сказал Артур.

— Где ты видела Тревора Ломаса? — спросил Хамфри.

— У Косты. Забежала выпить кока-колы по дороге домой. А ты что, против?

— Нет, упаси боже, — сказал Хамфри.

— Приятно слышать. Ладно, я пошла спать, с ног падаю. У тебя еще остались шрамы.

— Со временем затянутся.

— Нет, пусть себе. У Тревора тоже есть шрам.

— Присмотрю-ка я лучше за Тревором Ломасом, — сказал Хамфри.

— Ты лучше присмотри-ка за своим дружком Дугалом Дугласом. Тревор говорит, что он шпик.

— В жизни не поверю, — сказала Мэвис.

— И я тоже не поверю, — сказал Артур.

— А уж я-то и подавно, — сказал Хамфри.

— Я знаю, он у вас идеал, — сказала Дикси. — Что ни вытворит, все хорошо. Но я вам просто передаю, что сказал Тревор. Потом не говорите, будто ничего не знали.

— Тревор тебе голову морочит, — сказал Хамфри. — Он Дугала терпеть не может.

— Мне он нравится, — сказал Артур.

— Мне он нравится, — сказала Мэвис. — А Лесли нет. И Дикси нет.

— Мне он нравится, — сказал Хамфри. — А моей сестре Элси нет.

— Мистер Дуглас дома?

— Пока что он у себя наверху печатает на машинке, — сказала мисс Фрайерн, — как вы можете слышать.

— Можно пройти наверх?

— Погодите, я узнаю. Зайдите, пожалуйста. Фамилия как будет?

— Мисс Кавердейл.

Мисс Фрайерн провела мисс Кавердейл в тот самый холл с дубовыми панелями, похожий на

гроб. Стук машинки смолк. Сверху послышался голос Дугала: «Взойдите». Мисс Фрайерн поджала губы. «Верхний этаж», — сказала она Мерл.

— Ой, я такая несчастная. Мне надо было с вами повидаться, — сказала Мерл Дугалу. — Какая у вас милая комнатка!

— А почему вы не на службе? — сказал Дугал.

— Какая там служба, я так расстроена. Мистер Друс говорит, что он навсегда уезжает за границу. А мне что прикажете делать?

— А чего бы вы хотели? — спросил Дугал.

— Я бы хотела поехать с ним, но он меня не берет.

— Это почему же?

— Он знает, что я его терпеть не могу.

Дугал разлегся на своей прибранной постели.

— А не говорил ли мистер Друс, когда именно он собирается уезжать?

— Нет, пока еще ничего не решено. Может быть, он только грозится. Но, по-моему, он не на шутку перепуган.

Дугал сел и сплел ладони. Он близоруко прищурился и искательно поглядел на Мерл.

— Дугал, — сказал он, — есть одно такое местечко в Сохо, вы не согласились бы провести там вечер и поболтать о том, о сем? Наличие миссис

Друс создает некоторые затруднения, она глаз не спускает...

— Ой, не надо, — сказала Мерл. — А то сразу все приходит на память. Никаких слов не хватит, чтоб сказать вам, как я его ненавижу. Меня просто трясет, когда он поблизости. Я прожила с ним столько лет, лучшие годы моей жизни, и теперь эта скотина еще грозится бросить меня.

Дугал лег и заложил руки за голову.

— А чего он перепугался? — спросил он.

— Вас, — сказала Мерл. — Ему взбрело на ум, будто вы за ним шпионите.

— Чего ради мне за ним шпионить?

— Уж и не знаю.

— Нет, знаете.

— Дугал, если вы служите в полиции, то так мне, пожалуйста, и скажите. Войдите в мое положение. Ведь я же по простоте душевной все вам рассказывала про мистера Друса, и если меня теперь привлекут...

— Я не служу в полиции, — сказал Дугал.

— Еще бы, разве вы признаетесь.

— Ишь как всех вас бьет мелкой дрожью, — сказал Дугал.

— Не надо, не доносите на мистера Друса, хорошо? А то в правлении на него давно зубы точат, и

если там узнают о разных его темных делишках, то на мою же голову. Он эмигрирует, а я куда денусь?

— Кто внушил это Друсу? Тревор Ломас?

— Нет, это Дикси, паршивка такая. Она все время шныряла в кабинет к мистеру Друсу за моей спиной.

— Вон что. Постенографируйте-ка под мою диктовку, раз уж вы здесь. — Он поднялся и вручил ей блокнот и авторучку.

— Дугал, я в полном расстройстве.

— Поработаете — и сразу успокоитесь. Чего это вы, в конце концов, отлыниваете от дела в рабочее время? Приготовились? Скажите, если я тороплюсь.

Весело жилось в Пекхэме восклицательный знак но вдали уже брезжил неумолимый рассвет того дня запятая когда я поняла запятая что меня и моих милых подружек с фабрики разъединяет пропасть точка. За рекой билось огромное и гулкое сердце Лондона запятая и его стук предвещал мне признание запятая успех запятая славу точка. Я всегда была неизлечимым романтиком восклицательный знак абзац. Настал тот горький миг запятая когда я простилась со своей первой любовью точка. До тех пор я не могла смотреть

на других мужчин запятая но вмешалась сама судьба заглавное С точка. Поцелуй многоточие дрожь пронизала все мое существо многоточие все фибры моей души замерли в тоске и благодарности запятая но пробудившийся во мне гений властно искал выхода точка. И вот мы расстались навеки точка абзац. Я испытала злорадное удовлетворение запятая когда мой кэб прогремел по Воксхольскому мосту запятая унося меня и мои скудные пожитки в большой мир — заглавное Б, заглавное М — запятая расстилавшийся передо мною точка. Да запятая весело жилось в Пекхэме восклицательный знак. Теперь, пожалуйста, оставьте место и...

— О чем это? — спросила Мерл.

— Не тормошитесь, вы меня сбиваете.

— Господи, если мистер Друс только подумает, что я вам помогаю, он меня тут же убьет.

— Оставьте место, — сказал Дугал, — и обозначьте ряд точек. Пойдет новая подглавка. Продолжим. В годы успеха я никогда не забывала об этих далеких запятая радостных запятая невинных пекхэмских днях точка. Только на днях я случайно прочла в газете следующее сообщение — дайте мне газету, — сказал Дугал, — я найду этот кусок.

Она протянула ему газету.

— Дугал, — сказала она, — я ухожу.

— Конечно, — сказал Дугал, — только сначала все это нужно перепечатать. И еще кое-что записать.

Он нашел нужный абзац и сказал:

— Поставьте все это в кавычки. Приготовились? «Раскопки подземного хода со двора полицейского участка в Пекхэме приближаются к концу точка. Этот ход запятая которым в прежние времена пользовались монахини ордена св. Бригитты запятая имеет в длину приблизительно шестьсот ярдов и ведет от полицейского участка скобка открывается бывшей обители скобка закрывается к Гордон-роуд запятая а не запятая как предполагалось вначале запятая к Нанхеду точка. Археологи сообщают об интересных находках и обнаруженных человеческих останках запятая которые будут удалены из подземного хода запятая прежде чем он откроется для обозрения точка кавычки закрываются».

— Это донесение в полицию? — спросила Мерл. — В таком случае, ради бога, не впутывайте меня в эти дела, Дугал. Если мистер Друс...

— Осталось всего несколько слов, — сказал Дугал. — Приготовились? Абзац когда я прочла это

запятая слезы навернулись мне на глаза точка. О запятая как отчетливо помнится мне двор полицейского участка два восклицания. В мое время полиция рука об руку...

— Все, дальше не могу, — сказала Мерл. — Это ставит меня в ложное положение.

— Хорошо, дорогая, — сказал Дугал. Он сел рядом и поглаживал ее длинную шею, пока она не заплакала.

— Перепечатайте запись, — сказал Дугал, — и забудьте о своем горе. Смотрите, какая миленькая машинка. Бумага вон там на столе.

Она села к столику и принялась перепечатывать стенограмму.

Дугал снова разлегся на постели.

— Прекраснее всего в мире, — сказал он, — смотреть, как очаровательная женщина тарахтит на машинке.

— Мистер Дуглас у себя?

— Он наверху, в своей комнате, работает над докладом. Он занят.

— Можно пройти наверх?

— Не знаю, надо ли его отрывать от работы. Он очень занят. Заходите, пожалуйста. Фамилия как будет?

— Элен Кент.

— Взойдите, — подал голос Дугал с верхней площадки.

— Можете пройти к нему, — сказала мисс Фрайерн. — Верхний этаж. — Мисс Фрайерн стояла и смотрела, как Элен поднимается по лестнице.

— Чего ты льешь в цветок столько воды, — сказала Элен, пощупав землю в горшке с «бабьими сплетнями». — Его нужно поливать раз в неделю.

— Все время кто-нибудь забегает сюда поплакать, — сказал Дугал, — поэтому в комнате повышенная влажность.

Она достала из большой сумки мятый коричневый сверток. Это были выстиранные и заштопанные носки Дугала.

— Чего только про тебя не болтают, — сказала Элен. — Смеху не оберешься. Говорят, будто ты на зарплате в полиции.

— Чем же это тебе смешно?

— Конечно, дурачкам из пекхэмской полиции как раз некуда деньги девать.

— А что, из меня бы вышел великолепный осведомитель. В сыщики я, может, и не гожусь, но уж собрать сведения и без зазрения совести сообщить куда следует — это хоть весь свет обыщи, лучше меня не найдешь.

— Тебя целая банда подстерегает, — сказала Элен. — Меньше разгуливай по ночам. Я бы на твоем месте в одиночку не очень-то шлялась.

— Тихий ужас, правда? Вот, скажем, здесь тебе улица, а там притаился Тревор. А вот здесь, скажем, Колли Гулд якобы вздумал перейти на другую сторону. Малолетний Лесли подходит ко мне и спрашивает, сколько времени, а я, конечно, смотрю на часы. Тут откуда ни возьмись выскакивает Тревор с бритвой — хрясь, хрясь, хрясь. Но Колли громко свищет в три пальца. Я уже валяюсь в канаве, Лесли на прощанье пинает меня и исчезает вслед за Тревором под покровом темноты. Подходит начальник и натыкается на меня. Едва поглядев, начальничек отворачивается и блюет на мостовую. Потом дрожащими пальцами подносит свисток к губам.

— Сядь и перестань пинать ногами хорошую мебель, — сказала она.

— Что-то меня понесло, — сказал Дугал. — Аж сам испугался.

— За день до того, как мистер Уиллис уехал отдыхать, Лесли его подстерег в пять часов после работы. Я иду, смотрю — он околачивается возле машины мистера Уиллиса. Дай, думаю, погляжу, что будет. Смотрю — выходит мистер Уиллис.

Смотрю — Лесли к нему. Смотрю — Лесли что-то сказал, и мистер Уиллис что-то сказал. Дай, думаю, пройду поблизости от них. Слышу, мистер Уиллис говорит: «Ты что, сбежал с занятий?», а Лесли в ответ: «А вам какое дело?», а мистер Уиллис и говорит: «Прежде чем тебя слушать, надо знать, кто ты есть», — ну, может, не те слова, но в таком роде, это мистер Уиллис-то ему. Смотрю — мистер Уиллис сел в машину и уехал.

— Ну и ладно, — сказал Дугал, — через месяц я вас, пожалуй, покину. Ты будешь лить слезы, когда я уеду?

— Поживем — увидим.

— Пойдем-ка в кино, — сказал Дугал. — Хоть вечер и прелестный, но меня что-то тянет в темноту.

По пути он прихватил внизу письмо с иностранным штемпелем. Он прочел его на ходу, держа Элен под руку.

«Дорогой Дуглас,

мы прибыли сюда в субботу вечером. Погода великолепная, мы живем в славном отеле с прекрасным видом на море. Люди здесь очень славные, пока, во всяком случае! Мы пару раз довольно славно прокатились вдоль берега. Откровенно говоря, Ричард нуждается в отдыхе.

Вы сами знаете, как он себя не щадит и какой он добросовестный.

Ричард очень доволен нашей с вами тогдашней договоренностью. Ваша поддержка будет для него сущим облегчением — ведь в фирме теперь скопилось так много Дроверов. (Мне иной раз кажется, откровенно говоря, что фирму надо бы называть «Дровер, Дровер, Дровер и Уиллис», а не просто «Дровер и Уиллис»!) Я надеюсь, что и вы удовлетворены нашей новой договоренностью. Перед отъездом Ричард проинструктировал бухгалтеров насчет прибавки вам жалованья; она будет оформлена задним числом со дня вашего поступления на работу, как мы с вами договорились.

Я чувствую, что должна сообщить вам об одном инциденте, случившемся как раз перед нашим отъездом, хотя, откровенно говоря, Ричард решил не говорить вам об этом (чтобы вас попусту не расстраивать!). Какой-то подросток лет четырнадцати подстерег Ричарда и сказал ему, будто вы платный полицейский осведомитель, нанятый якобы с целью расследовать отдельные злоупотребления на пекхэмских предприятиях. Разумеется, Ричард не придал этому никакого значения, и как я сказала Ричарду, с какой это

стати полиция вдруг заподозрит преступную деятельность в фирме «Дровер и Уиллис»! Откровенно, говоря, я подумала, что стоит вам об этом сообщить, чтобы предостеречь вас, потому что я чувствую, Дуглас, что могу говорить с вами, как с сыном. В ходе своих изысканий вы, очевидно, нажили себе кое в ком врагов. Беда, да и только, люди ведь такие неблагодарные. Перед войной эти мальчики были рады всякой пище и любому крову над головой, но теперь, откровенно говоря...»

Дугал спрятал письмо в карман.

— Таких грустных молодых людей, как я, в летний день с огнем не сыщешь, — сказал он Элен, — и по этому поводу я тихо блаженствую.

Они вышли из кино в восемь часов. Нелли Маэни стояла у пивной напротив, возглашая: «Лицемерные речи обольщают слух невинностью, но яд их проникает до глубины чрева. Хвала господу, да вознесет он дела наши над замыслами лукавых и нечестивцев».

Дугал и Элен пересекли улицу. Они прошли мимо Нелли, и та плюнула на мостовую.

Глава 9

Мерл Кавердейл сказала Тревору Ломасу:

— Я просто иногда помогала ему в его частных делах. С ним приятно поговорить, и вообще в нем есть что-то особенное. А в моей жизни не так уж много интересного.

— Просто в его частных делах, — сказал Тревор. — Всего-навсего помогали ему.

— Ну, а что в этом плохого?

— Перепечатывали его легавые донесения.

— Слушайте, — сказала Мерл, — он не имеет никаких отношений с полицией. Я не знаю, откуда пошли эти россказни, но это все неправда.

— Что за частные делишки вы для него обделывали?

— Это вас не касается.

— Мы этого субчика на днях прирежем, — сказал Тревор. — Вам что, захотелось составить ему компанию?

— Господи, да я же вам правду говорю, — сказала Мерл. — Никакие это не донесения, просто он пишет, как раньше жилось в Пекхэме, по заказу одной женщины, он ее зовет Чиз. Поймите вы, Дугал никому зла не делает. Просто в нем есть

что-то особенное.

— Чиз, — сказал Тревор. — Вот, значит, чем вы с ним занимаетесь по вечерам — каждый вторник и каждую пятницу.

— Чиз и чиз, что тут такого? Это же даже не настоящее имя, это прозвище такое.

— Да что вы говорите, — сказал Тревор. — А как настоящее имя?

— Ой, мистер Ломас, честное слово, не знаю.

— Больше вы к нему не пойдете, — сказал Тревор.

— Тогда придется ему это как-то объяснить. Мы с ним друзья, и не более того, мистер Ломас.

— Вы с ним больше не увидитесь. Без разговоров. А у нас с ним будет свой расчет.

— Мистер Ломас, вы лучше не задерживайтесь. Скоро придет мистер Друс. Мне не хочется, чтобы мистер Друс застал вас здесь.

— Он знает, что я здесь.

— Вы хоть не говорили ему, что я по вечерам в будни бываю у Дугала?

— Я говорю, он в курсе.

— Так это вы осведомитель, а не Дугал.

— Запомните. Сделаете для него что-нибудь — вам же будет хуже.

Тревор размеренной поступью сошел по лест-

нице, а она глядела из окна, как он с видом хозяина шествует по Денмарк-Хиллу.

Через двенадцать минут явился мистер Друс. Он снял шляпу и поместил ее на вешалке в передней. Он прошел в гостиную следом за Мерл и отворил дверцу буфета. Он извлек бутылку виски, налил себе ровно четверть стакана и брызнул туда содовой.

Мерл взяла вязанье.

— Немного виски? — сказал он.

— Нет, лучше стакан красного вина. Надо, пожалуй, выпить красного, может, хоть это меня взбодрит.

Он наклонился, нашарил бутылку вина, выдвинул ящик и достал оттуда пробочник.

— Меня тут только что навестили, — сказала она.

Он оглянулся на нее, из его кулака торчал штопор.

— Полагаю, что вы знаете, о ком идет речь, — сказала она.

— Конечно, знаю. Он был здесь по моему поручению.

— Моя личная жизнь касается только меня, — сказала она. — Я в вашу никогда не вмешивалась. Я никогда и близко не подошла к миссис Друс, а

мне, может быть, не раз хотелось потолковать с ней о том, о сем.

Он вручил ей стакан вина. Посмотрел, что за ярлык на бутылке. Он сел в кресло и разулся. Надел домашние туфли. Поглядел на часы. Мерл включила телевизор. Оба смотрели мимо экрана.

— Я здорово попался с этим шотландцем. Его подослали полиция и правление «Мидоуз, Мид». Он следил за мной почти три месяца и строчил свои доносы.

— Нет, тут вы ошибаетесь, — сказала Мерл.

— А последний месяц и вы были с ним заодно. — Он почти уткнулся указующим перстом ей в горло.

— Тут вы ошибаетесь. Я только перепечатала для него несколько рассказов.

— Каких рассказов?

— Про то, как жилось когда-то в Пекхэме одной старой леди, его знакомой. И вы не имеете ни малейшего права в чем-то меня обвинять и подсылать ко мне разных громил с угрозами.

— Тревор Ломас, — сказал мистер Друс, — мой платный агент. Вы будете ему беспрекословно подчиняться. А так называемый Дугал Дуглас даст у нас тягу из Пекхэма и дорогу обратно забудет.

— Вы же, по-моему, сами собирались эмигри-

ровать.

— Я и собираюсь.

— Когда?

— В свое время.

Он скрестил ноги и устремил взгляд на телеэкран.

— Мне что-то сегодня не хочется ужинать, — сказала она.

— А мне хочется.

Она пошла на кухню и загромыхала посудой. Вернулась она в слезах.

— Проклятая моя жизнь.

— Насколько я знаю, ничего проклятого в ней не было, пока вы не стакнулись с так называемым Дуга-лом Дугласом.

— Мы с ним друзья, и не более того. Вы его не понимаете.

Мистер Друс глубоко вздохнул и возвел глаза к абажуру, призывая его в свидетели.

— Можете есть свою отбивную с картофелем и горошком, — сказала она. — Мне не хочется.

Она села и взяла вязанье, роняя на него слезы.

Он перегнулся в кресле и пощекотал ей шею. Она отстранилась. Он ущипнул ее длинную шею, и она вскрикнула.

— Ш-ш-ш, — сказал он и погладил ей шею.

Он пошел налить себе еще виски. Обернулся и посмотрел на нее.

— На чем же вы сговорились с так называемым Дугалом Дугласом? — спросил он.

— Ни на чем. Мы с ним просто друзья. Надо же мне хоть с кем-то бывать.

Пробочник лежал на буфете. Он приподнял его за кончик и уронил, приподнял снова и уронил.

— Лучше я пойду переверну отбивную, — сказала она и пошла на кухню.

Он последовал за нею.

— Вы снабжали его сведениями обо мне, — сказал он.

— Говорю вам, что нет.

— И печатали его доносы в правление.

Она боком протиснулась мимо него и, плача навзрыд, вернулась в гостиную за носовым платком, оставленным на кресле.

— Еще чем вы с ним занимались? — спросил он, перекрикивая телевизионный гвалт.

Он подошел к ней с пробочником в руке и убил ее, девять раз воткнув пробочник в ее длинную шею. Потом надел шляпу и пошел домой к своей жене.

— Дуг, дорогой, — сказала мисс Мария Чизмен.

— Я в расстроенных чувствах, — сказал Дугал,

— вы не могли бы перезвонить попозже?

— Дуг, я буквально на несколько слов. Вы так изумительно переписали историю моих юных лет. Эти новые пекхэмские эпизодики — совершеннейшая прелесть. Я уверена, в душе вы согласны со мной, что не зря потрудились. И теперь вся книга — сплошное очарование, и я от нее прямо без ума.

— Спасибо, — сказал Дугал. — Вряд ли стоило возиться с этими вставками, но...

— Дуг, заходите ко мне сегодня вечером.

— Простите, Чиз, но я в расстроенных чувствах. Я укладываю вещи. Я отсюда уезжаю.

— Дуг, я хочу вам сделать маленький подарок. В знак того, что я ценю...

— Я перезвоню вам, — сказал Дугал. — Я совсем забыл, что у меня молоко на плите.

— Вы ведь сообщите мне свой новый адрес, да?

Дугал пошел на кухню. Мисс Фрайерн сидела за столом, она как-то странно обмякла в кресле, как будто заснула. Лицо ее было перекошено, и одно веко трепетало.

Дугал поискал глазами бутылку джина, чтобы уточнить, на чем остановилась мисс Фрайерн. Но бутылки джина не было; ни бутылки, ни грязного стакана. Он снова посмотрел на мисс Фрайерн. Ее

веко трепетало, а нижняя губа искривилась.

Дугал позвонил в полицию, чтобы там распорядились насчет доктора. Затем он пошел наверх и притащил оттуда свою поклажу: саквояж на «молнии», новенькую кожаную папку и пишущую машинку. Доктор вскоре явился и прямиком проследовал на кухню к мисс Фрайерн.

— Паралич, — сказал он.

— Ну, я пошел, — сказал Дугал.

— Вы ей не родственник?

— Нет, жилец. Я съезжаю с квартиры.

— Прямо сейчас?

— Да, — сказал Дугал. — Я и без того уезжал, но уж если где начали болеть, то меня с моим роковым недостатком только там и видели.

— У нее есть какие-нибудь родственники?

— Нет.

— Вызову-ка я «Скорую помощь», — сказал доктор. — Плохо ее дело.

Дугал забрал свой скарб и пошел по Парковому проезду. Он заметил издали, что возле полицейского участка толпится народ. Он вмешался в толпу и протолкался во двор вместе с поклажей.

— Уезжаете? — сказал один из полисменов.

— Переезжаю в другой район. Я было решил, что народ собрался поглазеть на какую-нибудь

новую находку.

Полисмен кивком указал на толпу.

— Мы тут только что произвели арест в связи с убийством.

— Друса арестовали, — сказал Дугал.

— Его самого.

— Ну и правильно, — сказал Дугал.

— Конечно, правильно. Сама-то она шуму не делает, лежит себе и лежит, да пища начала пригорать. Соседи подумали, что у нее пожар, и взломали дверь. Как видите, туннель готов к открытию; вон и ступеньки проложены. Сейчас внутри налаживают проводку.

— Жаль, что я этого не застану. Вот бы пройтись по туннелю.

— Идите, если хотите. В нем всего шестьсот ярдов. Выйдете наружу у Гордон-роуд. Там караулит один из наших, он вас знает. Жаль было бы уехать ни с чем, коли вы так интересовались.

— Так я спущусь, — сказал Дугал.

— Не смогу вас проводить, — сказал полисмен. — Но я принесу вам фонарик. Пойдете все прямо и прямо. Всякие там монеты и прочие бронзовые изделия уже выбрали дочиста, остались одни неприбранные кости. Но как-никак, а внутри побываете.

Он отправился за фонариком. Из подземного хода выскочил юный помощник электрика с двумя жестяными кружками. Он пробрался сквозь толпу в кафе на другой стороне улицы.

Полисмен принес маленький фонарик.

— Отдадите констеблю у того выхода, чтоб вам не таскаться туда-сюда. Что ж, до свидания. Рад был познакомиться. Мне пора заступать на дежурство.

Подземный ход высотою в восемь футов недавно укрепили деревянными подпорками, между которыми теперь петлял Дугал. Подземный ход — его открыли для обозрения через несколько дней, а еще через несколько дней закрыли после трех скандалов из-за того, что сюда повадились ученики старших классов смешанной школы, — был устлан свежим гравием. По этому гравию еще никто не ступал, кроме рабочих и Дугала с вещами.

Пройдя полпути, Дугал опустил вещи на землю и стал рыться в куче костей, сложенных в нише на предмет уборки. Кость за костью он отобрал несколько берцовых, облепленных землей; потом взял фонарик в зубы и принялся жонглировать. Он управлялся сразу с шестью костями — подбрасывал и ловил, не уронив ни одной, и земля так

и сыпалась с них.

Он поднял вещи и углубился дальше в душный туннель с запахом недавней дезинфекции. Он увидел впереди яркую лампу, стремянку и электрика, который зачищал провод на стене.

Электрик обернулся.

— Быстро слетал, Бобби, — сказал он.

Дугал выключил фонарик и поставил вещи на свежий хрусткий песок. Он увидел, что электрик с ножом в руке спускается со стремянки и направляет на него свой большой фонарь.

— Тревор Ломас, следи за мертвыми костями, кругом шастают покойники, — сказал Дугал и запустил подвернувшейся тазобедренной костью в голову Тревору. Левой рукой он вывернул ему кисть с ножом. Тревор брыкался. Дугал пустил в ход свой любимый прием: он вцепился правой рукой, как клешней, в глотку Тревору. Тревор отпрянул, споткнулся о Дугаловы вещи и выронил нож. Дугал подобрал нож, схватил вещи и побежал.

Неподалеку от выхода, когда большой фонарь уже остался далеко позади, Тревор догнал Дугала и ткнул его костью в глаз. Тогда Дугал сверкнул Тревору фонариком в лицо и кинулся на него, выставив увечное плечо и растопырив локти.

Он снова применил свой особый прием. Правой рукой он сдавил Тревору горло, а левой нанес короткий удар в челюсть. Тревор осел наземь. Дугал посветил фонариком, подобрал с земли свои вещи и выбрался из подземного хода возле Гордон-роуд. Здесь он сообщил полисмену, что электрика разморило от духоты, он вконец сомлел и сидит на куче монашеских костей.

— Не смогу задержаться и помочь вам, — сказал Дугал, — как видите, спешу к поезду. Вас не затруднит вернуть этот фонарик в участок и поблагодарить от моего лица?

— Ушиблись? — спросил полисмен, поглядев на изукрашенный глаз Дугала.

— Наткнулся на что-то в потемках, — сказал Дугал. — Пустяки, синяк. Света нет, вот беда.

Он зашел перехватить стаканчик в пивную «Веселая вдова». Потом он дотащился с поклажей до Верхнепекхэмской улицы, взял там такси, переехал через мост и остановился у аптеки, чтобы перевязать подбитый глаз.

— Я рада, что он смотался, — сказала Дикси матери. — Хамфри переживает, а я рада. Теперь хоть он на свадьбу не придет. Мало ли что он бы там начал вытворять. Может, он кидался бы, как псих, на гостей и заставлял бы всех щупать свои

шишки. Или, чего доброго, речь бы произнес. Или как начал бы прыгать и пошло себя вести. Мне он никогда не нравился. И Лесли нет. А вот Хамфри он нравился, так Хамфри теперь прямо узнать нельзя. Мистеру Друсу он нравился, и, нечего сказать, хорошо кончил мистер Друс. Бедняжке мисс Кавердейл он нравился. А Тревору нет. Но теперь-то чего беспокоиться. Правда, я здорово простудилась.

Глава 10

И вот Дикси подошла к алтарю в пышном платье с оборками и обратила к священнику свой носик, чуть красноватый от простуды.

— Берешь ли ты эту женщину себе в жены?

— Откровенно говоря, нет, — сказал Хамфри, — не беру.

Дугал мог бы прочесть об этом в газетах. Но он уже отбыл в Африку, чтобы снабдить всех знахарей магнитофонами по сходной цене.

— В наши дни, — говорил Дугал, — ни один порядочный медик не может обойтись без портативного магнитофона. Не будь под рукой этого новейшего средства, которое к тому же легко укрыть в тропических зарослях, прежнее доверие к вождям племени давно бы рухнуло под напором нынешнего беспринципного скептицизма.

О дальнейшей жизни Дугала можно бы многое порассказать. Он вернулся из Африки и стал послушником францисканского монастыря. Прежде чем его оттуда попросили, настоятель пережил острое нервное расстройство. И несколько братьев нарушили обет послушания действием, а другие обеты — в помыслах своих; и понапрасну

Дугал клялся, что он всего-навсего изгнал из них бесов. Тогда экономии ради, ибо в душе он был бережлив, он собрал кой-какие клочки своего богатого опыта беспутства, составил из них уйму дурацких книжонок и весьма преуспел в жизни. Он так и не женился.

На другой вечер после того, как Хамфри в одиночку расположился провести медовый месяц в фолкстоунском отеле, в здешний бар зашел Артур Кру.

— Девочка убивается, — сказал он Хамфри.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал Хамфри. — Передайте ей, что я вернусь.

— Она во всем винит Дугала Дугласа. Ты один или с ним?

— Считайте, что без него, — сказал Хамфри.

— Да я не отчитывать тебя пришел. Может, так и надо было, кто его знает. Но уж больно ты круто с девчонкой, тем более она уж и свадебное платье надела. А мой Лесли попался на краже со взломом, дали ему испытательный срок.

Одни говорили, что Хамфри вернулся и свадьбу все-таки сыграли. Иные говорили, что нет, он женился на другой, или что, наоборот, Дикси умерла с горя, а он перестал даже замечать девушек. Кое-кто считал, что он возвратился, а она его

вытолкала за дверь и назвала скотиной, а кто же он еще после этого. Один или двое припоминали, что Хамфри подрался с Тревором Ломасом. Но все сходились на том, что один малый отказался от невесты прямо в церкви.

На самом деле они поженились через два месяца, и хотя на свадьбу почти никого не пригласили, но народу набилось полная церковь: а вдруг Хамфри опять скажет «нет»?

Хамфри увез Дикси в своей машине. Она сказала: «У меня такое чувство, будто я замужем не два часа, а двадцать лет».

Он подумал, что для ее восемнадцати это вроде бы и многовато. Но выдался солнечный ноябрьский денек, и, пока машина мчалась через парк, он видел, как дети играют на полянках, женщины возвращаются с работы с полными кошелками, а парк будто превратился в зелено-золотое облако, окутавшее и уносившее людей, и было понятно, что на этом не все кончается.

Рассказы

Черная мадонна

Когда Черную Мадонну устанавливали в церкви Иисусова Сердца, освятить статую прибыл сам епископ. Двое наиболее кудрявых мальчиков-певчих несли шлейф его длинной порфиры *{6}. Когда во главе процессии, распевавшей литании святых, он шествовал от пресвитерии *{7} к церкви, неожиданно разгулялось и октябрьское солнце одарило их неярким светом. За епископом шли пятеро священников в белых облачениях из тяжелого, затканного блестящими нитями шелка; четверо должностных лиц из мирян в красных мантиях; затем члены церковных братств и нестройные ряды Союза Матерей.

В новом городе Уитни-Клей было немало католиков, особенно среди медсестер только что открытой больницы, а также среди рабочих бумажной фабрики, которые перебрались из Ливерпуля, соблазненные новым жилым массивом.

{6} notes: 6

Порфира — роскошное, обычно пурпурного цвета облачение высших сановников церкви, надеваемое по торжественным случаям.

{7} notes: 7

Пресвитерия — здесь: дом католического священника, расположенный на участке, прилегающем к храму.

Порядочно их было и на консервном заводе.

Черную Мадонну пожертвовал церкви один новообращенный. Он вырезал ее из мореного дуба.

— Ствол нашли в болоте, пролежал в трясине не одну сотню лет. Тут же по телефону вызвали скульптора. Он поехал в Ирландию и вырезал статую прямо на месте. Вся хитрость в том, чтобы не дать дереву высохнуть.

— Что-то она смахивает на современное искусство.

— Никакая она не современная, сделана по старинке. Довелось бы вам поглядеть на современное искусство, вы бы *сразу* поняли, что она по старинке сработана.

— Смахивает на совре...

— Нет, *по старинке.* А то бы ее не разрешили поставить в церкви.

— Она не такая красивая, как Непорочное Зачатие, что в Лурде. Вот та берет за сердце.

Но в конце концов все привыкли к Черной Мадонне, ее квадратным рукам и прямо ниспадающим одеждам. Раздавались голоса, что ее надо бы обрядить пороскошнее или, на худой конец, украсить кружевным облачением.

— Вам не кажется, святой отец, что выглядит она как-то уныло?

— Нет, — отвечал священник, — мне кажется, она выглядит превосходно. Принарядив ее, мы только исказили бы линии скульптуры.

Посмотреть на Черную Мадонну приезжали даже из Лондона, причем не католики, а, по словам настоятеля, скорее всего неверующие — заблудшие души, хотя и наделенные талантами. Они приезжали, словно в музей, увидеть те самые линии, которых не следовало искажать облачением.

Новый город Уитни-Клей проглотил стоявшую на его месте деревушку. От нее остались парочка домиков со сдвоенными чердачными окнами, таверна под вывеской «Тигр», часовня методистов и три лавчонки. До лавчонок уже добирался муниципалитет, методисты пытались отстоять свою часовню, и только один дом со сдвоенными чердачными окнами да таверна находились под охраной государства, с чем волей-неволей пришлось смириться городскому совету по планированию.

Город был разбит на геометрически правильные квадраты, секторы (там, где проходила окружная дорога) и равнобедренные треугольники. Узор нарушался только в одном месте, где в черту города вклинивались остатки деревеньки,

походившие с высоты птичьего полета на игривую завитушку.

Мэндерс-роуд образовывала сторону параллелограмма из обсаженных деревьями улиц. Она была названа в честь одного из отцов концерна по переработке фруктов («Фиги Мэндерса в сиропе») и состояла из квартала магазинчиков и длинного многоэтажного жилого дома, известного под именем «Криппс-Хауз», названного в честь покойного сэра Стаффорда Криппса, который заложил первый камень в его основание. На шестом этаже этого дома, в квартире № 22 проживали Рэймонд и Лу Паркеры. Рэймонд Паркер работал на автозаводе начальником цеха и входил в правление. Они были женаты уже пятнадцать лет, и Лу перевалило за тридцать семь, когда пошли слухи о чудесах Черной Мадонны.

Из двадцати пяти супружеских пар, живших в «Криппс-Хаузе», пять исповедовали католичество. У всех, кроме Лу и Рэймонда, были дети. Шестую семью муниципалитет незадолго до того переселил в отдельный шестикомнатный домик, потому что у них было семь душ детей, не говоря о дедушке.

Считалось, что Паркерам повезло: не имея детей, они умудрились выхлопотать трехком-

натную квартиру. Семьям с детьми оказывалось предпочтение, но Паркеры стояли на очереди вот уже много лет. Поговаривали также, что у Рэймонда была «рука» в муниципалитете, где директор завода занимал пост советника.

Паркеры относились к тем немногим жильцам «Криппс-Хауза», у кого были собственные автомобили. Телевизора в отличие от большинства соседей они не держали; будучи бездетными, они могли себе позволить культивировать вкус к изящному, так что в своих привычках и развлечениях отличались — в первых меньше, во вторых больше — от обитателей соседних квартир. На новый фильм они шли только в том случае, если «Обзервер» *{8} хвалила картину; смотреть телевизор полагали ниже своего достоинства; были крепки в вере, голосовали за лейбористов и считали, что двадцатый век лучше всех предыдущих; принимали учение о первородном грехе и часто награждали эпитетом «викторианский» *{9} все, что им не нравилось, — и людей и представления.

{8} notes: 8

«Обзервер» — английская еженедельная газета лейбористского толка, известная своей эстетической взыскательностью.

{9} notes: 9

Викторианский — относящийся ко времени царствования британской королевы Виктории (1837—1901); в переносном смысле — старомодный, устаревший, пуритански-ограниченный.

Когда, например, местный советник муниципалитета подал в отставку, Рэймонд заметил: «У него не было выбора. Он викторианец, к тому же слишком молод для должности». А Лу считала уж слишком «викторианскими» романы Джейн Остин *{10}. «Викторианцем» становился всякий, кто выступал против отмены смертной казни. Рэймонд регулярно читал «Ридерс дайджест», журнал «Автомобильное дело» и «Вестник католицизма». Лу читала «Куин», «Женский журнал» и «Лайф» *{11}. Они подписывались на газету «Ньюс кроникл». Каждый прочитывал по две книжки в неделю. Рэймонд отдавал предпочтение книгам о путешествиях, Лу любила романы.

Первые пять лет совместной жизни их беспокоило, что у них нет детей. Оба прошли медицинское обследование, после которого Лу прописали курс вливаний. Вливания не помогли. Это было тем большим разочарованием, что сами они

{10} notes: 10

Джейн Остин (1775—1817) — английская писательница, классик литературы; скончалась до рождения королевы Виктории.

{11} notes: 11

«Ридерс дайджест» — популярный и весьма несолидный литературно-художественный журнал, публикующий произведения мировой литературы в «сокращенном» виде; «Куин» («Королева») — популярный иллюстрированный журнал для женщин; «Лайф» («Жизнь») — популярный иллюстрированный общественно-политический еженедельник, издающийся в США.

появились на свет в многодетных католических семьях. Состоявшие в браке сестры и братья Лу и Рэймонда все имели не меньше трех ребятишек, а у вдовой сестры Лу их было целых восемь; Паркеры посылали ей по фунту в неделю.

Их квартирка в «Криппс-Хаузе» состояла из трех комнат и кухни. Соседи копили на собственные дома; обосновавшись на государственной площади, они рассматривали ее лишь как очередную ступень многоступенчатой ракеты, призванной доставить их к заветной цели. Лу с Рэймондом не разделяли этих честолюбивых помыслов. Их казенная обитель не только им нравилась — они были от нее в полном восторге, даже находили в ней нечто аристократическое, самодовольно подумывая, что в этом отношении они стоят выше предрассудков «среднего класса», к которому, по правде говоря, сами принадлежали.

— Придет время, — говорила Лу, — когда будет модно жить в казенной квартире.

Друзья у них были самые разные. Тут, правда, Рэймонд и Лу не во всем бывали согласны. Рэймонд считал, что Экли надо приглашать вместе с Фарреллами. Мистер Экли работал бухгалтером в отделе электроснабжения. Мистер и миссис Фаррелл служили: он — сортировщиком у Мэндерса

(«Фиги в сиропе»), она — билетершей в кинотеатре «Одеон».

— В конце концов, — убеждал Рэймонд, — и те и другие — католики.

— Не спорю, — возражала Лу, — но у них нет общих интересов. Фарреллам просто не понять, о чем говорят Экли. Экли любят порассуждать о политике, Фарреллы предпочитают анекдоты. Пойми, это не снобизм, а здравый смысл.

— Хорошо, хорошо, поступай как знаешь.

Ибо никто не мог заподозрить Лу в снобизме, а ее здравый смысл был известен всем.

Широкий круг знакомств объяснялся их активным участием в приходских делах. Оба они входили в различные церковные гильдии и братства. Рэймонд помогал во время службы и устраивал еженедельные футбольные лотереи, прибыль от которых шла в фонд украшения храма. Лу чувствовала себя не у дел, когда Союз Матерей собирался на свои специальные мессы: то была единственная организация, куда Лу никоим образом не могла вступить. Но до замужества она работала медсестрой, а потому состояла в гильдии Сестер Милосердия.

Таким образом, в большинстве своем их приятели-католики были людьми разных профессий.

Те же, с которыми Рэймонд был связан по службе, занимали другое общественное положение — и Лу понимала это лучше, чем Рэймонд. Обычно он предоставлял ей решать, кого и с кем приглашать.

Автозавод принял на работу человек двенадцать с Ямайки; двое оказались под началом у Рэймонда. Как-то вечером он пригласил их домой на чашку кофе. То были молодые холостяки, очень вежливые и очень черные. Молчаливого звали Генри Пирсом, а разговорчивого — Оксфордом Сен-Джоном. Лу удивила и обрадовала Рэймонда, заявив, что их непременно нужно перезнакомить со всеми друзьями, сверху донизу. Рэймонд знал, конечно, что она во всем руководствуется никак не снобизмом, а только здравым смыслом, но как-то побаивался, что она сочтет противным этому самому смыслу знакомить новых черных друзей со старыми белыми.

— Я рад, что тебе понравились Генри с Оксфордом, — сказал он. — И рад, что мы сможем представить их всем нашим знакомым.

За один только месяц чернокожая пара девять раз побывала в «Криппс-Хаузе». Их знакомили с бухгалтерами и учителями, упаковщиками и сортировщиками. Лишь Тина Фаррелл, билетерша

из кинотеатра, не смогла до конца прочувствовать все значение происходящего.

— А эти черномазенькие, оказывается, вполне приличные ребята, как узнаешь их поближе.

— Это ты о наших друзьях с Ямайки? — спросила Лу. — А почему, собственно, им не быть приличными? Они такие же, как все.

— Конечно, я так и хотела сказать, — согласилась Тина.

— Все мы равны, — заявила Лу. — Не забудь, среди чернокожих встречаются даже епископы.

— Господи Иисусе, у меня и в мыслях не было, что мы ровня епископу, — вконец растерялась Тина.

— Ну так не называй их черномазенькими.

Иногда летом, по воскресеньям, ближе к вечеру, Паркеры брали своих друзей на автомобильные прогулки. Ездили они в один и тот же придорожный ресторанчик на берегу реки. В первый раз появившись там с Генри и Оксфордом, они чувствовали, что бросают вызов общественному мнению, однако никто не имел ничего против и никаких неприятностей не воспоследовало. Скоро чернокожая пара вообще всем примелькалась. Оксфорд Сен-Джон завел интрижку с хорошенькой рыженькой счетоводшей, а Генри Пирс,

оказавшись в одиночестве, стал часто бывать у Паркеров. Лу с Рэймондом собирались провести две недели летнего отпуска в Лондоне.

«Бедняжка Генри, — говорила Лу, — без нас ему будет скучно».

Однако, когда Генри ввели в общество, он оказался не таким тихоней, каким выглядел поначалу. Ему было двадцать четыре года, и он хотел знать все на свете. Яркий блеск глаз, зубов и кожи еще больше подчеркивал его энтузиазм. В Лу он будил материнский инстинкт, а у Рэймонда вызывал родственные чувства. Лу нравилось слушать, как он читает любимые стихи, которые он переписывал в ученическую тетрадку:

Нимфа, нимфа, к нам скорей!
Шуткой, шалостью развей,
Юной прелестью...

Лу прерывала:

— Нужно говорить «шуткой», «шалостью», а не «суткой», «салостью».

— Шуткой, — послушно выговаривал он и продолжал: — «Смех, схватившись за бока...» *Смех,* понимаете, Лу? — *смех.* Для этого господь бог и создал человека. А которые люди слоняются с кислым видом, так они, Лу...

Лу обожала такие беседы. Рэймонд благо-

склонно попыхивал трубкой. После ухода гостя Рэймонд обычно вздыхал: такой смышленый парнишка — и надо же, сбился с пути! Генри воспитывался в школе при католической миссии, но потом отступился от веры. Он любил повторять:

— Суеверия наших дней еще вчера были наукой.

— Я не согласен, — возражал Рэймонд, — что католическая вера — суеверие. Никак не согласен.

Присутствовал Генри при этом или нет, Лу неизменно замечала:

— Он еще вернется в лоно церкви.

Если разговор шел в его присутствии, он награждал Лу сердитым взглядом. И только в эти минуты жизнерадостность покидала Генри и он снова делался молчаливым.

Рэймонд и Лу молились о том, чтобы Генри обрел утраченную веру. Лу три раза в неделю читала розарий *{12} перед Черной Мадонной.

— Когда мы уедем в отпуск, ему без нас будет скучно.

Рэймонд позвонил в лондонскую гостиницу,

{12} notes: 12

Читать розарий — читать наизусть определенное число раз и в определенной последовательности католические молитвы, сверяясь с розарием — шнуром, на который особым образом нанизаны бусы (четки), символизирующие молитвы.

где у них был заказан номер.

— У вас найдется комната для молодого джентльмена, который сопровождает мистера и миссис Паркер? — и добавил: — Цветного джентльмена.

Рэймонд обрадовался, услышав, что комната найдется, и вздохнул с облегчением, когда понял, что цвет кожи никого не интересует.

Отпуск прошел гладко, если не считать малоприятного визита к вдовой сестре Лу, той самой, которой выделялся один фунт в неделю на воспитание восьмерых детей; Элизабет и Лу не виделись девять лет.

Они навестили ее незадолго до конца отпуска. Генри сидел на заднем сиденье рядом с большим чемоданом, набитым разным старьем для Элизабет. Рэймонд вел машину, приговаривая время от времени:

— Бедняжка Элизабет — восемь душ! — что действовало Лу на нервы, но она и вида не подавала.

Когда они остановились у станции метрополитена «Виктория-Парк», чтобы спросить дорогу, Лу вдруг запаниковала. Элизабет жила в унылой дыре под названием Бетнел-Грин, и за те девять лет, что они не виделись, жалкая квартирка на

первом этаже с облупившимися стенами и голым дощатым полом начала представляться Лу в более розовом свете. Посылая сестре еженедельные переводы, она мало-помалу научилась думать о Бетнел-Грин как чуть ли не о монастырской келье. Воображение рисовало ей нечто скудно обставленное, но выскобленное и отмытое до безукоризненного блеска, нечто в озарении святой бедности. Полы сияли. Элизабет — седая, в морщинах, но опрятная. Благовоспитанные дети, послушно усевшись друг против друга за стол — почти такой же, как в монастырских трапезных, — приступают к супу. И, лишь добравшись до «Виктория-Парк», Лу вдруг осознала во всей его убедительности тот факт, что на самом деле все будет совсем иначе. «С тех пор как я последний раз была у нее, там многое могло измениться к худшему», — призналась она Рэймонду, который никогда не бывал у Элизабет.

— Где «там»?

— В доме у бедняжки Элизабет.

Ежемесячные письма от Элизабет Лу пробегала, не вдаваясь в подробности; — однообразные коротенькие послания, довольно безграмотные, ибо Элизабет, по ее собственным словам, «академиев не кончала»:

«Джеймс на другой работе уж думаю конец теперь той беде у миня кровяное давление и был доктор очень милый. То же из помощи кажный день. Обед присылали и для моих маленьких они это прозвали Самоходная еда на четыре Колеса. Я молюсь Всевышнему что Джеймс из беды выпутался он мине ничего не говорит в шестнадцать они все такие рта не раскроют но Бог он правду видит. Спасибо за перевод Бог тибя не забудит твоя вечно сестра Элизабет».

Лу попыталась собрать воедино все, что можно было узнать из таких писем за девять лег. Джеймс, старшенький, видно, попал в какую-то неприятную историю.

— Надо было выяснить у Элизабет про этого мальчика, Джеймса, — сказала Лу. — В прошлом году она писала, что он попал в «беду», вроде бы его должны были куда-то отправить. Но тогда я не обратила на это внимания, не до того было.

— Не можешь же ты все взвалить на свои плечи, — ответил Рэймонд. — Ты и так достаточно помогаешь Элизабет.

Они остановились у дома Элизабет — она жила на первом этаже. Лу поглядела на облупившуюся краску, на грязные окна и рваные, давно не стиранные занавески, и перед ней с поразительной

живостью встало ее беспросветное детство в Ливерпуле. Спасти Лу тогда могло только чудо; на чудо она и уповала, и надежды сбылись: монашенки подыскали ей место. Она выучилась на медсестру. Ее окружали белоснежные койки, сияющие белизной стены, кафель; к ее услугам всегда были горячая вода и ароматические соли в неограниченном количестве. Выйдя замуж, она хотела обставить квартиру белой крашеной мебелью, чтобы с нее легко было смывать микробов. Но Рэймонд высказался за дуб: он не понимал всех прелестей гигиены и нового эмалевого лака. Воспитанный в благонравии, он на всю жизнь приобрел вкус к стандартным гарнитурам и гостиным, выдержанным в осенних тонах. И сейчас, разглядывая жилище Элизабет, Лу чувствовала, как ее отшвырнуло назад, в прошлое.

Когда они возвращались в гостиницу, Лу тараторила, радуясь, что все уже позади:

— Бедняжка Элизабет, не очень-то ей повезло. Мне понравилась крошка Фрэнсис, а тебе, Рэй?

Рэймонд не любил, чтобы его называли Рэем, однако протестовать не стал, памятуя, что Лу вся на нервах. Элизабет оказала им не слишком любезный прием. Она похвалила темно-синий ансамбль Лу — сумочку, перчатки, шляпку и

туфельки, — но похвалы ее звучали обвинением. Квартира была вонючей и грязной.

— Сейчас я вам все покажу, — сказала Элизабет издевательски изысканным голосом, и пришлось им протискиваться темным узким коридорчиком вслед за тощей фигурой, чтобы попасть в большую комнату, где спали дети.

Старые железные койки стояли в ряд, покрытые мятыми темными лоскутными одеялами, — и никаких простынь. Рэймонд пришел в негодование; оставалось надеяться, что Лу не станет из-за всего этого расстраиваться. Рэймонд прекрасно знал, что различные общественные организации дают Элизабет достаточно средств на жизнь, что она просто-напросто распустёха, из тех, кто сам себе помочь не желает.

— Элизабет, а ты никогда не думала устроиться на работу? — спросил он и тут же пожалел о собственной глупости.

Элизабет не преминула воспользоваться случаем.

— Ты что сказал? Ни в какие такие ясли я моих детей не отдам и ни в какой приют определять их не буду. По нынешним временам детишкам свой родной дом нужен, и у моих он есть, — и добавила: — Бог, он все видит, — таким тоном, что

Рэймонду стало ясно: до него бог еще доберется за то, что ему, Рэймонду, повезло в жизни.

Рэймонд роздал малышам по монетке в полкроны, а для ребят постарше — они играли на улице — оставил монеты на столе.

— Как, уже уходите? — спросила Элизабет укоризненным тоном. Сама, однако, не переставала с жадным любопытством разглядывать Генри, так что укоризна в ее голосе была скорее данью привычке.

— Ты из Штатов? — поинтересовалась она.

Генри, сидевший на самом краешке липкого стула, ответил: нет, с Ямайки, и Рэймонд подмигнул ему, чтобы подбодрить.

— В войну много тут вашего брата понаехало, из Штатов, — сказала Элизабет, посмотрев на него краешком глаза.

Генри поманил семилетнюю девочку, предпоследнего ребенка в семье:

— Иди сюда, скажи что-нибудь.

Вместо ответа девчушка запустила руку в коробку со сладостями, которую принесла Лу.

— Ну, скажи что-нибудь, — повторил Генри.

Элизабет рассмеялась:

— Она тебе такое скажет, что не обрадуешься. У кого, у кого, а у ней язык здорово подвешен.

Послушал бы, как она учительниц отбривает.

От смеха у Элизабет заходили кости под мешковатым платьем. В углу стояла колченогая двуспальная кровать, рядом захламленный столик, а на нем кружки, консервные банки, гребень, щетка, бигуди, фотография Иисусова Сердца в рамке. Еще Рэймонд обратил внимание на пакетик, который ошибочно принял за пачку презервативов. Он решил ничего не говорить Лу: она наверняка заметила кое-что другое, и, может, еще похуже.

На обратном пути Лу болтала, едва не переходя на истерику,

— Рэймонд, дружок, — чирикала она своим самым великосветским голоском, — я просто *не могла* не оставить бедняжке всех наших хозяйственных денег на неделю вперед. Придется нам, голубчик, немного поголодать дома. *Другого* выхода у нас нет.

— Хорошо, — согласился Рэймонд.

— Но скажи мне, — взвизгнула Лу, — могла ли я поступить иначе? *Могла ли?*

— Не могла, — ответил Рэймонд. — Ты правильно сделала.

— Моя *родная* сестра, дружок, — продолжала Лу. — Ты заметил, во что у нее волосы превратились

от перекиси? Светлые и темные пряди вперемешку, а ведь какая хорошенькая была головка!

— Хотелось бы мне знать, сама-то она хоть что-то пыталась сделать? — заметил Рэймонд. — С ее-то семьей ничего не стоило добиться новой квартиры, если б только она...

— Такие никогда не переезжают, — вставил Генри, наклонившись с заднего сиденья. — Это называется трущобной психологией. Взять хотя бы народ у нас на Ямайке...

— Никакого сравнения! — вдруг взвилась Лу. — Тут совсем другой случай!

Рэймонд удивленно на нее поглядел, а Генри откинулся на сиденье, оскорбленный. Откуда у *этого-то* взялась наглость, с ненавистью подумала Лу, строить из себя сноба. Элизабет как-никак белая женщина.

Их молитвы о ниспослании благодати Генри Пирсу не остались без ответа. Сперва Генри обрел туберкулез, а следом — и утраченную веру. Его направили в один валлийский санаторий, и Лу с Рэймондом пообещали навестить его под рождество. Тем временем они молили Пресвятую деву об исцелении Генри от недуга.

Оксфорд Сен-Джон, чья интрижка с рыжей счетоводшей кончилась ничем, теперь стал у

Паркеров частым гостем. Но до конца заменить собой Генри он так и не смог. Оксфорд был старше и не такой утонченный. Приходя к ним, он любил разглядывать себя в кухонном зеркале, приговаривая: «Ах ты большой черномазый ублюдок!» Он все время называл себя черномазым, каковым, по мнению Лу, он и был, но к чему вечно тростить об этом? Он останавливался на пороге, раскрывал объятия и ухмылялся во весь рот. «Да, черен я, но и красив, о дщери иерусалимские». А как-то раз, когда Рэймонда не было дома, он подвел разговор к тому, что у него *все тело* черное. Лу пришла в замешательство, стала поглядывать на часы и спустила в вязанье несколько петель.

Когда она трижды в неделю читала розарий перед Черной Мадонной и молилась о здравии Генри, она заодно просила и о том, чтобы Оксфорда Сен-Джона перевели на работу в другой город. Ей не хотелось делиться с Рэймондом своими чувствами; и на что, собственно говоря, ей было жаловаться? На то, что Оксфорд такой простой и обычный? Это не годилось: Рэймонд презирал снобизм, да и она тоже, так что ситуация была весьма деликатной. Каково же было ее удивление, когда через три недели Оксфорд объявил о своем намерении подыскать работу в

Манчестере.

— Знаешь, а в этих слухах про деревянную статую что-то есть, — сказала она Рэймонду.

— Возможно, — сказал Рэймонд. — А то бы не было слухов.

Лу не могла рассказать ему, как молилась она об устранении Оксфорда. Но когда Генри Пирс написал ей, что идет на поправку, она сказала Рэймонду: «Вот видишь, мы просили возвратить Генри веру, и теперь он верующий. А сейчас просим, чтобы он исцелился, и ему уже лучше».

— Врачи там хорошие, — сказал Рэймонд, но все же добавил: — Мы, конечно, будем молиться и дальше.

Сам он, хотя розария и не читал, каждую субботу после вечерней мессы преклонял колени перед Черной Мадонной помолиться за Генри Пирса.

Оксфорд при каждой встрече только и говорил, что об отъезде из Уитни-Клея. Рэймонд сказал:

— Переезд в Манчестер — большая ошибка с его стороны. В огромном городе бывает так одиноко. Но, может, он еще передумает.

— Нет, — сказала Лу, настолько уверовала она в силу Черной Мадонны. Она была по горло сыта Оксфордом Сен-Джоном, который задирал ноги на ее диванные подушечки и звал себя ниггером.

— Скучно без него будет, — вздохнул Рэймонд, — все-таки он веселый парень.

— Скучно, — сказала Лу. Она как раз читала приходский журнал, что случалось с ней редко, хотя вместе с другими активистками она сама вызвалась рассылать его по подписчикам и каждый месяц надписывала на бандеролях не одну сотню адресов. В предыдущих номерах, помнилось Лу, было что-то такое насчет Черной Мадонны, как та исполняла разные просьбы. Лу слышала, что паства из окрестных приходов часто ходила молиться в церковь Иисусова Сердца только из-за статуи. Говорили, что люди приезжают к ней со всей Англии, но молиться или полюбоваться на произведение искусства — этого Лу не знала. Со всем вниманием взялась она за статью в приходском журнале:

«Отнюдь не претендуя на чрезмерное... молитвы были услышаны и многим верующим в ответ на их просьбы чудеснейшим образом даровано... два удивительных случая исцеления, хотя, разумеется, следует подождать медицинского заключения, поскольку окончательное выздоровление может быть подтверждено лишь по истечении известного срока. В первом случае это был двенадцатилетний ребенок, страдавший

лейкемией... Во втором... Отнюдь не желая создать cultus *{13} там, где не место культам, мы тем не менее обязаны помнить, что наш вечный долг — почитать Богоматерь, источник благодати, коей обязаны мы...

Отец настоятель получил и другие сведения, касающиеся нашей Черной Мадонны и имеющие прямое отношение к бездетным супружеским парам. Стали известны три подобных случая. Во всех трех муж и жена утверждали, что постоянно молились Черной Мадонне, а в двух случаях из трех обращались к ней с конкретной просьбой: даровать им ребенка. Во *всех* трех случаях молитвы возымели действие. Гордые родители... Каждый прихожанин должен счесть желаннейшим своим долгом вознести особое благодарение... Отец настоятель будет признателен за новые сообщения...»

— Рэймонд, — сказала Лу, — прочти-ка это. Они решили ходатайствовать перед Черной Мадонной о младенце.

Когда на другое воскресенье они поехали к мессе, Лу бряцала розарием. У церкви Рэймонд остановил машину.

{13} notes: 13
Культ (*латин.*).

— Послушай, Лу, — сказал он, — ты в самом деле хочешь ребенка? — Ему подчас казалось, что Лу всего лишь собирается устроить Черной Мадонне проверку. — Хочешь после всех этих лет?

Эта мысль не приходила Лу в голову. Она подумала о своей опрятной квартирке и размеренной жизни, о гостях и своем парадном кофейном сервизе, о еженедельниках и библиотечных книгах, о вкусе к изящному, который они едва ли смогли б культивировать, будь у них дети. Еще она подумала о своей красивой моложавой внешности, которой все завидовали, и о том, что ее ничто не связывает.

— Попробовать стоит, особой беды не будет, — решила она. — Господь не пошлет ребенка, если нам на роду написано оставаться бездетными.

— Кое-что мы должны решать для себя сами, — ответил он. — И, по правде сказать, если *ты* не хочешь ребенка, *мне-то* он и подавно не нужен.

— Помолиться все равно не помешает, — повторила она.

— Лучше сперва решить, а потом уж молиться, — заметил он. — Не стоит искушать провидение.

Она вспомнила, что вся их родня, и ее и Рэймонда, давно обзавелась детьми. Подумала о сестре Элизабет с ее восемью ребятишками, вспомнила

ту девчушку, которая «учительниц отбривает», — хорошенькую, насупленную и оборванную; представила крошку Фрэнсис, как та мусолит соску, обхватив Элизабет за худую шею. И сказала:

— Не вижу, почему бы мне и не завести ребенка.

Оксфорд Сен-Джон отбыл в конце месяца. Он обещал писать, но их не удивляло, что проходят недели, а он все молчит. «Вряд ли он вообще нам напишет», — сказала Лу. Рэймонду почудилось, что она даже этим довольна, и он было подумал, уж не превращается ли она в сноба, как это бывает с женщинами в ее возрасте, когда они понемногу теряют свои идеалы, но тут она заговорила о Генри Пирсе. Генри писал, что он уже почти выздоровел, но врачи посоветовали ему вернуться в Вест-Индию.

— Надо бы его навестить, — сказала Лу. — Мы ведь обещали. Через две недели, в воскресенье, а?

— Хорошо, — сказал Рэймонд.

В субботу накануне поездки Лу в первый раз почувствовала недомогание. Она с трудом поднялась, чтобы поспеть к утренней мессе, но во время службы ей пришлось выйти. Ее стошнило за церковью, прямо во дворике. Рэймонд отвез ее

домой, не слушая никаких возражений и не дав почитать розария перед Черной Мадонной.

— Всего через шесть недель! — повторяла она, едва ли понимая, почему ей так плохо: от возбуждения или по естественному ходу вещей. — Всего шесть недель назад, — и голос ее зазвучал на старый ливерпульский манер, — были мы у Черной Мадонны, и на тебе — молитвы наши уже услышаны, видишь?

Глядя на нее с благоговейным ужасом, Рэймонд поднес тазик.

— А ты уверена? — спросил он.

Наутро она почувствовала себя лучше и решила, что они смогут поехать в санаторий навестить Генри. Он раздобрел и, на ее взгляд, стал немного грубее. В его манере себя держать появилось нечто решительное, словно, едва не расставшись с бренной своей оболочкой, он твердо настроился не допускать такого впредь. До его отъезда на родину оставалось совсем немного. Он пообещал зайти попрощаться с ними. Следующее письмо от Генри Лу только что глазами пробежала, прежде чем отдать Рэймонду.

Теперь в гости к ним приходили заурядные белые.

— Генри с Оксфордом были куда колоритнее,

— сказал Рэймонд и смутился, испугавшись, как бы не подумали, будто он шутит над цветом их кожи.

— Скучаете по вашим черномазеньким? — спросила Тина Фаррелл, и Лу забыла сделать ей замечание.

Лу забросила б***о***льшую часть своих приходских обязанностей, чтобы шить и вязать на младенца. Рэймонд забросил «Ридерс дайджест». Он подал прошение о повышении, и его сделали начальником отдела. Квартира превратилась в зал ожидания: к лету, через год после рождения маленького, они надеялись скопить на собственный домик. В пригороде велось жилстроительство; на один из этих новых домов они и рассчитывали.

— Нам будет нужен садик, — объясняла Лу друзьям.

«Я вступлю в Союз Матерей», — думала она про себя.

Тем временем свободную спальню превратили в детскую. Рэймонд сам смастерил кроватку, хоть кое-кто из соседей и жаловался на стук молотка. Лу позаботилась о колыбельке, украсила ее оборочками. Она написала письма родственникам; написала и Элизабет, послала ей пять фунтов и предупредила, что еженедельные переводы на

этом кончаются, так как у них у самих теперь каждый пенс на счету.

— Да она все равно в этих деньгах не нуждается, — сказал Рэймонд. — О таких, как Элизабет, заботится государство. — И он поведал Лу о пачке презервативов, которую, как ему показалось, он заметил на столике рядом с двуспальной кроватью.

Лу разволновалась.

— Откуда ты взял, что это презервативы? Как выглядела пачка? И почему ты молчал до сих пор? Какая наглость, а еще называет себя католичкой, как ты думаешь, у нее есть любовник?

Рэймонд не был рад, что сказал.

— Не волнуйся, лапонька, не надо так расстраиваться.

— Она говорила, что каждое воскресенье ходит к мессе, и все дети тоже, кроме Джеймса. Не мудрено, что мальчик попал в историю — с таким-то примером перед глазами! И как я сразу не догадалась, а то зачем бы ей волосы красить перекисью! И все это время я посылала ей по фунту в неделю, в год, значит, пятьдесят два фунта! Никогда бы я этого не стала делать, и еще называет себя католичкой, а у самой противозачаточные средства под рукой.

— Лапонька, не надо расстраиваться.

Трижды в неделю Лу молилась перед Черной Мадонной о благополучных родах и здоровье младенца. Она обо всем рассказала отцу настоятелю, и тот сообщил об этом в очередном номере приходского журнала: «Стал известен еще один случай благосклонной помощи нашей Черной Мадонны бездетной супружеской паре…» Лу читала розарий перед статуей, пока ей не стало трудно опускаться на колени, а живот не вырос так, что она уже не видела собственных ног. И когда Лу стояла перед изваянием, перебирая на животе четки, богоматерь в своих черных деревянных одеждах с высокими черными скулами и квадратными руками казалась ей самой непорочностью.

Рэймонду она сказала:

— Если родится девочка, одно из имен пусть будет Мария. Не первое, конечно, слишком оно заурядное.

— Как хочешь, лапонька, — ответил Рэймонд. Доктор предупредил его, что роды могут оказаться тяжелыми.

— А если мальчик, назовем его Томасом в честь дядюшки. Но если будет девочка, то первое имя давай подыщем пошикарнее.

Он решил, что Лу просто оговорилась: этого словечка — «шикарный» — он от нее раньше не слышал.

— Как насчет Доун? *{14} — спросила она. — Мне нравится, как оно звучит. А вторым именем — Мария. Доун Мария Паркер, очень красиво.

— Доун! Это же не христианское имя, — возразил он. Но потом добавил: — Впрочем, лапонька, как тебе хочется.

— Или Томас Паркер, — сказала она.

Она решила лечь в общую палату родильного дома, как все прочие. Но когда пришло время рожать, она дала Рэймонду себя переубедить. «Тебе, лапонька, это может оказаться труднее, чем молодым, — не переставал твердить он. — Лучше снимем отдельную палату, не обеднеем».

Роды, однако, прошли очень гладко. Родилась девочка. Уже вечером Рэймонду позволили навестить Лу. Она лежала совсем сонная.

— Нянечка отведет тебя в детскую и покажет девочку, — сказала она. — Малышка очень миленькая, но жутко красная.

— Все младенцы рождаются красными, — сказал Рэймонд.

{14} notes: 14
Доун *(англ.* Dawn) — Заря, Зорька.

Он встретил нянечку в коридоре.

— Я могу взглянуть на ребенка? Жена говорила...

Нянечка засуетилась:

— Сейчас я вызову сестру.

— Нет, нет, я не хотел бы никого беспокоить, только жена говорила...

— Все в порядке, мистер Паркер. Подождите здесь.

Появилась сестра, степенная высокая дама. Рэймонду показалось, что она близорука, потому что она долго и внимательно его разглядывала, прежде чем повести в детскую.

Девочка была пухленькая и очень красненькая, с курчавыми черными волосиками.

— Странно, что у нее волосы. Я думал, они рождаются лысенькими, — сказал Рэймонд.

— Рождаются и с волосами, — успокоила сестра.

— Что-то она уж больно красная. — Рэймонд сравнил своего младенца с другими в соседних кроватках. — Много красней, чем другие.

— Ну, это пройдет.

Наутро он застал Лу в полубессознательном состоянии. У нее была истерика, она визжала, и ей пришлось дать большую дозу успокаивающего.

Он сидел у постели, ничего не понимая. Потом в дверях показалась нянечка и поманила его в коридор.

— Вы можете поговорить со старшей сестрой?

— Ваша жена переживает из-за младенца, — объяснила ему та. — Понимаете, все дело в цвете кожи. Прекрасная, великолепная девочка, но цвет...

— Я заметил, что она краснее обычного, — сказал Рэймонд, — но нянечка говорила...

— Краснота пройдет. Цвет кожи у новорожденных меняется. Но ребенок, несомненно, будет коричневым, если не совершенно черным, а как нам кажется, именно черным. Красивый, здоровый ребенок.

— Черным? — сказал Рэймонд.

— Нам так кажется, и, должна вам сказать, так оно наверняка и будет. Мы не могли предполагать, что ваша жена столь болезненно воспримет это известие. У нас тут рождалось достаточно чернокожих младенцев, но для матерей это, как правило, не было неожиданностью.

— Тут, должно быть, какая-то путаница. Вы, должно быть, перепутали младенцев, — сказал Рэймонд.

— О путанице не может быть и речи, — резко

сказала сестра. — Такие вещи тут же выясняются. В нашей практике *бывали* случаи, когда отцы не хотели признавать собственных детей.

— Но мы же оба белые, — сказал Рэймонд. — Посмотрите на жену, на меня посмотрите...

— Это уж разбирайтесь сами. На вашем месте я бы поговорила с доктором. Но что бы вы ни решили, я прошу вас не волновать жену в ее теперешнем состоянии. Она уже отказалась кормить девочку грудью, утверждая, что это не ее ребенок. Смешно.

— Это Оксфорд Сен-Джон?

— Рэймонд, доктор предупреждал тебя, что мне нельзя волноваться. Я ужасно себя чувствую.

— Это Оксфорд Сен-Джон?

— Пошел вон, мерзавец, и как у тебя язык повернулся сказать такое!

Он потребовал, чтобы ему показали девочку, — всю неделю он каждый день ходил на нее смотреть. Пренебрегая воплями белых малышей, нянечки собирались у ее кроватки полюбоваться на свою хорошенькую «чернушку». Она и в самом деле была совсем черненькая, с плотными курчавыми волосиками и крошечными негроидными ноздрями. Этим утром ее окрестили, хотя родители при сем не присутствовали. Крестной

матерью была одна из нянечек.

Завидев Рэймонда, нянечки разлетелись в разные стороны. Он с ненавистью посмотрел на младенца. Девочка глядела на него черными глазами-пуговками. На шейке у нее он заметил табличку «Доун Мария Паркер».

В коридоре ему удалось поймать какую-то нянечку:

— Послушайте, снимите у ребенка с шеи фамилию Паркер. У нее не Паркер фамилия, это не мой ребенок.

Нянечка ответила:

— Не мешайте, я занята.

— Не исключена *возможность,* — сказал Рэймонду доктор, — что если когда-то у вас или у вашей жены была в семье хоть капелька негритянской крови, то сейчас она дала о себе знать. Возможность, конечно, маловероятная. В моей практике я с этим не сталкивался, но слышать слышал. Если хотите, я могу порыться в справочниках.

— У меня в семье ничего подобного не было, — ответил Рэймонд. Он подумал о Лу и ее сомнительных ливерпульских предках. Родители у нее умерли еще до того, как они познакомились.

— Это могло произойти несколько поколений

назад, — заметил доктор.

Рэймонд вернулся домой, стараясь не столкнуться с соседями, которые начали бы его останавливать и расспрашивать о Лу. Он уже жалел, что разбил кроватку в первом приступе бешенства: дал-таки волю низменным инстинктам. Но стоило ему вспомнить крохотные черные пальчики с розовыми ноготками, как он переставал жалеть о кроватке.

Ему удалось разыскать Оксфорда Сен-Джона. Однако еще до того, как были получены результаты анализа крови, он сказал Лу:

— Напиши своим и спроси, не было ли у вас в семье негритянской крови.

— Спроси у *своих!* — отрезала Лу.

Она не желала даже видеть черного младенца. Нянечки кудахтали над ребенком с утра до вечера и бегали к Лу с сообщениями о нем:

— Возьмите себя в руки, миссис Паркер, у вас растет прелестная крошка.

— Вам следует заботиться о собственном чаде, — сказал священник.

— Вы не представляете, как я страдаю, — сказала Лу.

— Во имя господа бога нашего, — сказал священник, — если вы дочь католической церкви,

вы обязаны принять страдания.

— Не могу я себя насиловать, — сказала Лу. — Нельзя же требовать от меня...

Через неделю Рэймонд как-то сказал ей:

— Врачи говорят, что с анализом крови все в порядке.

— Как это в порядке?

— У девочки и Оксфорда разные группы крови, и...

— Заткнись, надоело, — сказала Лу. — Младенец черный, и никакими анализами белой ее не сделаешь.

— Не сделаешь, — согласился он. Выясняя, нет ли у него в семье негритянских кровей, он напрочь рассорился с матерью. — Врачи говорят, — продолжал Рэймонд, — что в портовых городах иногда бывает такое смешение рас. Это могло произойти несколько поколений назад.

— Я одно знаю, — сказала Лу. — Брать этого ребенка домой я не собираюсь.

— И не хочется, да придется, — сказал он.

Рэймонд перехватил письмо от Элизабет, адресованное Лу:

«Дорогая Лу Рэймонд спрашиваит были у нас в семействе чернокожие подумать только что у тибя цветная родилася Бог он все видит. Был у

Флиннов двоюродный братец в Ливерпуле звали Томми темный такой про его говорили что он от негра с корабля так это было давным давно до нашей покойной Матушки упокой Господь ее душу она бы в гробу перевернулась и зря ты перестала мине помогать что тибе фунт в Неделю. Это у нас от батюшки черная кровь а Мэри Флинн ты ее знала она работала на маслобойке была черная и помниш у нее волоса были как у негра так это верно с давнего времени тогда негр был у их предок и все натурально вышло. Я благодарю Всевышнего что моих детишек эта напасть стороной обошла а твой благоверный видно негра виноватит которово ты мине в нос сувала когда вы у миня были. Я желаю вам всего хорошего и как вдова при детях прошу посылайте деньги как обнакновенно твоя вечно сестра Элизабет».

— Насколько я мог понять из ее письма, — сказал Рэймонд, — в вашей семье *была-таки* примесь цветной крови. Ты, конечно, могла и не знать, но я считаю, записи об этом должны где-то быть.

— *Заткнись*, прошу тебя, — ответила Лу. — Младенец черный, и белой ее не сделаешь.

За два дня до выписки у Лу был гость, хотя, кроме Рэймонда, она приказала никого к себе не пускать. Этот ляпсус она отнесла за счет па-

костного любопытства больничных нянечек, ибо не кто иной, как Генри Пирс, зашел к ней попрощаться перед отъездом. Он не просидел у нее и пяти минут.

— Что-то ваш гость недолго побыл, миссис Паркер, — сказала нянечка.

— Да, я его мигом спровадила. Я, кажется, довольно ясно распорядилась, что никого не желаю видеть. Почему вы его пустили?

— Простите, миссис Паркер, но молодой человек так расстроился, когда узнал, что к вам нельзя. Он сказал, что уезжает за границу, и это его последний шанс, и вообще он, может, никогда уже с вами не встретится. Он спросил: «А как младенец?», мы сказали: «Процветает».

— Вижу, куда вы клоните, — сказала Лу, — только это неправда. Я проверила группу крови.

— Ну что вы, миссис Паркер, у меня и в мыслях не было ничего подобного...

— Ясное дело, путалась с одним из тех негров, что к ним ходили.

Лу боялась, что именно об этом велись разговоры на лестничных площадках и у дверей в «Криппс-Хаузе», когда она поднималась к себе наверх, и что соседи, завидев ее, понижали голос.

— Не могу я к ней привыкнуть. Не нравится она

мне, хоть убей.

— Мне тоже, — отозвался Рэймонд. — Но, заметь, будь это не мой, а чужой ребенок, по мне, все было бы в порядке. Просто противно, что она моя, а люди думают, что нет.

— В этом все дело, — подытожила Лу.

Сослуживец Рэймонда спросил его утром, как поживают его друзья Оксфорд и Генри. Рэймонд долго колебался, прежде чем решил, что вопрос без подвоха. Но как знать, как знать... Лу и Рэймонд уже связались с обществом Детских приютов и теперь ждали только благоприятного ответа.

— Будь у меня такая малышка, я бы в жизни с ней не рассталась, — сказала Тина Фаррелл. — Денег нету, а то бы мы ее удочерили. Самая миленькая черномазенькая девчушка в мире.

— Ты бы этого не сказала, — возразила Лу, — если б и вправду была ее матерью. Сама подумай: в один прекрасный день просыпаешься и узнаешь, что родила чернокожую, причем все считают, что от негра.

— *Обалдеть* можно, — хихикнула Тина.

— Мы проверили группу крови, — поспешила добавить Лу.

Рэймонд добился перевода в Лондон. Вскоре

пришел ответ и из Детских приютов.

— Мы правильно поступили, — заявила Лу. — Даже священник и тот не стал спорить, приняв во внимание, что нам решительно не хотелось держать ребенка в семье.

— А, так он сказал, что мы хорошо сделали?

— Он не говорил, что *хорошо.* Вообще-то он сказал, что хорошо было бы оставить девочку у себя. Но поскольку об этом не могло быть и речи, мы поступили *правильно.* Очевидно, в этом вся разница.

Видели бы вы, что там творится

Теперь-то я знаю, что мне крупно повезло пять лет назад, когда я срезалась на экзаменах в специальную школу, но сперва я дико переживала. По английскому у меня всегда была жутко высокая успеваемость, зато по другим предметам я жуть как плавала!

Мне повезло, что я пошла в обычную среднюю школу, ее ведь построили всего за год до этого. И само собой, по гигиеничности ее даже не сравнишь со специальной. У нас школа была светлая, воздух свежий, стены выкрашены ярко, с глянцем, и мыть их можно запросто. А в специальную меня послали раз снести записку одному учителю, и видели бы вы, что там творится! В коридорах пылища, подоконники, сразу видать, тоже пыльные, да еще ободранные. Заглянула я в какой-то класс. А там колоссальный беспорядок.

И обратно же мне еще как повезло, что я не пошла учиться в специальную школу, известно ведь, какие там прививают наклонности. Со стороны, может, это получается чудной разговор. Образование-то за плечами иметь — стоящее дело, и невежественной быть неохота, но зато я

бываю в обществе и знаю образованных людей.

Мне ведь уже семнадцать, с прошлого месяца третий год пошел, как я школу кончила. Получила аттестат, где сказано, что я квалифицированная машинистка, и сразу пошла работать в адвокатскую контору младшей секретаршей. Мама себя не помнила от радости, а папа сказал, что для начала это просто блеск, фирма старая, с солидной репутацией, Но, говоря по правде, когда я пришла наниматься, тамошние окна меня удивили, да и лестница оказалась жуть до чего грязная. В приемной повернуться негде, газовый камин уже на части разваливается, и ковер на полу потертый. Но потом меня позвали в кабинет мистера Хейгейта, там обстановка была поприличней. Мебель не новая, зато полированная, и ковер, ничего не скажешь, вполне подходящий. Стекла в книжном шкафу чистые, без пятнышка.

На работу мне велели выйти с понедельника, ну я и пошла, как уговорились. Отвели меня в контору, а там сидели две старшие машинистки-стенографистки и клерк — мистер Грешем, одетый прямо отвратно. Видели бы вы, что там творится! Ковра нет и в помине, пол голый, кругом сплошная пыль. По стенам, куда ни повернись, полки, а на них старые ящики с картотекой.

Ящики ломаные-переломаные, и карточки тоже старье, все до единой покоробились. Но это еще что, в настоящее отчаяние я пришла, когда увидела чайные чашки. Моей обязанностью было разносить чай утром и в конце дня. Мисс Бьюлей показала мне, где что лежит. У них там все лежало в старом ящике из-под апельсинов, и хоть бы одна чашка была без трещины. Не хватало на всех блюдец и прочего. А насчет туалета я уж молчу, только гигиеничным его тоже не назовешь. Через три дня я все рассказала маме, и она страшно расстроилась, в особенности из-за треснутых чашек. Мы у себя дома треснутую чашку никогда не держим, а с ходу выбрасываем, потому что в трещинах свободно могут гнездиться микробы. Само собой, мама дала мне на работу собственную чашку.

А в конце недели, когда платили получку, мистер Хейгейт говорит: «Ну-с, Лорна, как ты намерена истратить свой первый заработок?» Мне это не понравилось, и я чуть было его на место не поставила, но сказала только: «Не знаю». А он говорит: «Что ты делаешь по вечерам, Лорна? Телик глядишь?» Тут уж я по-серьезному обиделась, потому что мы всегда говорим «телевизор», а он вообразил, что я какая-то дурочка необразо-

ванная Я стою перед ним и молчу, а он на меня удивляется. Назавтра, в субботу, я рассказала маме с папой про туалет, и мы решили, что не стоит мне больше с этой работой связываться. Вдобавок ко всему там, в конторе, и столы расшатанные. Папа был вне себя, потому что у мистера Хейгейта фирма преуспевающая и у самого ученая степень.

А от нашей квартирки все в восторге, у мамы нигде ни пятнышка, а папа всегда что-нибудь мастерит. Он своими руками всюду навел порядок и добился от городского совета разрешения переоборудовать кухню в модерновом стиле. Как сейчас помню, приходит к нам санитарный инспектор и говорит маме: «У вас, миссис Меррифилд, на полу кушать можно». И вправду, у мамы полы такие, что хоть завтрак на них подавай, в любое время дня и ночи каждый уголок прибран до блеска.

Потом трудовое агентство послало меня в одно издательство, учитывая мою успеваемость по английскому. Но там одного взгляда было с меня довольно! Зато после этого мне предложили подходящее место, и теперь я служу в «Химической компании Лоу». Мы помещаемся в современном доме, работаем с перерывами по четверть часа

утром и днем. Мистер Марвуд одет очень прилично. И выражается культурно, хотя у него нет за плечами университетского образования. На столе у каждого отдельная лампа, и пишущие машинки новенькие, последних марок.

В общем, у Лоу я всем довольна. Но за последний год я заимела знакомства еще с другими людьми, из образованных, и у меня сразу открылись глаза. Вышло так, что мне довелось зайти к нашему доктору на дом за рецептом для моего младшего братишки Тревора, когда была эпидемия. На мой звонок отворила миссис Дарби. Сама она маленькая, волосы светлые, но слишком уж длинные, а по свободному зеленому платью видно, что у нее будет ребенок. Приняла она меня очень приветливо. Мне пришлось обождать немного в столовой, и видели бы вы, какой там был беспорядок! По ковру раскиданы сломанные игрушки, в пепельницах целые горы окурков. На стенах, правда, модерновые картины, но мебель никакая не модерновая, а старомодная, да еще в чехлах, которые разлезутся после первой же стирки, это уж точно. А говоря коротко, доктор Дарби и миссис Дарби всегда были мне рады и хотели все как лучше. Доктор Дарби тоже мал ростом, и волосы светлые, а детей у них трое: девочка, мальчик и

еще мальчик, новорожденный.

В тот день, когда я пришла за рецептом, доктор Дарби мне сказал:

— Лорна, ты что-то бледна. Это все лондонский воздух. Прокатись-ка с нами в субботу за город на машине.

И в дальнейшем я ездила с Дарби все чаще. Сами они мне понравились, но не понравилось то, что у них творится, и я была дико удивлена. А еще я ходила к ним, чтобы заиметь разные знакомства, и мама с папой радовались, что у меня хорошие друзья. Поэтому я ничего не сказала про рваный линолеум и облезлую краску на стенах. И дети одеты неприлично для докторской семьи, они как придут из школы, докторша сразу велит им переодеваться и ходить в каких-то обносках. Наша мама, когда мы шли играть на улицу, всегда одевала нас опрятно, без единого пятнышка, а у Дарби, мне про это даже говорить неудобно, дети часто были одеты не лучше, чем в семье Лири, которую городской совет выселил из нашего дома за недостойный образ жизни.

Как-то раз при мне Мэвис (так я уже звала тогда миссис Дарби) высунулась из окошка и кричит сыну:

— Джон, не смей писать на капустной грядке.

Сейчас же ступай на лужайку.

Я просто не знала, куда глаза девать. Наша мама никогда таких слов в окошко кричать не станет, и я убедилась решительно, что Тревор делает лужу только дома, а больше нигде, даже в море, когда купается.

У Дарби я бывала все больше по субботам, но иногда заходила и на неделе, после ужина. Они забрали себе в голову сосватать меня за помощника аптекаря, в котором тоже принимали участие. Он был сирота, и я не вижу в этом ничего дурного. Только вкусы у него не такие тонкие, как у меня. Собой он был красивый, скажу по правде. Что ж, сходили мы с ним раз на танцы и еще два раза в кино. Так с виду он вроде чистый, следит за собой. Но у них в доме горячую воду пускали только по выходным, и он мне сказал, что достаточно принимать ванну раз в неделю. Джим (так я уже звала тогда доктора Дарби) тоже сказал, что этого достаточно, и я дико удивилась. Деньги у Джима водились редко, и я его в том не виню. Но мне спешить было некуда, я свободно могла повременить до тех пор, когда встречу человека, лучше обеспеченного, так чтобы мне не пришлось отказываться от своих привычек. Что ж, он после этого стал гулять с буфетчицей из

кафе и к Дарби почти не ходил.

На работе у нас мальчиков хватает, но у Дарби, скажу честно, друзей полным-полно, всегда новые люди, и разговоры бывают интересные, хотя иногда я только удивляюсь на них и не знаю, куда глаза девать. А то вдруг созовут в дом каких-то нищих, вовсе уж неизвестно зачем. Но в большинстве гости бывали не такие, даже сравнить нельзя с нашими мальчиками, у которых совсем не такой культурный разговор.

Я знала, что уже скоро у Мэвис будет маленький, и решила прийти к ним глядеть за детьми в субботу, когда у прислуги выходной. Мэвис никуда ехать и не думала, а хотела разрешиться от бремени дома, на их двуспальной кровати, потому что отдельных кроватей у них не было, хоть он и доктор. А в нашем доме одна девушка собиралась замуж, но жених ее бросил, так она и то поехала в родильный дом. Мне было ясно, что спальня совершенно не гигиенична для приема новорожденного, но я оставила это при себе.

Когда младенец уже родился, они взяли меня однажды за город, к матери Джима. Младенца положили в колясочке на заднем сиденье. Он стал плакать, и тут Джим, поверьте моему слову, говорит ему через плечо:

— Заткни глотку, ублюдок.

Я сквозь землю готова была провалиться, а Мэвис спокойненько покуривала сигарету. У нашего папы язык бы не повернулся сказать такое Тревору или мне. А когда мы приехали к матери Джима, он говорит:

— Этот дом, Лорна. построен в четырнадцатом веке. И я запросто ему поверила. Дом был такой ветхий и старый, что просто странно, как это Джим, который ко всем так добр, позволяет своей матери жить в покосившейся конуре. Мэвис постучала, и старушка отворила дверь. Внутри этот дом тоже никакими силами не поправишь. А Мэвис говорит:

— Не правда ли, Лорна, здесь очаровательно? Может, она просто пошутила, но уж это слишком, такое мое мнение. И я спросила у старой миссис Дарби:

— Скоро вас переселять будут?

Только она меня даже не поняла, и я растолковала ей, что следует обратиться в городской совет и постоянно там хлопотать. Но надо же, сам городской совет ничего до сих пор не сделал, хотя оттуда приходят и признают, что это никуда не годится. А старая миссис Дарби говорит:

— Дорогуша, я вскорости переселюсь в такое

место, которое называется могила.

И я не знала, куда глаза девать.

На одной стенке висел ковер, для того, я думаю, чтоб прикрыть пятно от сырости. Телевизор у нее хороший, скажу по правде. Но стены там голые, кирпичные, и теплого туалета нет, надо идти через весь сад. И мебель совсем не новая.

Как-то в. субботу прихожу я к Дарби, а они собрались в кино и меня тоже пригласили. Мы поехали в «Керзон», а оттуда заглянули к одним людям на Керзон-стрит. В доме у них чистота, скажу честно, и ковры в подъезде хорошие. У супругов была модерновая мебель, и еще они разговаривали о музыке. В общем, там очень мило, только при доме нет бюро добрых услуг и людям негде духовно общаться, получать советы и помощь. Но разговор был на уровне, и я познакомилась с Билли Морли, который оказался художником Билли подсел ко мне, и мы с ним выпили. Он молодой, с темными волосами и в темной рубашке, так что нельзя даже понять, чистый он или нет. А вскоре после этого Джим мне говорит:

— Лорна, Билли хочет написать твой портрет. Но лучше тебе спросить разрешения у мамы.

Мама ответила, что не имеет ничего против,

раз он друг семьи Дарби.

Скажу по-честному, такой негигиеничной квартиры, как у этого Билли, я еще не видывала. Он уверял, что у меня редкий тип красоты, который непременно надо уловить. Было это, когда мы приехали к нему из ресторана. Сидели мы почти что в темноте, но все равно я видела, что постель не застлана и простыни на ней совсем серые. Он все говорил, что хочет написать мой портрет, но я сказала Мэвис, что все равно больше к нему не пойду.

— Разве Билли тебе не нравится? — спросила она.

Я, конечно, не могла отрицать, что он вроде мне нравится. Что-то в нем есть, скажу по правде. А Мэвис говорит:

— Надеюсь, Лорна, он тебя не домогался?

Я ответила, что ничего подобного, да так оно почти и было, раз он не пытался пойти до конца. Как ни заглянешь к Билли, у него всегда ужас до чего негигиенично, и однажды я ему про это сказала, а он говорит:

— Лорна, ты прелесть.

Он был обходительный, катал меня на своей машине, и машина у него хорошая, только внутри грязно, совсем как в квартире. Джим как-то

говорит:

— У него, Лорна, денег куры не клюют.

А Мэвис говорит:

— Ты, Лорна, должна сделать его человеком, ведь он от тебя без ума.

Они всегда повторяли, что Билли из хорошей семьи.

Но я уж видела, что с ним ничего не поделаешь.

Он редко когда менял рубашку или покупал новый костюм, сам ходил как последний нищий, а другим давал деньги взаймы, я своими глазами видела. Дома у него ужас что творилось, в углу куча пустых бутылок и нестираного белья. За время нашего знакомства Билли, случалось, делал мне подарки, и я брала, все равно он их раздал бы задаром, но пойти до конца он так и не пытался. Мой портрет он тоже не написал, а всю дорогу писал стол с фруктами, и кругом говорили, что его картины восхитительны, и в душе прочили меня за Билли.

Раз вечером пришла я домой, как обычно, в расстройстве от обстановки, в какой живет Билли. Мама с папой уже легли спать, и я заглянула на кухню, отделанную красивыми плитками, желто-розоватыми с белым. Потом пошла в сто-

ловую, где папа одну стену оклеил узорными обоями, ярко-розовыми с белым, а остальные стены бледно-розовыми с белыми бордюрами, гарнитурчик — новехонький, и мама повсюду навела красоту. Тут до меня вдруг дошло, какая я была дура, когда связалась с Билли. Я всегда за равноправие, но насчет того, чтоб выйти за Билли, я Мэвис прямо сказала, что как вспомню его квартиру и хороший ковер, весь перепачканный, не говорю уж про краски, вытекшие из тюбиков, так подумаю, что я просто не пережила бы, если б так себя уронила.

Близнецы

Когда мы с Дженни учились в одном классе, она была из тех примерных, умненьких девочек, каких все любили, да и теперь, наверное, любят в шотландских школах. В Англии, мне кажется, такой любовью окружены мальчики и девочки, которые одарены иными, не столь примитивными достоинствами, а сверх того, особо отличаются в играх. Но у нас были свои понятия, и, хотя Дженни вовсе не умела играть в хоккей, эта добрая, спокойная, смышленая девочка всем нравилась. Вдобавок она была миловидна, такая пухленькая, темноволосая, свежая, опрятно одетая.

Замуж она вышла за некоего Саймона Ривза родом из Лондона. По временам мы с ней переписывались. Жила она в Эссексе, изредка наезжала в Лондон, и раз-другой нам удалось свидеться. Я обещала ей приехать погостить, но минул не один год, прежде чем мне представилась возможность исполнить обещание, и у нее уже росли пятилетние близнецы, Марджи и Джефф.

Ребятишки эти поражали своей красотой; у них были темноволосые, как у Дженни, грациозно посаженные головки. Дженни оставалась верна

здравомыслию, отличавшему ее с детства. Она отнюдь не обольщалась их красотой, которая исторгала у всех неумеренные восторги. «Только бы и дальше вели себя прилично», — говорила Дженни; и мне вспомнилось, какой прелестной девочкой она была, как равнодушно относилась к своей внешности и сколько участия проявляла к другим. Я обнаружила, что всех окружающих Дженни мысленно наделяет таким же спокойствием души, кротостью и невозмутимым нравом, какие присущи ей самой. Рядом с Дженни я сама обретала успокоение и чувствовала к ней искреннюю признательность. В этом муж ее был очень на нее похож; но вместе с тем Саймон гораздо более верил в себя. Как и Дженни, он обладал живым, деятельным нравом; но если Дженни с самыми неотложными делами справлялась без суеты, то Саймон, казалось, всякую минуту был занят по горло. Они прекрасно подходили друг к другу. Если он обнаруживает такую неподдельную отзывчивость к людям, значит за шесть лет супружеской жизни, думалось мне, он под влиянием Дженни стал не чужд ее мягкости и самоотвержения. Видя, что старик сосед задремал в шезлонге, Саймон тотчас останавливал механическую косилку, хотя лужайка перед его

домом была запущена и работа не могла ждать. Дженни, в свою очередь, научилась у Саймона разговаривать с людьми без робости. В восемнадцать лет это было ей недоступно. Благодаря Саймону перед Дженни раскрылось многообразие человеческих характеров, поскольку круг его друзей являл собою прелюбопытную смесь личностей разного звания и культурного уровня. И в известном смысле он органически сочетал в себе несхожие черты тех людей, которые бывали у него в доме; казалось, он олицетворял их всех и в то же время оставался самим собой. Так Дженни, руководимая Саймоном, приобрела жизненный опыт, не подвергаясь, по сути дела, превратностям жизни. Счастливая чета. И конечно же, для полноты счастья у них были близнецы.

Я приехала в субботу под вечер с намерением погостить неделю. Прелестные близнецы легли спать в шесть часов, и в воскресенье я их тоже почти не видела, потому что муж с женой, жившие по соседству, решили устроить пикник и увезли их на весь день вместе со своими детьми. В понедельник мы с Дженни никак не могли наговориться о прошлом и настоящем, а малыши Марджи и Джефф тем временем играли в саду. Они резвились, поднимали шум, словом,

вели себя, как и полагается здоровым детям. При этом они были прекрасно развиты для своих лет; Дженни уже выучила обоих читать и писать. В сентябре она собиралась отдать их в школу. Они безупречно выговаривали самые трудные слова, и меня забавляло, когда в их чистой английской речи проскальзывали вдруг шотландские выражения, перенятые у Дженни.

Как обычно, ровно в шесть они легли спать; вскоре после этого вернулся домой Саймон, и мы пообедали тихо, буднично, в свое удовольствие.

Лишь во вторник утром мне удалось познакомиться с близнецами поближе. Дженни уехала на машине за покупками, а мы с ними целый час играли в саду. И вновь я поразилась, до чего они прелестны и умны, особенно девочка. Она была из тех детей, от которых ничего нельзя утаить. Зато мальчик свободней владел речью; запас слов у него был на редкость обширный.

Дженни вернулась, и после чая я ушла к себе в комнату писать письма. Я слышала, как Дженни сказала детям:

— Ступайте играть подальше в сад и помните, шуметь нельзя.

Сама она занялась хозяйством на кухне. Немного погодя кто-то позвонил с черного хода. Дженни

пошла отворять, а дети тем временем вбежали из сада в дом.

— Хлеб будете брать? — послышался мужской голос.

— Да, разумеется, — ответила Дженни. — Сию минуту, я только принесу кошелек.

Не отрываясь от письма, я краем уха слышала звяканье мелочи и подумала, что это Дженни расплачивается с разносчиком.

Вдруг ко мне прибежала Марджи.

— А, это ты, — сказала я.

Марджи молчала.

— Это ты, Марджи, — повторила я. — Пришла меня проведать?

— Слушайте, — шепнула малышка Марджи, оглядываясь через плечо. — Слушайте, чего я вам скажу.

— Ну, говори, — отозвалась я.

Она снова оглянулась через плечо, видимо опасаясь, как бы мать не вошла в комнату.

— Вы не можете дать мне полкроны? — шепотом сказала Марджи, протягивая руку.

— А зачем тебе? — спросила я.

— Надо, — ответила Марджи и опять тайком оглянулась.

— Ну, а мама не будет против? — сказала я.

— Дайте полкроны, — повторила Марджи.

— Нет, пожалуй, не дам, — сказала я. — Знаешь что, лучше я тебе куплю...

Но Марджи выбежала за дверь и была уже на кухне.

— Она, пожалуй, не даст, — донесся оттуда ее голос.

Тотчас вошла Дженни, явно расстроенная.

— Ах, — сказала она, — надеюсь, ты не обиделась. Просто мне нужно было расплатиться с булочником, а мелочи не хватило, вот я и послала Марджи попросить у тебя взаймы до вечера полкроны. Напрасно я это сделала. Я никогда не беру взаймы, это не в моих правилах.

— Ну конечно! — сказала я. — Конечно же, я дам тебе полкроны. У меня сколько угодно мелочи. Вышло недоразумение. Я не поняла: мне показалось, что она просит для себя, а этим ты была бы недовольна.

Дженни смотрела на меня с сомнением. А я сочла за лучшее не рассказывать о поступке Марджи во всех подробностях. Ведь не так-то просто уличать пятилетнего ребенка.

— Ах, они никогда не клянчат денег, — сказала Дженни. — Я им не позволяю ни у кого клянчить. Что угодно, только не это.

— Охотно верю, — согласилась я без особой убежденности.

Дженни великодушно подтвердила, что с самого начала так меня и поняла. По доброте своей она не могла допустить, чтобы из-за этой истории я испытывала малейшую неловкость у нее в гостях. Саймон вернулся домой рано, в самом начале седьмого. Он купил близнецам два очень красивых волчка. Если их раскрутить, они мелодично вызванивали песенку.

— Ты совсем избалуешь детей, — сказала ему Дженни.

Весь вечер Саймон забавлялся волчками.

— Ты их сломаешь, прежде чем они попадут детям в руки, — сказала Дженни.

Саймон спрятал волчки. Но вскоре к нему заглянул приятель-летчик с соседнего аэродрома, и волчки снова пошли в ход; двое взрослых мужчин не могли оторваться от игрушек, поминутно заглядывали внутрь и рассуждали об их устройстве; мы с Дженни отпускали по этому поводу колкости.

Утром Марджи и Джефф не могли нарадоваться подаркам, но к середине дня волчки им надоели, и они затеяли оживленную возню. А после обеда Саймон извлек из кармана два небольших

приспособления. Эти штуки вставляются в портсигары с музыкальным механизмом, объяснил он, так что, по всей вероятности, они подойдут к волчкам, и детям можно будет разнообразить мелодии.

— Когда им наскучит «Заинька, серенький», — сказал Саймон, — можно поставить «Стук-стук в окошко».

Он взял волчок и принялся его разбирать, чтобы сменить мелодию. Но когда он снова все собрал, из игрушки нельзя было извлечь ни звука. Дженни попыталась помочь мужу, но и ей не удалось заставить волчок сыграть «Стук-стук в окошко». Саймон вновь терпеливо разобрал его и спрятал свои приспособления, сказав, что они могут еще пригодиться.

— Это Джеффов волчок, — заметила Дженни с присущей ей скрупулезностью, поглядев на разбросанные по ковру части. — Джеффу ты подарил красный, а Марджи — синий.

Саймон опять стал собирать игрушку, прилаживая все как было, а мы с Дженни ушли готовить чай.

— Могу поручиться, что теперь и вовсе ничего не выйдет, — сказала Дженни со смешком.

Когда мы вернулись, Саймон что-то читал, а

волчок исчез.

— Ну как, сделал? — спросила Дженни.

— Да, — ответил он рассеянно. — И положил на место.

С утра шел дождь, так что близнецам пришлось сидеть дома.

— Может быть, займетесь волчками? — предложила Дженни.

— Вчера вечером папа разобрал один волчок, — рассказала она им, — а потом собрал заново.

В характере у Дженни было нечто стоическое, и она не считала нужным оберегать детей от вероятного огорчения.

— Папа хотел, чтобы волчок играл новые песенки, — добавила она. — Только это не удалось... Но папа еще раз попробует.

Дети беспечно выслушали ее и в ближайшие часы почти не показывались мне на глаза, а потом дождь перестал, я вышла в сад и видела, как мальчик запускал свой ярко-красный волчок на цементном полу гаража. А около полудня, когда Дженни пекла пирог, маленький Джефф опрометью вбежал на кухню. Он безутешно рыдал, личико его исказилось от горя. Обеими ручонками он сжимал разрозненные части волчка.

— Мой волчок! — надрывался он. — Мой вол-

чок!

— Господи, — сказала Дженни. — Что ты с ним сделал? Ну, успокойся, не плачь, мой маленький, мой ненаглядный.

— Я нашел вот это, — объяснил он. — Нашел одни кусочки под ящиком за папиной машиной. Мой волчок! — Он заливался слезами. — Папа поломал мой волчок.

Вошла Марджи и невозмутимо глядела на эту сцену, прижимая свой синий волчок к груди.

— Но ты же играл им сегодня утром! — сказала я. — Твой ведь был красный, правда? Ты же запускал его.

— Я синий запускал, — ответил он сквозь слезы. — А потом нашел свой, весь изломанный. Это папа его изломал.

Дженни стала кормить детей, и Джефф мгновенно успокоился.

Случай этот нисколько не опечалил Дженни, но позже она сказала мне:

— А все-таки Саймон напрасно скрыл от меня, что не сумел наладить игрушку. Ну что поделаешь, если все мужчины одинаковы? Они ужасно самолюбивы, эти мужчины.

Как я говорила уже, совсем не просто уличать пятилетнего ребенка. А тем более перед его ма-

терью.

Дженни предусмотрительно положила разрозненные части обратно в ящик за гаражом. И через семь лет, покрытые ржавчиной, они лежали там в неприкосновенности, среди прочего ржавого хлама, я это сама видела. А в тот день Дженни купила близнецам новые скакалки и, уложив детей спать, убрала второй волчок из шкафчика с игрушками.

— А то бедняжка Джефф опять будет плакать, — сказала она мне. — Забудем лучше об этих волчках.

— И Саймону незачем знать, что его секрет для меня уже не секрет, — добавила она со смешком.

Вероятно, больше в доме о волчках не вспоминали. А если бы и вспомнили, Дженни, без сомнения, нашла бы способ замять неприятный разговор. Нежная, любящая чета; они вызывали к себе невольное расположение; только вот о детях их этого не скажешь.

В скором времени я на несколько лет уехала за границу, и поначалу мы с Дженни переписывались от случая к случаю, но переписывались мы все реже и наконец перестали вовсе. Приблизительно через год после возвращения в Лондон я встретила Дженни на Бейкер-стрит. Мысли ее

были поглощены детьми, им уже минуло двенадцать, оба выдержали конкурсные испытания и с осени поступали в закрытые школы,

— Приезжай повидать их до конца каникул, — сказала она. — Мы с Саймоном часто тебя вспоминаем.

Я рада была вновь услышать приветливый голос Дженни.

В августе я приехала к ним на несколько дней. С годами, думалось мне, близнецы наверняка оставили свои нелепые причуды, и я оказалась права. Вместе с Дженни они встретили меня на станции. Теперь они заметно образумились, присмирели; оба были по-прежнему необыкновенно красивы. Для своих лет эти ребятишки отличались редкой невозмутимостью. Прекрасно воспитанные, подобно самой Дженни в их возрасте, они отнюдь не были застенчивы, как она.

Когда мы добрались до дома, Саймон подрезал ветки в саду.

— А вы все такая же, — приветствовал он меня. — Разве только слегка похудели. Рад видеть вас в добром здравии.

Дженни пошла накрывать стол к чаю. Здесь она была в своей стихии и даже как будто не переменилась ничуть; привычки ее тоже ни-

сколько не переменились за те семь лет, что я не приезжала сюда.

Близнецы стали болтать между собой о школьных делах, а Саймон тщетно пытался выудить из меня сведения о численности населения иностранных городов, где я побывала. Как только Дженни вернулась, Саймон вскочил и пошел умываться.

— Право, Саймон напрасно это сказал, — заметила Дженни после его ухода. — По-моему, он вполне мог бы воздержаться, но ты же знаешь, как бестактны мужчины.

— А что он такого сказал? — удивилась я.

— Что ты исхудала и вид у тебя больной, — ответила Дженни.

— Помилуй, я поняла его совсем не так! — возразила я.

— В самом деле? — отозвалась Дженни с многозначительной улыбкой. — С твоей стороны это очень великодушно.

— Скажите пожалуйста, исхудала, иссохла! — сказала Дженни и принялась разливать чай, а близнецы помалкивали, раскладывая бутерброды.

В тот вечер я допоздна разговаривала с супругами. У Дженни было заведено готовить чай к

девяти часам, и мы вместе пошли на кухню. Не прерывая разговора, она старательно уложила в зеленую коробочку несколько бисквитов.

— Ну вот, вода вскипела, — сказала Дженни и понесла коробочку к двери. — Ты ведь знаешь, где чайник для заварки. А я отлучусь на минуту.

Она мигом вернулась, мы взяли поднос и отправились в столовую.

Разошлись мы только во втором часу ночи. Дженни устроила меня как нельзя уютнее. Она поставила на туалетный столик живые цветы, а у изголовья кровати я нашла коробочку с бисквитами, уложенными ее заботливой рукой. Взяв бисквит, я откусывала от него по кусочку, смотрела в окно на сельское небо, дышавшее покоем, и размышляла о неувядаемых добродетелях Дженни. Люди со здоровыми нервами всегда меня восхищали. Я устала от своих премудрых, неисправимо сумасбродных друзей. А Дженни среди них, решила я, остается тайной, непостижимой для меня и мне подобных.

На другой день, как только Саймон вернулся со службы, Дженни поехала за близнецами, которые ждали ее возле плавательного бассейна, неподалеку от дома.

— Хорошо, что Дженни сейчас нет, — сказал

Саймон. — Я как раз искал случая с вами поговорить. Надеюсь, вы не будете в претензии, — продолжал он, — но дело в том, что Дженни ужасно боится мышей.

— Мышей? — переспросила я.

— Да, — сказал Саймон. — А поэтому, если можно не ешьте бисквитов у себя в комнате. Дженни не на шутку обеспокоилась, когда увидела крошки, но, разумеется если она узнает, что я говорил с вами об этом, ей станет дурно. Сама она скорее умрет, чем скажет хоть слово. Только уж так все вышло, и я уверен, вы поймете меня правильно.

— Но Дженни сама отнесла ко мне бисквиты, — объяснила я. — Вчера вечером она положила их в коробку и пошла с ней наверх.

Лицо у Саймона было встревоженное.

— Однажды в доме уже завелись мыши, — сказал он, — и ей невыносима мысль, что они появятся наверху.

— Но Дженни сама отнесла бисквиты, — настаивала я, чувствуя, что тут дело нечисто. — Ведь она положила их в коробку у меня на глазах, — добавила я. — Надо будет спросить ее.

— Умоляю вас, — сказал Саймон. — Умоляю, не делайте этого. Она так огорчится, если узнает, что я с вами разговаривал. Умоляю вас, кушайте

бисквиты у себя сколько душе угодно, зря я все это затеял.

Разумеется, я заверила его, что не буду есть никаких бисквитов. А Саймон с понимающей улыбкой обещал побольше подкладывать мне в тарелку за обедом, чтобы я не оставалась голодной.

Придя к себе, я увидела, что коробка исчезла. Весь следующий день Дженни готовилась принять друзей, званных к вечеру на коктейли. Близнецы самоотверженно оставили свои дела, резали хлеб для бутербродов, затейливо укладывали кусочки анчоуса на крошечные поджаренные ломтики хлеба.

Дженни нужно было купить кое-что из продуктов в соседнем поселке, и я предложила ей свои услуги. Сев в машину, я обнаружила, что бензин на исходе; пришлось заправиться по дороге. Когда я вернулась, примерные детки стоя ужинали на кухне, а потом безропотно легли спать до приезда гостей.

Пришел домой Саймон, мы встретились с ним в холле. Он беспокоился, хватит ли джина; по его мнению, лучше бы купить еще. Он решил, не откладывая, съездить в винную лавку и пополнить запасы.

— Кстати, — сказал он, — чуть не забыл. Бензин в баке кончается. А я еще обещал отвезти Ролингсов домой. Совсем из головы вылетело. Заодно надо будет заправить машину.

— А я ее уже заправила, — сказала я.

Гостей собралось десять, четыре супружеские пары и две незамужние девушки. Мы с Дженни разносили закуски, а Саймон занимался напитками. Недавно он выучился сбивать особый коктейль, называемый «люпамп». Из-за этого «люпампа» ему то и дело приходилось отлучаться на кухню за сливовым соком и льдом. Саймон внушил себе, что гости в восторге от «люпампа». Из вежливости мы пили его. Выйдя с шейкером на кухню в четвертый раз, он крикнул девушке, что стояла у двери:

— Молли, вы не принесете мне графин с лимонным соком?

Молли взяла графин и вышла.

— Там прекрасные условия, — рассказывала Дженни пожилому мужчине. — Джефф занял четвертое место среди мальчиков, а Марджи — одиннадцатое среди девочек. Ей повезло, ведь таких мест было всего четырнадцать. Если б не подвела география, она прошла бы в числе первых. Мне это сказала ее учительница англий-

ского языка.

— Подумать только! — пробормотал мужчина.

— Да, — продолжала Дженни. — Молли Томас, вы ведь ее знаете. Она учит Марджи английскому. Сегодня она здесь у нас. Но где же Молли? — Дженни оглядела комнату.

— На кухне, — ответила я.

— Вероятно, готовит «люпамп», — сказала Дженни. — Что за название — «люпамп»!

Наутро Дженни и Саймон выглядели прескверно. Я объяснила это действием «люпампа». Они избегали разговоров, и, когда Саймон уехал в Лондон, я спросила у Дженни, как ее самочувствие.

— Да так себе, — ответила она. — Так себе. Дорогая, право же, я очень расстроена из-за недоразумения с бензином. Жаль, что ты не спросила денег у меня. Вот возьми, пожалуйста, и больше об этом ни слова. Саймона любой пустяк задевает.

— Задевает?

— Ну, ты же знаешь мужчин, — сказала Дженни. — Жаль, что ты не обратилась прямо ко мне. Ты знаешь, как я щепетильна, когда речь идет о долгах. И Саймон тоже. Он просто не знал, что ты уплатила за бензин, оттого и не мог понять причины твоей обиды.

В то же утро я сходила на почту и телеграммой вызвала сама себя в Лондон. Ближайший поезд уходил только в половине седьмого, но зато на него нетрудно было успеть. Когда я уже садилась в такси, а Дженни и дети, провожая меня, стояли у двери, вернулся Саймон, встал с ними рядом, и все махали мне на прощанье.

— Смотри же, приезжай поскорее, — напутствовала меня Дженни.

Я тоже помахала рукой и успела заметить, что близнецы, которые махали мне вслед, смотрят вовсе не на меня, а на родителей. Выражение, написанное в тот миг на их лицах, я видела прежде один-единственный раз. Было это в Королевской академии, когда некий знаменитый портретист застенчиво любовался на дело своих рук долгим, выразительным взглядом. Точно так же, с восторгом, гордостью и смущением, смотрели близнецы на Дженни и Саймона.

Я поблагодарила супругов вежливым письмом, но не выразила желания с ними увидеться. В ответ я получила письмо от Саймона. «Мне очень жаль, — писал он, — что у вас создалось впечатление, будто мы с Молли непристойно вели себя на кухне в тот вечер, когда были гости. Дженни ужасно огорчилась. Разумеется, она не

ставит под сомнение мою верность, но ей тяжело сознавать, что вы могли допустить подобную мысль. Дженни едва не сгорела со стыда, принужденная выслушать это в присутствии своих друзей, и, надеюсь, ради нее вы умолчите о моем письме. Дженни скорей умрет, нежели позволит себе оскорбить ваши чувства. Всегда готовый к услугам Саймон Ривз».

Темные очки

На берегу озера мы остановились, чтобы посмотреть на свои отражения в воде. И тут, когда ее лицо глянуло на меня из озера, я ее узнала. Она продолжала рассказывать без передышки.

Чтобы не выдать себя и защитить глаза от солнца, я надела темные очки.

— Я вам надоела? — спросила она.

— Нет, нисколько, доктор Грей.

— Правда?

Бестактно надевать темные очки, когда тебе изливают душу. Но без них было нельзя — я узнала ее, я разволновалась и достойным образом дослушать ее исповедь могла лишь из укрытия.

— Вы не можете без очков?

— Нет. Понимаете, солнце.

— Ношение темных очков — новый психологический феномен. Тут проявляется тенденция к обезличиванию себя — оружие современного инквизитора, который...

— Очень интересно. — Но очков я не сняла: во-первых, не я к ней набивалась в собеседницы, а во-вторых, есть предел тому, что можно выслушать, не пряча глаз.

Мы шли по новой бетонной оправе старого озера, и она продолжала свое повествование о том, как ей пришлось оставить терапию и сделаться психиатром. А я смотрела на нее сквозь темные очки, смягчающие все контрасты, и снова видела ее лицо, как в воде, а перед тем в детстве.

В конце тридцатых годов Лисден-Энд был Г-образным городом. У основания Г стоял наш дом. На другом конце был рынок. Магазин окулиста Симондса помещался на перекладине, а сам он с сестрой и матерью жил над магазином. Остальные магазины на улице стояли вплотную друг к другу, а этот — особняком, как настоящий жилой дом, с проулками по обе стороны.

Меня послали проверить зрение. Он провел меня в полутемную комнату и сказал: «Садись, деточка». И положил мне руку на плечо. И указательным пальцем стал поглаживать мне затылок. Мне было тринадцать, и грубить ему не хотелось. Тут как раз спустилась сверху его сестра Дороти; она возникла молча, в белом халате. Она прошла по комнате и зажгла тусклую лампочку, но мистер Симондс убрал руку раньше, да так живо, что ясно было — он обнял меня неспроста.

Я раз уже видела мисс Симондс — на гулянии в саду; она стояла на эстраде в синем платье и

большой шляпе и пела: «Однажды на траве меж длинных теней», а я тем временем собирала падалицу — кажется, сплошь гнилую. Теперь она повернулась в этом белом халате и враждебно посмотрела на меня, словно я заигрывала с ее братом. Я почувствовала себя дрянью и начала озираться с наивным видом.

— Вы читать умеете? — спросил мистер Симондс.

Я перестала вертеть головой. И спросила: «Что читать?» — потому что мне говорили: читать надо таблицы с буквами. А на таблице, которая висела под тусклой лампочкой, были нарисованы поезда и звери.

— Потому что, если вы не умеете, для неграмотных у нас есть картинки.

Это он пошутил. Я захихикала. Сестра улыбнулась и промокнула правый глаз платком. Правый глаз ей оперировали в Лондоне.

Помню, все буквы я прочла правильно, кроме самых нижних рядов, где они были совсем мелкие. Помню, как он сжал мне локоть, когда я уходила, и как повернулось его лицо в рыжеватых веснушках — не следит ли сестра.

Бабушка сказала:

— Ты видела...

— ...сестру мистера Симондса? — сказала тетя.

— Да, она там все время была, — для ясности ответила я.

Бабушка сказала:

— Говорят, она...

— ...слепнет на один глаз, — сказала тетя.

— Притом, что их мать прикована к постели... — сказала бабушка.

— ...ее возьмут живой на небо, — сказала тетя.

Наконец — через несколько дней или недель, не помню, — прибыли мои очки для чтения, и я носила их, когда не забывала надеть.

Очки я сломала через два года в каникулы, усевшись на них.

Бабушка сказала, вздохнув:

— Тебе пора проверить зрение...

— ...все равно пора проверить, — вздохнув, сказала тетя.

Накануне вечером я вымыла голову и завилась. В одиннадцать часов утра я подходила к дому мистера Симондса, а в кармане моей куртки лежала бабушкина шляпная булавка. Фасад дома отремонтировали, на стеклянной двери была золотая надпись «Бэзил Симондс, окулист», а дальше

цепочка букв, насколько помню — Ч. Б. О. А. *{15}, Ч. К. Х. И. *{16} и другие.

— Вы совсем уже молодая дама, Джоан, — сказал он, глядя на мою молодую грудь.

Я улыбнулась и сунула руку в карман куртки.

За два года он сделался меньше. Я подумала, что ему уже, наверно, пятьдесят или тридцать. Веснушек на лице стало еще больше, а глаза были мутно-голубые, как сухая акварель. В мягких шлепанцах беззвучно возникла мисс Симондс.

— Вы совсем уже молодая дама, Джоан, — сказала она, наставив на меня зеленые очки, потому что правый глаз у нее уже ослеп и левый, говорили, тоже побаливал.

Мы перешли в кабинет. Она скользнула мимо меня и зажгла тусклую лампочку над таблицей с буквами. Я начала читать, а Бэзил Симондс стоял рядом, скрестив руки. В магазин кто-то вошел. Мисс Симондс уплыла за дверь посмотреть, кто там, а ее брат пощекотал мне затылок. Я продолжала читать. Он притянул меня к себе. Я сунула руку в карман. Когда булавка вошла сквозь куртку в его бедро, он сказал «ой!» и отскочил.

{15} notes: 15
Член Британской оптической ассоциации.

{16} notes: 16
Член-корреспондент химического института.

В дверях неотвратимо вырос белый халат мисс Симондс. Ее брат, потиравший уколотое место, сделал вид, что отряхивает брюки.

— Что случилось? Почему ты кричал? — спросила она.

— Нет, я не кричал.

Она взглянула на меня и ушла к покупателю в магазин, оставив дверь между нами открытой. Вернулась она почти сразу. Осмотр быстро закончился. Мистер Симондс проводил меня до двери на улицу и посмотрел на прощание с горестной мольбой. Себя я чувствовала предательницей, а он мне казался чудовищем.

До конца каникул я думала о нем как о «Бэзиле» и, задавая вопросы, внимательнее обычного прислушиваясь к разговорам окружающих, составила себе представление о его личной жизни. «Дороти... — прикидывала я, — ...и Бэзил». Я думала о них, покуда перед моим мысленным взором не возникали их комнаты на втором этаже. Во время чая я вертелась около взрослых и, чтобы навести разговор на Бэзила и Дороти, рассказывала нашим гостям, как мне проверяли зрение.

— Мать который год прикована к постели, и ведь у нее огромное состояние. Да что ей проку от него?

— А мисс Симондс может быть наследницей — с больным глазом?

— Наследство достанется ей. Он получит только то, что ему причитается по закону.

— А говорят, он получит все. Как опекун.

— Кажется, миссис Симондс все завещала дочери.

Бабушка сказала:

— Лучше бы разделила наследство...

— ...поровну между ними, — сказала тетя. — Куда справедливей.

Я часто разыгрывала в уме сцены, как брат с сестрой, выйдя из комнаты матери на узкую лестничную площадку, скрещивают взгляды в безмолвной битве за наследство. Мутные глаза Бэзила ничего не выражают, но он изъясняется тем, что выбрасывает вперед голову на красной шее; Дороти отвечает винтовым движением головы вверх в сторону и сверканием единственного глаза за зеленым окуляром.

Меня отправили примерять новые очки для чтения. Я захватила булавку. Проверяя очки, я держалась с ним дружелюбно. Он, видно, хотел положить руку мне на плечо и все водил ею по воздуху, но не решался. Дороти спустилась сверху и возникла перед нами, как раз когда рука пари-

ла. Он прервал парение, поправив дужку очков у моего уха.

— Тетя велела проверить их хорошенько, когда буду примерять, — сказала я. Это дало мне возможность оглядеть переднее помещение.

— Они же только для занятий, — сказал Бэзил.

— Нет, я иногда их и так ношу, — ответила я. Через дверь я видела маленькую контору, затененную деревом в проулке. Там стоял зеленый сейф, столик со старой пишущей машинкой, а у окна письменный стол, на котором лежал гроссбух. Другие гроссбухи стояли...

— Чепуха, — сказала Дороти, — такой здоровой девушке, как вы, очки вообще не очень нужны. Для чтения, чтобы не испортить глаз, — еще может быть. Но носить их так...

Я сказала:

— Бабушка просила узнать, как ваша мама.

— Слабеет, — ответила она.

Я взяла за обычай обворожительно улыбаться Бэзилу, когда проходила мимо по дороге в магазин. Это очень часто бывало. И тогда он стоял в дверях, дожидаясь моего возвращения, а я на обратном пути смотрела на него, как на пустое место. Мне было интересно, долго ли он будет терпеть, чтобы его обольщали и тут же, через

десять минут, щелкали по носу.

Перед ужином я бродила по переулкам, прохаживалась вокруг дома Симондсов, пытаясь представить себе, что происходит внутри. Однажды в сумерки хлынул дождь, и я решила, что имею право спрятаться под деревом у подслеповатого окошка их конторы. Моя голова была выше подоконника, и я увидела фигуру, сидевшую за столом. Скоро, подумала я, фигуре придется зажечь свет.

Через пять долгих минут фигура поднялась и повернула выключатель у двери. Это был Бэзил, его волосы почему-то казались розовыми. Вернувшись к столу, он нагнулся и вынул из сейфа пачку бумаг, скрепленных большим зубастым зажимом. Я знала, что сейчас он вытащит из пачки один лист, и это будет очень важный, волнующий документ. Как будто читаешь знакомую книгу: все знаешь наперед, но не можешь пропустить ни слова. Он вытащил длинный лист бумаги и держал перед собой. На той стороне листа, которую я видела в окно, было напечатано на машинке, а последний абзац — написан от руки. Бэзил положил этот лист на стол рядом с другим. Я прильнула к стеклу, приготовившись помахать ему рукой и улыбнуться, если он меня

заметит, — и крикнуть, что прячусь от дождя, который глухо шумел вокруг. Но он не сводил глаз со своих двух листов. Рядом лежали другие бумаги, я не могла разглядеть, что на них. Но я была уверена, что он упражнялся на них в письме и что он подделывает завещание.

Потом он взял ручку. Как сейчас слышу гул дождя, ощущаю его запах и капли, падающие с сука мне на макушку. Он поднял голову и посмотрел на улицу. Казалось, его взгляд устремлен на меня, на то место между окном и деревом, где я прячусь. Я замерла и прижалась к стволу, как беззащитный зверек, желая слиться с дождем, корой, листьями. Но тут сообразила, что уже темнеет и мне он виден гораздо лучше, чем я ему.

Он подвинул к себе промокашку. Потом макнул перо в чернила и начал писать внизу листа, то и дело сверяясь с бумагой, которую вынул из сейфа. Когда за его спиной медленно отворилась дверь, я похолодела, но не удивилась. Будто смотрела кино по знакомой книге. Дороти кралась к нему, а он, ничего не слыша, все выводил и выводил слова. Дождь лил, ни с чем не считаясь. Она воровато заглядывала зеленым окуляром через его плечо.

— Что ты делаешь? — сказала она.

Он подскочил и прикрыл свою работу про-

мокашкой. Она жгла его единственным глазом — правда, я видела не глаз, а только темно-зеленое стекло, вкось направленное на Бэзила.

— Составляю счета, — сказал он, поднимаясь и спиной заслоняя бумаги. Я увидела его руку, отведенную назад и мечущуюся между листками.

Я промокла до нитки и вся тряслась. Дороти навела свой глаз на окно. Я шмыгнула в сторону и всю дорогу до дому бежала.

На другое утро я сказала:

— Я попробовала читать в этих очках. Все расплывается. Теперь мне придется нести их назад?

— Как же ты не заметила...

— ...когда примеряла их в магазине?

— А там темно. Что, придется мне их нести?

Я отнесла их к Симондсу в тот же день.

— Утром я попробовала в них читать, и все расплывается. (Правда, сперва я измазала их кольдкремом.)

Дороти появилась в мгновение ока. Она посмотрела одним глазом на очки, потом на меня.

— Запорами не страдаете? — спросила она.

Я молчала. Но чувствовала, что в своих зеленых очках она видит меня насквозь.

— Ну-ка наденьте, — сказала Дороти.

— Ну-ка примерьте, — сказал Бэзил.

Они дудели в одну дудку. Получалась какая-то ерунда — ведь я собиралась разузнать, что между ними выйдет после истории с завещанием.

Бэзил дал мне что-то прочесть.

— Сейчас хорошо, — сказала я, — а когда утром пробовала, все расплывалось.

— Примите-ка слабительное, — сказала Дороти.

Я хотела поскорее убраться, но брат сказал:

— Раз уж вы здесь, давайте-ка для верности еще раз посмотрим.

Он выглядел нормально. Я вошла за ним в темный кабинет. Дороти включила свет. Оба выглядели нормально. Вчерашняя сцена в конторе понемногу теряла убедительность. Читая таблицу, я думала о Бэзиле уже как о «мистере Симондсе», о Дороти — как о «мисс Симондс», робела перед их авторитетом и чувствовала себя виноватой.

— Как будто бы все правильно, — сказал мистер Симондс. — Впрочем, подождите минуту. — Он достал несколько цветных диапозитивов с буквами.

Мисс Симондс злорадно сверкнула на меня глазом и с видом умывающего руки начала подниматься по лестнице. Она явно поняла, что я

потеряла для брата всякую привлекательность. Но у поворота лестницы она остановилась и снова стала спускаться. Подойдя к полкам, она принялась передвигать пузырьки. Я продолжала читать. Она перебила меня:

— Бэзил, мои глазные капли. Я их утром приготовила. Где они?

Мистер Симондс вдруг воззрился на нее так, словно творилось что-то несусветное.

— Подожди же, Дороти. Дай мне закончить с девочкой.

Она взяла коричневый пузырек.

— Я ищу глазные капли. Зачем ты все переставляешь? Мои ли это капли?

Я обратила внимание на правильную фразу «мои ли это капли?» — не в меру правильную, почудилось мне. Пожалуй, брат с сестрицей и в самом деле странные, противные типы; одним словом, дрянь.

Она подняла пузырек и уцелевшим глазом читала наклейку.

— Да, это мои. На них мое имя, — сказала она.

Темные люди, Бэзил и Дороти, дрянь, одним словом. Она ушла наверх со своими каплями. Брат взял меня за локоть и поднял со стула, забыв о своих диапозитивах.

— Глаза в порядке. Марш! — Он вытолкнул меня в магазин. Когда он отдавал мне очки, его мутные глаза были расширены. Он показал на дверь. — Я человек занятой, — сказал он.

Наверху раздался протяжный крик. Бэзил рывком распахнул передо мной дверь, но я не тронулась с места. А Дороти все кричала наверху, кричала, кричала. Бэзил закрыл лицо руками. Дороти вышла на поворот лестницы, крича, согнувшись пополам, зажав здоровый глаз обеими руками.

Я начала кричать, когда пришла домой, и мне дали успокаивающее. К вечеру все знали, что мисс Симондс накапала в глаз не те капли.

— Теперь она совсем ослепнет? — спрашивали одни.

— Доктор сказал, надежда есть.

— Будет следствие.

— Он у нее и так бы ослеп, — говорили другие.

— Да, но боль...

— Чья ошибка, ее или его?

— Джоан была при этом. Джоан слышала ее крики. Нам пришлось дать ей успокаивающее...

— ...чтобы она успокоилась.

— Но по чьей вине?

— Обычно она сама составляет капли. У нее

диплом...

— ...диплом фармацевта, представляете?

— Джоан говорит, на пузырьке было ее имя.

— Кто написал его на пузырьке? Вот в чем вопрос. Это определят по почерку. Если мистер Симондс, ему запретят практиковать.

— Фамилии на этикетках всегда писала она. Бедняжка, ее исключат из списка фармацевтов.

— У них отберут лицензию.

— Я сама брала у них глазные капли не далее как три недели назад. Если б я знала, что может случиться такое, ни за что бы...

— Доктор говорит, что не могут найти пузырек — пропал.

— Нет, сержант сказал определенно, что пузырек у них. Написано ее рукой. Бедняжка, видно, сама себе приготовила капли.

— Красавка, обычные капли.

— Лекарство называется атропин. Белладонна. Красавка.

— А нужно было другое лекарство, эзерин. Доктор говорит...

— Доктор Грей говорит?

— Да, доктор Грей.

— Доктор Грей говорит, что, когда переходят с эзерина на атропин...

Несчастье приписали случайности. Все надеялись, что глаз мисс Симондс уцелеет. Рецепт составила она сама. Разговаривать об этом она не желала.

Я сказала:

— Пузырек могли подменить — это вам в голову не приходит?

— Книжек начиталась.

В последнюю неделю каникул умерла в своей постели миссис Симондс, завещав состояние дочери. А у меня начался тонзиллит, и я не пошла в школу.

Лечила меня доктор Грей, вдова городского врача Грея, недавно умершего. Доктора Грея я знала давно и любила, а с доктором Грей познакомилась только теперь. Она была спортивная, с резкими чертами лица. Ее считали молодой. Всю неделю она ходила ко мне ежедневно. Поразмыслив, я решила, что она ничего, в норме, хотя скучная.

В бреду я видела через окно Бэзила за столом и слышала крики Дороти. Оправившись немного, я стала выходить и каждый раз заворачивала в проулок за домом Симондсов. Склоки из-за наследства не было. Все говорили, что история с глазными каплями — ужасное недоразумение. Мисс Симондс работать перестала и, по слухам,

тронулась.

Однажды в шесть часов вечера я встретила доктора Грей, выходившую от Симондсов. Она, должно быть, осматривала бедную мисс Симондс. Она заметила меня, когда я выходила из проулка.

— Не болтайся на улице, Джоан. Уже холодно.

На другой вечер я увидела в окне конторы свет. Я встала под дерево и заглянула. На столе спиной ко мне, совсем рядом, сидела доктор Грей. Мистер Симондс сидел, откинувшись на стуле, и разговаривал с ней. На столе стояла бутылка хереса. У каждого было налито по полстакана. Доктор Грей болтала ногами; вид у нее был неприличный, одним словом, зазывный, как у нашей утренней прислуги, которая тоже сидела на столе и болтала ногами.

Но потом она заговорила.

— Тут нужно время, — сказала она. — Ведь случай очень тяжелый.

Бэзил кивнул. Доктор Грей болтала ногами и выглядела ничего. Вид у нее был приличный, деловитый, одним словом, как у нашей учительницы физкультуры, которая тоже, бывало, садилась на стол и болтала ногами.

Однажды утром, еще до того, как я начала хо-

дить в школу, я встретила Бэзила у дверей его магазина.

— Как теперь очки? Годятся? — спросил он.

— А-а, да, спасибо.

— Зрение у вас хорошее. Главное, фантазии своей не давайте разыгрываться.

Я пошла прочь, не сомневаясь, что он с самого начала знал о моих некрасивых подозрениях.

— ...Психиатрией я занялась во время войны. До этого я была терапевтом...

Я приехала в летнюю школу читать лекции по истории, а она — по психологии. Психиатры часто бывают склонны рассказывать посторонним о своей интимной жизни. Возможно, — потому, что им все время приходится выслушивать пациентов. Сидя на ее первой лекции о «психических проявлениях секса», я не узнала доктора Грей — разве что тип показался знакомым. Она говорила о зрительно-слуховых галлюцинациях детей; мне было скучно, и я развлекалась наблюдением над забавным жаргоном их цеха. Меня задело слово «пробуждающихся». «В сексуально пробуждающихся подростках, — говорила она, — нередко развивается интуиция, граничащая с психическим отклонением».

После второго завтрака, поскольку препода-

ватели англ. лит. отправились играть в теннис, она пришвартовалась ко мне, и мы пошли по лужайкам, мимо рододендронов к озеру. В этом озере некогда утопилась обезумевшая от любви герцогиня.

— ...во время войны. До этого я была терапевтом. А пришла я к психиатрии, — сказала она, — странным путем. У моего второго мужа было психическое расстройство, и он находился под наблюдением психиатра. Он, конечно, неизлечим, но я решила... Странно, но пришла я к психиатрии именно так. И этим спасла свой собственный рассудок. Мой муж до сих пор в психиатрической больнице. Сестра его, конечно, оказалась безнадежной. У него еще бывают минуты просветления. Я, конечно, не понимала этого, когда вышла за него, но у него наблюдалось то, что я назвала бы теперь эдиповым переносом, и...

Какая скука! Мы подошли к озеру. Я наклонилась и сквозь темную воду посмотрела себе в глаза. Я увидела отражение доктора Грей и узнала ее. И тогда надела темные очки.

— Я вам надоела? — спросила она.

— Нет, продолжайте.

— Вы не можете без очков?.. новый психологический феномен... тенденция к обезличиванию

себя... современного инквизитора.

Мы двинулись вдоль озера; первое время она шла потупясь. Потом продолжила свой рассказ.

— ...окулист. Сестра была слепой — вернее, начинала слепнуть, когда я осматривала ее в первый раз. Поражен был только один глаз. Потом произошел несчастный случай — я бы сказала, чисто психологический несчастный случай. Она неправильно приготовила себе глазные капли, хотя была дипломированным фармацевтом. Вообще говоря, очень трудно сделать такую ошибку. Но бессознательно она этого хотела — да, хотела. Она была ненормальной, она была ненормальной.

— Не спорю, — сказала я.

— Что вы сказали?

— Не сомневаюсь, что она была ненормальной, — ответила я, — если вы так говорите.

— Все это можно объяснить психологически, как мы и пытались доказать моему мужу. Мы убеждали его без конца, мы перепробовали все средства — электрошок, инсулиновый шок, словом, все. И ведь учтите, что эти капли не произвели немедленного эффекта, ослепла она, в конце концов, от острой глаукомы. Возможно, что она ослепла бы в любом случае. А тут она

окончательно помешалась и стала обвинять брата в том, что он нарочно налил в пузырек другое лекарство. И вот что самое интересное с психологической точки зрения: по ее словам, она видела его за каким-то занятием, которое он хотел от нее скрыть, за каким-то позорным занятием. И будто бы он хотел ослепить глаз, который это видел. Она утверждала...

Мы начали второй круг по берегу. На том месте, где я увидела ее отражение, я остановилась и окинула взглядом озеро.

— Я вам надоела.

— Нет, нет.

— Хорошо бы, вы сняли очки.

Я сняла на минуту. Мне даже понравилось ее простодушие, когда, пристально посмотрев на меня и не узнав, она сказала:

— Есть какое-то бессознательное побуждение, заставляющее вас носить их.

— Темные очки скрывают темные мысли, — ответила я.

— Это пословица?

— Не слышала такой. Но теперь наверно.

Она взглянула на меня новыми глазами. И снова не узнала. В вещественном мире эти ловцы душ подслеповаты. «Узнать» она старалась мою

душу — и, полагаю, уже зачислила меня в одну из категорий.

Я опять надела очки и пошла дальше.

— Как отнесся ваш муж к обвинениям сестры? — спросила я.

— Он был удивительно добр.

— Добр?

— Да, конечно, учитывая обстоятельства. Ведь от нее поползли такие сплетни. А городишко маленький. Я столько времени потратила, пока убедила его отдать сестру в дом слепых, где ей могли обеспечить надлежащий уход. Их связывали страшные узы. Подсознательный инцест.

— А вы этого не знали, когда выходили за него? Я думала, это ясно с первого взгляда.

Она опять посмотрела на меня.

— Тогда я еще не изучала психологии, — сказала она.

«Я тоже», — подумала я.

Третий круг мы сделали молча. Потом она заговорила:

— Так я начала вам рассказывать, как я занялась психиатрией. Когда сестру отправили, у мужа началось нервное расстройство. Начались галлюцинации. Ему мерещилось, что на него отовсюду смотрят глаза. Это и теперь повторяется

время от времени. Но понимаете — *глаза.* Вот что характерно. Бессознательно он чувствовал, что ослепил сестру. Потому что бессознательно к этому стремился. Он и сейчас утверждает, что ослепил.

— И пытался подделать завещание? — закончила я.

Она остановилась.

— Что вы сказали?

— Он кается, что пытался подделать завещание матери?

— Я вам не говорила о завещании.

— Да? А мне почему-то показалось.

— Да, действительно, сестра именно в этом его обвиняла. Но почему вы так сказали? Как вы догадались?

— Психическое отклонение? — предположила я.

Она взяла меня за руку. Драгоценнейший случай заболевания.

— Вы знаете, очень может быть. Вы должны рассказать о себе подробнее. Словом, вот так я и занялась этой профессией. Когда муж начал галлюцинировать и настаивать на своей вине, я решила, что должна понять механизм сознания. Я начала изучать его. И это принесло плоды. Я

спасла свой собственный рассудок.

— А вам не приходило в голову, что сестра могла говорить правду? — сказала я. — Тем более что он сам сознался.

Она чувствовала, что я слежу за ее лицом. И вид у нее был такой, словно она хотела оправдаться.

— Пожалуйста, — сказала она, — очень вас прошу, снимите очки.

— Почему вы не верите его признанию?

— Я психиатр, а мы редко верим признаниям. — Она взглянула на часы так, словно это я завела весь разговор и надоедала ей.

Я сказала:

— А может быть, ему перестали бы мерещиться глаза, если бы вы ему поверили.

Она закричала:

— Да вы что говорите? Что вы вбили себе в голову? Он хотел написать заявление в полицию — вам понятно или...

— Вы знаете, что он виновен.

— Как жена, — сказала она, — я понимаю, что он виновен. Но как психиатр я должна считать его невиновным. Поэтому я и занялась психиатрией. — Она вдруг разозлилась и крикнула: — Инквизиторша проклятая, мне ваш тип давно знаком.

Мне почти не верилось, что эта женщина, до

сих пор такая спокойная, кричит.

— Впрочем, это не мое дело, — сказала я и, чтобы продемонстрировать добрую волю, сняла очки.

Тут уж, думаю, она меня узнала.

Позолоченные часы

Отель Штро стоял прямо против гостиницы Люблонич, отделенный от нее лишь узкой дорогой, которая поднималась в гору на территории Австрии и вела к югославской границе. Некогда этот старинный дом, вероятно, был желанным приютом для любителей охоты. Но теперь редкие унылые постояльцы отеля Штро даже не скрывали своего разочарования. Они сбивались в стайку, как птицы, застигнутые грозой; нахохлясь, тоскливо сутулились над замызганными столами на темной задней веранде, откуда видны были невозделанные поля герра Штро. Сам герр Штро обыкновенно сидел поодаль, захмелевший от коньяка, и его двойной подбородок свисал на красную шею, а ворот рубашки был расстегнут, чтобы не стеснял дыхания. Те постояльцы, которые не помышляли о восхождениях на вершину, а просто приехали поглазеть, сидели, любуясь видом горы из отеля, где им подавали прескверную еду, и потом уезжали автобусом, отправлявшимся раз в неделю. А у кого была своя машина, те лишь в редких случаях оставались надолго — как правило, побудут час-другой и улизнут, будто

на смех. В гостинице Люблонич, через дорогу, тешились этим зрелищем.

Я ждала друзей, которые обещали заехать за мной по пути в Венецию. Фрау Люблонич всегда встречала гостей собственной персоной. Но я, когда приехала, едва ли оценила оказанную мне честь, потому что с виду она была как все местные женщины — ничем не примечательная, коренастая, вышла из кухни, вытирая руки коричневым фартуком, с тугим узлом волос на затылке, в грязном платье с высоко закатанными рукавами, в черных чулках и растоптанных башмаках. Лишь постепенно являла она новым постояльцам свое величие.

Здесь же обретался и герр Люблонич, но на него смотрели как на пустое место, хотя супруга не отказывала ему во внешних знаках уважения, приличествующих главе семейства. Обычно он сидел со смиренным видом в саду, неподалеку от дверей гостиницы, потчевал друзей вином, раскланивался с приезжающими и уезжающими и пользовался правом требовать с кухни все, что душе угодно. Когда он хворал, фрау Люблонич собственноручно носила ему еду наверх, в комнату, специально отведенную для него на случай болезни. Но, без сомнения, она единовластно

повелевала в доме.

Она заставляла наемную прислугу работать по четырнадцать часов в сутки, и вся работа делалась на совесть. Никто не слышал, чтобы она сердилась или кого-нибудь понукала; довольно было одного ее присутствия. Когда одна из служанок уронила поднос с пятью тарелками супа, фрау Люблонич не погнушалась взять тряпку и самолично вытереть лужу, как поступила бы на ее месте всякая деревенская старуха, которой доводилось в жизни делать кое-что и похуже. Прислуга называла ее «фрау Шеф».

— Фрау Шеф готовит мужу отдельно, когда у него плохо с желудком, — сказала мне одна из девушек.

При гостинице торговала мясная лавка, тоже собственность фрау Люблонич. Рядом была еще и бакалейная лавка, а по соседству, на особом участке, принадлежавшем, как и все остальное, Люблонич, достраивалась мануфактурная. Двое ее сыновей продавали мясо; третьему была вверена бакалея; младший же, предназначенный для мануфактуры, готовился приступить к своим обязанностям.

В саду, где цветы, разводимые для украшения столов, странным образом перемежались с ово-

щами для кухни, особняком от плодоносящих фруктовых деревьев и каштанов, под густой тенью которых гости обедали на свежем воздухе, красовалось единственное бесполезное растение — небольшая, заботливо взлелеянная пальма. Она придавала всему заведению особенное своеобразие. При ничтожной своей величине диковинное это деревце издали, с просторной задней веранды, где была столовая, словно высилось вровень с недосягаемыми вершинами гор. Оно неприметно господствовало над всей округой.

Обыкновенно я вставала в семь, но как-то раз проснулась в половине шестого утра, спустилась из своей комнаты вниз и вышла во двор поискать кого-нибудь, кто сварил бы мне чашку кофе. Спиной ко мне, в лучах восходящего солнца, стояла фрау Люблонич. Она обозревала свои гряды с овощами, свои обширные поля, свои закрома, свои свинарники, где уже работали две пожилые женщины. Один ее сын вынес из кладовой связки длинных колбас. Другой вывел на цепи вола, надев ему на голову мешок, обмотал цепь вокруг дерева и оставил вола дожидаться, пока не придут с бойни. Фрау Люблонич все стояла, объемля взором свои владения, своих свиней, своих свинарок, свои каштаны, свои бобы, свои

колбасы, своих сыновей, свои пышные гладиолусы, причем — словно у нее и на затылке были глаза — видела, как почудилось мне, свою благоденствующую гостиницу и мясную лавку, и мануфактурную, и бакалейную.

Когда она наконец повернулась во всеоружии, готовая грудью встретить трудовой день, я поймала ее взгляд, брошенный на убогий отель Штро по ту сторону дороги. Я заметила, как углы ее губ дрогнули насмешливо, словно в предвидении чего-то неизбежного: маленькие глазки блестели, явно предвкушая поживу.

Сразу можно было понять, не обращаясь даже с расспросами к местным жителям, что фрау Люблонич выбилась в люди, ничего не имея за душой, и всем обязана лишь своему уму и трудолюбию. Правда, работала она, не щадя себя. Она сама стряпала на всех. Она сама вела хозяйство и, внешне неторопливая, развивала в своей деятельности ту же головокружительную скорость, с какой проносились мимо ее гостиницы одержимые автомобилисты из Вены. Она чистила огромные котлы, без устали выскабливая их кругообразными взмахами короткой толстой руки; и само собой, она никогда не полагалась на добросовестность прислуги. Она не считала зазорным

для себя подметать полы и кормить свиней, а часто сама торговала в мясной лавке, назойливо подсовывая покупателю под нос огромные колбасы, дабы он понюхал их и убедился в высоком качестве товара. За весь день она позволяла себе присесть только один раз, когда обедала на кухне, хотя вставала чуть свет, а ложилась в час ночи.

Зачем, ради чего она так старается? Давно уже выросли ее сыновья, у нее прекрасная гостиница, прислуга, лавки, свиньи, поля, рогатый скот...

В кафе за рекой, куда я забрела под вечер, говорили так:

— Это еще что, фрау Люблонич богаче, чем вы думаете. Она скупила земли до самой горы. У нее и фермы есть. Ее, пожалуй, и река не остановит, она приберет к рукам все до ближайшего города.

— Ради чего она так надрывается? Одета как простая крестьянка, — говорили люди. — И сама кастрюли чистит.

Фрау Люблонич была здесь притчей во языцех.

Она не ходила в церковь, она была выше церкви. Я надеялась увидеть ее там, в приличном платье, на второй скамье, позади самого графа и графского семейства, рядом с аптекарем, зубным врачом и их женами; или, быть может, она предпочтет место поскромнее, среди простых

прихожан. Но фрау Люблонич сама себе была церковью и даже внешне очень походила на луковицы здешних куполов.

Я бродила у подножья горы, в то время как мастера этого дела в спортивных ботинках самоотверженно взбирались по заоблачной крутизне. А когда начинался дождь, они сообщали, вернувшись в гостиницу:

— Опять Тито насылает ненастье.

Служанкам эта острота давным-давно навязла в зубах, но они заученно изображали на лицах улыбку и подавали на стол непременную телятину.

Подняться повыше в горы я могла разве только на автобусе. Но куда соблазнительней были для меня неприступные вершины характера фрау Люблонич.

Как-то ранним утром, когда все вокруг ослепительно сверкало после бешеной ночной грозы, я спустилась вниз выпить кофе. Только что я слышала снаружи голоса, но, когда вышла, говорившие уже ушли со двора. Идя на голоса, я приблизилась к темной каменной пристройке, где была кухня, и заглянула в дверь. На кухне болтали служанки, а в глубине виднелась еще дверь, обычно наглухо закрытая. Но в то утро ее

не закрыли.

За ней была спальня, уходившая в глубь дома. Спальня поражала царственным великолепием. Она вся алела и блистала позолотой. Я увидела кровать под балдахином, высокую, застеленную роскошным оранжевым покрывалом. В изголовье, сияя белизной, вздымались подушки — кажется, их было четыре. Спинка кровати из черного дерева искрилась золотистыми блестками. Балдахин украшала золотая бахрома. Ложе это напомнило мне великолепную постель, которой Ван-Эйк украсил портрет Яна Арнольфини и его супруги. Вся прочая мебель в гостинице была дешевого полированного дерева местных пород, но эта кровать поистине могла считаться вдохновенным произведением искусства.

Пол спальни был устлан красным, или, вернее, малиновым, ковром, но, оттененный оранжевым покрывалом, он казался драгоценным пурпуром. На стенах по обе стороны кровати висели турецкие ковры, создавая пышный однообразный фон, красный, почти в античном духе, сгущавшийся до черноты в тени балдахина.

Я была поражена. Служанка по имени Митци увидела, что я стою на пороге кухни.

— Вам кофе сварить? — спросила она.

— Чья это комната?

— Фрау Шеф. Она здесь спит.

Другая служанка, Герта, высокая, худощавая, с насмешливым лицом, которая все воспринимала не без юмора, шмыгнула к двери спальни и сказала:

— Эту дверь отворять не велено.

Но прежде чем закрыть дверь, она распахнула ее настежь, давая мне возможность заглянуть подальше, Я увидела печь, выложенную мозаикой, диковинной в этих местах: плитки были блестящие, желто-зеленые — вроде тех, какими выложены полы в развалинах Византии. Сама печь высилась подобно храму. А еще я увидела черную лакированную горку, инкрустированную перламутром, и, прежде чем Герта притворила дверь, заметила на горке роскошные часы, украшенные пастельными миниатюрами в розовых тонах; бронзовый футляр этих часов весь был в причудливых раззолоченных завитушках. Часы сверкали в лучах утреннего солнца, пробивавшихся сквозь занавеси.

Я перешла в столовую, села за полированный стол, и Митци подала мне кофе. За окном я увидела фрау Люблонич в простом темном платье, черных башмаках и шерстяных чулках. Она

ощипывала цыпленка, бросая перья в ведро. А поодаль, за дорогой, мрачно стоял в открытых дверях своего отеля герр Штро, толстый, небритый, с расстегнутым воротом. Казалось, он размышлял о фрау Люблонич.

В тот же самый день вышла неприятная история. Широкие окна моего номера были прямо напротив окон отеля Штро, в каких-нибудь двух десятках футов — их разделяла узкая дорога, которая вела к границе.

День выдался прохладный. Я писала письма у себя в комнате. Случайно я бросила взгляд в окно. У окна напротив стоял герр Штро и бесцеремонно глазел на меня. Его любопытство мне не понравилось. Я опустила штору, зажгла свет и вновь принялась за письма. Интересно, подумалось мне, успела ли я совершить какое-нибудь неприличие за то время, что герр Штро подглядывал за мной, — скажем, постучала ручкой по лбу, почесала нос, ущипнула себя за подбородок или сделала еще что-нибудь в том же роде, как это случается, когда пишешь письма. Опущенная штора и искусственный свет раздражали меня, и я вдруг подумала, а с какой стати за мной подглядывает этот человек и мешает мне писать при дневном свете. Я погасила электричество и отдер-

нула штору. Герр Штро исчез. Я подумала, что он понял мое негодование, и продолжала писать.

Когда я немного погодя снова подняла голову, герр Штро сидел на стуле чуть поодаль от окна. Он, не таясь, рассматривал меня в полевой бинокль.

Я спустилась вниз, решив пожаловаться фрау Люблонич.

— Она на рынок пошла, — сказала мне Герта. — Будет через полчаса.

Тогда я выложила свои жалобы Герте.

— Я скажу фрау Шеф, — пообещала она.

Что-то в ее тоне заставило меня спросить:

— А раньше такого никогда не случалось?

— В нынешнем году уже было раз или два, — ответила она. — Я поговорю с фрау Шеф. — И добавила с обычной своей театральной гримаской: — Он, может, хотел сосчитать, сколько у вас ресничек.

Я вернулась к себе. Герр Штро сидел, как прежде, только руку с биноклем опустил на колени. Но едва я вошла, он снова поднес бинокль к глазам. Я решила тоже не сводить с него глаз до возвращения фрау Люблонич, а там уж пускай она сама разбирается.

Полчаса я терпеливо просидела у окна. Изредка

герр Штро опускал бинокль, но с места не вставал. Я видела его отчетливо; временами поднося бинокль к глазам, он как будто ухмылялся, хотя это мне скорее всего чудилось. Но он, несомненно, видел мое пылающее возмущением лицо так, будто оно было у него под самым носом. Теперь уже оба мы не могли отступить, и я краем глаза следила за дверьми отеля Штро, в надежде, что вот-вот туда заявится фрау Люблонич, или кто-нибудь из ее сыновей, или, быть может, одна из служанок с изъявлениями протеста. Но никто не шел к отелю Штро ни со стороны парадной двери нашей гостиницы, ни с черного хода. Я все таращила глаза, а герр Штро все сидел, уставившись на меня в бинокль.

И вдруг бинокль упал. Его словно вырвала невидимая рука. Герр Штро подошел к окну вплотную и стал смотреть, но теперь взгляд его был направлен куда-то выше и левее окон моей комнаты. Через минуту-другую он повернулся и исчез.

Тут ко мне постучалась Герта.

— Фрау Шеф изъявила неудовольствие, и вам теперь не будет беспокойства, — сказала она.

— Фрау позвонила ему по телефону?

— Нет, фрау Шеф никогда не звонит по телефону, она этого не умеет.

— Кто же тогда изъявил неудовольствие?

— Фрау Шеф.

— Но ведь она туда не ходила. Я все время смотрела в окно.

— А фрау Шеф к нему и не пойдет. Но будьте благонадежны, теперь он уж знает, что ему не дозволено докучать нашим гостям.

Когда я снова поглядела в окно, занавески у герра Штро были спущены, и больше они не поднимались до самого моего отъезда.

Меж тем я вышла бросить письма в почтовый ящик, висевший по ту сторону дороги. Солнце стояло уже высоко, и герр Штро, щурясь, смотрел из своих дверей на крышу гостиницы Люблонич. Он был так поглощен этим, что даже не заметил меня.

Я не проследила за его взглядом, опасаясь привлечь к себе внимание, но очень любопытствовала узнать, отчего глаза его прикованы к крыше. На обратном пути я увидела, что он разглядывал.

Как почти все дома в округе, гостиница Люблонич была по карнизу обнесена решеткой, чтобы зимой снег не обрушивался с крыши. Теперь там, под окном мансарды, розовели и золотились те самые часы, которые стояли в великолепной

спальне фрау Люблонич.

Когда я поворачивала за угол, герр Штро оторвал взгляд от крыши: унылый и согбенный, он скрылся за дверью. Постояльцы, которые утром приехали на двух автомобилях и остановились в его отеле, уже собрались в путь, торопливо, с нескрываемой радостью вынося свои чемоданы. Я знала, что отель почти опустел.

Перед ужином я прошлась мимо отеля Штро, а потом направилась через мост, в кафе. Там было пусто. Я села за свой прежний столик, хозяин подал забористый джин местного изготовления, и я потягивала его в ожидании посетителей. Ждать пришлось недолго, вскоре зашли две женщины и спросили мороженого, как это делали здесь многие, возвращаясь из поселка домой после работы. Неловко держа длинные ложечки в загрубелых, узловатых руках, они судачили между собой, и хозяин подсел к ним обменяться свежими новостями.

— Герр Штро нынче супротивничал фрау Люблонич, — сказала одна из женщин.

— Неужто опять осмелился?

— Он докучал ее гостям.

— Всюду он нос сует, старый шкодник.

— Ему бы только напакостничать.

— Я видела часы на крыше. Своими глазами...

— Этому Штро теперь крышка, он...

— Которые же часы?

— Да те самые, что она купила у него прошлой зимой, когда он обеднял вовсе. Красные с золотом, чисто икона. Загляденье, а не часы, достались ему еще от деда, тогда ведь дела шли хорошо, не по-нынешнему.

— Да, этому Штро теперь крышка. Она отымет у него отель. Вскорости она...

— Вскорости она с него последние штаны спустит. Возьмет отель за бесценок.

— А там застроит все участки до самого моста. Попомните мое слово. Будущей зимой она заберет отель Штро. Прошлой зимой она забрала часы. А в запрошлом году ссудила ему денег под закладную.

— Заведение Штро для нее что кость в горле, единственная помеха. Она его изничтожит.

Обе женщины и хозяин кафе близко сдвинули головы над столиком, влекомые неведомой силой к предмету разговора. Женщины машинально то погружали ложечки в мороженое, то подносили ко рту, хозяин же положил руки перед собой на стол, сцепив пальцы. Голоса их теперь звучали молитвенно.

— Она расширит свои владения до моста.

— А может статься, и за мост перешагнет.

— Нет уж, за мост не поспеет. Годы ее не те.

— Бедняга Штро!

— И почему она не расширяет свои владения с другого конца?

— Да потому, что там невелика прибыль.

— Самые доходные места здесь, на этом берегу.

— Песенка старого Штро спета.

— Она застроит все, до самого моста. Сломает отель, а там развернется вовсю.

— Перешагнет и за мост.

— Бедняга Штро. Она выставила его часы всем напоказ.

— И об чем он думает, старый, ленивый боров?

— Что он хочет углядеть в свой бинокль?

— Гостей.

— Дай ему бог досыта на них наглядеться.

Они засмеялись, но вдруг вспомнили обо мне и сразу как будто очнулись от забытья.

С какой тонкостью подала фрау Люблонич свою роковую весть! Когда я вернулась, позолоченные часы еще стояли на крыше. Они служили напоминанием о том, что время течет, лето на исходе и скоро весь его отель, как и часы, будет принадлежать ей. Мимо нетвердой походкой

брел восвояси герр Штро, совсем пьяный. Меня он не заметил. Он с тоской взирал на часы, освещенные закатом, как взирали трепещущие враги господни на голову Олоферна. Я подумала, что бедняга едва ли переживет эту зиму; видно было, как изнемогает он в неравной борьбе с фрау Люблонич, теряя последние силы.

Зато она будет жить лет до девяноста, а возможно, и больше. Все давали ей года пятьдесят три, пятьдесят четыре, самое большее пятьдесят пять или пятьдесят шесть; у нее было железное здоровье.

На другой день часы исчезли. Всему свой срок. Они вернулись в роскошные апартаменты за кухней, куда фрау Люблонич удалялась поздней ночью лелеять высокие замыслы и не лежала пластом, как поверженная, а покоилась на пышных, белоснежных подушках среди своих малиновых, алых и розовых с золотом сокровищ, которые отвращали ее душу от лености, как очистительное покаяние. Здесь у нее родилась мысль посадить пальму и выстроить лавки.

На другое утро, когда я увидела, как она чистит на дворе кастрюли и ходит в своих растоптанных башмаках меж грядами, в сердце мое закрался ужас. Она могла бы облечься в пурпур и золото,

могла бы жить в особняке, увенчанном башнями, не хуже, чем у здешнего доктора. Но, то ли боясь, как бы ее не сглазили, то ли из бескорыстной преданности, которая сродни любви к чистому искусству, она предпочитает всему этому свой коричневый фартук и растоптанные башмаки. И нет сомнения в том, что она будет вознаграждена. Она завладеет отелем Штро. Она победоносно отторгнет земли до самого моста и за мостом. Ей будут принадлежать кафе, бассейн, кинотеатр. Все торговые ряды на рынке будут принадлежать ей, а потом она умрет на алой постели под балдахином с золотой бахромой, подле позолоченных часов, шкатулок с деловыми бумагами и бесполезной склянки с лекарством.

Словно чувствуя это, трое постояльцев, еще не покинувших отель Штро, пришли к фрау Люблонич узнать, найдутся ли у нее номера и какую она просит цену. Цена была вполне умеренная, и для двоих номера сразу нашлись. Третий в тот же вечер укатил на своем мотоцикле.

Всякому приятно быть на стороне победителя. Наутро я видела, как двое, перебравшиеся из отеля Штро, преспокойно завтракали под каштаном у Люблонич. Герр Штро, немного протрезвевший, стоял в дверях своего заведения и смотрел на них.

Я подумала: почему он не плюнет на нас, ведь ему все равно уже нечего терять. Мысленно я снова увидела позолоченные часы высоко в сиянии заката. И хотя я еще сердилась на этого человека за то, что он за мной подглядывал, я испытывала вместе с тем высокомерное презрение и глубокую жалость, жгучее торжество и холодный страх.

Для зимы печальные подходят сказки *{17}

Жил человек у самого кладбища. Звали его Селвин Макгрегор, и был он чудесный парень, даром что не без греха по части выпивки.

— Ну и жилье у тебя, Селвин!

— Подопрись посошком на дорожку, золотко.

— Вот так, Селвин!

— Письмо-то завтра принесут. А завтра-то письмо придет.

— Ох, уж этот мне Селвин Макгрегор!

— Как первое число, так мне письмо. Как мне письмо, так первое число.

— Ну ты же и хват, Макгрегор. Ладно, налей, только поменьше.

— Да подопрись как следует, путь-то долгий!

— Нет, Мак, я пошел. Ну и жилье у тебя — там, понимаешь, кладбище, тут развалюха церковь, а кругом колючей проволоки понавертели, да кто сюда к тебе полезет!

— Короче, со свиданьицем!

— Будем здоровы, мистер Макгрегор. Распослед-

{17} notes: 17

У. Шекспир, Зимняя сказка, акт II, действие I.

ний голодранец — и тот сюда ночью не сунется. Нет, вот как угодно, а колючую проволоку я не одобряю.

— Словом, первого деньги будут.

— Селвин, мне все ж таки пора, а то смеркается.

И так оно шло тринадцать лет: Селвину было двадцать пять, а стало тридцать восемь. В двадцать пять его комиссовали из армии, а в тридцать восемь он жил да поживал в своей лачужке, в зарослях возле развалин пасторского дома. Но и до кладбища доходили письма из Эдинбурга, и первого числа каждого месяца он ходил менять чек на деньги.

— Вечер добрый, мистер Макгрегор.

— Привет, привет, сейчас обоим налью.

— Мистер Макгрегор, мы вас прямо-таки просим: вы ведь примете участие в нашем концерте?

— Это в середине-то месяца?

— Брось, Мак, ну что тебе стоит побренчать на пианино.

— В середине месяца я буду созерцать.

— Мне больше не надо — ладно, самую капельку, — хватит, хватит, мистер М.

— Со свиданьицем!

— В общем, твой номер за тобой, Селвин.

— Я же говорю: не-а.

— Мистер Селвин, вы же начисто свихнетесь от меланхолии. Хорошенькое у вас соседство!

— За обоюдную удачу!

К середине месяца у Селвина каждый раз кончались деньги. Он мучился от жажды и держал дверь на замке, явись ты к нему хоть с обедом на подносе. Ел он что ни попадя, все больше брюкву, а иной раз хлеб или обед, оставленный на приступочке. Двадцать пятого числа он снова открывал двери, подзанимал до первого, принимал гостей и выставлял бутылку.

А все десять дней с середины месяца до двадцать пятого Селвин Макгрегор молча сидел у окошка и созерцал могилы.

Тетка Селвина снимала квартиру в Уорриндерском районе Эдинбурга. Когда-то в таких квартирах обитал зажиточный люд, да и теперь там кое-кто сидит на полных сундуках, хоть виду и не подает.

— Да, район уж не тот, что был! — говаривала тетка Селвина лет двадцать кряду. Но приди к ней кто-нибудь и брякни: «Да, район уж не тот, то ли дело раньше было», и она тут же заявляла:

— А по-моему, ничего подобного.

Тетка-то и слала Селвину по чеку в месяц: ведь мать Селвина была валлийка, а чем же мальчик виноват, коли у него мать из Уэльса, а стало быть, либо тронутая, либо прожженная лентяйка. Вот и сын такой же, да не по своей вине.

Незачем так уж особенно расписывать тетку Макгрегора: как там на ней сидел темно-синий костюм или что вот, мол, личико у нее было сухое и строгое, а вокруг глаз или там у рта — сеточкой лопнувшие прожилки. Все это исчезло под землей — где, как говорил Селвин, только и есть что разложение, — а темно-синий костюм достался сиделке.

Словом, она умерла. А за месяц-другой до того заявилась к Селвину в его лачугу возле кладбища. Была она в коричневом костюме, чтобы попусту не таскать темно-синий. Взяла и съездила к Селвину Макгрегору. А он как раз не созерцал, и дверь была настежь.

— Тетушка Макгрегор! Ну-ка, рюмочку с дороги, что значит не пью, а самую капельку. Вот так, ай да тетушка!

— Селвин, — сказала она, — дела твои идут все хуже и хуже.

— Хуже, чем что? Хуже, чем куда? Чем куд-куд-куд-куда?

Селвин заквохтал, а она засмеялась. Не могла она всерьез сердиться на Селвина.

Словом, она умерла и отказала ему сколько-то там деньжат. Селвин поехал ее хоронить, а холода стояли зверские. Он, понятно, по случаю зверских холодов запасся фляжкой. А надо вам знать, что Селвин не на шутку верил в воскресение мертвых: неужели же он хотел оскорбить тетку Макгрегор, просто подзаправился, чтоб не мерзнуть у могилы, вот и все. Ну, слегка покачивался, так было о чем говорить!

— Праху прах...

— Эдакий-то племянничек у мисс Макгрегор! Вот тебе и на!

— Да как ему не стыдно, ведь отцову сестру хоронить приехал. Господи, чего же это он делает?

Селвин поднял горсть земли. Ну поднял, посмотрел-посмотрел на эту горсть и улыбнулся. И гроб стоит ждет, и люди стоят ждут. Священник ему покивал, дескать, ладно, чего там, сыпь землю-то на гроб, а Селвин возьми и кинь ее через плечо, вроде как дома щепотку соли. А потом оглядел всю честную компанию, да так и засиял, будто сейчас скажет: «Будем здоровы!», «Со свиданьицем!» или что-нибудь еще похлестче.

— Бедная мисс Макгрегор. Единственный-то

родственник, ох, бедняжка она.

А вскорости Селвин получил письмо от теткиного поверенного насчет завещания. Чтобы не ломать голову, Селвин попросту отписал: «Приезжайте повидаться после двадцать пятого». А покамест он занялся созерцанием. Двадцать шестого в дверях Селвина показался поверенный, такой свежий мужчина в темном пальто. Селвин подумал: вот, ей-богу, какой лапушка поверенный, а вдруг он привез живые деньги, надо по этому поводу заранее тяпнуть.

— Будьте как дома, — сказал Селвин и достал второй стакан.

— Кх, — сказал тот.

— За надежду, — сказал Селвин.

А потом поверенный и говорит Селвину:

— Вам известно завещание мисс Макгрегор?

— Помнится, — объявил Селвин, — вы мне что-то об этом писали, да мне было недосуг прочесть.

Ну, тот и зачитал завещание, а как дошел до слов «моему племяннику Селвину Макгрегору», остановился, поглядел на Селвина и давай дальше: «...при условии, что он будет следить за своим здоровьем».

— Узнаю тетеньку, — сказал Селвин. — Вот была женщина, правда, мистер...

— Браун, — сказал тот. — А второй поверенный — мой компаньон мистер Харпер. Вы с ним найдете общий язык. Итак, когда вы отсюда переезжаете?

— Сразу после смерти, — сказал Селвин.

— Ну-ну, мистер Макгрегор, тут у вас нездоровая обстановка. В завещании сказано...

— Ну и пес с ним, с завещанием, как говорится, — сказал Селвин и похлопал мистера Брауна по плечу. Мистер Браун поневоле заулыбался: виски разогрело ему нутро, и вообще ему понравилось, как говорится: «Ну и пес с ним, с завещанием».

— Куда ж я денусь, здесь у меня работа, — прибавил Селвин.

— А что у вас за работа, мистер Макгрегор?

— Я созерцаю разложение.

— Ну-ну, мистер Макгрегор, это нездоровое занятие. Лично я не желал бы ставить вам палки в колеса, но мой компаньон мистер Харпер — он, знаете, у нас человек долга. А мисс Макгрегор — наш старейший клиент, и она всегда тревожилась о вашем здоровье.

— Лей, не жалей, подливай да опрокидывай, — сказал Селвин.

— Всех благ, мистер Мак. Ваше здоровье, сэр.

— Передайте Харперу, — посоветовал Селвин,

— что я здоров как бык и работаю как вол.

— Какой-то у вас тощий вид, мистер Макгрегор. По-моему, тут у вас все-таки нездоровая обстановка.

Селвин сыграл ему на фортепьяно и спел песню. «О мать моя, — пел он, — стели постель. Поуже мне стели...»

— Очень мило, — сказал поверенный, когда Селвин допел. — Прямо-таки замечательно.

— Я и есть музыкант, — сказал Селвин. — А кое о чем другом Харперу даже и знать не обязательно.

— Ах, вы уже и меня хотите разложить, это не выйдет. Вы же сказали, что вы искусник по части разложения?

— Нет, нет. Я искусник по части созерцания разложения, — объяснил Селвин. — Совсем другое дело, сравнил тоже. Ну-ка, поддали.

— Желаю вам, чего вы сами себе желаете, — сказал мистер Браун. — Только меня вам нипочем не разложить!

— Это уж либо ты разложишь, либо тебя разложат, — заявил Селвин и пустился в объяснения, и спор дошел до того, что они потеряли всякий счет времени и вконец запутались с разложением, которое стало у них называться заложением.

— Кто кого заложил? — сказал мистер Браун. — Кто из нас заложился?

Сначала Селвин не мог смеяться от кашля, а потом не мог кашлять от смеха. Очухавшись, налил по маленькой и растолковал, что если как следует подзаложить, то разложение переходит в заложение. Он запел:

— Хи-хи-хи да ха-ха-ха. Ха-ха-ха да хи-хи-хи. Заложу-ка я тебя, а ты меня подзаложи.

— Сколько ни жить, лишь бы весело! — сказал мистер Браун.

Словом, Селвин разложил поверенного. И ежемесячный чек стал покрупнее, чем раньше. Зиму он прожил по-заведенному: с двадцать пятого держал двери открытыми для всех и каждого пятнадцатого двери запирал и садился к окошку созерцать могилы.

А весной он умер. Года два назад ему просвечивали легкие, и Селвин сказал: «Ну и пес с ними, с моими легкими, что мне, делать больше нечего. Будем здоровы!»

Мистер Браун сказал своему партнеру:

— Он даже не намекнул мне на свои легкие. Если б я знал, я бы тут же обеспечил ему теплое жилье и новый костюм. Я бы подыскал ему экономку и обеспечил медицинскую помощь.

— О, эти музыканты, — сказал мистер Харпер. — Мученики профессии. Они все же вызывают невольное восхищение.

— Ах, невольное? Ах, невольное? — сердито сказал мистер Браун. Он не желал чтить память Селвина — такой мерзавец, уговор был, что он всего-навсего созерцает, а он взял и умер.

— Грустная история, — мечтательно сказал мистер Харпер. — Макгрегор был в своем роде героем.

— Ах, в своем роде, ах, в своем роде? — В тот миг мистер Браун презирал своего глупого партнера едва ли не больше, чем обижался на покойника. Правда, потом, проезжая подле былого жилья Селвина, даже мистер Браун и тот подумал: «Ах, Селвин Макгрегор, вот ведь был человек!» А когда он увидел, что старое кладбище начисто срыли и сделали на его месте детскую спортивную площадку, он остановился и долго еще созерцал разложение Селвина.

На публику
Повесть

I

Была пятница, позднее утро. Свет солнца передвигался из комнаты в комнату, золотя коричневый паркет.

Мебель привезут на той неделе, часть в понедельник, остальное в четверг и в пятницу.

Няня-англичанка приедет в понедельник утром.

В понедельник в восемь часов утра должна прибыть и горничная. Ее вместе с пожитками доставит брат, который специально для этого переправляет свой автомобиль из Сардинии на континент.

Рассчитывать, находясь в Риме, что все твои планы осуществятся в положенный срок, — бестактно; рассчитывать следует, что в один прекрасный момент часть сроков («в понедельник — наверняка», «четверг утром — ручаюсь») поползет в обратном направлении.

Однако пока все шло как по маслу. Аннабел Кристофер, актриса с янтарно-карими глазами, в частной жизни миссис Фредерик Кристофер, с удивлением обнаружила, что на первых порах ей все удается спокойно и без хлопот. Да и как не

удивляться, если при всей своей неопытности и врожденной безалаберности она одна, без помощи со стороны, провернула столько дел: сняла квартиру, привела ее в порядок, отремонтировала, отобрала минимум мебели, необходимой для того, чтобы иметь возможность, не дожидаясь приезда прислуги, перебраться с мужем и ребенком в новый дом и на бивачный манер устроиться в одной из комнат.

Ребенок спал на подушке. Мать положила ее прямо на пол в большой гостиной. Было очень тихо. Комната, где стояла Аннабел, разглядывая яркие квадраты света на полу (она заметила их сразу, как только умолк молоток плотника), выходила во двор, и до нее не долетал шум оживленной римской улицы.

Дверь начала приоткрываться, как от ветра. Аннабел пошла затворить ее поплотнее, но тут в комнату ввалился долговязый краснолицый Билли О'Брайен, старинный друг ее мужа. Как он попал в квартиру? Его внезапное вторжение рассердило Аннабел. Но затем она почувствовала облегчение: возможно, Билли сообщит ей что-нибудь о муже.

— Разве дверь была открыта? — спросила она.

— Да, — ответил он, не удосуживаясь объяс-

нить, что же ему все-таки помешало позвонить у входа.

Аннабел и раньше замечала, что, когда люди вселяются в новый дом и мебель еще не привезена и не расставлена по местам, все почему-то считают себя вправе входить и выходить без спросу, как маляры или грузчики. Едва она появлялась здесь, чтобы посмотреть, как продвигается ремонт, соседи были тут как тут и разгуливали по квартире, расточая улыбки и пылко восторгаясь красотой обоев.

Однако ей помнилось, что она запирала входную дверь. Билли замер у стены с преувеличенной почтительностью, усвоенной им с тех пор, как Аннабел стала Английской Тигрицей экрана и, как он выражался, «вошла в обойму». Билли чем-то напоминал ей старье, давным-давно купленное в рассрочку, конца которой до сих пор не предвидится. И опять же к ее успеху в последних фильмах он относился так, будто выиграл первый приз в футбольном тотализаторе.

— Это тоже на публику? — спросил он, обведя глазами комнату.

— Ты видел Фредерика? — спросила Аннабел.

В жизни Аннабел Кристофер — обыкновенная пигалица, да и на экране до сравнительно недав-

них пор она выглядела так же. Тем, кто увидел ее впервые не в последних кинофильмах и не на рекламных фото, она и сейчас кажется пигалицей, девчонкой из Уэйкфилда, с острым личиком и волосами мышиного цвета. Билли О'Брайен знал ее еще двадцатилетней, а это значит, что они знакомы двенадцать лет. Тогда она только что вышла замуж за его друга Фредерика Кристофера, с которым Билли учился в театральной школе. Фредерик был молодым актером: он успел проработать один сезон в театре с постоянной труппой. Аннабел играла в английских фильмах эпизодические роли девушек, таких же, как она сама. Вскоре все они остались без работы и устроились на время кто куда. Аннабел стала официанткой в кафе. Фредерик вел ораторское искусство и постановку голоса в шестом классе школы. Билли получал пособие по безработице и ради контрамарок начал писать статейки для театральных обзоров. Так как стесненные обстоятельства не позволяли ему продолжать связь с его очередной любовницей, он попробовал подъехать к Аннабел. Она довольно вяло согласилась; раза два днем, пока Фредерик был в школе, они ложились в постель, потом одевались и вдвоем стелили кровать. Фредерик, приходя

домой, только и говорил, что о постановке голоса. «Дыхание! — восклицал он. — Я настаиваю, что лишь дыхание, дыхание и дыхание есть главный фактор, обеспечивающий владение голосом. Они должны научиться дышать». Если у них сидел в то время Билли, Фредерик говорил то же самое, а Аннабел снова заваривала чай.

На зиму Билли отправился к себе на родину, в Белфаст, пособлять дядюшке-бакалейщику. Перед отъездом он с сарказмом заявил, что осуществит наконец-то давнишнюю мечту своей матери: будет по целым дням резать бекон. Поставив на стол кружку с пивом, Билли принялся изображать, как он нарезает машинкой бекон: одна рука крутит несуществующую рукоятку, вторая укладывает тоненькие ломтики воображаемого бекона на предполагаемый лист вощеной бумаги для созданного его мрачной фантазией покупателя. Он сказал: «Мамаша хочет, чтобы я остался там навсегда. Ведь у дяди нет наследников». Все засмеялись. Со смехом они и расстались, и Билли чмокнул на прощанье Аннабел, обдав ее запахом пива.

Он вернулся через три года, в течение которых служил на многих местах и сыграл много ролей во многих театрах. Сейчас он устроился театраль-

ным обозревателем в недавно открытый журнал и рассчитывал получить колонку в издаваемой государством газете. Готовясь к этому, Билли заранее составил список лиц, у которых он будет брать интервью.

Аннабел в то время уже охотно приглашали сниматься в фильмах на небольшие роли — робких, незаметных девушек: она играла машинистку, вернувшуюся в контору забрать забытый сверток именно в тот момент, когда за стеной в кабинете шефа разгорается роковой спор; малютку горничную, чьи непредвиденные шуры-муры с посыльным срывают планы похитителей ребенка; девушку, заблудившуюся в метро, которой неожиданные обстоятельства так и не позволяют добраться до ее комнатки в Попларе; затем она сыграла более значительную роль: медсестры, несправедливо обвиненной в краже наркотических средств, которая вдруг просыпается в Бангкоке, в отдельной палате больницы, и, с большим трудом придя в себя, встречает настороженный взгляд сиделки, оказавшейся ее бывшей пациенткой; и много других ролей. Ее глаза не были велики, но каким-то чудом на экране делались большими. Другое, еще более необъяснимое чудо произошло лишь через

десять лет, когда Луиджи Леопарди, итальянский продюсер (друзья звали его Ву, так как его настоящее имя было Винченцо), превратил ее экранные глазищи в глаза Тигрицы. Термин впервые был употреблен пресс-секретаршей кинокомпании в рекламе к фильму «Дом на пиацце», в котором Аннабел снискала свой первый большой успех. Но прежде чем фильм вышел на экран, Луиджи добавил к «Тигрице» «Английскую Леди». Так ее с тех пор титуловали на всех афишах, и не только на афишах.

В те времена, когда Аннабел делала первые шаги к карьере, снимаясь в английских фильмах, ей и в голову не приходило, что она глупа: ведь глупость на том и держится, что расцветает пышным цветом при отсутствии зеркала. Фредерик мягко, даже благожелательно, подчеркивал глупость жены в присутствии знакомых мужчин и особенно Билли О'Брайена. Аннабел не обижалась, пока не почувствовала в его словах пренебрежения. То, что она зарабатывает много больше мужа, казалось ей лишь доказательством того, что он не хочет работать. Возмущаясь его ленью, она не допускала мысли о возможности других причин. Иногда раздражение прорывалось наружу, подчас бестактно, при людях; сквозь острые мелкие

зубки она бросала: «Простите, мне пора домой, нужно выспаться. Как-никак кормлю семью».

А Фредерик все чаще и чаще проводил целые дни дома, в Кенсингтоне, с упоением поглощая одну за другой все те книги, которые ему не удалось прочесть раньше. Было несколько ролей, созвучных его дарованию, если можно говорить о даровании никогда не играющего актера. Однако Фредерик придерживался теории, что случайное взаимодействие генов сделало его способный: к исполнению одних лишь серьезных ролей в пьесах Стриндберга, Ибсена, Марло и Чехова (но не Шекспира!); в известной мере он был прав, ибо все более или менее вероятно в зыбкой области предположений, где нет определенности, а потому нельзя и ошибиться. Практически его решение ограничить свой репертуар ровно ничего не значило: в пьесах, в которых он хотел бы играть, ролей ему не предлагали.

Храня незыблемую веру в свое дарование, он испытал его к двадцати девяти годам только в нескольких мелких постановках и этим ограничился. Строй его мыслей напоминал винтовую лестницу: с любого уровня, с любого поворота он созерцал одно и то же — свой незапятнанный, ни разу не испытанный талант. По натуре Фредерик

был интеллектуалом вообще, интеллектуалом без определенных занятий. Возможно, счастливейшими часами в его жизни были те, которые он проводил за чтением различных произведений на тему «Пляска смерти» или делая пометки на полях сочинений Стриндберга, в то время как Аннабел, чье убогое искусство всегда находило спрос, отправлялась на студию либо на несколько недель выезжала на натурные съемки.

Фредерик считал, что жена занимается чем-то совсем непохожим на то, что хотелось бы делать ему. Она не спорила, не очень ясно понимая, о чем идет речь. Когда он рассуждал о «проникновении в образ», Аннабел соглашалась с каждым словом, так как еще в театральной школе привыкла к разговорам на эту тему: все говорили о «проникновении в образ» и о высоком искусстве. Что все это означает, она представляла себе смутно. Сама Аннабел прибегала к инстинктивно выработавшемуся у нас методу, который заключался в том, что она занимала перед камерой какую-то определенную позу, будто готовила серию фотографий для домашнего альбома. Этим искусством она овладела вполне, так сказать, понаторела в нем. Благодаря ему и помощи Луиджи Леопарди через десять лет она была признана очень хоро-

шей актрисой.

Но еще в ту пору, когда Аннабел играла небольшие роли в кинофильмах, глупость мало-помалу начала с нее сходить; это получилось само собой, без усилий, благодаря уверенности, которую ей принес первый успех в кино. Оказалось, что все очень просто: не обязательно быть умной — достаточно существовать; роль играть не требуется — нужно лишь находиться перед камерой. Удивляясь, как это не пришло ей в голову раньше, она поделилась своим открытием с мужем. Тот усмотрел в ее словах присущую ей ограниченность и с раздражением ответил:

— Не выводи теорию из ерунды. Играть ты не умеешь. Тебе просто везет.

— Я об этом и говорю.

Когда оглядываешься назад, нетрудно себе представить, как обстояли дела в прошлом, хотя в свое время все казалось неясным.

Фредерик сделался сварливым, но жену не задевал. И поскольку объектом его гнева служила не она, а главным образом ее обидчики, Аннабел почти не замечала, что у мужа портится характер. Она встревожилась лишь, когда Фредерик, распалившись, весьма некстати вздумал за нее вступиться и нагрубил режиссеру, в фильме ко-

торого она снималась.

— Кто тебя за язык тянул? — недоумевала она. — С ним и без того трудно ладить.

— Ты мне сто раз на него жаловалась. Что ж, по-твоему, я должен спокойно смотреть, как тебя притесняют?

Она и в самом деле нередко ворчала, что режиссер этот ужасный самодур, невропат, что он слишком много пьет и с ним невозможно иметь дело. Брюзжать таким образом, придя домой, стало для нее чуть ли не отдыхом, одной из тихих семейных радостей. Аннабел привыкла обрушивать на мужа, словно он только для того и создан, все свои неурядицы. Рассказывая, она увлекалась и для красного словца сгущала краски. Однако до сих пор Фредерик не вмешивался в ее дела. Моя карьера, испугалась она, может пострадать моя карьера. Позже она высказала свои опасения вслух. Фредерик усмехнулся. Ее охватило смятение, и она чуть ли не на полторы недели потеряла покой.

В этом же году, работая тайком в ее отсутствие, Фредерик написал сценарий. Сценарий был принят, и, к удивлению Аннабел, мужу неплохо заплатили. У нее в то время был роман с чопорным молодым американцем, который обучался в

театральной школе и получил небольшую роль в фильме, где снималась Аннабел. Роман длился два месяца, в течение которых любовники встречались главным образом днем, в промежутках между съемками. Оборвался роман после того, как Аннабел дважды посмеялась над своим возлюбленным. Оба раза ее насмешило выражение его лица. Ему, как и ей, было двадцать восемь лет, и он уже не первый год получал отсрочку от воинского призыва, с тем чтобы довести до конца изучение сценического искусства в Европе. Както случилось, что повестка пришла прежде, чем он успел подать прошение о новой отсрочке; он весь день пытался дозвониться до своего адвоката в Калифорнии и был вне себя от ярости: кричал телефонистке, что у него срочный, не терпящий отлагательств вызов, что речь идет о важнейших делах. В самый разгар его пререканий с центральной станцией Аннабел рассмеялась. Это и был первый раз. Он взглянул на нее растерянно, с обидой, и его круглое пылающее лицо было точь-в-точь как у школьника, этакого младшего братца, который понял наконец, что мама терпеть не может животных. Это выражение его лица и насмешило Аннабел, которая сама не знала толком, что ей кажется таким забавным.

Второй случай тоже произошел у него дома. Они приехали после ленча, куда их пригласил один продюсер и где пили шампанское. Почувствовав тошноту, он встал с кровати и вышел в ванную. Его вырвало. Когда он вернулся сказать ей об этом, Аннабел лениво откинулась на подушку и, посоветовав ему лечь, закрыла глаза.

— Но меня же тошнит! — крикнул он. — Тошнит!

Она снова открыла глаза. Он стоял на ковре, потрясенный ее британской черствостью, и был очень похож на куклу: негнущиеся руки торчат, будто сшиты из тряпок и набиты ватой, рот и глаза совершенно круглые. Она расхохоталась — во второй и в последний раз.

Позже он говорил:

— Я никогда не забуду, как ты смеялась надо мной, когда меня тошнило.

Спустя немного времени, когда все это уже закончилось, Аннабел пересказала мужу оба эпизода, не без сожаления умолчав лишь об одном обстоятельстве, которое, на ее взгляд, придавало особый комизм ситуации. Фредерик нашел истории забавными, супруги весело похихикали, но на досуге он попробовал себе представить подробности обеих сцен и призадумался, уж не

лежала ли та парочка в постели или, может быть, только что встала, или собиралась лечь.

Она очень радовалась, что их брак не распался, ведь в первые годы ее работы на студии дело, казалось, явно шло к тому. Через несколько месяцев Фредерик принялся за новый сценарий; главная роль в нем предназначалась Аннабел. Он теперь с б***о***льшим вниманием прислушивался к ее словам и, по-видимому, уже не считал ее такой дурой, как раньше. И сама она находила, что по сравнению с другими он все же интересный мужчина. Ей нравилось, что его волнистые волосы начинают седеть.

Жизнь, которую она вела, став киноактрисой, и в самом деле шлифовала ум. Это было увлекательно, но страшновато. Она тянулась к Фредерику, тянулась даже к его старым друзьям, людям, с которыми их то сталкивала, то разлучала судьба; особенно она ценила Билли О'Брайена, считая, что его присутствие развлекает мужа, когда она уезжает.

Билли обращался с ней насмешливо, враждебно, иногда просто грубо. Она прощала ему все в память о прошлом, о милых временах, прелесть которых она оценила только позже. Сейчас у нее появилось больше денег, больше писем, больше

дел и больше тем для разговоров и раздумья. В прежние годы, освободившись пораньше, она, случалось, усаживалась за письмо к отцу, или кузине, или школьной подруге. Она писала его от руки, потом запечатывала и отправлялась на почту, там покупала марку, лизнув, приклеивала ее к конверту и Для верности придавливала рукой; потом шла к ящику, опускала письмо, и оно падало на дно с глухим стуком.

Сейчас этот приятный ритуал безвозвратно канул в прошлое. Скорее с теплотой, чем с сожалением, Аннабел вспоминала, как строчила эти длинные, почти бессодержательные письма, ходила на почту и, вернувшись домой, снова ставила чайник на плиту.

Как-то раз, когда Фредерик и Билли явились поздно ночью, во втором часу, Аннабел мечтательно проговорила:

— Как хорошо было в те времена, когда я изредка писала по одному письму и сама ходила опускать его в почтовый ящик; одно-единственное письмо. А потом...

— Ах, да перестань позировать, — сказал Билли.

Она стояла на ковре, опираясь рукой о столик и устремив взор в прошлое, словно играла роль

героини средних лет.

— Я вовсе не позирую, — ответила она и тут же плюхнулась в кресло. — Просто мне нравилось самой отправлять письма, вот и все.

Фредерик, который был слегка навеселе, а сейчас налил себе еще виски с содовой, сказал:

— Она считает, что я и есть тот самый ящик — здоровенный ярко-красный почтовый ящик, куда она бросает свои письма. Ей только для этого и нужен муж.

Она быстро ушла в спальню, подавляя желание возразить и дать повод для ссоры. Аннабел с удовольствием затеяла бы ссору, но наутро ей предстояло в семь часов быть на ногах, чтобы в восемь ясными глазами смотреть в объектив кинокамеры. Фредерик не так уж часто напивался. Обычно, когда Билли говорил ей колкости, Фредерик его не поддерживал, хотя и не останавливал.

Сейчас времени было в обрез, а писем приходило столько, что на них некогда было отвечать. Когда их скапливалось слишком много, являлась секретарша с киностудии и отвечала на все сразу, в основном по собственному усмотрению. Рабочим распорядком Аннабел ведало агентство, оно же пунктуально устанавливало стоимость каждого часа ее труда. Ей платили много, в неде-

лю она получала больше, чем Фредерик, без устали строчивший сценарии, мог заработать за несколько месяцев.

Но и об этих суматошных годах ей еще предстояло вспоминать с такой же умиленной грустью, какую вызывала у нее сейчас эпоха одного письма и марки. И странное, необъяснимое сожаление еще не раз кольнет ее при мысли, что вот были же времена, когда секретарша не работала у нее постоянно, когда в доме шла непрерывная и беспорядочная, как стихия, смена горничных и прочего персонала, а сама она радовалась, что так много снимается, добивалась довольно-таки скромных успехов и в такой мере наловчилась вести себя как умная, что отважилась позабавить мужа рассказом о том, какой потешный вид был у студента из Калифорнии.

Аннабел было около тридцати лет, когда муж написал для нее сценарий фильма, снимать который должны были в Риме.

Они бывали там и прежде во время летних поездок на побережье, каждый раз вдыхая с наслаждением вольный воздух итальянского кино, засиживались в кафе на Виа Венето, где все посетители, кроме туристов, снимались или хотели сниматься в кино. Разумеется, они осматривали

и руины, и памятники старины.

В фильме, который Фредерик сочинил для Аннабел, ей предназначалась роль гувернантки, приехавшей в Рим с тремя юными воспитанниками и их отцом — американским дипломатом.

Работа мысли — тяжкий труд. Фредерик норовил от него уклониться, скрывая это от самого себя. Но угрызения нечистой совести сделали его ранимым и очень обидчивым. Он закипел от гнева, когда Аннабел сказала, прочитав сценарий: «Что ж, очень мило. По-моему, это похоже на «Поворот винта».

— Что ты плетешь? Да ты ведь не читала «Поворот винта».

— Нет, но видела в кино. Я и говорю о фильме. Мне понравился твой сценарий. Вполне серьезно. Он напоминает «Поворот винта» своей значительностью. Мне это в нем и нравится.

Зловеще мягким и осторожным движением Фредерик взял сценарий из ее руки, потом проговорил тоном профессора фонетики, беседующего с безграмотным иностранцем:

— Могу я попросить тебя об одном одолжении, Аннабел?

— Смотря о каком, — ответила она, исподлобья устремив на мужа враждебный взгляд; со сто-

роны казалось, что у нее болят глаза, и трудно было себе представить, что на экране световые эффекты делают в точности такой же ее взгляд, чарующим и пылким.

— Я прошу тебя никогда не рассуждать о значительности. Где уж тебе разбираться в этом, когда сама ты так незначительна, — отчеканил Фредерик.

Она не полезла за словом в карман:

— Ты находишь? Что ж, мнение меньшинства всегда любопытно.

Эту манеру она усвоила недавно; в последнее время Аннабел испытывала влияние нового круга друзей — молодежи, знаменитой главным образом благодаря знаменитым или очень богатым родителям; в этом кругу особенно блистала Голли Макинтош, двадцатидвухлетняя наследница с Филиппинских островов, с пышной седой шевелюрой и юным лицом, прелестная, как цветок, и, как цветок, бессердечная. Голли любила одним-двумя словцами парировать любое замечание или комплимент, и переимчивая Аннабел позаимствовала у нее этот обычай, как могла бы позаимствовать сценический прием.

Фредерик все это понимал, и его бесила способность жены производить сильное впечатление

при помощи самых заурядных средств. Он не мог смириться с тем, что ее принимают всерьез. Он был твердо убежден, что в игре необходима искренность, что, прежде чем исполнить роль, нужно прочувствовать ее в душе. А она лжет, даже играя, думал он, потому что строит роль на одних внешних эффектах.

— Ты, конечно, ничего не чувствуешь, когда играешь? — как-то спросил он.

— О чем ты говоришь? — ответила она. — Это работа. Я тебя не понимаю. На съемках надо играть, вот и все.

Он хотел от нее уйти и твердо решил, что рано или поздно так и сделает. Рано или поздно, думал он, я ее брошу. Но было нечто чуть ли не гипнотизирующее в этом чудовищном обмане, и оно захватывало его все больше, по мере того как слава Аннабел росла, и она свыкалась с ней и воспринимала успех как должное. И когда кто-нибудь из его старых друзей допускал, что в игре Аннабел есть все же какая-то глубина, или обаяние, или оригинальность, Фредерик молча твердил себе, что только он один знает, как мелка она на самом деле, и ненависть к жене охватывала его все сильней. Я-то ее знаю как облупленную, думал он. А они все ни черта не знают.

Аннабел не догадывалась о его чувствах, она и в своих-то не разбиралась. Едва ли хоть раз в ее сознании отчетливо сформулировалась мысль, которую она не рискнула бы произнести вслух. Но человек так или иначе реализует даже неосознанные порывы. Смутные устремления Аннабел на поверку оказались благотворными для укрепления семейных уз. Ссоры заканчивались примирением, супруги всюду бывали вместе, и сила привычки постепенно брала свое. Мало того, в их каждодневно расширяющемся мире, где Фредерик считался глубокой натурой, а Аннабел необычайно талантливой, никто не сомневался, что они гордятся друг другом.

Сценарий Фредерика был принят к производству с Аннабел в главной роли. До сих пор ей не поручали таких ответственных ролей. Представитель кинокомпании сказал Фредерику, что они рискнули испытать Аннабел потому, что фильм будет сниматься в Италии и не потребует больших затрат.

II

Одна из сцен этого фильма про гувернантку, который Фредерик написал для жены и назвал «Дом на пиацце», воспламенила воображение Луиджи Леопарди. Он тоже вложил в фильм кое-какие средства и пришел взглянуть на съемки у фонтана Бернини на площади Навона. К этому времени сценарий прошел через много рук; познакомившись с окончательным вариантом, одобренным основным акционером фильма «Американ корпорейшн», Фредерик потребовал, чтобы его имя сняли с титров. Однако позже, в разгар рекламы, он попросил его снова вставить.

К тому времени как Леопарди заметил Аннабел, роль гувернантки обогатилась в такой мере, что включала эпизод, где эта юная особа в жаркую безветренную ночь тихо выскальзывает из дому и танцует в бассейне фонтана Бернини, дабы остудить сжигающую ее страсть к хозяину, чья легкомысленная супруга тем временем затеяла интрижку с художником-итальянцем (на этом настояли директора компании, полагая, что неверность жены служит моральным оправданием для романа мужа с гувернанткой).

Этот бесхитростный фильм, сам по себе довольно скучный, создал Аннабел имя. Успехом он не пользовался. Компания потерпела ущерб. Фредерик винил в этом искореженный сценарий, режиссера, оператора, исполнителей мужских ролей, излишний психологизм в трактовке ролей детских, а также Аннабел, которая играла на публику, стремясь сохранить в целости тот созданный рекламой образ, который возник впервые на страницах итальянских журналов и теперь распространялся все дальше на запад. Он сказал, что ради игры на публику она загубила весь фильм.

Выждав три недели после выхода фильма, он сообщил ей все это так холодно, чуть ли не безразлично, словно речь шла о каком-то постороннем фильме, который они вместе смотрели. Аннабел слушала его вполуха: свернувшись калачиком среди голубых ситцевых роз на тахте в их новом доме в Сэррее, она просматривала только что доставленную почтой кипу последних отзывов о фильме: ежемесячные журналы, газеты из провинции и газеты, выходящие малым тиражом. Она не читала каждую статью целиком, а лишь быстро пробегала ее глазами, опуская на первых порах цветистые рассуждения о сюжете и ком-

позиции и выхватывая лишь то, что говорилось о ней самой и о ее игре. «Джен Эйр двадцатого столетия», «Грациозна, как резвящаяся тигрица», «Как ни трудно было наполнить живым содержанием столь убогую форму, талантливой актрисе это вполне удалось. Сцена в саду, когда она с чарующей безмятежностью проскальзывает в тайник, устроенный детьми... душа тигрицы, скрытая за безупречными манерами... она чем-то напоминает и Джейн Эйр, и героинь Д. Г. Лоуренса, и гувернантку из «Поворота винта». Исполнители детских ролей, увы...» Одна заметка называлась «Следует ли мужу писать сценарии для собственной жены?». И наконец, последней была статья, напечатанная в Белфасте, в еженедельной газете, где работал кинообозревателем Билли О'Брайен. Билли писал:

«То, чего добилась Аннабел Кристофер, — это chef d'oevre *{18}, но в то же время succes d'estime *{19}. И хотя ей не суждено стать звездой первой величины, в ней, несомненно, чувству-

---

{18} notes: 18
Шедевр *(франц.).*

{19} notes: 19
Посредственный успех *(франц.).*

ется манера, je ne sais quoi *{20}. Впрочем, роль оказалась не по плечу мисс Кристофер. При более удачном составе исполнителей фильм мог бы стать большим событием... не говоря уже о том, что интереснейший диалог погублен...»

Читая, Аннабел слышала голос мужа и за бесстрастным разбором кинокартины уловила горечь, что ее ничуть не удивило. «А почему бы мне и не играть на публику? — спросила она, откладывая рецензию Билли, которую нашла забавной и решила прочесть по телефону Голли Макинтош, как только та ей позвонит. — А почему бы мне и не играть на публику?» — повторила она.

Взглянув на мужа, она одобрительно подумала, что он прекрасно исполняет роль «мыслящего человека». В ее представлении слова «исполняет роль» означали «производит впечатление», а уж был ли он на самом деле мыслящим человеком или нет, для нее значения не имело. В его лице с резко очерченными скулами и запавшими глазами не оставалось ничего от былой актерской смазливости. Такой муж кинозвезды и в самом деле превосходно работал на публику.

{20} notes: 20
Нечто этакое *(франц.).*

Его серьезность действовала особенно неотразимо на совсем молоденьких девиц: юных актрис и начинающих звездочек. С иными из них он спал, а к одной длинноволосой, пухлой, как персик, красотке как раз сейчас не шутя подумывал и вовсе уйти.

Чуть ли не каждый месяц он собирался бросить Аннабел. Ее растущая привязанность льстила ему и в то же время его пугала, так как проявлялась в самой непочтительной форме, ставя под сомнение его серьезность. Как-то она сердито оборвала его, повторяя когда-то сказанные по ее адресу слова:

— Да перестань ты позировать!

— Позировать? — отозвался он. — По-твоему, все на свете делается напоказ, ведь ты себе не представляешь других побуждений.

Она ответила:

— Ты что, теперь уже не можешь вести себя по-людски?

— Ты хочешь сказать, по-человечески, — поправил он.

В конце концов Аннабел сообразила, что и его, пусть даже показная, серьезность работает на публику и что, подшучивая над мужем, она могла бы испортить его игру. Но к этому времени она

уже была очень богата; привлекательная, исполненная достоинства поза «мыслящего человека» стала доступна Фредерику главным образом благодаря заработкам жены.

Ее это мало заботило, настолько мало, что муж был совершенно озадачен. Куда девались времена, когда она говорила: «Пора домой, нужно выспаться. Как-никак кормлю семью». Сейчас она упоминала о деньгах только нечаянно. Его приводила в ужас ее деловая сметка, чем же иначе объяснялось, что она смирилась с его иждивенчеством? Смекнула, что теперь может позволить себе такого мужа, и он перестал быть проблемой. Неужели Аннабел видит их отношения только в этом свете? Он был смущен, подавлен, иногда злился. Ведь неизвестно, что еще она придумает: не может же так продолжаться вечно. Но Аннабел ничего не предпринимала, изумляя его своим хладнокровием. А кроме того, Фредерик ревновал жену к мужчинам, которые возле нее вертелись.

И все же они, наверное, разошлись бы, если бы не ее бурный успех в новом фильме «Миневра прибывает на платформу 10», впервые запечатлевшем ее в представлении публики, как «Английскую Леди Тигрицу» и принесшем ей славу, которая продолжала расти в течение мно-

гих недель, поскольку сцены супружеской жизни Аннабел, щедро демонстрируемые с обложек и страниц популярнейших журналов мира, стали чем-то вроде продолжения фильма.

Во время съемок «Миневры» они снова жили в Риме. Автором сценария был на этот раз не Фредерик, хотя его фамилия попала в платежную ведомость, где он был обозначен как консультант. Эту уловку предприняли, чтобы уменьшить подоходный налог Аннабел, и Фредерик, конечно, никого не консультировал, зато обзавелся в Риме новыми друзьями.

Билли О'Брайен, последовавший за ними в Рим, тоже попытался подыскать себе на студии какую-нибудь работу. То он давал уроки постановки голоса студентам из Англии, изучавшим сценическое искусство, то преподавал английский язык актерам-итальянцам. Фредерик увлекся пресс-секретаршей Луиджи, миниатюрной итальянкой двадцати восьми лет по имени Франческа. Эта девушка, решив сделать карьеру, оставила семью и, уверенная в своих способностях, с нетерпением ждала возможности проявить себя. Случай представился, когда ей поручили Аннабел.

Фредерика пленял ее пыл неофитки, свойственный молодым итальянкам, которые, едва

вырвавшись из-под гнета условностей, снимали (слыханное ли дело?) отдельные квартиры, заводили любовников и самозабвенно работали за грошовое жалованье. У Франчески все это сочеталось со сдержанностью воспитанницы католического монастыря и настолько глубоко укоренившимся культом мужчины, что даже котам она отдавала предпочтение перед кошками. Пресс-секретарем она была отличным.

Без малейших колебаний Франческа решила, что не стоит рисковать местом ради того, чтобы стать любовницей Фредерика; к тому же она смекнула своим шустрым умишком, что, лишь отказавшись от Фредерика, сможет осуществить самый блистательный вариант рекламы. Она превратила Аннабел и Фредерика в образцовую супружескую пару, безупречно сдержанную при свете дня и упивающуюся страстью под сенью ночи. Франческа досконально изучила итальянские журналы, то есть отлично знала, что, не представляя себе иного рода деятельности — и в этом и заключалась их сила, — они еженедельно с восторгом выплескивают на головы читателей, ужасая праведников и грешников, целые ушаты сенсаций из взбаламученного ими потока жизни. На ярких глянцевитых страничках

воспевались страсти, достойные Гранд-Опера, столь же великолепные и столь же примитивные. Кинозвезда скрывает, что у нее есть ребенок (предпочтительно сын); оперная певица жалуется, что ее преследует жена тенора (заголовок: «Ассунта меня ревнует»); безотказно действует на публику развод кого-нибудь из членов королевской фамилии, а также трогательная история, где фигурирует материнская любовь, в особенности если в жертву приносится верный любовник. Черное злодейство, святая невинность — сложнейшие натуры, став мировыми знаменитостями, должны еще раз выступить в этих бесхитростных ролях.

Да, только страна, драматичная история которой взлелеяна на семи смертных грехах, способна с таким рвением посвятить себя этому расхожему виду искусства. Семь смертных грехов суть гордыня, сребролюбие, похоть, гнев, чревоугодие, зависть и лень. В то время, когда подготовлялся запуск Аннабел Кристофер на публику, и позднее не проходило недели, чтобы какой-нибудь из этих простых пороков не послужил основой очередной сенсации. Ибо, хотя праздничной процедуре запуска сопутствует оптимизм первого акта, она всегда таит в себе зачатки акта третьего,

неотвратимых, роковых разоблачений. О добродетелях же, как водится, вспоминают только шутки ради, и лишь одна из них находит спрос — умение прощать; страницы журналов усеяны сценами прощения, причем особенным успехом пользуются незлопамятные матери и жены.

Именно отсюда, с этих страниц, и следует начинать. Если публика клюнет, сенсация будет распространяться. Ее подхватят во Франции и в Германии. Потом приглушенным шепотом и в более изысканном изложении переправят дальше на запад. Напрасно думают, что сенсации начинают свой путь в Америке. Там они завершают его, порядком притомившись в дороге. А рождаются они, юные, наивные, бездумные, в Италии, на родине сенсаций.

Аннабел взяла старт удачно. Мир журналистики единогласно признал, что Франческа, пресс-секретарь Луиджи, изобрела блестящий новый способ запуска кинозвезды и фильма. Во Франческу словно бес вселился, она упивалась успехом, и потеря Фредерика еще больше ее разжигала; девушка была готова на любые жертвы, только бы не возвращаться домой к родителям. Устранившись сама, она все теснее связывала Аннабел и Фредерика. Она и его вывела на стра-

ницы журналов. Отобрав из всех работавших на Луиджи фотографов одного, наименее обремененного какими-либо идеями, она поручила ему фотографировать супругов Кристофер, следуя только ее указаниям. Так Фредерик попал не только в текст, но и на иллюстрации. Франческа устраивала все интервью с журналистами, наблюдала за работой фоторепортеров. Она всегда была тут как тут. Даже сама писала (наверное, глубокой ночью) некоторые статьи. Она поставляла информацию журналистам и так ловко сварганила для публики чету «Аннабел Кристофер с супругом», что Луиджи был в восхищении, которого, впрочем, старался не обнаруживать, чтобы Франческа о себе не возомнила.

Ничего этого Фредерик почти не замечал. Он был все так же очарован Франческой, а заодно пленился ее толстенькой сестрой, выполнявшей какую-то неведомую работу в конторе при киностудии, а также стройным белокурым братцем, который по целым дням околачивался в павильоне, ожидая, пока неугомонная Франческа не раздобудет ему роль в каком-нибудь фильме. На студии царила семейная атмосфера. Кроме Франчески, там работало много других, формально расставшихся с семьями молодых итальянок,

и ни одной из них не приходило в голову, что, обретя хваленую независимость, не следовало бы тащить за собой в новую жизнь кузенов, братьев и сестриц и подыскивать для них местечки.

В то время Фредерик еще не осознал, до какой степени он благодаря стараниям Франчески оказался связанным в глазах публики со своей женой. Его не смущало, что его фотографируют вместе с Аннабел и что они вдвоем дают интервью. В конце концов, он ведь тоже актер. Выдумки журналистов его смешили, он считал их ребяческими и потому безвредными, допуская тем самым логическую ошибку.

Иногда он бродил по пустым павильонам, расположенным на обширной территории, принадлежавшей студии в окрестностях Рима. Фредерик никогда не снимался в кино, и многое здесь казалось ему непривычным. Проходя однажды мимо стеклянной двери, он увидел поэта, с которым встречался в гостях. Поэт, высокий плотный мужчина со светлыми волосами и отрешенным взглядом, читал какую-то бумагу. Вокруг сидели люди, похожие на помощников продюсера. За конторкой робко пристроилась какая-то девица. Губы поэта беззвучно шевелились, потом он что-то сказал, чего Фредерик не услышал из-за

плотно прикрытой двери. Слушатели разом заговорили, но поэт все с тем же отрешенным видом поднял хрупкую алебастровую пепельницу и с размаху швырнул ее на пол.

Все кинулись его успокаивать, замахали руками. Фредерик пошел дальше.

В другой раз ему случилось пройти через комнату, где было двое мужчин: один небрежно развалился на диване, второй стоял рядом и в бешенстве орал. К тому времени Фредерик уже достаточно знал итальянский, чтобы понять его вопли.

— Вы несерьезны! У нас серьезно относятся к делу. А вы только чай распиваете... маленькими чашечками по целым дням. По целым дням чай...

Ни тот, ни другой не обратили на Фредерика ни малейшего внимания. Тот, что сидел на диване, позевывая, вытянул ногу и положил ее на стул; истерик продолжал орать:

— По целым дням чай!

Уже находясь в дверях, Фредерик услышал, как сидевший на диване сказал:

— Я же не англичанин. Я филиппинец.

Калейдоскоп впечатлений и встречи с Франческой под неумолчный итальянский галдеж

вызывали у Фредерика приступы радостного возбуждения. Через несколько часов внезапно, как похмелье, накатывала хандра. Он брюзгливо заявлял Аннабел, что итальянская кинематография — форменный сумасшедший дом. И если он немедленно отсюда не уедет, то и сам станет психом. Жена обычно отвечала, что он ей надоел.

Но тут появлялась Франческа: либо просто поболтать, либо условиться насчет интервью, либо (в сопровождении фотографа) сделать новое фото: Аннабел нежится в постели в ночной рубашке, с плеча соскользнула бретелька, растрепанные волосы падают на лицо. Франческа собственноручно расстилала постель. Фредерика она усаживала на край кровати; облаченный в домашний халат, он покуривал, сыто улыбаясь. На следующий раз Франческа устраивала сцену чаепития: низенький столик, ажурный поднос, в окно врываются потоки солнечного света. Фредерик вдумчиво помешивает в чашке, Аннабел ласково и грациозно, ко без улыбки берет за ручку серебряный чайник.

— Вашу жизнь нужно показывать всесторонне, — на всякий случай внушала Франческа.

Аннабел всегда отлично знала, в каком виде ее преподносят публике. Нынешний вариант не

представлялся ей долговечным. Став признанной звездой, она не собиралась всю жизнь исполнять роль дрессированной тигрицы.

Дважды Фредерик в сопровождении Билли О'Брайена дня на два исчезал из Рима. Оба раза Франческа волновалась больше, чем Аннабел, которая была занята работой и почти не заметила отсутствия мужа.

Постепенно Фредерику становилось ясно, что ему не удастся переспать ни с Франческой, ни с кем-либо из ее родственников, которые будто по ее приказу каждый раз уклонялись от определенного ответа и переводили разговор на Аннабел.

А он тем временем все основательнее и глубже входил в роль, воплощая на подмостках жизни условный тип, в существование которого многие верят: человека образованного и тонкого, но холодного; спортсмена, аристократа, надежного и положительного представителя рода людского, супруга Аннабел Кристофер. Сама же Аннабел, как утверждала молва, ему ни в чем, и даже в сдержанности, не уступала, но было известно, что в душе и в «сфере интимных отношений» она тигрица. Впрочем, определить, это можно было только по глазам: Аннабел обманула бы ожидания публики, если бы вздумала публично

обнаружить свою тигриную натуру. Не прошло и месяца, как в Италии и за ее пределами все ясно поняли, усвоили, обсудили обиняком и запомнили раз и навсегда, что исполнявшая роль пылкой гувернантки новая кинозвезда Аннабел Кристофер в интимных, недоступных посторонним взорам отношениях, и прежде всего в постели, что называется, дает жизни. Внешне сдержанная и будничная, она воплощала собой теперь в глазах мужчин идеал жены. На нее смотрели с вожделением и в то же время поклонялись ей. А читатели более искушенные ограничивались тем, что вспоминали итальянскую пословицу: «может, это и неправда, но хорошо придумано».

Что до Фредерика, то, судя по намекам журналистов, он олицетворял собой типичного британца, которые, как вдруг выяснилось, скрывают бешеный темперамент под личиной внешней холодности. Авторы всех статей, где шла речь об этой образцовой паре, недвусмысленно давали понять, что сами-то британцы давно уже это знают, хотя и помалкивали до поры до времени. Дошло до того, что этому поверили даже некоторые англичане: иные замужние дамы принялись такое вытворять в постелях, чего никак нельзя было совместить ни с их возрастом, ни с данными

и возможностями, ни с умеренными притязаниями мужей.

«Миневра прибывает на платформу 10» была отснята, вышла на экраны и снискала должный успех. Фотографии пылкой Аннабел замелькали в элегантных английских журналах; телекамеры показывали ее на скачках: в простой широкополой шляпке и в пальто для прогулок она внимательно следит за лошадьми, в то время как Фредерик, повернувшись к жене спиной, скучливо беседует с другим столь же флегматичным образчиком все той же загадочной и лицемерной разновидности мужчин. Намек, брошенный Франческой, пал на благодатную почву. Как-то Фредерик, давая интервью, сказал:

— Что ж, мы двенадцать лет женаты и ладим; этого достаточно.

Зрители, уже посмотревшие и еще не успевшие посмотреть третий фильм Аннабел — «Леди Тигрица», восприняли этот ответ как типично британскую недомолвку.

Светская хроника сообщала, что Фредерик исполняет главную мужскую роль в новом фильме Аннабел.

Он решил ее бросить.

Они отправились в Голливуд. Фредерику нуж-

но было пройти пробу. В самолете, дружелюбно беседуя с женой, он окончательно решил от нее уйти.

После великого множества всевозможных проб Фредерик не получил роли. Он ведь и в самом деле не актер кино, сказала Аннабел. Продюсер, движимый не только боязнью развеять иллюзии публики, но и врожденным миролюбием, уверял Фредерика, что он слишком хороший актер для того, чтобы сниматься в кино.

Впрочем, он вполне бы мог сыграть эту роль, если бы его не будоражила мысль о разводе.

Он так твердо решил, что пора покончить с этим браком, а вместе с ним стереть с лица земли выдуманную для публики чету супругов Кристофер, что не видел смысла спешить именно сейчас, когда его поступок могли приписать обиде, вызванной неудачей на студии. Он успокоился на том, что каждодневно решал развестись с женой и каждодневно откладывал развод до тех пор, пока они не уедут из этого рассадника сплетен.

И он снова шатался по студии, поджидая Аннабел, а когда она снималась, неизменно сидел в павильоне. Аннабел решила, что он жить без нее не может.

Роль любовника героини отдали известному

киноактеру. Аннабел окончательно вступила в мир, где распределялись премии Оскара и призы кинофестивалей; и, хотя она еще не получила ни одной из этих наград, все считали, что это дело времени.

В обществе она показывалась только с Фредериком, причем всегда носила изящные, но строгие вечерние платья с ниткой жемчуга. Этот ее жемчуг тоже стал знаменитым, хотя в нем не было ничего особенного.

Но тут Фредерика начало выдавать угнетенное выражение лица. Он много времени проводил с женой режиссера, элегантной женщиной из Южной Каролины. В наружности и в натуре этой дамы было куда больше тигриного и аристократического, чем в малышке Аннабел. Руководство кинокомпании обеспокоилось, как бы разрыв прославленной четы не случился раньше выпуска фильма, и решило без обиняков переговорить с Аннабел. «В таких делах нужно улучить подходящий момент», — отечески внушал ей посланец кинокомпании с убежденностью человека, понаторевшего в выборе удобных моментов для развода кинозвезд.

Но тут наконец бурное мифотворчество, объектом которого она являлась, перепугало Аннабел,

и она в ужасе кинулась к мужу. Они снова начали спать вместе, чего по взаимной договоренности не делали уже несколько месяцев из-за нервного истощения.

— Я ему ответила, — рассказывала Аннабел, — что если бы мы хотели, то развелись бы.

— И правильно, черт побери, — сказал Фредерик. — Если их сейчас не поставить на место, они на голову сядут.

Вскоре прошел слух, что ради сохранения семьи Аннабел решила завести ребенка. Фредерика бесило, что это решение приписывали только ей одной. Он дважды закатил жене скандал при посторонних. Ее реакция снова его взбесила. Порядочная жена стала бы успокаивать мужа, а не тревожиться о том, что скажут люди.

— Тебя одно только занимает: как ты выглядишь в глазах публики, — заявил он.

— Ничего подобного. Я думаю о ребенке, — ответила Аннабел, — мне нельзя сейчас волноваться.

— А ребенок, — подхватил он, — ребенок ведь тоже для публики.

— Далась тебе эта публика, — сказала она. — Публике меня подают в наилучшем виде: верная жена, не шлюха какая-нибудь.

Благожелательный администратор киносту-

дии как-то сказал Аннабел:

— Вашему мужу нужна помощь.

— Какая? — спросила она.

— Ему следует побывать у психиатра.

— Скажите ему об этом сами. Ему, а не мне. И поглядите, что получится.

Опасаясь новой сцены, она не рассказала мужу об этом разговоре. Он на время притих, довольный тем, что по-прежнему остается идолом молодежи. На студии молодых людей было хоть пруд пруди: дети киношников и их приятели, которые расхватали все мелкие должности вплоть до подсобных рабочих.

Панический порыв, толкнувший Аннабел в объятия мужа, продолжался недолго. Она еще не успела располнеть, как съемки закончились. Степенное возвращение супругов в Англию на старенькой «Королеве Марии» напоминало пробуждение после похмелья.

Ко времени рождения младенца шум вокруг супругов Кристофер поутих; это означало, что желаемый образ закреплен в сознании публики. Ради ребенка они решили не разводиться. Втайне Фредерик задумал бросить Аннабел спустя несколько месяцев, когда она отправится в Италию на съемки очередного фильма. В

ожидании этих событий он написал сценарий для английской кинокомпании; фильм казался подходящим для Аннабел, однако играть в нем предложили другой актрисе; Фредерик подозревал, хотя и не мог бы этого доказать, что Аннабел сама отвергла роль.

Билли О'Брайен то куда-то исчезал, то вновь напоминал им о своем существовании, главным образом для того, чтобы взять взаймы.

Аннабел, уже и теперь очень богатая, возражала против этих займов. Из всех расходов мужа ее сердил только этот. Фредерик говорил, что одалживает Билли свои собственные деньги и что если уж она решила швыряться такими старыми друзьями, как Билли О'Брайен, так пусть заодно даст отставку и мужу.

Аннабел нашла в Риме работу для Билли. Ему предложили преподавать постановку голоса студентам-англичанам в духовной католической семинарии. Дело в том, что в Италию она собиралась с ребенком и, не желая пока что-либо менять в своем столь широко известном публике семейном статусе, решила, что Фредерик должен сопровождать ее.

Глядя, как жена кормит младенца грудью, Фредерик как-то сказал: «А он здорово тебе подыг-

рывает». Но вернее было бы сказать наоборот: роль, которую по воле рекламы Аннабел разыгрывала в жизни, служила интересам ребенка. Аннабел была без ума от своего сынишки и твердо решила хоть на ближайшие несколько лет удержать в семье его отца, ведь развод повлек бы за собой необходимость искать нового мужа и новый тип фильмов, заново строить семейный уклад, и все это исказило бы благосклонно принятый публикой образ; подобрать же новый будет трудно, а может быть, вовсе не удастся. Только не сейчас, твердила она себе, только не сейчас.

Она добилась, что итальянские киностудии заключили с Фредериком договор на сценарии. После этого она уговорила его перебраться в Италию и пожить там вместе с ней года три, пока она будет сниматься У Луиджи.

Фредерик спросил:

— Ты что, влюбилась в этого Ву?

— Зачем ты зовешь его Ву? — ответила она. — Его так называют только эти мерзкие люди, которые его обхаживают, чтобы приткнуть на студию своих детей или нажиться на поставках оборудования, вроде этого противного коротышки Алессандро, того, что втридорога всучил Луиджи пластик для Хэмптон-Корта, когда я ис-

полняла сцену примирения в «Миневре»... Нет, я не влюблена в Луиджи.

— Тогда не все ли тебе равно, как я его называю.

— Я и тебя не позволяю называть при мне Фредом или Фредди, стоит ли об этом говорить?

— Не стоит, так не говори.

Кристоферов встретили в Италии с распростертыми объятиями; Луиджи Леопарди готовился снять Аннабел в своем новом фильме; другие режиссеры устремились к Фредерику, который при своей начитанности мастерил сценарии вполне на уровне и брал за них недорого, хотя, откровенно говоря, они чем-то смахивали на конспекты. Он обрел утешение в объятиях молодой итальянки по имени Марина, красивой, очень неглупой девушки, приехавшей из провинции. Ее двухкомнатную квартиру в новом доме на окраине Рима Фредерик посещал часто и всегда тайком. Марина признавала важность брачных уз вообще и уз, связывающих Фредерика Кристофера в особенности, и довольствовалась тайными встречами.

Стараниями Франчески супругов Кристофер непрестанно фотографировали во время прогулок по Риму. То они облокачивались на монумент,

то флиртовали у фонтана, то маячили вдали под мрачной аркой на Виа Джулия или на живописном рынке в Кампо-дей-Фиори или совершали променад в густой толпе, запрудившей в субботу Виа Коронари. Наслаждаясь весенним воздухом, они обедали в скверах на Трастевере или на пиацца Навона. Они посещали церкви, могилы апостолов и великомучеников; удивительную чету, познавшую секрет счастливого супружества, фотографы запечатлели и на лестнице площади Испании.

Аннабел по собственной инициативе нашла квартиру и занялась ее меблировкой; Франческа ликовала. А пока они жили в гостинице в большом многокомнатном номере.

Прославленную звезду экрана фотографировали в магазинах, где она покупала ткань для портьер и стиральную машину. Эти английские тигрицы умеют привязать к себе мужей, твердил глас молвы, вот почему англичане не бегают по проституткам и не заводят любовниц. Под непрерывное щелканье фотоаппаратов Фредерик, одетый в безупречный утренний костюм, и окутанная черными кружевами Аннабел отправились на прием к папе и спустя полчаса были опять же сфотографированы при выходе из врат

Ватикана.

Аннабел объявила Луиджи, что откажется от услуг его пресс-секретарши, если та вздумает вовлечь ребенка в сферу своей бурной деятельности. Поэтому к ребенку фотографы не подходили и близко, разве что случайно сталкивались с коляской в садах виллы Боргезе. Несколько обворожительных снимков малютки Карла были переданы представителям прессы через Франческу. Снимки сделала сама Аннабел.

Она не была влюблена в Луиджи Леопарди, но считала его надежным человеком. Леопарди не подшучивал над несходством реальной Аннабел и той, которую изобрела реклама; он даже не признавал, что такое несходство существует. Он говорил:

— Индивидуальность создается из впечатлений окружающих людей. Мы всю жизнь стараемся произвести то или иное впечатление. Натуральны только животные.

Он объяснил ей, что индивидуальность отличается от натуры человека, хотя и натура с течением лет может измениться под влиянием условий.

— Быть такой, какой тебя считают люди, — это вовсе не притворство, — говорил он. — Да и что они считают? Что ты двенадцать лет замужем?

Но ведь так оно и есть.

— Но я не Леди Тигрица, — заметила она.

— Правда? Поживи немного со мной, и все это придет.

— Не думаю.

— Перед тем как я сделал из тебя Леди Тигрицу, ты не только не была тигрицей в спальне, но и в гостиной не напоминала леди. А сейчас ты постепенно делаешься такой, какой я тебя задумал.

Тут, округлив свои дымчатые глаза, так лучезарно сверкавшие на экране, она радостно брякнула:

— Постой, ведь это, кажется, идея Пигмалиона?

Последнее слово она произнесла упавшим голосом, вдруг вспомнив, как взъярился Фредерик, когда она сказала, что его сценарий напоминает «Поворот винта».

С места в карьер Луиджи принялся разубеждать ее и доказал «черным по белому» (это уж она, рассказывая мужу о своем промахе, сморозила нарочно, чтобы дать ему повод прицепиться к ней и отвести душу), «черным по белому» доказал ей, что у него не может быть идей, которые не являлись бы целиком и полностью оригинальными. Буря миновала. Аннабел дала согласие сниматься в новом фильме Луиджи, что она, впрочем, и так

собиралась сделать, но в течение нескольких месяцев откладывала ответ. Она добавила, что жить с ним не будет, так как слишком устала. Потом позвонила в отель, чтобы узнать о ребенке у временно приглядывавшей за ним няньки. Где бы Аннабел ни находилась, она каждые три часа звонила и справлялась о ребенке.

В ее жизни только он, ее сынишка Карл, был реальным. Благодаря ему мир снова обрел устойчивость, как во времена ее детства. Аннабел так сильно любила ребенка, что ей не хотелось сюсюкать и ворковать с ним, как делала нянька или приходившие со студии секретарши. С каким-то мистическим ужасом она ограждала его от репортеров; ей казалось, что наполнявшее ее глубокое и радостное чувство вдруг как-то изменится или вовсе уйдет, если за ребенка примется реклама.

Луиджи сказал, что, если она так устала, он готов предоставить ей свое ложе только для отдыха. Но Аннабел вскоре ушла, объяснив, что ей нужно к ребенку. Для итальянцев ребенок всегда уважительная причина, они беспрекословно признают его права, сколько бы нянюшек за ним ни смотрело. Аннабел подумала, что, может быть, поэтому она и привезла его в Италию; детей,

бывает, прячут даже в зарослях тростника *{21}.

Она по-прежнему осталась щупленькой, но лицо ее переменилось: словно, позируя фотографам, она и впрямь стала такой, какой знала ее публика. Она казалась светской и надменной. Прежняя торопливая усмешечка сменилась сдержанной, спокойной улыбкой; теперь Аннабел оживлялась только перед объективом, когда нужно было изображать Тигрицу.

Луиджи разузнал для нее одну вещь, которую ей хотелось выяснить. С кем у Фредерика роман в Риме? Оказалось, что это девушка с окраины, совсем бедная, молоденькая машинистка по имени Марина, очень хорошенькая. Фредерик благоразумно старался не попадаться на глаза ее соседям, носил обычно черные очки и являлся к ней поздно, когда в доме почти все спали. Аннабел это успокоило, она опасалась, как бы он не закрутил с какой-нибудь знаменитостью: принцессой или оперной певицей, которой ничего не стоило бы так развенчать легенду об их счастливом браке, что публика лишь ахнет. Что легенде этой в один прекрасный день придет конец, она, конечно, знала, точно так же как знала, что в один пре-

---

{21} notes: 21

По библейскому преданию, мать спасла младенца Моисея, спрятав его в зарослях тростника.

красный день станет любовницей Луиджи. Но до развода необходимо было сняться еще в одном «тигрином» фильме, а потом, быть может, что-то переменится само собой или в ее семейной жизни, или в сознании публики. Она не представляла себе, как это Фредерик вдруг перестанет быть ее мужем, но в то же время не представляла и того, как можно продолжать жить вместе так, как они жили сейчас, когда связывает не любовь, а только зависимость. Спокойно улыбаясь нескольким узнавшим ее прохожим, она села в машину, уверенная и безмятежная. В ее жизни не существовало трудностей.

В ее жизни не существовало трудностей, и потому все ее знакомые считали, что она очень умело и решительно с ними справляется. У Аннабел была старшая сестра, которая вышла замуж за дельца из Канады. Мать умерла. Отец женился на другой. Старых друзей почти не осталось; ее успех отдалил их от нее, и при встречах они испытывали неловкость, словно очень давно не виделись. Но со временем даже ее старые друзья, люди, далекие от мира кино, стали утверждать, что Аннабел и раньше отличалась редкостными деловыми способностями, что и раньше она умела мужественно встретить трудности и с честью их

преодолеть. Даже старым друзьям она теперь казалась волевой, энергичной женщиной с душой тигрицы. Она не знала, правы они или ошибаются, так как не знала, что такое трудность. «Может быть, я и вправду деловая женщина», — подумала она, когда без посторонней помощи сняла квартиру. Она говорила по-итальянски с ошибками, но бегло, помогая себе жестами, в точности так, как если бы исполняла роль итальянки. Тараторя итальянские слова и размахивая на местный манер руками, она, казалось, научилась и думать на тот же манер. Во всяком случае, ей удалось по сходной цене снять квартиру и нанять адвоката, тоже не так уж дорого, что, по ее мнению, было великим подвигом для женщины, и к тому же иностранки, и к тому же еще знаменитой.

До недавнего времени, когда ей что-нибудь было нужно, она рассчитывала на помощь мужа и его приятелей, которые всегда брали на себя переговоры о практических делах. Но с некоторых пор почти во всех подобных случаях Аннабел стала прибегать к услугам наемных помощников. Это было неизбежно: подхваченная волной известности, она все больше отдалялась от своего окружения. Пришлось приспосабливаться.

Отвечая однажды на вопрос корреспондентки

женского журнала, что такое успех, она сказала:

— Это когда друзья, возвращаясь из поездки, уже не привозят тебе шелковых шарфов.

— Вот как? Отчего же?

Карандаш журналистки хищно, как клюв, нацелился на блокнот, пристроенный на ручке кресла.

Сообразив, что она каким-то чудом изрекла нечто значительное, Аннабел залопотала:

— Да, наверное, оттого, что они никогда не знают моего адреса, я ведь вечно в разъездах, то в Голливуде, то где-то еще.

— О, понимаю. Значит, когда вы поселитесь в определенном месте, ваши друзья снова начнут дарить вам шелковые шарфы? Вам нравятся шарфы яркой расцветки?.. Может быть, вы их коллекционируете?.. Дарите вы шарфы?.. Вон те, что висят там, вы носите охотнее всего?.. Ваш муж носит шелковые шарфы?..

Билли О'Брайен сдружился в Риме с особого рода компанией: такие можно встретить в любой части света — их составляют люди разных национальностей, имеющие по две, а то и больше взаимосвязанные и взаимозаменяемые артистические профессии. Там были юные и пожилые актеры-художники, художники-архитекторы,

архитекторы-писатели, писатели-гитаристы и другие, еще более замысловатые порождения римской богемы. Откровенные бездарности встречаются среди них редко: этим многогранным деятелям часто не хватает для успеха только веры в себя, надежды, целеустремленности и... удачи или уменья подстеречь удачу и ею воспользоваться. Но коль скоро всего этого-то им как раз и недоставало, они попусту растрачивали в Риме свой богом данный талант. Случайное стихотворение, заказ картинной галереи, роль в кинофильме лишь слегка разнообразили жизнь вольного художника, который, просидев с вечера шесть часов в кафе, наутро помогает приятелю сбежать с квартиры, не расплатившись с хозяином; затем отправляется за чужой счет в Париж; гостит на вилле итальянской графини; в течение недели исполняет обязанности гида и телохранителя при маменьке и дочке, явившихся в Рим с Род-Айленда (Соединенные Штаты Америки); записывает на магнитофонную пленку интервью; монтирует картину (на фоне бархата — крышечки от бутылок из-под минеральной воды); реставрирует старинную мебель. В этом кружке были критики всех специальностей и всех национальностей; переводчики: молодые американцы,

пополнявшие в Риме свое образование; четыре итальянские дамы средних лет, эмансипированные до предела и даже сверх такового, на которых родственники и друзья-итальянцы взирали с гадливым благоговением; был там и некто Гиго, эскимос, чьи занятия этим ограничивались.

Аннабел удостоила эту компанию своим знакомством, точнее, однажды пробыла в ней полчаса, когда вскоре после переезда в Рим Фредерик затащил ее как-то вечером на квартиру к Билли О'Брайену. Эта тесная квартирка, помещавшаяся в узком переулке старого квартала, чуть не трещала по швам от обилия гостей. Соседи орали из своих окон, требуя тишины; потом одно за другим начали открываться окна напротив, высунулись головы. Кто-то крикнул, узнав Аннабел:

— Здорово, Тигра!

Тогда она сказала, что ей пора домой, к ребенку, и бросилась вон; стремительно сбежала по узкой черной лестнице, потом помчалась по каким-то темным переулкам, пока не выбежала на большую улицу, где ей попалось такси. Фредерик после этого не являлся домой две ночи.

Зато Билли О'Брайен нагрянул к ней уже на следующий день и сердито осведомился о причине ее ухода. Продюсеры и импресарио, а также

многие из ее новых друзей — знаменитых актеров не раз ее предостерегали против подобных сборищ, где о ней распустят сплетни и очернят ее в глазах публики.

Аннабел догадывалась, что Фредерик нарочно заманил ее туда, чтобы посмотреть, как она будет себя вести. Вот почему, уклонившись от подробных объяснений, она сказала:

— Я спешила к ребенку.

Причина ничуть не хуже остальных.

Билли спросил:

— Зачем ты тогда приходила?

— Ну, мы ведь только заглянули на минутку, — ответила она. — Я не знала, что у тебя вечеринка.

Она ненавидела Билли, но не решалась с ним ссориться. Сейчас он знал об ее муже больше, чем она.

III

И вот Фредерик снова исчез; он не показывался уже пять суток. С вечера пойдут шестые. Аннабел уехала из отеля, оставив мужу записку. Впрочем, он и без того знал, что весь конец недели она пробудет на новой квартире одна с ребенком. Была пятница, позднее утро. Лучи весеннего солнца играли на паркете. Б*о*льшую часть мебели еще не привезли. Няня-англичанка и горничная из Сардинии должны приехать только в понедельник.

Зашли соседки, спросили, не надо ли чего, и удалились, обнадежив обещанием помогать в хозяйственных делах и устрашив намерением торчать в квартире с утра и до вечера каждый день. Квартира, которую снимала Аннабел, находилась на втором этаже палаццо, выстроенного в шестнадцатом веке. Состав жильцов был пестрый: очень богатые люди, довольно богатые, очень бедные, довольно бедные. Давнишние обитатели дома, люди малообеспеченные, целыми кланами осели в своих жилищах, где годами не менялось ничего, включая квартирную плату; в последнее время появились новые жильцы: очкастые адвокаты и американцы, благоустроив-

шие хоромы шестнадцатого века центральным отоплением и установками для кондиционирования воздуха. Из комнат Аннабел открывался широкий и величественный вид. Пока еще не обо всем, что она видела из своих окон, Аннабел знала, что это такое и к какому веку относится, но часто повторяла: «Я чувствую атмосферу». Купол собора святого Петра и замок святого Ангела она, конечно, знала назубок. Но даже путеводитель, который, по ее мнению, не совсем передавал дух обстановки, не указывал всех башен, фонтанов, церквей, колонн и дворцов, которые виднелись по ту сторону площади или проглядывали сквозь узкие щели между домами в том запутанном, как сама история, лабиринте старинных переулков, что оказывался перед ее глазами, когда она выходила на боковые балкончики.

Пустые, необставленные комнаты. Прямо на полу на подушке спит малыш.

Билли О'Брайен проник в квартиру, как сквозняк. Очевидно, Фредерик дал ему свой ключ. Как ни расстроило Аннабел его внезапное вторжение, ей очень уж хотелось разузнать что-нибудь о муже. Она взглянула на ребенка. Тот спал. Она сказала:

— Ты разбудишь Карла. Пойдем на кухню.

Кухня была обставлена почти полностью.

Билли с грохотом затопал вслед за Аннабел, всем своим видом показывая, что разбудить ребенка — его законное право, да и вообще хозяин тут он, а не она. Он сказал:

— Мне хочется яичницы с беконом. У тебя есть бекон и яйца?

Она чуть было не предложила ему позвонить в ресторан, но сдержалась, надеясь выведать что-нибудь о Фредерике.

На одном из кухонных столиков лежал сценарий, ее новый сценарий. Билли взял его и, стоя у холодильника, стал читать, пока она жарила ему яичницу. Аннабел кипела от негодования. Она сказала:

— Я готовила роль, учила реплики.

Он громко расхохотался и не объяснил, что его рассмешило; его желтоватые глаза опять забегали по строчкам, веснушчатые руки перелистывали страницы.

— Где Фредерик? — спросила Аннабел.

— «Лестница», — проговорил он. — Так называется твой новый фильм?

— Нет, — ответила она. — Это условное название.

Аннабел положила на стол прибор; купленные

при переезде новенькие ножи и вилки ослепительно сверкали; Билли уселся, а сценарий положил перед собой. Она сказала:

— До выхода фильма все это держится в секрете.

Он снова засмеялся и сказал:

— Так что же вы спрашивали насчет Фредерика, мадам?

Она промолчала. Положила на тарелку яичницу из двух яиц с четырьмя ломтиками бекона и поставила ее перед Билли. Потом плюхнула на стол буханку хлеба и подтолкнула к нему. И лишь тогда сказала:

— Мне от тебя тошно.

— Почему? — спросил он.

Тут засмеялась она.

Билли положил на сценарий вымазанный салом нож. Аннабел быстро схватила рукопись и увидела жирное пятно на странице.

— Смотри, что ты наделал.

— А тебе не все равно?

Пятно и в самом деле не мешало ей готовить роль, но Аннабел бесило, что он выпачкал ее сценарий.

Билли жадно уплетал яичницу. Следя за ним с рассеянной неприязнью, она ждала, когда же

наконец он скажет что-нибудь о Фредерике. Ее злило, что лишь этот человек что-то может рассказать о нем, в то время как весь свет считает, что у нее обаятельный муж, который трудится по целым дням, а вечерами возит ее на блестящие рауты или в оперу, а вернувшись оттуда, в нетерпении спешит в постель к своей пленительной Тигрице.

Билли отрезал еще кусок хлеба и собрал с тарелки жир.

— Я не наелся, — сообщил он.

Аннабел не поняла, что он хочет этим сказать, хотя смутно заметила, что ел он с жадностью. Она достала из бумажного пакета фрукты. Он съел банан, принялся за другой. Прикончив и этот, сказал:

— Что, если Фредерик к тебе вовсе не вернется?

Именно этого она всегда боялась. Боялась, что он не вернется, и боялась, что вернется. Как хорошо ей было сидеть одной в пустой квартире, где на залитом послеполуденным солнцем паркете спит ребенок, а делать ничего не нужно, только ждать, когда привезут мебель, кормить ребенка, менять ему пеленки, купать его, опять кормить, готовить роль и спать, спать. Если бы не обстоя-

тельства, да не расходившиеся нервы, да не надо было думать о публике и о фильме, то Фредерик ей и не нужен.

Она сказала громко и твердо, отвечая одновременно и Билли и себе.

— Если он хочет уйти, плакать не стану. Но мне нужно знать, как обстоят дела.

— А что ты скажешь, — спросил Билли, приготовив себе внушительного вида сандвич с яблоком и разом отхватив от него чуть не половину, — что ты скажешь, если он выбросится из окна?

— Что?

— Покончит с собой. Я говорю к примеру. Может же он выброситься из окна?

— Он что-нибудь такое говорил тебе?

— Да.

Аннабел и сама нередко слышала от мужа подобные угрозы. Она забывала о них тотчас же раз и навсегда, как забывают страшный сон, если удалось сразу проснуться и выбросить его из головы. Теперь ей вспомнилось, как Фредерик говорил ей:

— Я ведь могу броситься в окошко, и всей этой волынке конец.

Она ничего ему не отвечала. От его слов ее охватывала жуть, но потом она их забывала.

— Мало ли что он болтает, — сказала она. — Те, кто так говорит, никогда этого не делают.

— Вот как? — отозвался Билли.

— Ты видел Фредерика? Что он тебе говорил? Где он сейчас?

— Он велел передать тебе, что вернется сегодня часов в семь. От шести до семи. Что-нибудь в этом роде.

Она дала ему денег, и он протопал к выходу по длинной пустой гостиной. Ребенок проснулся и, лежа на полу, следил глазами за ножищами Билли. В коридоре Аннабел спросила:

— У тебя есть ключ от нашей квартиры?

— Да, — ответил он. — Фредерик одолжил мне свой, на случай если тебя не окажется дома. Мне хотелось есть.

— Я сразу поняла, что у тебя его ключ. Отчего же Фредерик не дал тебе денег?

— У него с собой не было.

Когда Билли вышел, она наложила цепочку и заперла дверь на засов.

Потом быстро вымыла тарелки, чтобы уничтожить следы его присутствия.

Она наполнила водой ванночку и выкупала малыша, молча, не отвечая на его агуканье. Сварила яйцо в мешочек и половину дала ребенку.

Потом приготовила бутылочку молочной смеси и, усевшись в кухне с мальчуганом на руках, стала не торопясь его кормить. Малыш был в превосходном настроении и, опорожнив на две трети бутылочку, утратил к ней интерес. Тогда она снова уложила его на подушку и, пододвинув кресло, стала смотреть, как он изумленно таращится на ленточку распашонки, которую ухитрился ухватить большим и указательным пальчиками. Удержать ленточку ему не удалось, она выскользнула, он скосил на нее глазенки, потом веки опустились, и он уснул. Было половина седьмого.

В течение получаса она читала сценарий, потом прозвенел звонок. Не сомневаясь, что это наконец Фредерик, она откинула с лица волосы, которые согласно моде падали прямыми космами на ее плечи, и пошла отворять. На площадке стояли трое, нет, четверо; еще несколько человек подымалось по лестнице.

Судя по виду, они были из той компании, с которой она как-то встретилась на квартире у Билли, или, во всяком случае, из какой-то подобной. Аннабел вопросительно смотрела на нежданных гостей.

— Здесь, что ли, вечеринка? — спросила одна

девушка.

Стоявшая за ней седая тощая женщина, одетая в длинное, плотно облегающее черное платье, ответила по-итальянски:

— Ну, конечно, здесь, разве вы не узнаете малютку Тигрицу?

На каменной лестнице гулко раздавались шаги: еще несколько человек поднималось снизу.

— Вы не туда попали, — объяснила Аннабел столпившимся возле дверей людям, которые уже собирались войти. — Вам, наверно, к Кэтнерам?

Кэтнеры были американцы, занимавшие квартиру на верхнем этаже, куда надо было подняться на лифте, находившемся в противоположной части здания. Аннабел их почти не знала, но слышала от соседей, что у них часто бывают гости. Удивившись, как это они познакомились с той же компанией, Аннабел замахала рукой в сторону лифта и, стараясь перекричать гул голосов, стала объяснять, что к Кэтнерам нужно подняться наверх.

Однако нет, гости пришли совсем не к Кэтнерам. Они пришли к ней.

— Фредерик сказал нам: в семь часов. Новоселье... Право же, синьора, ваш супруг нам так сказал... разве его нет дома?

— А, — сказала Аннабел. — Входите же, входите.

Она отступила в сторону, и в прихожую ввалилось человек пятнадцать. А с лестницы доносились новые голоса и шаги. Аннабел сказала, обращаясь к даме в черном:

— Муж, наверное, решил устроить мне сюрприз. Боюсь, что в доме ничего не найдется, нам ведь и мебель-то еще не привезли, только самое необходимое для меня и ребенка.

Гости снимали пальто и пуловеры и сваливали их в углу прихожей. Приняв рассеянно-непринужденный вид, Аннабел собралась было захлопнуть дверь, но женщина в черном сказала:

— Нет, постойте... Сейчас подойдут остальные... Там в машине у нас спиртное — они все принесут.

Увидев, что кое-кто из пришедших снял пальто и направляется к распахнутым дверям гостиной, Аннабел метнулась им наперерез:

— Тише, прошу вас... не разбудите ребенка. Он уснул.

На улице уже смеркалось. Аннабел включила настольную лампу.

Малыш проснулся, но не испугался. Он взглянул на мать, курлыкнул и уставился на расписной

потолок, где парили голубые, розовые, золотые колесницы, лошади, ангелы. Некоторые из гостей окружили подушку и шумно выражали свой восторг: наклонялись, чтобы рассмотреть его получше, спрашивали, сколько ему месяцев, как зовут. Остальные, ожидая, когда начнется веселье, замерли как истуканы у окна, а часть разбрелась по квартире. Подняв с пола запеленатого ребенка и подушку, Аннабел отправилась в боковую спаленку, где временно устроила себе ночлег, и по дороге слышала, как колют лед на кухне, а в прихожей звучат все новые и новые голоса.

Гости чувствовали себя как дома.

В коридоре Аннабел увидела молодого эскимоса, который был на вечеринке в квартире Билли, потом заметила еще несколько знакомых лиц. Было ясно: компания та же.

Уложив ребенка, она обошла все комнаты, чтобы взглянуть, не появился ли Фредерик.

— Вы не видели моего мужа? — спросила она одного из гостей. — Он вот-вот должен прийти. Его, наверное, задержали.

Мужчина улыбнулся, пожал плечами и ничего не ответил; улыбка, словно приклеенная, застыла у него на лице Решив, что он не понимает по-ан-

глийски, Аннабел повторила по-итальянски тот же вопрос, изо всех сил стараясь, чтобы он не звучал как вопрос. Нельзя показывать этим людям, что она не знает, где Фредерик; нельзя показывать им, что его прихода она ждет с тревогой. Мужчина продолжал улыбаться; он улыбался только ртом, и Аннабел увидела, как рука его тянется к губам, чтобы расслабить мускулы лица, стереть эту улыбку. Видно было, что он не вполне вменяем. Она огляделась, стараясь определить, многие ли из других гостей успели нахвататься наркотиков. Женщина в черном искала розетку; в руке она держала длинный шнур от принесенного кем-то проигрывателя. Женщина присела на корточки, чтобы воткнуть в розетку штепсель, и сказала, глядя снизу вверх на Аннабел:

— Ваш муж все предусмотрел.

Впоследствии Аннабел не могла объяснить, почему она их не выгнала. Ей и самой было неясно, как получилось, что она вдруг махнула на все рукой.

— Нужно было позвонить мне, — говорил ей потом Луиджи, — я приехал бы и выставил их вон.

— Но тебя ведь не было в городе, правда? — отвечала Аннабел.

Луиджи имел обыкновение проводить вечер

пятницы за городом, в кругу семьи. Он ответил:

— Так позвонила бы мне за город. Туда все звонят. Моя жена твоя горячая почитательница.

— Это было как страшный сон, — твердила Аннабел, хотя понимала, что все увиденное ею в тот вечер хуже страшного сна, так как произошло в действительности, и то, что завершило вечер, с грохотом вломившись в уют ее душевного мирка, тоже было действительностью, еще более тяжелой и страшной.

— Я старалась быть вежливой, — объясняла она. — Мне нужно было держать себя в руках.

Подробности она припоминала смутно.

Когда начались танцы, ей бросилось в глаза, как извивается в крикливой толпе зеленой и еще нескладной молодежи пожилая женщина, очень похожая на ту, в черном, что пришла в самом начале, только у этой, второй, жидкие седые волосы были острижены под мальчика, а морщинистое лицо не тронуто косметикой. Почудилось ли ей или она и в самом деле видела эту непристойно вихлявшуюся среди молодых танцоров сухопарую фигуру, Аннабел не могла сказать. Больше всего ее ужаснуло платье этой женщины, но окружающие, казалось, не обращали на нее внимания. В то время в моде были

ажурные вырезы, сквозь которые просвечивало голое тело. Их обычно прорезали под бюстом или по бокам — от подмышек до талии. На женщине, которую увидела или вообразила себе Аннабел, было блестящее дымчатого цвета платье с огромным ромбовидным вырезом на животе; это выглядело омерзительно.

У Аннабел начала кружиться голова, но усилие воли и профессиональный навык помогли ей справиться с головокружением. Она пошла проведать Карла. Мальчик крепко спал и выглядел очень забавно: стиснутая в кулачок ручонка лежала на подушке возле головы, как будто он отдавал салют. Из спальни Аннабел отправилась на кухню, где толпилось множество мужчин. Она искала высокую молодую американку, которую заметила еще в прихожей, решив тогда же про себя, что эта девушка темнить не станет и ее-то и нужно будет обо всем расспросить. Аннабел очень хотелось поскорей узнать хоть что-нибудь определенное и спровадить незваных гостей со всей решительностью, какую только допускал аристократизм тигровой леди. Аннабел отлично знала, сколько вреда могут принести эти люди, когда начнут трубить на всех перекрестках и исповедоваться журналистам об оргии в квар-

тире знаменитой кинозвезды. Высокой девушки нигде не было видно. Доставленная по заказу Фредерика батарея бутылок пока еще не очень поредела, но Аннабел, найдя среди гостей не так уж много явных наркоманов, от души надеялась, что остальные довольно быстро расправятся со спиртным. А этого-то ей как раз и хотелось. Шел девятый час, и она рассчитывала, что, когда бутылки опустеют, опустеет и квартира.

Сделав вид, что собирается угостить тех, кто находится в дальних комнатах, она утащила со стола непочатую бутылку водки и спрятала ее сперва в стенном шкафу туалетной комнаты при своей будущей спальне; потом, взволнованная и напуганная, она вообразила себе, что, прикончив кухонный запас, гости в поисках спиртного перероют всю квартиру; тогда она отнесла бутылку в смежную с туалетной ванную комнату и вылила водку в унитаз. Потом вышла в коридор и по дороге на кухню снова заглянула к ребенку.

Таким образом она избавилась от четырех бутылок. В последний раз удобней оказалось прошмыгнуть в другую ванную (их было три в квартире), и там она увидела наконец высокую американку; девушка спала, растянувшись на полу, и Аннабел не удалось ее растолкать. Она так и

оставила ее в ванной, а потом в суматохе и вовсе о ней забыла, и девушку все в том же состоянии обнаружили только к вечеру следующего дня и увезли в больницу.

Пока меняли пластинку, Аннабел разыскала женщину в черном платье и спросила:

— Вы точно помните, что мой муж обещал не задерживаться? Я что-то волнуюсь. Ему пора бы уже прийти. Надеюсь, с ним ничего не случилось. Где вы его видели?

— Ах нет, синьора Аннабел, ваш муж совсем не говорил, что он скоро придет. Он сказал, что будет здесь, и ничего больше. А нас он пригласил к семи часам.

— Где вы его видели?

— По-моему, на Виа Венето. Точно не скажу. Забыла.

Женщина улыбнулась укоризненно, и в то же время виновато, и в то же время лукаво, и эта смешанная улыбка привела Аннабел в бешенство. Она пошла к ребенку. В коридоре она услышала, как кто-то отпирает входную дверь. Конечно, Фредерик. Сейчас она на него набросится и яростно прошипит, чтобы он немедленно, сию же минуту, выставил всю эту шушеру вон. Но это был не Фредерик, это Билли О'Брайен открыл дверь его

ключом. Он привел с собой журналиста, худощавого светловолосого немца, которого Аннабел знала и почему-то побаивалась. Этот журналист поставлял информацию многим репортерам, охотившимся за скандальной хроникой, а сам писал серьезные статьи. Его фамилию Аннабел не помнила. Билли тотчас же представил его ей как Курта и спросил:

— Где Фредерик?

— Ой, Билли, не знаю. Здесь его нет. Наверно, где-то задержался. Ты не мог бы выпроводить эту компанию?

— Вы недовольны вашими гостями? А что они натворили? — вытянув длинную шею, долговязый Курт обвел взглядом гостиную. — Они там веселятся.

— Я их не ожидала, вот в чем дело, — сказала Аннабел. — Видите ли, у моего ребенка сейчас нет няни, и я смотрю за ним сама. К тому же я готовила роль для нового фильма. А кроме того, знаете ли, я вообще не устраиваю таких вечеринок, мне... — тут она осеклась, поймав его внимательный ехидный взгляд.

Она явно переусердствовала, так подробно объясняя, почему ей хочется избавиться от гостей.

Одна знаменитая старая актриса как-то дала

ей совет:

«Если вам нужно оправдаться, никогда не ссылайтесь на несколько причин. Больше чем одна — неубедительно. Лучше всего ни одной. Объясняться и оправдываться вообще глупо. Ни в коем случае не старайтесь, чтобы вас поняли, — вас непременно поймут не так. Избегайте психиатров».

Эти наставления Аннабел запомнила от первого до последнего слова, но иногда забывала их применять. Ошибку нужно было исправить, и неудачно начатую речь она попробовала закончить так, чтобы предстать перед журналистом спокойной и уверенной в себе хозяйкой дома, которая рада новому гостю и полна дружеских чувств к буйной ораве, уже успевшей вымостить полы во всей квартире осколками стекла. Стремясь создать такое впечатление, она залепетала:

— Мне не хотелось беспокоить соседей... они... кое-кто из них люди бедные, ложатся рано. Что вы будете пить?

Но Курт смотрел куда-то в сторону, а Билли всовывал ему в руку стакан. Журналист зажал стакан в пятерне и, даже не полюбопытствовав, кто его угощает, продолжал рыскать глазами в толпе танцующих. Увидел женщину в том пла-

тье, решила Аннабел. Увидел ее у меня в доме. Она тоже поискала ее взглядом, но не нашла.

Аннабел отправилась проведать ребенка. Мальчик неловко повернулся во сне и сейчас ерзал и хныкал. Аннабел его успокоила и, пока он не уснул, сидела рядом, легонько придерживая рукой одеяльце. Было около девяти. В десять ребенка надо переодеть и накормить. Тусклый свет уличного фонаря падал в комнату, и Аннабел вдруг заметила, что здесь кто-то уже побывал. На полу между постелькой малыша и комодом валялась бутылка из-под бренди. Аннабел подняла ее и понюхала. Пахло бренди и больше ничем. Но Аннабел охватил страх: она боялась, как бы в комнату в ее отсутствие не влез какой-нибудь осатаневший наркоман и не покалечил ребенка. Минут десять она неподвижно лежала на узкой кровати, и всплески гомона и шума набегали и откатывались, как прибой. Она перебрала в уме всех знакомых, которых можно было бы позвать на помощь, и не вспомнила ни одного, на чью скромность могла положиться. Звонить за город Луиджи ей казалось вопиющей бесцеремонностью. Всей душой жалела она, что Голли Макинтош сейчас в Париже. Услыхав спустя немного времени, что ее ищет Билли, она не

вышла сразу, а сперва позвонила врачу, который месяца два назад лечил Фредерика от инфлюэнцы, а потом ребенка — от расстройства желудка.

К телефону подошла его жена:

— Доктора Томмази, к сожалению, нет дома, — зазвучал в трубке гортанный, с энергичными немецкими придыханиями голос. — Произошел несчастный случай в катакомбах базилики святого Иоанна, и около часа назад доктора срочно вызвали в больницу. Он скоро возвратится, миссис Кристофер. Сказать, чтобы он сразу же вам позвонил?

— Нет, не стоит... хотя, впрочем, пожалуй, если ему нетрудно, пусть позвонит. Извините...

— У вас болен ребенок? Муж? Вы сами захворали?

— Нет, нет, все в порядке. Я просто хотела кое о чем посоветоваться. Это, право же, пустяки.

— Он вам позвонит. Берегите себя, вы отдаете слишком много сил своей чудесной работе. Я это знаю.

В конце концов, не кто иной, как Билли, помог ей избавиться от гостей. Он сказал, что видел Фредерика около шести. Тот спешил по какому-то делу, но упомянул о вечеринке, и они условились, что тут и встретятся.

— Ты не волнуйся, — сказал Билли. — Он, наверно, задержался. Видишь ли, они с режиссером сейчас перекраивают сценарий, а это долгая песня. К тому же режиссер живет где-то у черта на рогах, на окраине.

Ну еще бы, на окраине, подумала она, только не у режиссера он, а у этой мерзкой шлюхи. Когда же это кончится? Неужели нельзя было выйти замуж за кого получше?

Билли как-то ухитрился спрятать от гостей все невыпитое спиртное, после чего выдернул вилку проигрывателя и во внезапно наступившей тишине объявил:

— Пора домой. Давайте-ка все сразу. Аннабел нужно кормить ребенка.

Через четверть часа квартира почти опустела, а спустя еще минут пятнадцать там остались только Билли, журналист и невысокая, гибкая, как пружинка, и трезвая молодая итальянка, которая для чего-то липла к Курту. Да еще на полу в ванной комнате (но уж она-то никому не мешала) спала забытая всеми девушка, которая приняла накануне целую пригоршню снотворных таблеток и которая лишь через сутки очнется в больнице, чудом избегнув смерти.

Билли стоя разговаривал с Куртом, а рядом с ни-

ми, прислушиваясь к разговору, стояла молодая итальянка. В пустой квартире сразу стал заметен учиненный гостями разгром. Все перевернуто вверх дном. Даже новенькие обои уже не кажутся новыми. Ребенок тихо попискивал, как всегда, когда готовился зареветь во всю мочь. Аннабел расчистила на кухне местечко и принялась готовить бутылочку с едой. И в кухне тоже была грязь, кого-то из гостей сильно стошнило в одну из раковин. Пока Аннабел переодевала ребенка, тот изливал истошным воплем свое негодование, гнев и прочие эмоции того же ряда, умолкая лишь затем, чтобы перевести дыхание и заорать еще громче. Мать поднесла к его губам бутылочку, и, завершив свою арию тихим урчанием, он принялся сосать, не помня зла. Накормив и уложив ребенка, Аннабел обнаружила, что те трое все еще не ушли.

— Мы отправляемся обедать, — сказал Билли. — Прислать тебе чего-нибудь поесть?

— Нет, я не голодна. — Она огляделась. — Ну и разгром.

— Благодарю вас, — сказал Курт, поклонившись.

Билли сказал:

— Я зайду завтра утром и помогу вам с Фреде-

риком навести чистоту.

— Я позову кого-нибудь из соседок. Они часто предлагают мне свои услуги.

— Вы им не очень-то доверяйте, — вмешался Курт.

— Они славные люди, — ответила Аннабел с надменностью, достойной ее лучших ролей.

Девица многословно и чинно, будто прощаясь после банкета, поблагодарила ее.

Потом они ушли. Аннабел выключила свет в прихожей. Но не успела она отойти от дверей, как снова прозвенел звонок. На этот раз наверняка Фредерик, решила она и затряслась от бешенства. Не двигаясь с места, Аннабел подождала второго звонка. Но дверь отперли ключом — это был Билли, который сам в квартиру не вошел, а лишь впустил новых гостей. Он столкнулся с ними у лестницы и, когда увидел, что они остановились около квартиры Аннабел, счел удобным просто отпереть им дверь.

— Это снова к тебе, Аннабел! — крикнул он.

О господи! — подумала она, — хватит! Еще немного — и она набросится на Билли и на кого угодно, даст наконец себе волю, наорет на всех, изругает, наплевав на публику и на все на свете.

— А... добрый вечер, — сказала она, — к сожале-

нию, все уже разошлись.

Говоря это, она не шелохнула рукой, чтобы поздороваться с гостями или включить свет в прихожей. Билли двинулся к лестнице. Вновь прибывшие вошли в квартиру; грузный мужчина, не дожидаясь приглашения, стал снимать шарф. Женщина затворила дверь, прежде чем Аннабел успела ей помешать.

Наконец Аннабел разглядела толстяка, которого не сразу узнала в темной прихожей: это был доктор Том-мази. За ним маячила столь же дородная фигура женщины, а еще дальше — девочки. Доктор Томмази, несмотря на поздний час, привел с собой жену и дочь. Аннабел вдруг растерялась и смущенно заторопилась навстречу гостям.

— Как это мило. Но я вовсе не ожидала, что вы сюда приедете.

Она зажгла свет.

Доктор Томмази продолжал неуклюже разматывать шелковый шарф; он поискал глазами, куда бы его повесить, и вид у него был озадаченный, будто он забрел сюда нечаянно, предполагая, что на самом деле находится совсем в другой квартире или у себя дома и в прихожей обязательно должна стоять вешалка. Он озирался до

тех пор, пока жена не забрала у него шарф.

— Я совсем не думала вызывать его... всех вас... сюда, — сказала Аннабел докторше, и та ответила ей жалобным взглядом.

— Мы приехали из-за вашего мужа, — сказал доктор.

— Да, конечно, — отозвалась Аннабел. — Муж решил устроить эту вечеринку... Вас он тоже пригласил?.. Но дело в том, что все уже ушли. Входите же. И Фредерика нет дома. У нас тут страшный беспорядок. Чем вас угостить?

— Я провожу ребенка в туалет, — сказала докторша, — Вы не покажете нам, дорогая миссис Кристофер, как туда пройти?

На вид девочка была великовата для того, чтобы ее так опекали, но она ухватила мать за руку, и Аннабел отвела их в ванную при своей спальне.

— Сюда, по-моему, никто из гостей не входил. Везде так грязно. Видите ли, эта компания была довольно богемная.

Когда она возвратилась, доктор Томмази стоял в гостиной и рассеянно смотрел в пол. Он сказал:

— Мы взяли с собой нашу дочку, потому что ее не на кого было оставить.

— Вот и хорошо, — сказала Аннабел, — что вы будете...

— Я говорил о Фредерике, — перебил доктор, — о вашем муже.

— Где вы его встретили? Он уже несколько дней не был дома, и как раз сегодня я его ждала. Он прислал сюда эту компанию, этих кошмарных людей, а сам так и не явился. Мне, конечно, не хотелось им рассказывать, что я так долго не виделась с мужем. Так где же он?

Доктор взял ее за плечо, будто стараясь удержаться на ногах, но она тут же почувствовала, что это он ее поддерживает.

— Он расшибся о землю, — ответил доктор. — В полиции я сказал, что первым приеду к вам, чтобы с вами был друг, и моя жена к вам тоже приедет.

— Я вас не понимаю.

Доктор сказал:

— Он расшибся о землю. Я слишком поздно приехал. Я сразу увидел, что поздно. Там был еще один врач, из «Скорой помощи», тот прибыл раньше меня, но тоже поздно. Карета «Скорой помощи» уже стояла там, но его нужно было перенести в машину, а там это сделать не так легко. Они нашли мой адрес в его записной книжке и еще прежде, чем приехала «Скорая помощь», позвонили мне. Они все испробовали, но было

уже поздно.

— Что значит «поздно»? Он умер? — спросила Аннабел.

Ей нужно было выяснить самое главное, узнать одну-единственную вещь, и тогда она сможет слушать.

— Неужели он выбросился из окна? Не может быть. Он жив? Что с ним случилось?

— Я приехал сразу же, но было поздно.

Доктор подвел ее к креслу и заставил сесть.

Тут Аннабел заметила, что в комнату вернулась докторша. Девочки с ней не было.

— Где девочка? — спросила Аннабел.

— Не волнуйтесь, с Гельдой все благополучно.

— Как бы она не разбудила ребенка.

— Она смотрит в окно на прожекторы.

— Он умер? — спросила Аннабел.

Докторша наклонила голову. Значит ли это «да»?

— Умер? — переспросила она еще раз.

— Его забрала «Скорая помощь». Вам сейчас обязательно придется поехать в больницу, чтобы его опознать. Туда уже вызвали друга вашего мужа, мистера О'Брайена, его телефон тоже нашли в записной книжке. — Докторша протянула ей рюмку с каким-то питьем. — Я побуду с ребенком,

— сказала она. — Поезжайте.

Аннабел все мерещился высокий дом, окно. Высокий дом на окраине, маленькая квартирка, где живет та девица... Она спросила:

— Как же он свалился из окна? Там было высоко?

Доктор ответил:

— Он упал не из окна, а с лесов у церкви святого Иоанна и святого Павла. Рабочие говорят, что, когда они запирали дверь, он остался в церкви. Они его не заметили и подумали, что он уже ушел. Потом те, кто работал под церковью, увидели, что он карабкается по лесам к самому краю подземелья; они стали кричать ему, но было поздно. Он прыгнул вниз, прямо туда, где, как рассказывают, принял мученичество святой апостол Павел.

— Он умер? — спросила она, и ей представился глубокий провал подземелья. Как-то раз они с Фредериком побывали на лестнице, построенной для посетителей церкви. Все поплыло у нее перед глазами, когда она глянула вниз на бесконечные — поворот за поворотом — изгибы винтовой лестницы. Потом, спустившись в подземелье, они прошли часть коридоров, где из развороченного чрева земли торчали остатки древних домов и языческих храмов. Согласно преданию

здесь находился дом, в котором по приходе в Рим жили святые Иоанн и Павел. Тут приняли они мученичество. Резные плиты на стене указывали путь. «Здесь, в этих катакомбах, в этих коридорах, пролита кровь святых апостолов». «Сюда привели их...»

Она все еще не могла привыкнуть к мысли, что Фредерик умер, не представляла его себе мертвым, одиноким и мертвым. Почему вдруг среди мучеников, подумала она, почему именно там? Ей хотелось понять, что его привело туда, он ведь ничего не делал просто так. Нет, она не сможет думать о нем как о мертвом, пока все это не выяснит.

— Скажите же, он умер? — спросила она.

— Я застал его еще живым, хотя и без сознания. Но надежды не было. Потребовалось минут пять, даже, пожалуй, десять, чтобы спуститься к нему по таким крутым ступеням.

— Конечно, он умер еще по пути в больницу, — сказала докторша. — Ступайте же. Я сейчас позвоню и скажу, что вы приедете. Может быть, за вами пришлют полицейскую машину.

— Ради бога, не надо. Пусть все будет тихо, чтобы не проведали газеты.

— О, они давно уже там. Ждут вас.

Аннабел наконец-то решилась и встала.

— Бедняжка, — сказала докторша и обняла ее.

Но прежде чем уйти, Аннабел обязательно хотела узнать еще одно:

— Когда это случилось? В котором часу он прыгнул?

Доктор задумался, стремясь ответить поточнее. Тем временем Аннабел несколько изменила вопрос:

— В котором часу он упал?

— Наверное, в половине восьмого. Я приехал до восьми часов, и «Скорая помощь» была уже там; они вытащили его наверх по ступеням, вы представляете себе, как это трудно. Но было поздно.

Да, теперь она может идти. Ее охватил гнев и ужас, она поняла наконец, какой позор уготовил ей муж. Эту отвратительную вечеринку он затеял, чтобы замарать ее в крови, испортить ей карьеру. «Фредерик сказал, что приедет к семи, он будет здесь в семь... Новоселье... Не запирайте дверь, мальчики принесут вино».

Она зашла взглянуть перед уходом на ребенка. Теперь пора. Газеты, заголовки, фразы... «Фредерик Кристофер умирает в то время, как его жена устраивает оргию на своей квартире». «Покинув сборище распутников, Фредерик Кристофер

обретает покой возле мучеников». «Его сгубила Тигрица». Она подумала, не позвонить ли Франческе, пресс-секретарю Луиджи. Но решила не звонить. Как бы эта Франческа, с давних пор неравнодушная к Фредерику, сама не обернулась вдруг тигрицей.

Лишь спустя несколько месяцев Аннабел смогла иногда думать о смерти мужа. Тогда, случалось, эти мысли пробуждали в ней жалость и недоумение: после долгих лет супружества она так мало знала о своем муже, ныне мертвом, одиноком и мертвом. По правде говоря, и не слишком пыталась узнать. Иногда ей удавалось, думая о самоубийстве мужа, не думать о последствиях, которые оно повлекло за собой, для нее самой, иногда, но не каждый раз.

IV

Она опознала тело, ответила на вопросы, и все это будто окаменев, так потрясла ее его чудовищная затея. Обвязанное бинтами лицо не выглядело изуродованным. Вокруг носилок, на которых он лежал, поставили цветы. Она взглянула на него и сдержанно сказала:

— Да, это мой муж.

Потом наклонилась и поцеловала его в лоб.

Чтобы избегнуть встречи с репортерами и фотографами, сгрудившимися возле главного входа, они с доктором вошли в больницу через боковую дверь. Но когда они собрались уходить, то и у этой двери их поджидала целая толпа. Доктор вышел один и отправился за своей машиной, а Аннабел тем временем повели к еще более отдаленному выходу, находившемуся в другом корпусе, куда можно было пройти по длинной каменной галерее со сводчатым потолком. Провожавшие ее врач и сестры все разом, перебивая друг дружку, застрекотали по-итальянски и так горячо и многословно выказывали ей свое сочувствие, что она заподозрила подвох, проверку. Потом Аннабел обратила внимание, что они в

этот момент проходят через большую комнату, боковые двери которой на мгновение распахивались, чтобы пропустить въезжавшие откуда-то снизу по покатому полу носилки, и тут же захлопывались; Аннабел догадалась, что комната эта что-то вроде морга или, во всяком случае, некий центральный пункт, куда свозят трупы и где их держат до похорон, вероятно, в специальных морозильниках; и тогда ей пришло в голову, что ее говорливые спутницы стараются отвлечь ее внимание. Но тут она увидела, что одна из сестер плачет, и пришла к мысли, что эти женщины попросту хотят ее утешить.

На их сочувствие она откликнулась быстро и умело, и слезы принесли ей облегчение. А потом по лабиринту темных улиц ее везли домой, и в вышине белыми флагами реяли гирлянды белья, протянувшиеся между окнами старинных палаццо. В черном прямоугольнике окна мелькнула фигура отравителя. Кто-то прижался к стене с обнаженным кинжалом в руке. Ей было интересно, чем кончится эта лента, хотелось уйти домой, но прежде все-таки хотелось досмотреть фильм. Они объехали пустынную площадь, где весело и бездушно журчала вода в поддерживаемой группой мальчиков чаше фонтана; его построил снеда-

емый муками совести политический убийца; а вот дворец кардинала, в чьей греховной душе царила непоколебимая уверенность, что цель оправдывает средства; любовница, забавляясь, опутывает его своими длинными волосами, а он холодно обдумывает, что предпримет утром, чтобы скрыть ночное злодеяние: клевета, клевета, одного посланца — сюда, другого — туда, целые полчища его посланцев, они нашептывают, намекают, они изобличают так смело, убедительно, неопровержимо; узенькие улочки сливаются с еще более узкими; вот промелькнули зловещие стены дворца Ченчи; когда-то, сбежав с вечеринки в квартире Билли, она разыскивала в этом переулке такси. Камера повернула в сторону старого гетто. Ложные улики подтверждены, невинный обвинен, его репутация опорочена. Доктор, сидевший рядом с Аннабел, сказал:

— Возле дверей вас поджидают репортеры. Я их прогоню. Заедем за угол, и вы пока посидите в машине.

Но Аннабел сказала:

— Нет, не надо, я должна пройти через все до конца.

— Вам вовсе не обязательно встречаться с журналистами прямо сейчас, — сказал доктор,

— этим людям следовало бы понимать, в каком вы состоянии.

Тут он увидел ее стиснутые кулаки, вгляделся в лицо, освещаемое временами светом уличных фонарей, и сказал:

— Сейчас я отвезу вас в какой-нибудь хороший отель. Вам дадут большой спокойный номер, а вашего ребенка я привезу прямо туда и заодно захвачу лекарство, которое поможет вам уснуть. Как только мне удастся найти частную сиделку, я ее к вам пришлю.

Проехав мимо ее дома, возле дверей которого кишела толпа, доктор остановил машину в соседнем переулке, как и все улицы Рима, все еще полном оживления в этот поздний час.

— Нет, — сказала она вдруг. — Не останавливайтесь здесь. Меня могут узнать.

С того момента, как Аннабел увидела толпившихся перед ее домом людей, среди которых она узнала немало своих соседей, ее мысли вернулись в круг практических вопросов, сперва, впрочем, и для нее самой еще не совсем ясно, каких именно.

Но вот она взглянула на часы и сказала:

— Начало третьего. Мне надо встретиться с репортерами, иначе то, что я скажу, не успеет попасть в утренние газеты. Такие события все-

гда толкуют вкривь и вкось, а я вовсе не хочу, чтобы по всему свету разнесли какую-нибудь небылицу.

— Но вам надо спать, — изумился доктор, впервые встретивший пациентку, которая руководствовалась такими странными соображениями. Он не очень уверенно попробовал ее урезонить, но Аннабел его перебила.

— Это очень важно, — сказала она. — Поймите, я обязана думать о том, какое впечатление произвожу на публику.

— Вы смелая женщина, — сказал ей доктор и, столкнувшись с тайнами чужой профессии, вспомнил, что и врач, когда нужно, должен держать себя в руках, невзирая на личные переживания.

— О, это получается само собой, — ответила она. — Привычка.

Доктор повел машину назад, к дому, смущенно бормоча:

— Мне просто показалось, что вид у вас совсем больной — полный упадок сил. Поразительно: после такого потрясения... Хрупкая, маленькая женщина...

Его слова ее воодушевили. Именно такой она и предстанет перед репортерами: маленькое,

хрупкое создание, окруженное толпой соседей.

Репортеры бросились к машине, дверца распахнулась, и Аннабел вышла на тротуар.

Ее окружили камеры, надвинулись, ослепляя яркими вспышками света. Зеваки проталкивались поближе, вытягивали шеи. Охваченная нетерпеливым любопытством толпа гудела как пчелиный рой, и в этом гуле нельзя было расслышать ни единого вопроса, но Аннабел, уцепившись за руку доктора, крикнула:

— Скажите им, пусть они меня пропустят и придут через полчаса. Я с ними поговорю. Мне сперва нужно к ребенку. Всего полчаса.

Прокладывая путь в толпе, доктор снова и снова выкрикивал эти фразы.

Так Аннабел добралась до дверей и вошла во внутренний двор. Кое-кто из любопытных проник и сюда, и взъерошенный привратник, который выскочил спросонок, не успев даже как следует застегнуться, кричал на них и угрожал полицией каждому, кто околачивается по эту сторону двери.

— Пусть мои соседи войдут ко мне вместе со мной, — громко произнесла Аннабел по-итальянски, обращаясь к доктору. — В такие минуты каждому человеку хочется побыть среди соседей.

Она сказала это по-итальянски, но тут же услыхала рядом с собой голос американца. Возле нее стоял, держа в руках фотокамеру, репортер международной программы радио. Он сказал:

— Я себе представляю, какой ужас вы пережили, Аннабел.

Ради этого репортера и других его соотечественников, которые могли оказаться во дворе, Аннабел повторила приглашение по-английски.

— Прошу всех соседей. В такую минуту я хочу быть среди своих соседей.

— Вот это правильно, — раздались голоса соседей.

Бурно причитая, порою всхлипывая и пуская слезу, издавая горестные восклицания и украдкой оправляя напяленную наспех одежду, они повели Аннабел наверх; за знаменитой актрисой по лестнице потянулась процессия, состоявшая из мужчин и женщин, нескольких детей и совсем малых несмышленышей, которых родители прихватили с собой, исходя из убеждения, что оставлять детей одних не следует, а торчать из-за них дома — тоже.

Миссис Томмази изумилась, когда, открыв дверь, увидела толпу детей и взрослых. Она успела вымести осколки стекла почти из всех комнат.

Полы и стены, которым больше не суждено было стать такими, как до вечеринки, сейчас хотя бы выглядели несколько почище. Энергичная и подтянутая докторша уже одела свою девочку и ожидала прихода машины, на которой, как она предполагала, они с мужем отвезут по пути Аннабел с ребенком в какую-нибудь гостиницу.

Она начала спорить, когда муж заявил ей, что они должны остаться здесь до конца пресс-конференции.

— Пресс-конференция! Что за дикость.

Супруги последовали за Аннабел в спальню, куда она пошла, чтобы взглянуть на Карла, в то время как оставшиеся в просторной, необставленной гостиной соседи утихомиривали собственных детей. Аннабел села на кровать, а доктор и его жена продолжили свой спор.

— Зачем все это? — возмущалась докторша, будто не замечая сидевшую тут же Аннабел. — Зачем ей среди ночи понадобились эти люди? А потом еще придут газетчики с фотокамерами и не дадут ей отдохнуть. Когда же она будет спать?

— Ты понимаешь, этого требует ее профессия. Ведь я тоже, что бы ни случилось, должен продолжать...

— Да что ты сравниваешь, — сказала жена,

— врачи совсем другое дело. Актрисе же просто смешно думать о публике, когда у нее такая трагедия в семье. Ты обязан обслуживать больных людей, а она что? Это противоестественно — устраивать в такой момент пресс-конференцию.

Аннабел сказала:

— Вам, наверное, пора домой, берите девочку и поезжайте, вы и так были очень добры ко мне. Я останусь с соседями.

Докторша метнула на нее подозрительный взгляд; так смотрят люди, которые вроде бы и видят собеседника насквозь и в то же время ничего не понимают.

— Фредерик меня одобрил бы, — сказала Аннабел. — Я знаю, он хотел бы, чтобы я продолжала свою карьеру.

Ей понравилась эта фраза, и, довольная собой, она мысленно ее повторила. Но тут толстая молчаливая девочка, которая до этих пор стояла рядом с матерью и только помаргивала, вдруг потянула себя за белобрысые волосенки и сказала по-итальянски:

— Если он этого хотел, зачем он кончил жизнь самоубийством и так вас опозорил?

— Гельда! Гельда! — заволновалась докторша, напуганная не столько тем, что уже было сказа-

но, сколько тем, что еще предстояло. Она знала свое чадо. — Сейчас же прекрати, — сказала мать. — Ни слова больше. Замолчи.

Доктор вышел из спальни и направился в гостиную, где собрались соседи. Сквозь гомон их голосов было слышно, как он отдает распоряжение перевести детей в смежную комнату, с тем чтобы, оставаясь под боком у родителей, они не помешали предстоящему серьезному разговору Аннабел с журналистами.

Она же тем временем, все еще сидя на кровати, выразительно посмотрела на докторшу.

— Я вам советую увезти девочку домой, — сказала Аннабел.

Гельда снова насупилась и вперевалку приблизилась к матери, будто ища у нее защиты.

В ответ Аннабел испуганно повернулась к ребенку. Она бережно взяла его на руки, побаюкала, чтобы не разгулялся, и понесла к дверям, крепко прижимая к себе, как будто бы желая оградить от нового наскока.

— Вы берете туда ребенка? — воскликнула миссис Томмази, указывая в сторону гостиной, откуда доносился неумолчный ропот. В комнате, где доктор поместил детей, что-то гулко бухало и слышался придушенный визг; во второй, тороп-

ливо переговариваясь шепотом, делали что-то непонятное: судя по звуку, двигали мебель. Как выяснилось позже, несколько мужчин по указанию жен принесли из дому стулья.

Держа младенца в руках, будто щит триумфатора, Аннабел еще раз с нескрываемым отвращением смерила взглядом толстую, неуклюжую девочку.

— Вашей дочке пора спать. Мне кажется, вам нужно сейчас же увезти ее домой.

Вошел доктор со стаканом подогретого вина и позаимствованными у соседей двумя таблетками аспирина. За ним следовали три главенствующие соседки: синьора, чье семейство ютилось в квартирке, расположенной за апартаментами Аннабел; старушка, обитавшая с ордой детей и внуков где-то еще дальше, и вдова адвоката с верхнего этажа, имевшая обыкновение все свои мысли и соображения изрекать в пространство, как бы адресуя их умершему супругу. Все трое протиснулись в спальню и заохали, увидев Аннабел с младенцем на руках. Тут и сама Аннабел заплакала над осиротевшим малюткой, покачивая его одной рукой и загораживая другой, в которой как-то ухитрялась держать стакан. Вытянув шею и перегнувшись над ребенком, она

отхлебывала вино. Доктор подносил к ее губам по полтаблетки аспирина, и Аннабел запивала их теплым вином, не утирая слез, которые сыпались градом на стенки стакана.

Вдова сообщила в пространство, что овдоветь и остаться с детьми на руках — ужасная вещь. Две другие соседки, рыдая так же горько, как и Аннабел, хором подтвердили, что это очень верно сказано.

Аннабел допила вино, с шумом втянула в себя воздух и, обретя таким образом самообладание, направилась в гостиную. Позади опять раздался детский голосок:

— Актрисы могут плакать понарошку. Их этому учат.

Тихо вскрикнув, Аннабел повернулась, потрясенная цинизмом своей врагини; ей послышались отзвуки знакомого голоса: точно так же ехидничал Фредерик, он вечно сомневался в ее искренности, выискивал скрытые побуждения и до того ее извел, что она огрызалась со свирепостью кошки, которую часто тревожат во время сна. Она почти забыла, что ее мучительница — ребенок.

— Вон отсюда, гадина, — сказала она, а отец отвесил дочке подзатыльник.

— Вот это правильно. — Одобрение соседей больше относилось к поступку доктора, чем к словам Аннабел.

Девчонка завопила как резаная и прижалась к матери.

— Пошла прочь, убирайся, вон из моего дома, — злобно сказала Аннабел.

— Она не помнит себя от горя, — оповестила отдаленное пространство вдова адвоката. И все с ней согласились. Детей, пусть даже очень дерзких, не принято гнать из дому и обзывать, как взрослых, гадинами.

Аннабел взяла себя в руки и, покинув супругов Томмази в начальной стадии семейной ссоры, вышла в гостиную, где все горели нетерпением поддержать ее и утешить. Какая-то добрая душа, ласково приговаривая, увела толстушку Гельду к детям. Надо сказать, что дети вели себя не так уж плохо; попасть в квартиру английской синьоры по столь необычному поводу было так интересно, что они присмирели и безропотно сидели в смежной комнате в ожидании новых чудес.

Аннабел заняла оставленное для нее место. Соседи притащили сюда из своих парадных комнат стулья и кресла и, движимые врожденным вкусом к церемониям и зрелищам, расположили их

двумя полукругами, а самое роскошное, обитое красным бархатом и со старинной резьбой на ручках, поставили в центре. В него и села Аннабел, которой был в не меньшей мере свойствен вкус к подобным процедурам. Журналистов ожидали с минуты на минуту. Мужчины сидели, сложив руки на коленях и чинно опустив глаза; воспользовавшись тем, что их послали за стульями, они причесались, почистили ботинки, надели белые рубашки, а кое-кто ради приличия и галстук повязал.

Аннабел уже не плакала: она так разозлилась на Гельду, что слезы высохли сами собой. Сейчас, увидев ее сквозь открытую дверь в толпе соседских детей, она тихо сказала:

— Мне кажется, эту девочку нужно увезти домой.

— Не обращайте на нее внимания, она просто устала; это ведь ребенок.

— Если она устала, пусть отправляется домой и ляжет спать.

Но тут бабка, которая дала жизнь столь многим, что сподобилась мудрости, неподвластной законам логики, распорядилась:

— Пусть ребенок остается. Она утомилась, и совсем не нужно отправлять ее спать. Пускай она

побудет тут вместе с другими детьми, бедняжка.

— Да, пусть останется. Может быть, ее тоже покажут по телевидению.

Прозвенел звонок, но это оказался сын одной из соседок; вернувшись домой за полночь, он нашел пустую квартиру и записку на кухонном столе, которая и привела его к месту сбора. Между матерью и сыном последовал торопливый обмен приветствиями, упреками, вопросами и контрвопросами, объяснениями и новостями, завершившийся наконец тем. что мать торжественно представила Аннабел своего сына Джорджо, пояснив при этом, что он вовсе не имеет обыкновения так поздно возвращаться и задержали его не развлечения, а дискуссия в клубе.

Джорджо, опустив глаза, склонился над рукою Аннабел и пробормотал слова соболезнования.

— Мой сын, — сказала мать куда-то в сторону, но приблизив к самому уху Аннабел живую смуглую физиономию, — необычайно умен. Ему поручена организация дискуссий в мужском клубе коммунистов. Очень, очень светлая голова, благодарение господу.

Тут из сумочки был вынут ключ и вручен Джорджо с приказом сходить домой, взять в буфете

бутылку вина и принести ее. После чего руководитель дискуссий, рассыпавшийся в изъявлениях восторга перед Аннабел и сострадания к сиротке, мирно спавшему в ее объятиях, промокнул платком уголки глаз и отбыл.

Глаза Аннабел опять наполнились слезами: ее растрогало сочувствие молодого человека. В дверях на Джорджо налетели наконец-то появившиеся представители прессы и, не удостоив его словом, волною хлынули в гостиную. Там взгляду их предстала Аннабел в приличествующей обстоятельствам позе, окруженная соседями, которые, внезапно замолчав, стояли и сидели, кто сжимая руки, кто широко раскинув их, как бы моля о жалости, кто скрестив на груди, кто стиснув в порыве отчаяния горло, кто сокрушенно подперев ладонью голову, кто еще каким-либо найденным по наитию способом давая понять вновь прибывшим, как близко принимают они к сердцу горе осиротевшей женщины, и все это с такой выразительностью, словно сцену готовили и репетировали несколько недель. Весьма рискованно, чтобы не сказать невозможно, было бы в присутствии такой свиты задать Аннабел деликатный или враждебный вопрос и с неуместной настойчивостью растравлять ее душевную ра-

ну. Движением ресниц она смахнула слезинки, порывисто перевела дыхание, взглянула на малютку и вздохнула.

— Как вы чувствуете себя, Аннабел?

— Мне холодно. Меня знобит.

Джорджо отправляют за шерстяной шалью.

— Миссис Кристофер, вы когда-нибудь подозревали, что ваш муж намерен это сделать?

— Что сделать? — тихо спросила она. — Ведь это был несчастный случай.

V

На рассвете Аннабел лежала в маленькой спальне рядом со спящим ребенком и прикидывала в уме, что может ее ожидать.

Встреча с прессой прошла прилично. Не хорошо, но прилично; и если вспомнить, как склоняют имена других кинозвезд, то свое, пожалуй, она на время сберегла. Ведь все решают первые сообщения. Раздувать из новости скандал начинают одновременно с ее обнародованием; так сразу задается тон на несколько ближайших дней, самых опасных для репутации знаменитости.

Два года назад среди знакомых Аннабел была юная знаменитость, молоденькая бельгийская актриса, о странностях которой любили писать журналисты. Девушка отличалась строгой нравственностью, у нее не было любовников и были компаньонки; она носила платья ниже коленей, с рукавами и глухим воротом и произнесла однажды речь, в которой осудила контроль над рождаемостью. Она снялась в роли медсестры Кэвелл и вслед за тем Жанны д'Арк. И хотя ее представили публике не так умело, как Аннабел, репутация которой была прочнее уже потому,

что не служила объектом шуток, все же, казалось, карьера кинозвезды была ей обеспечена. Все рухнуло после того, как она сдуру вызвала полицию, обнаружив в своей спальне студента. Проснувшись ночью от шума, девушка включила свет, заглянула под кровать и увидела ухмыляющуюся рожу. Студент сделал это на пари, однако в полиции сказал совсем другое, и, хотя дело замяли, молодой актрисе уже не удалось встать на ноги

Обо всем этом раздумывала Аннабел, после того как журналисты, а вслед за ними и соседи ушли из квартиры. Она чувствовала, что вела себя так, как нужно. Ей повезло, что среди репортеров не оказалось Курта — того недоброжелательного, белобрысого журналиста, что заходил во время вечеринки.

Ее знобило; это был внутренний озноб, избавиться от которого невозможно. Она лежала на кровати, рядом спал ребенок, а в просветах жалюзи белел рассвет. Ей вспомнилось, как в гостиную с воплем влетела Гельда и заметалась среди операторов и репортеров, выставив порезанную ладонь и пачкая кровью свое безобразное желтовато-бурое платье. Миссис Томмази взвизгнула. Доктор потребовал несколько чистых носовых платков и повел девочку в ванную, что-

бы промыть ей руку. Тревога оказалась ложной. Аннабел привстала, собираясь пойти помочь, но ее усадили насильно. Маленький Карл заплакал у нее на руках. Его тут же взяла соседка, потом другая, и вскоре развеселившийся мальчуган уже переходил с рук на руки, как водится в Риме. Операторы накручивали камеры, словно шарманки, теребили их, как гитаристы. Перекрывая общий шум, вдруг прозвенел вполне отчетливый голос Гельды.

— Это стеклышко, о которое я порезалась, осталось после вашей вечеринки, миссис Аннабел. Зачем ваши друзья перебили все рюмки и устроили такой кавардак? Ой, я всю руку изрезала, всю-всю... смотрите, и здесь тоже.

Прильнув к камере, кинооператор навел прицел на Аннабел.

— Ваш муж не одобрял ваших друзей? Не потому ли он?..

Тут доктор потащил девчонку прочь, и семейство удалилось вместе с замыкавшей шествие взволнованной миссис Томмази. И опять посыпались вопросы, такие заурядные и безобидные, что, отвечая, Аннабел не замечала спрашивающих, будто их и не было на свете, будто сами по себе звучали в воздухе почтительные, вкрадчи-

вые голоса.

— Вы так и не нашли какой-нибудь записки или письма?

— Нет, ничего такого. Ведь наши вещи все еще в отеле. Сюда мы привезли очень немногое.

— Вы видели сегодня вашего мужа?

— Да, конечно. Но, простите, я в таком состоянии... и... мне нужно уложить ребенка. Я никогда не поверю, что это самоубийство. Никогда.

— Какие у вас планы на будущее? Ваш новый фильм...

— О, об этом я еще не думала. Я еще ни о чем не думала... Я так потрясена.

Тут в беседу вмешались соседи и, делая репортерам умоляющие и угрожающие знаки, загалдели о том, как мужественно она переносит такое страшное несчастье. Из всех журналистов лишь человека два, самых молодых, самых смуглых и самых настырных (представители европейских газет), казались разочарованными и поглядывали друг на друга, недовольно пожимая плечами, но даже их заставил присмиреть вид достойного собрания с Аннабел и младенцем в центре, похожего на ожившее полотно Гольбейна, где изображена семья со всеми чадами и домочадцами.

И вот все они ушли, и за окном занимается утро. Рядом спит ее мальчуган.

Какой-то репортер спросил:

— У вас была сегодня вечеринка?

— Нет, — рассеянно пробормотала Аннабел с таким видом, словно и не поняла вопроса.

Другой сказал:

— Вы отправили гостей домой, когда узнали о несчастье, миссис Кристофер?

Камеры придвинулись.

— Какая вечеринка? Никакой вечеринки не было.

Соседи молчали, согласные с тем, что иные подробности и впрямь не идут к делу и только нарушают bella figura *{22}. Возможно, они умолкли слишком внезапно, слишком дружно, так как опасный вопрос подхватили вдруг и тут и там, и со всех сторон обрушилось:

— Говорят, трагедия произошла, когда здесь праздновали новоселье...

— Откуда взялось битое стекло? Та девочка сказала...

— Я думаю, это сплетня. Одна из тех, что появляются сами собой. Откуда стекло, я не знаю.

{22} notes: 22
Общую гармонию *(итал.)*.

Может быть, я сама разбила рюмку. Доктор дал мне что-то выпить, когда я... когда он... сказал мне... Конечно, к нам могли зайти друзья, но как раз сегодня никого... Миссис Томмази была так любезна и подобрала осколки... Наверное, я уронила... Не знаю... Видите ли, меня повезли в больницу, опознать...

— Да, да, конечно, миссис Кристофер...

— Да...

— Да...

— Вы так много перенесли...

Она и в самом деле перенесла немало. Не сомкнула глаз всю ночь и лихорадочно соображала сейчас, как предупредить Фредерика, чтобы он молчал о вечеринке. В ближайшие дни им придется очень внимательно следить за каждым своим словом. Если оба они в один голос объявят, что вечеринки не было, люди не поверят тем, кто станет утверждать, что на ней присутствовали. И вдруг ее кольнуло промелькнувшее в сумбуре мыслей сознание; Фредерика нет в живых, на днях выяснится причина самоубийства, и выпутываться ей придется, не рассчитывая на его поддержку, потому что он улизнул, как делал не раз за последнее время. Закрыв глаза, она подумала, что Фредерик, слава богу, теперь

уж не проболтается о вечеринке, потом о том, как он коварно поступил, приурочив к ней свое самоубийство.

В десятом часу утра заявился Билли с грудой газет. Аннабел встревоженно приподнялась. Он сказал:

— В газетах пока все как надо.

— Уходи. Ко мне должны зайти соседки. Я не хочу, чтобы они тебя тут застали.

— Почему?

— Начнутся сплетни. Пока все идет как следует. Положи сюда газеты. Сейчас накормлю Карла, он сегодня долго не встает, не спал всю ночь. Я сама всю ночь глаз не сомкнула. Поскорее накормлю его и тотчас в отель. Не могу здесь оставаться. Уходи же.

Она сдернула со спинки кровати халат и собиралась встать.

Билли сказал:

— Ну вот, опять плохое настроение.

— С чего бы ему быть хорошим?

— Не вставай. Я приготовлю для мальчика еду, а тебе сварю кофе. Если сюда придут, я их впущу и скажу все как есть.

— Что?!

— Скажу правду. Что я друг Фредерика и при-

шел тебя проведать. Чем это тебе не нравится?

— Да нет, пожалуй, про тебя можно сказать, что ты друг Фредерика.

— Я и был его другом. Как приготовить мальчику еду? Вообще-то, жаль его будить.

Когда Билли вернулся, она переодевала ребенка, а тот хватал длинные пряди ее волос и тянул к себе. Перед Аннабел лежали развернутые на первой странице утренние итальянские газеты, и, одевая ребенка, она пробегала глазами заголовки и заметки. Даже когда Карл, таская ее за волосы, нагибал ей голову вперед или набок, она умудрялась высмотреть на столбцах очередной статьи, что пока еще чиста. Все цитировали ее слова: «Я не верю, что это самоубийство», или «Я никогда не поверю, что это самоубийство», или «Фредерик был не из тех, кто кончает с собой». Она припомнила, что и в самом деле во время встречи с журналистами снова и снова повторяла эти слова, вызывая горячее одобрение соседей, и порадовалась, что, несмотря на все переживания, не потеряла голову.

— Эти первые выпуски самые важные, — сказала она. — Другие обычно подхватывают заданный тон. А тон определяет все.

Билли взял в руки газету и вслух перевел на

английский:

«Что бы вы там ни говорили, меня никто не убедит, что это самоубийство», — произнесла миссис Кристофер, бледная и...»

— Это истинная правда, — сказала Аннабел.

Только когда они снова очутились в еще не прибранном после отъезда Кристоферов номере гостиницы, Билли сказал ей о письмах, написанных Фредериком накануне самоубийства.

Мальчик спал в детской кроватке, которую опять принесли в номер. Из всех гостиничных вещей одну только эту кроватку убрали из комнаты за время отсутствия Аннабел. Кое-что из багажа тоже оставалось в номере. Фредерик должен был перевезти отсюда на квартиру упакованные чемоданы.

— А мне казалось, я их заперла, — сказала Аннабел.

Замочек одного из чемоданов был раскрыт. Она потрогала второй. Он щелкнул и раскрылся. Другой чемодан оказался запертым.

— Наверное, забыли снова запереть на ключ, — заметил Билли.

— Кто забыл? О ком ты?

— Полицейские. Я думаю, они хотели узнать, не найдется ли в его вещах какой-либо улики.

Наркотиков, писем — словом, чего-нибудь, что может навести на след.

— Какая наглость. Я пожалуюсь в посольство. Они...

— У тебя ничего не получится, — сказал Билли. — Самоубийствами занимается уголовный суд. К тому же бывают случаи, когда людей доводит до самоубийства шантаж или какая-нибудь угроза. Полиция обязана все выяснить.

— Но у них не было ордера на обыск, — сказала Аннабел.

— Допустим, — сказал Билли.

— Да и что они, в конце концов, могли найти? Ты думаешь, он держал здесь письма от своей девицы?

Хлынул дождь; она пошла закрыть окно и увидела, как на другой стороне улицы сидят в кафе под тентом, развалившись на стульях, молодые люди, девушки, женщины ее лет, пьют эспрессо, едят мороженое, и, судя по всему, ничто, кроме дождя, их не тревожит. Сидевший за одним из столиков брюнет в очках в темной оправе увидел Аннабел в окне и помахал рукой. Улыбаясь широкой белозубой улыбкой, он приглашал ее спуститься. Аннабел захлопнула окно; ей была невыносима мысль, что он принял ее за обык-

новенную женщину, которая вольна идти куда угодно, развлекаться.

Войдя в смежную спальню, она принялась перебирать разбросанные повсюду вещи Фредерика. Билли последовал за ней.

— Они ничего не нашли, — сказал он. — Ни писем, ничего такого.

— Откуда это тебе известно? А его рукописи и все прочее?

— Я приехал раньше, чем они. Увез отсюда все бумаги, какие только смог найти. А рукописей здесь, кстати, и не было, они на квартире у его девушки, часть у меня. Я взял все письма, где он объясняет, почему решил покончить с собой.

Ее сознание не приняло, не смогло принять этих слов; так прошло минут семь, а потом зазвонил телефон. Служащих коммутатора предупредили, чтобы с номером никого не соединяли, но звонок из Лихтенштейна произвел впечатление на телефонистку, и она решила справиться, будет ли Аннабел отвечать.

— Не будет, — сказал Билли, поднявший трубку. — Никаких звонков. Записывайте все сами. Кто звонит из Лихтенштейна?

— Может быть, это Голли? — сказала Аннабел. — Пусть она приедет.

Билли крикнул в трубку:

— Если это звонит мисс или миссис Голли Макинтош, передайте ей, чтобы она приехала в Рим. — Он не мог сообразить, как это сказать по-итальянски, и уже начал было диктовать телефонистке фамилию Голли по буквам, как Аннабел вдруг сказала:

— Я просто завопить готова. Сил моих нет. — Ее голос звучал как-то странно, будто чужой. — Не было никаких писем. И самоубийства не было.

— Миссис Кристофер неважно себя чувствует, — сказал Билли телефонистке. — Она больна и устала, до смерти устала. Так всем и передайте.

VI

— Я до смерти устала давать тебе деньги, — сказала Аннабел, сунув руку в лежащую на одеяле сумочку. Она сидела в постели, откинувшись на подушки и еще не окончательно очнувшись после тяжелого сна, прервавшего истерический припадок — доктор сделал ей инъекцию, когда истерика только начиналась.

За окном начинал тускнеть сверкающий субботний день, на стенах домов появился розовато-золотистый отсвет.

— Долго я спала?

Незнакомый доктор, которого вызвал к ней Билли, молодой, живущий при больнице врач, понятия не имел о том, что с ней произошло, и мечтал лишь сделать свое дело, получить причитающийся ему гонорар и умчаться на мопеде за город, чтобы не проморгать единственную за весь месяц свободную субботу. Явно не осведомленный о последних веяниях в мире кино, он не догадывался, что Аннабел — не простая пациентка. Заключив по окружавшей ее обстановке, что она, очевидно, актриса, он уверил Билли, что уже много раз лечил от переутомле-

ния американских леди. Аннабел, находившаяся в полной прострации, все же заметила ошибку и, еле шевеля губами, взволнованно пролепетала «Английская». Доктор, не подозревая, что речь идет об общественном положении пациентки, ибо слово «английская» — незаменимый атрибут титула: «Английская Леди Тигрица», не обратил на поправку внимания и стал расспрашивать Билли, какие наркотики употребляла больная и употребляла ли она их вообще. Узнав, что, кроме переутомления, отклонений от нормы нет, он вынул шприц и впрыснул Аннабел снотворное.

Она проспала около четырех часов. За это время в номере появилась приглашенная на небольшой срок нянька, которая выкатила в соседнюю комнату кроватку Карла и хлопотала сейчас там возле него. Полулежа на подушках, Аннабел все еще не могла прийти в себя. Ей казалось, что все эти четыре часа Билли просидел в комнате, ожидая ее пробуждения, чтобы взять у нее денег.

— Который час? — спросила Аннабел.

— Десять минут шестого. Хочешь чаю?

— Да.

Пока он заказывал по телефону чай, она шарила в сумочке.

— Зачем тебе деньги? — спросила она.

Он промолчал, и ее рука хлопнулась на стеганое одеяло рядом с раскрытой сумкой. Билли вдруг сказал:

— Самое главное, что письма Фредерика у меня. Все его письма, где он пишет о причинах самоубийства.

Вот оно. Она встрепенулась, вспомнив, что как раз об этом ей нужно было подумать. Перед приходом доктора Билли говорил ей — сейчас она припомнила — об этих самых письмах.

Он подошел к стулу, на спинке которого висел его пиджак. Взял из кармана пачку писем. Письма были распечатаны. Билли вернулся к ней и сел на кровать, держа письма в усыпанных рыжими веснушками руках с неопрятными, грязными ногтями. Аннабел, не сводившая с писем взгляда, заметила, что руки у него дрожат.

— Одно из этих писем, — сказал Билли, — мне вчера вечером доставили по почте. Я получил его, когда вернулся с этой вечеринки в твоей квартире. Взял такси и сразу к церкви, но немного опоздал. Тогда я приехал сюда и здесь нашел все остальные. Конечно, Фредерик хотел, чтобы эти письма обнаружила полиция, иначе он сам бы и разослал их по адресам, как то, которое отправил мне, ведь верно? Но они все достались мне. Я

пришел сюда первым, и теперь они мои.

Она никогда не слышала, чтобы Билли так разговаривал, казалось, он вот-вот заплачет, будто это его самого, а не ее грызет мучительное ожидание.

Протянув к письмам руку, она спросила:

— Что там написано? Если ты их продаешь, то у меня при себе нет таких денег. Тебе придется обождать и сторговаться с моим адвокатом. Мы, конечно, заплатим.

Он улыбнулся, открывая десны.

— Бедняжка. Чем же вы друг другу так насолили?

Аннабел не опускала руку:

— Дай мне на них взглянуть.

— Я их не продаю, — сказал Билли и отвел письма в сторону от ее протянутой руки.

Тогда она закричала:

— А потом ты начнешь продавать фотокопии? Дай мне посмотреть на письма, слышишь? Я хочу узнать, что он такое написал, и что он натворил, и что еще намерен натворить.

— Нет у меня никаких фотокопий! — он тоже сорвался на крик. — Ты думаешь, после вчерашней ночи у меня только и было на уме, что бегать да переснимать эти письма — смертельный яд,

оставленный мертвецом? Переснимать такие письма? Как же!

В дверь постучала горничная, принесшая чайник. Билли впустил ее. Положив на одеяло письма, он убрал со столика и пододвинул его к постели. Горничная ждала с подносом, украдкой поглядывая на мифическое существо, которое, сойдя с экранов и страниц иллюстрированных журналов, оказалось вдруг вполне обыкновенной женщиной; и эта женщина, худая и не такая уж молоденькая, лежала на постели, рядом на стуле валялась газета с ее фотографией и самым свежим жизнеописанием; а на стеганом одеяле по другую сторону постели, возле правой руки Леди Тигрицы, лежала еще одна газета со снимком ее мужа Фредерика Кристофера, который существовал теперь только на фото, помещенном на первой странице вечерней газеты: «Актриса повторяет: «Я никогда не поверю, что это самоубийство».

Аннабел приподнялась и села, опираясь спиной на подушки, и в тот момент, когда она это делала, ее правая рука слегка отодвинула газету с фотографией Фредерика и, словно невзначай, перевернула страницу, а левая опустилась на четыре конверта, которые Билли положил на одеяло. Из-под небрежно разорванных краев кон-

вертов виднелись строчки. Горничная сказала:

— Там пришел наш посыльный насчет ключа.

Билли направился к дверям и обнаружил в коридоре мальчика-посыльного.

Насколько Билли смог понять, тот пришел за ключом, который нужно было передать кому-то ожидавшему у служебного входа. Как выяснилось, это была женщина, явившаяся по просьбе одной из соседок убрать квартиру Аннабел. Так как дома никого не оказалось, ее послали за ключом в гостиницу. Аннабел вспомнила, что ночью какая-то из соседок пообещала ей привести в четыре часа дня свою бедную золовку, чтобы та как следует убрала квартиру.

Билли вынул ключ, полученный от Фредерика, и велел сказать женщине, чтобы она принесла его обратно, когда, окончив уборку, зайдет за деньгами.

Посыльный и горничная ушли. Билли затворил дверь, открыл окно, выходящее на теневую сторону, подошел к подносу и сказал:

— Сейчас налью тебе чаю.

— А куда все исчезли? — спросила Аннабел. — Что это ни о ком ни слуху ни духу?

— Все тут как тут. На первом этаже лежит груда телеграмм и длинный список тех, кто звонил

тебе по телефону. Цветов прислали столько, что в пору открывать цветочный магазин, их держат в прачечной, в лоханках с водой.

— Откуда ты это знаешь?

— Я всюду побывал, пока ты тут спала.

Он положил в чашку ломтик лимона и налил чаю. Аннабел держала в руке письма.

— Позвони моему адвокату. Пусть он приедет. У меня записан номер его домашнего телефона в Беркшире.

— Он уже сам звонил. Будет здесь завтра вечером или в понедельник утром. Да ты не трусь.

— Когда тебе лезут в душу, это страшно. Вот хоть ты — чего тебе от меня нужно?

— Я друг дома, — сказал Билли. — Когда-то ты спала со мной. Валяй читай, при мне можешь не стараться сохранять невозмутимую мину.

— Нашел что вспоминать. Это было так давно и не имеет никакого значения.

Аннабел развернула верхнее письмо.

— Конечно. Иначе разве я смог бы быть старым другом семьи?

— Знаешь что, — сказала она, — если я с кем-то спала, из этого совсем не следует, что я и впредь буду с ним якшаться.

— Ты прочти письма. Нам нужно решить, что

говорить на следствии. Договоримся, и я сразу уйду. Тебе придется дать мне денег, у меня ничего не осталось. Доктору заплатил, такси и разное такое. Ты уж подкинь мне что-нибудь.

— На следствии? А когда оно начинается?

«Мамочка, — прочла она, — это последнее письмо, которое ты получишь от своего сына...»

Она взглянула на конверт и подняла глаза на Билли.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Ведь письмо адресовано мне.

— Не тебе, а миссис У. Э. Кристофер, — ответил Билли. Он наклонился к ней и продолжал, жестикулируя веснушчатыми руками: — Я уверен, что Фредерик предназначил его для полиции; его должны были прочесть на следствии. И это письмо, и другие...

— Его мать умерла несколько лет назад. И что это за «мамочка»? Он никогда ее не называл так.

— Работал на публику.

— Он просто спятил... или это ты спятил. Да он же был для публики...

Она снова принялась читать, а Билли возбужденно говорил:

— Сперва на следствии, потом в здешних газетах, а там уж и где угодно. На первых порах

ни один человек не поверит, что старухи нет в живых, а позже ничего не исправишь.

Взвинченный, злобный, он, казалось, даже усмехался и вдруг выхватил у нее из рук письмо:

— Во что они захотят поверить, в то и поверят! — Он стал читать письмо вслух, и тут-то она наконец увидела, как ловко Фредерик его задумал, как тщательно рассчитал каждую мелочь, словно от этого зависело все его будущее. Еженедельно, а то и ежедневно можно встретить в итальянских газетах такое письмо к «мамочке» от сына — от сына, который сидит в тюрьме, и от сына, находящегося под судом, от студента, наложившего на себя руки во время нервного припадка, и от сына, который соблазнил дочку соседа или сбежал с его женой, и от священника, женившегося во Франции: «Мамочка, это я, твой сын, пишу тебе...»

Аннабел выпрямилась и стала внимательно слушать; ее растерянность, сонливость как рукой сняло. Противник действовал умело, и она была готова встретить его во всеоружии и лишь хотела оценить размах и уровень его возможностей.

В одну и ту же секунду прозвенел телефон и за дверью послышались громкие голоса вернувшихся с прогулки няни и ребенка. Еще стоя в коридоре, нянька, ахая и восклицая, принялась

рассказывать, как все в садах Боргезе восхищались малышом и как все мамочки...

Вилли метнулся к телефону и хотел снять трубку, как вдруг Аннабел сказала резко и повелительно, словно отдавая, воинскую команду:

— Оставь. Не отвечай.

Затем она повернулась к няньке; та уже приблизилась к кровати, чтобы подать ребенка матери, но изумленно замерла, застав ее столь бодрой. Махнув рукой в сторону смежной комнаты, Аннабел тем же отрывистым тоном, который до смешного не шел к итальянским словам, скомандовала:

— Марш туда. Дверь затворите. Выкупайте Карла. Покормите его. Потом, будьте любезны, принесите его ко мне.

Потрясенная нянька не шелохнулась.

Телефон зазвонил снова.

— Не трогать, — сказала Аннабел голосом шпионки из фильма.

Тут нянька, обретя способность двигаться, направилась, как ей было приказано, в смежную комнату, на ходу утешая ни о чем не ведающего Карла, по ее мнению как-то обиженного вместе с ней. Аннабел крикнула ей вслед, как бы желая оправдаться:

— Мы тут совещаемся насчет похорон мужа. Пожалуйста, закройте дверь.

— Может быть, мне позвонить на коммутатор и узнать, в чем дело? — сказал Билли, берясь за трубку. Он справился, по какому поводу им только что звонили, и узнал, что женщина, убиравшая квартиру Аннабел, интересовалась, как ей быть с молодой леди, но теперь уже скоро сама придет в гостиницу, чтобы получить указания.

— Вели им больше нас не беспокоить, — распорядилась Аннабел. — Скажи, чтобы портье отдал ей деньги, и пусть она без нас справляется со своими делами.

Билли в деликатной форме довел этот приказ до сведения портье. Потом налил себе чаю и вдруг вспомнил о письмах; они исчезли.

Оказалось, их спрятала Аннабел. Когда с прогулки пришла няня, Аннабел поспешно сунула их под одеяло. Сейчас она их снова вынула.

— Не разговаривай громко, — предупредила она. — Я не хочу, чтобы эта женщина что-нибудь здесь увидела или услышала.

— Но она не понимает по-английски.

— Откуда ты можешь знать, что они понимают? Слово здесь, слово там, листок бумаги, почерк...

Она взглянула на четыре конверта, которые

держала в руке, — один был пуст, второпях она не успела положить письмо на место — и сказала:

— Почерк нормальный, его обычный почерк. Вполне твердый, и вообще...

— Я тоже обратил внимание.

— Он страшный человек, — сказала Аннабел. — Я не знала, какой он страшный.

— Может быть, он написал их раньше, еще до того, как окончательно решился, — заметил Билли. — Он всегда твердил, что хочет покончить с собой, и мне казалось, он на это способен. Но о письмах я не знал и даже не догадывался.

— Между прочим, на них есть дата.

— Он мог приписать ее позднее.

— В свою последнюю минуту, — ядовито уточнила Аннабел.

Няню отпустили восвояси, ребенок лежал рядом с Аннабел, поводил ручками, позевывал, что-то сонно бормоча. Она села, подмостила под спину подушки и в третий раз взялась за письма. Около Билли стояли бутылка виски, кувшин воды и чашка со льдом.

«Мамочка, это последнее письмо, которое я, твой сын, пишу тебе. Ты, всегда бывшая для меня чудесной матерью, истинной матерью, прости мне то, что я намерен сделать. Это единственный

выход из кошмарной, непереносимой ситуации. Мама, моя жена неверна мне, она изменяет мне и днем и ночью. С тех пор как родился наш сын, она стала совсем другой. Оргии, разнузданные оргии самого возмутительного свойства устраиваются теперь в ее честь и длятся по целым ночам. Иногда я прихожу за ней и пытаюсь ее увести с этих празднеств разврата и зла, но она надо мной насмехается и подстрекает своих приятелей также смеяться надо мной. Сколько раз, опьяненная вином или наркотиками, она являлась в наш номер в здешней гостинице только в десять-одиннадцать часов утра в сопровождении каких-то растленных типов, опустившихся до последней степени падения. Управляющий уже предупредил меня, что, если это будет продолжаться, нам придется съехать.

Ты знаешь, мамочка, что мы известны всему миру как образцовая чета. Эта наша репутация — вопиющая ложь.

Маленький Карл отдан на попечение горничных и нянек, совершенно случайных, посторонних людей. Что с ним станется?

Я ухожу из этой жизни, мамочка, зная, что даже в мой смертный час Аннабел затевает омерзительную разгульную пирушку в своей новой

квартире, снятой специально с этой целью. Она бражничает там и пляшет в этот самый час.

Когда ты прочтешь это письмо, не осуждай меня. Спасибо тебе, мамочка, за все, что ты для меня сделала. Молись за меня. О, если бы все женщины были такими, как ты. Недостойный, я умираю возле святых мучеников в надежде обрести мир.

Твой умирающий сын Фредерик».

Сложив письмо, Аннабел сунула его в конверт и сказала, как бы подводя итог:

— Его мать умерла. На оргиях я не бываю. Пирушку в нашей квартире затеял он сам. Я всегда забочусь о ребенке. Управляющий гостиницей ни на что не жаловался. — Она взглянула на ребенка. — Но все это мне придется доказывать.

— Да, — ответил Билли.

Она сказала:

— В один день не оправдаешься. Людям нужно как-то объяснить, что это за оргии и почему он о них пишет.

— Еще бы.

Аннабел сказала:

— Теперь следующее, — и взяла новое письмо. Оно было адресовано ей самой. Заунывным, скучным голосом она прочла:

«Дорогая Аннабел, когда, бедные и влюблен-

ные, мы с тобой поженились, еще задолго до того, как нас увенчала слава...» — Она остановилась и сказала, взглянув на Билли:

— Нравится мне это «нас».

Но не успела она договорить, как Билли вскочил, беззвучно шевеля толстыми, искривившимися от ужаса губами. Он глядел на одно из открытых окон.

Там, занимая почти треть окна и слегка светясь на фоне ночного неба, колыхалось что-то белое, луковицеобразное, без рук, но с туловищем, ногами и головой, некий призрак эмбриона, который заглянул к ним в комнату и приостановился, покачиваясь над подоконником.

Билли бочком отступил к стене, прижался к ней спиной и взвизгнул пронзительным женским голосом.

— Ты разбудишь ребенка!

Мальчик проснулся и заплакал. Аннабел взяла его на руки. В первую секунду она и сама опешила, увидев привидение, но почти сразу же узнала в нем любимую забаву римлян — воздушный шарик; такие шарики самых причудливых очертаний, прикрепленные к столь длинному шнурку, что они могли парить на уровне крыши, часто запускали здесь по вечерам. Прожектор,

установленный неподалеку, около какого-то памятника, бросал слабый отблеск на белую игрушку, как ни в чем не бывало покачивавшуюся в окне. Вскоре к ней присоединился голубого цвета кавалер с намалеванной ухмылкой.

Билли, прижавшись к стене спиной, не отводил глаз от окна. Казалось, он вот-вот свалится на пол. Мальчик не унимался.

Аннабел крикнула:

— Билли, это же воздушные шары! Что с тобой?

Потом она стала успокаивать ребенка. Выбравшись из постели, она поднесла его к окну, чтобы показать смешные шарики. Плач замер тотчас же, едва малыш заметил приплясывающие в окне светящиеся штучки. Аннабел посмотрела вниз: две пожилые туристки, от души радуясь и путешествию, и отпуску, и шарикам, махали им рукой. Аннабел взяла Карла за ручку и ею помахала женщинам.

Пошатываясь, Билли вышел в ванную. Когда он возвратился, Аннабел по-прежнему стояла у окна. Держа правой рукой ребенка, она левой ударяла по шарикам, вновь и вновь возвращавшимся на прежнее место. Малыш был целиком поглощен этим зрелищем.

— Прости, это нервы, — сказал Билли. — Чисто нервная реакция. Я не спал сегодня, совсем не спал.

— Я все же лягу, — сказала Аннабел. — Этот укол такой сильный. Хоть сейчас могу уснуть.

— А разве ты не собираешься дочитать письма до конца? — спросил Билли.

— Что ж, можно. Там будет что-то новое?

В письме к ней Фредерик обвинял ее, что она над ним издевается, устраивая оргии.

В третьем письме, адресованном Билли, Фредерик обвинял ее, что она над ним издевается, устраивая оргии.

Четвертое было адресовано Карлу:

«Сын мой, когда ты вырастешь большим и станешь все понимать, я хочу, чтобы ты узнал...»

— Он делает все точно так, как журналисты, когда им нужно состряпать скандал, — сонным голосом сказала Аннабел, — говорят, они даже сами сочиняют такие письма.

Она уже переложила ребенка в кроватку, и тот снова засыпал, что-то тихонечко бубня под нос.

— Что такое оргия — в буквальном смысле слова? — спросила она. — Ты когда-нибудь на них бывал?

— Это нервы: переволновался, не выспался,

— сказал Билли.

Аннабел спросила:

— Интересно, мне звонил Луиджи Леопарди?

— Кто это?

— Как кто? Ты сам знаешь кто.

— Ужасно себя чувствую, — сказал Билли. — Зачем тебе Леопарди?

— Мне нужно с ним поговорить, — ответила она. — Звонить к нему за город мне не хочется: там его семья и все такое. Кстати, попрошу у него, чтобы привез денег.

Билли снял трубку и спросил, звонил ли некий синьор Леопарди.

Он выглядел совсем больным и, разговаривая, показывал красные десны. Он ей напоминал какого-то загнанного рыжего зверя, изнемогающего от усталости и голода. Телефонистка продиктовала ему номер телефона Луиджи и, очевидно, сразу же соединила с кем-то другим. Билли сперва спросил: «Это так уж срочно?», а потом перешел на английский, должно быть, с ним говорил старший портье. Билли воскликнул: «Не может быть!» Потом: «Какой ужас!» Потом он сказал: «Видите ли, она сейчас не в состоянии разговаривать с полицией. Они придут в штатском?» И немного погодя: «Это карабинеры в форме или...» Он опять

замолк; из трубки доносился взволнованный голос, торопливо сыпавший словами, понять которые Аннабел не удалось. Потом Билли сказал: «Сейчас спущусь».

— Что случилось? — спросила Аннабел.

Но он ей не ответил и вышел, хлопнув дверью. Она встала; зевая, подошла к столу и нашла бумажку, на которой был записан телефон Луиджи. Подняв трубку, Аннабел попросила телефонистку соединить ее с этим номером. Девушка ответила:

— Сию минуту; этот господин уже много раз вам звонил.

Как могло случиться, что девушку в таком опасном состоянии оставили на полу в ванной и не хватились ее до прихода уборщицы? Это было самое непонятное. Как она вообще попала в квартиру, казалось не столь интересным, тем более что на этот вопрос уже в воскресенье утром ответила сама девушка, которая, очнувшись на больничной койке, с робким смешком пояснила, что была приглашена на «нечто вроде оргии». Потом она сказала, что не делала себе инъекции, а «приняла таблетки». После этого, объявив, что она очень благодарна, она уснула. К тому времени врачи нашли в ее сумочке остальные таблетки и приняли нужные меры.

Но как она оказалась в ванной? Луиджи еще не успел спросить об этом Аннабел. Он был занят чтением писем.

Было воскресенье, десять часов утра. Няня отправилась с ребенком на площадку, устроенную на крыше отеля, где тотчас собрались со своими питомцами и другие нянюшки, ибо все это разноязычное племя жаждало уловить хоть какие-то обрывки сведений, просочившихся из комнат Аннабел.

Доставленные в Рим американские, английские и европейские континентальные газеты подхватили готовеньким, прямо из рук опередившей их итальянской прессы, сообщение о смерти Фредерика. С первых страниц бросались в глаза фотографии Аннабел, покидающей больницу после опознания тела, и Аннабел, окруженной соседями и нежно прижимающей к груди малютку сына, а также Аннабел в ее самом последнем и самом знаменитом «тигрином» фильме. Надпись же примерно в одинаковых словах везде гласила нечто вроде: «Самоубийство? Этого не может быть!» — говорит Аннабел».

Фотографий самого Фредерика было не так уж много, но этого не заметил никто, кроме Аннабел; да и та обратила на это внимание только

потому, что так недавно испытала на себе всю силу его ненависти: видя, что истинный виновник сенсации, Фредерик, остается в тени, она почувствовала досаду оттого, что мужа нет в живых и эта несправедливость уже не сможет его огорчить. Впрочем, свое наблюдение Аннабел оставила при себе.

Луиджи прибыл из деревни в полдесятого; его приезд послужил для няньки путеводной нитью, из которой она плела на крыше самые разнообразные узоры.

Аннабел встала и оделась. Бледная, вялая, она сидела в кресле и маленькими глотками отпивала из чашки кофе, не прикасаясь ни к лежащим на подносе хрустящим булочкам, ни к стоящим там же вазочкам с вареньем и джемом. Луиджи весь ушел в чтение писем. Перед ним тоже стоял поднос, и он с аппетитом жевал намазанные маслом булочки, а попутно осваивался с содержанием писем и с самим фактом их существования.

В руке у Аннабел был ее новый сценарий — «Лестница». Тот самый, что она читала третьего дня до прихода Билли. Жирный след от ножа так и остался на странице. Когда в квартиру ворвались гости, она спрятала сценарий под подушку, а перебираясь в гостиницу, сунула его в сумку,

где спал ребенок. Сейчас она торопливо отыскала нужную страницу и погрузилась в чтение роли — она играла секретаршу жены посла, — при этом у нее было такое же ощущение, какое бывает у человека, который, проторчав полдня в уличной пробке, наконец-то возвращается домой.

«97. Дафна останавливается на лестнице. Она увидела проходящего через холл Ламонта.

98. Камера передвигается к Ламонту. Подойдя к дверям библиотеки и взявшись за ручку, он оборачивается и застывает в нерешимости. Взгляд вверх.

99. Камера медленно движется вверх по лестнице от ступеньки к ступеньке, доходит до ног Дафны в туфлях с пряжками, которые медленно сходят вниз.

100. Вид с лестничной площадки в середине лестницы. Дафна спускается вниз. Ламонт по-прежнему стоит возле дверей библиотеки. Его рука не сдвинулась с места.

101. Камера переходит к верхней площадке. Ноги леди Сары в нарядных туфлях с острыми носками. Камера медленно движется к лицу, глазам. Леди Сара одета к обеду. Решительным шагом она начинает спускаться.

102. Площадка посередине лестницы. Леди Сара

останавливается.

Леди Сара. Как, мисс Вэнс, вы уже все закончили?

103. Внизу Дафна, которая продолжает спускаться к Ламонту, все еще стоящему возле дверей библиотеки, при звуке голоса леди Сары останавливается, держа руку на перилах. Затем оборачивается с умоляющим выражением лица.

Дафна. О, да, леди Сара, я хотела на минутку... просто... просто...

Ламонт. Сара, знаешь ли, мисс Вэнс имеет право хотя бы по вечерам немного подышать свежим воздухом».

— Это все? — спросил Луиджи, дочитав письма до конца.

— Билли сказал, что все, — ответила она.

— А с этих сняты копии?

— Он говорит, что нет.

— Ты за них заплатила?

— Нет.

— Значит, у него есть копии и рано или поздно тебе придется за них уплатить.

— Билли клянется, что он не снимал фотокопий. Он был вне себя от ярости, когда я ему не поверила. Может быть, он пожалел меня.

— Может быть, он что?.. — переспросил Луи-

джи.

— Пожалел меня.

Скорбно кивнув головой, Луиджи вынужден был согласиться, что это возможно.

— Да, он может пожалеть тебя, — сказал Луиджи. — Еще бы.

Он снова взглянул на последнюю страницу последнего письма, обращенного к Аннабел, и прочел вслух:

«Ты прекрасная раковина, достойная украсить собой коллекцию; отшлифованная морем, совершенная по форме жемчужная раковина... но пустая, лишенная некогда заключенной в ней жизни».

— Все это чистая фантазия, — сказала Аннабел. — Одна из его выдумок, взятых с потолка. Не такая уж я прекрасная и совершенная, да и не такая пустая, но ему, видишь ли, так представляется. Как, по-твоему, похожа я на раковину?

Луиджи взглянул на нее: такой же наметанный взгляд, быстро схватывающий самую суть явлений, однажды уже помог ему предугадать ее возможности, когда снималась сцена около фонтана Бернини. Фильм был ужасный, и снимал его не Луиджи, и все же он ее заметил в роли гувернантки, робко проскользнувшей мимо ка-

менных чудищ и героев под жаркими лучами прожекторов и любопытными взглядами стоявших на площади молодых людей и девушек. Он заметил тогда не Аннабел, а ее киногеничный облик, глаза, которые станут совсем другими на полотне экрана, и что-то очень определенное в ее лице — своего рода дар, которому можно было найти применение. Все это он увидел с одного-двух взглядов. Сейчас, когда он посмотрел на нее снова, он яснее понял, в чем заключалось свойство, подсказавшее ему когда-то, что из нее удастся сделать. У нее был принужденный вид провинциалочки, благопристойная дневная маска необузданного существа. Какая жесткость в житейских делах и какая чопорность во всем, что касается смерти! «Я никогда не поверю, что это самоубийство. Никогда!» Прочтя эти слова, он подумал, что такая реплика отлично прозвучала бы в каком-нибудь новом фильме, где снялась бы Аннабел, если бы Фредерик остался жив и продолжал быть ее партнером в игре на публику. В конце концов, в этой игре было не так уж мало правды. В Аннабел чувствовалось нечто вкрадчивое, дамское и в то же время и впрямь тигриное.

— Нет, ты не пустая раковина, конечно, нет, — сказал Луиджи.

— Одна из его фантазий, — бросила Аннабел. — Ох, уж эти мне его фантазии.

Она уткнулась в сценарий, ища успокоения в его репликах и ремарках. Потом заговорила снова:

— Та девушка... о ней ведь напишут в сегодняшних вечерних газетах. Я сказала полицейским, что ничего о ней не знаю, что понятия не имею, как она забралась в мою квартиру. Там всю ночь толклись десятки людей, и соседи, и репортеры, а девушка, по-видимому, была в невменяемом состоянии и решила, что попала на оргию.

— Зачем она к тебе пришла?

— Наверно, Фредерик послал. Может быть, он сам и напичкал ее наркотиками.

— Теперь можно не волноваться, она цела и невредима, хотя врачи говорят, что это просто чудо. Она проглотила целую пригоршню таблеток. Покушение на самоубийство. Конечно, это попадет в газеты, тут уж ничего не поделаешь. Но ты не беспокойся, — заключил он с не очень-то спокойным видом.

— Что у нее случилось? Почему она это сделала?

— Говорят, она была влюблена во Фредерика.

Сценарий вывалился из рук Аннабел и упал

на пол. Вся подобравшись, она уставилась на Луиджи своими темно-желтыми глазами.

— Стоит ли удивляться, что он покончил с собой? Эти женщины замучили его своими преследованиями.

Она вонзала в него фразы, как острие иглы, и смотрела, действует ли. У Луиджи появилось ощущение, что она пытается привить ему какую-то свою идею, совсем как это делала его пресс-секретарша.

Потом он понял, что она нащупывает линию обороны.

— Эти женщины довели его до сумасшествия, — сказала Аннабел. — Они за ним гонялись. Под конец он совершенно запутался, потерял голову и преступил предел... Возможно, он считал, что я устраиваю оргии...

— Ты скажешь все это на следствии? — спросил Луиджи.

Понаторевший в оценке актерских данных, он восхищался бережливостью, с которой Аннабел использовала свои — богатейшие, по его мнению, — возможности. «Вот так и в жизни, — думал он, — бережливы лишь очень богатые люди, бедняк же тотчас растранжирит все на пустяки». Он поглядывал на Аннабел с легкой улыбкой, в глубине

души довольный тем, что его жена совсем другая. Аннабел обдумала последний вопрос.

— Там будет видно, — сказала она.

Луиджи пришло в голову, что, пожалуй, с ней уже сейчас можно начать разговор, который он пока откладывал.

— Да, кстати, тебе, может быть, придется на некоторое время уехать. Отдохнешь в какой-нибудь приятной стране, например, в Мексике. Отправишься туда с ребенком, так сказать, всем домом.

— Но мне нужно делать новый фильм. Как будет с фильмом?

Он ответил:

— Ты не сможешь в нем участвовать, если начнутся эти разговоры насчет оргий. Кто тогда примет всерьез твою Дафну, особенно в той сцене, где она отказывается от Ламонта, потому что он женат. Или в конце, где он слишком поздно приезжает в аэропорт. Ничего, кроме смеха, эти сцены не вызовут, если газеты сообщат, что ты устраиваешь оргии. И потом, если мы вырежем те сцены, где Дафна и Ламонт наталкиваются в горах на контрабандистов, везущих наркотики, и, рискуя жизнью, пытаются помешать им совращать молодежь, то вылетит полфильма. А если

мы эти сцены оставим, публика будет кататься от хохота. Видишь ли, Аннабел, стоит только пустить слух, что ты принимаешь участие в каких-то оргиях, и роли в фильмах такого плана будут звучать в твоем исполнении как насмешка, как издевательство. А ведь эту картину, скажу тебе по секрету, частично финансирует Ватикан. Я убежден, что газетчики раздуют слухи насчет оргий до крайних пределов. Сплетни о новых звездах для журналистов — хлеб насущный, и самое рискованное время в жизни кинозвезды — как раз первые два-три года. Кинозвезда всегда в опасности, но в первые два-три года риск особенно велик.

Он поднял с полу рукопись и бегло полистал ее, как перелистывают пачку банкнотов, когда пытаются определить на глазок ее стоимость.

Потом заговорил на своем правильном английском, с неожиданным американским привкусом в итальянском акценте.

— Мы тебя заново представим публике, подберем новый типаж. Вернувшись из путешествия, ты будешь играть таких отчаянных, распутных баб. И фильмы пойдут новые.

Она сказала:

— У меня есть и другие предложения.

— Тебе рано еще так говорить, — ответил он, — года через два-три ты смогла бы говорить о других предложениях и вступать в переговоры с другими продюсерами и другими кинокомпаниями. Но пока что ты сделала только первые шаги. А в Америке и того еще не успела. Ты могла бы продвинуться и со временем, может быть, и продвинешься, но...

Он сбивал ей цену, будто торговался на рынке.

— Отчего ты так уверен, что эти слухи обязательно распространятся? — выпалила она скороговоркой, расстегивая и затягивая потуже пояс на платье.

Не отвечая на ее вопрос, он сказал:

— Твой муж был помешанный. Тихий помешанный. Он ревновал тебя ко мне?

— Вовсе нет, — ответила она. — С какой стати?

Луиджи улыбнулся и сказал:

— Ты выше подозрений.

— Откуда мне знать, ревновал или нет? — сказала Аннабел. — Может, и ревновал. Да ведь зря.

— Ну полно, — произнес Луиджи, — ты так кипятишься оттого, что тебе кажется, будто я (в какой-то мере) распоряжаюсь твоей карьерой. По-моему, он к карьере-то тебя и ревновал.

— Он ревновал к ребенку, — сказала Аннабел.

— Ну нет. К карьере, только к ней. Он завидовал и злился.

— Нет, он сперва огорчался, потом привык. А ревновал к ребенку.

— Но почему?

— Не знаю. Спроси его. Никто не поверит, правда?

Луиджи задумался и на мгновение забыл, что он принадлежит к миру кино.

Аннабел сказала:

— В пять часов пойду в больницу навестить эту девушку. Как ее? Сандра... забыла фамилию.

— Данайя Лайтенс. Ее родители сегодня прилетают из Соединенных Штатов.

— А где они живут в Штатах?

— Не знаю. Не все ли тебе равно, где они там живут?

Но она уже думала о другом.

— Мне нужно заказать цветы, которые я понесу в больницу. Я пойду к ней вся в черном. Почему она говорит, что была на оргии?

— Наверно, она так считает.

— Я думаю, это Фредерик ей сказал, что он с ней встретится на оргии, на ОРГИИ! Конечно, он. Ему ничего не стоило как бы невзначай вбить ей в голову это слово.

— Ну, ты уже принялась сочинять целый сценарий. Твой муж был нездоров. Ты должна его простить. Будь умницей, скажи себе, что ты его прощаешь.

— Это мое дело, прощать или нет, — сказала Аннабел. — Даже когда живого человека прощаешь, ему нельзя прямо в глаза сказать: «Я тебя прощаю». Получается как бы назло: мол, знай, что я выше тебя. А тем более об умершем: Фредерик такое выкинул, а я вдруг брякну: «Я его прощаю!», ведь это будет значить, что на самом деле я его никогда не прощу. Самое лучшее — ничего не говорить и вести себя как обычно, это и будет настоящее прощение. Идти своей дорогой как ни в чем не бывало.

— Когда я был ребенком, нас учили говорить: «Я прощаю тебя» тем, кто нас обидел. И каждый был доволен, услышав, что его простили. Нам еще и так велели говорить: «Я помолюсь богу, чтобы он простил твои грехи».

— А у нас совсем иначе. У нас слова «Я тебя прощаю» звучат оскорбительно. И не так-то уж это приглядно — молиться богу, чтобы он кого-то там простил, да еще сообщать тому человеку, что ты за него помолишься. Это лицемерие.

Луиджи сказал:

— Мать заставляла нас просить прощения даже у братишек и сестренок. Мы так и делали.

— Я знаю у нас в Англии одну девушку, которую так воспитывали, — сказала Аннабел. — Ей достались по наследству деньги, и она их вложила в концерн, выпускающий производственную одежду. Через месяц с небольшим она осталась на мели. И вся ее родня разорилась, кто раньше, кто позже. Не знаю, как это вышло, но только они были сперва ужас как богаты, а под конец сидели без гроша.

— Потому что в детстве говорили: «Я тебя прощаю»? Но ведь это вздор, — сказал Луиджи, очень довольный, что Аннабел так разговорилась.

— Ах, да не знаю я. Но в церковь они больше не ходят. Отец умер, а мать и думать забыла о воскресной службе и всяких таких вещах. Завтра утром к Карлу приедет из Англии новая няня. Была бы она здесь сейчас, я бы смогла ей поручить и свои собственные дела: заказать цветы и все такое. Уверена, что она все сделала бы. Да, вот еще: поговори с Франческой. Что это она со мной так сухо держится? Мне кажется, она всегда была на стороне Фредерика.

Передышка кончилась; Аннабел снова заговорила о деле...

Луиджи поднялся, потом опять уселся и сказал:

— Вот что, Аннабел: эта английская няня вчера телеграфировала, что решила не приезжать. Наверное, боится, что ее впутают в скандал.

— Ну и черт с ней. Возьму секретаршу.

— Я поговорю с Франческой. Все, что тебе нужно, будет сделано. Послушай, Аннабел, дочка твоего врача сказала полицейским, что, когда она с родителями была у тебя, она видела в ванной ту девушку. Девочка говорит, что у тебя везде валялось битое стекло, а на полу в ванной, где спала молодая дама, стояло множество бутылок.

— Что же она не сказала вовремя? Мы что-нибудь предприняли бы еще тогда. Дрянь девчонка. Она все врет. Я не впускала к себе в квартиру эту Санайю... Данайю...

— Но вечеринка у тебя была?

— Была. Но я в этом не признаюсь.

— И Данайю ты не видела?

— В том-то и дело, что видела. Но забыла о ней начисто. Я увидела ее во время вечеринки, когда со мной творилось бог знает что. Она лежала на полу и, очевидно, так и пролежала там всю ночь, но у меня все словно ветром выдуло из головы, когда явился доктор со своей супругой и этой

кошмарной девчонкой.

— Они сразу тебе рассказали, что случилось с Фредериком?

— Доктор мне рассказал не что случилось, а что Фредерик сделал. Это ведь с ним не случилось. Он сам себя убил.

— Ну, это все равно.

— Нет, не все равно.

Он понял, что, стремясь сохранить ясность мысли, она для каждого понятия подыскивает самые точные и четкие определения. Он сказал:

— Вполне естественно, что, услыхав такие новости о муже, ты забыла о той девушке. Ничего другого нельзя было и ожидать.

— Доктор меня сразу же увез опознать тело, — сказала Аннабел.

— Я знаю, — сказал Луиджи. — Все совершенно ясно. Только отчего ты называешь девочку лгуньей?

— Потому что она старается меня опорочить, — сказала Аннабел. — Эта девчонка — свинья и животное.

— Свинья и есть животное. Ты неправильно строишь фразу. — Он взял ее за руку. — Тебе нужно поскорее отправиться в клинику и побыть там хоть неделю. Если на этом будут настаивать,

завтра ты сможешь отлучиться и дать показания. Цель следствия только одна — установить причину смерти.

— Я буду отрицать, что видела в своей квартире эту девушку, — сказала Аннабел. — Это самый простой путь. Все отрицать. Отрицать, что Фредерик оставил письма. Отрицать, что он покончил с собой. У него зарябило в глазах, и он свалился. В глазах же у него рябило оттого, что его замучили своими приставаниями эти женщины. Оргию — отрицать. Да, говоря по правде, это и не была настоящая оргия — просто в квартиру ввалилась пьяная компания и все перебила. Ты узнал что-нибудь о любовнице Фредерика? Ее зовут Марина. Билли знает ее фамилию и адрес.

— Она как будто ничего не затевает.

— До поры до времени.

— Как знать?

— Рано или поздно какой-нибудь журналист предложит ей неслыханную цену за повесть о ее любви. Во всяком случае, я на это надеюсь. Тогда я сразу же прикрою историю с оргией и выдам новую — о том, как моего мужа довели до сумасшествия бабы, которые за ним гонялись и загоняли до того, что он прыгнул с лесов.

— Прикроешь ту историю? Разве можно усми-

рить морские волны?

— Что-то пронюхали газетчики? Из вечерних газет?

— Да все этот Курт, — сказал Луиджи. — Ты его знаешь, такой длинный. Он всех расспрашивает о Данайе, и в больнице и в полиции. Мне кажется, он своего добился.

— Франческа не должна была этого допустить.

— И мне опять же кажется, — продолжал Луиджи, — что тебе все-таки придется уехать. А когда ты вернешься, — он решился переупрямить ее не мытьем, так катаньем, — состоится твое новое знакомство с публикой...

— Я хочу сохранить старое. Мне надо о ребенке думать. Как это я вдруг пущусь в разгул после того, как столько лет была образцовой женой.

— Тебе нужно забыть все, что случилось. Встать и пойти своей дорогой, как, по твоим словам, делают люди, которые по-настоящему простили. Тебе нужно...

— Пусть Франческа организует мой сегодняшний визит в больницу. Пусть достанет букет желтых роз, таких свежих, чтобы казалось, будто их сию минуту срезали с куста, а не привезли из цветочного магазина. Не очень большой, чтобы было удобно держать. Свяжись с Билли — пусть

он разыщет остальных любовниц Фредерика, а Франческе вели раздобыть фотографию свинухи-девчонки. Я позвоню доктору и выясню, согласен ли он признать, что у его дочери болезненная фантазия. Если нет, кто-либо из соседей должен подтвердить, что ребенок крайне возбудимый — nervosa. Я не собираюсь знакомиться с публикой заново. Либо вдовствующая Английская Леди Тигрица, либо никто.

— Но тебе совсем не нужно пускаться в разгул в действительности, — сказал Луиджи. — Достаточно ходить на вечеринки.

— На оргии! Чтобы подтвердить правоту Фредерика?

— Не для этого, но некий общий стиль придется соблюдать. Кстати, разве ты не любишь развлекаться? Вот и развлекайся на здоровье, а тебя будут фотографировать.

— Нет, уверяю тебя, я не люблю развлекаться. Прослыть тигрицей в супружеской постели — еще куда ни шло, поскольку это оставалось в пределах нашей с Фредериком спальни. Муж есть муж. Половую жизнь я признаю только под одеялом, в темноте, в субботу вечером. И чтобы на мне была ночная рубашка. Пусть это заскок, но я такая.

— Совсем как моя жена, — печально сказал Луиджи, обращаясь к потолку, который в этот миг разглядывал.

— Всякие изыски мне противны, — добавила она.

— Ну конечно, — сказал Луиджи.

— И я не стану создавать себе дурную славу, — сказала Аннабел, — даже ради того, чтобы быть звездой. Или вдовствующая Леди Тигрица, мужа которой довели до сумасшествия поклонницы, или никто. Я, может, еще выйду замуж. Вот и Карл. Открой, — не дожидаясь, она бросилась к дверям.

Луиджи снова взглянул на сценарий.

— Что ж, пожалуй, можно было бы начать съемки, — заметил он, — пожалуй, можно.

В комнату ввалилась няня, одной рукой держа ребенка, а другой волоча сложенную коляску.

VII

К утру воскресенья Данайя Лайтенс успела сообщить не только врачам, но и трем сиделкам, что была влюблена в покойного мужа Аннабел. Это признание окончательно убедило персонал больницы, что беднягу англичанина, чьим супружеским счастьем все так восхищались, довело до гибели преследование поклонниц.

Франческу разыскали в Остии и к полудню доставили в Рим. И хоть душа у нее не лежала спасать репутацию Аннабел, она прикинула в уме, как это можно сделать.

Франческа проинформировала местных журналистов, а точнее, передала им до, во время и после обеда кое-какие сведения, облеченные в заманчивую форму слухов; новости тут же распространились по больнице, ибо осаждавшие ее порог журналисты набрасывались на каждого — будь то врач, сиделка или пришедшие с визитом родственники и друзья больных — и засыпали их вопросами, выбалтывая все, что знали сами, в надежде выудить на эту приманку еще более интересные и сенсационные вести.

Видели вы Данайю? Она все еще влюблена во

Фредерика Кристофера? Она знает, что он умер? Понимает это? Упоминала ли она о других женщинах, своих соперницах, тех, кто преследовал Фредерика в церкви святого Павла и святого Иоанна? Ну конечно, правда, их было несколько, не знаю точно, три или четыре, — и одна из них лезла за ним по лесам. На ней было бикини. Что говорит Данайя? Ей известно, что приезжают ее родители? Знает ли она, что ее собирается навестить Аннабел? Она благодарна? Так и говорит, что благодарна? Кому? Персоналу больницы? Всем итальянцам? Может быть, она сказала, что благодарна Аннабел Кристофер? А что еще она говорит?

К тому времени, когда появились приехавшие прямо из аэропорта родители Данайи, большая часть репортеров разошлась перекусить, а те немногие, что задержались, едва успели наспех сфотографировать эту чету, чем и должны были ограничиться. Супруги Лайтенс и сопровождавший их шустрый молодой человек, по-видимому американский консул, торопливо вошли в здание под эскортом полицейских, только что подоспевших сюда, так как в участок сообщили, что около больницы собирается толпа.

В половине четвертого, когда к дверям боль-

ницы прибыла Аннабел, здесь оказалось еще больше полицейских. Репортеры и операторы вернулись в полном составе. Отряды прессы и полиции окаймляла многочисленная в воскресный день толпа туристов.

Выйдя из машины, Аннабел откинула назад свою черную вуаль. В руке у нее был букетик желтых роз. Она приехала без провожатых.

— Почему вы навещаете Данайю, Аннабел?

— Аннабел, миссис Кристофер, вы были знакомы раньше с этой девушкой?

— Вы знали, что она бегает за вашим мужем? У них что-то было? Как вы к этому относитесь, миссис Кристофер?

— Что вам известно об остальных женщинах?

— Вы знаете, как их зовут?

— Что вы можете рассказать о позавчерашней оргии?

Чуть заметно улыбаясь, она оглядела терпеливых полицейских, и напиравших сзади репортеров, и теснившуюся за ними толпу зевак, разраставшуюся на глазах: из ближних лавок спешили какие-то юноши, женщины в передниках торопливо перебегали через дорогу. Прохожие и раньше часто узнавали Аннабел на улице, но никогда еще вокруг нее не собиралась целая

толпа. Она обратила внимание, что большая часть журналистов — итальянцы; заодно бросила взгляд и на больничные окна: почти из каждого выглядывали головы и лица. Она и им послала свою скорбную улыбку. Потом, улыбнувшись всем вокруг, как улыбается мать осиротевшим детям, она произнесла по-итальянски со своим стрекочущим акцентом:

— Я хочу навестить Данайю, потому что я ее простила. Никаких оргий не было, кроме той, которую бедняжка сама себе устроила. Что касается остальных женщин... — Аннабел на мгновение задержала взгляд на букете, потом решительно тряхнула головой, — я прощаю им всем. Даже той, что повинна в гибели моего мужа. Мой муж умер в храме мучеников мученической смертью. Я прощаю его убийцам.

Она опустила на лицо легкую, как облачко, вуаль. «О-о-о!» — откликнулись сочувственным вздохом женщины в задних рядах. Камеры всхлипнули. Аннабел вошла в ту самую больницу, в которую два дня назад ее привозили опознать тело мужа.

— Ты была великолепна, — сказал ей потом Луиджи, видевший эти кадры в вечерней телепрограмме.

Но Аннабел еще предстояло провести двадцать минут у постели Данайи.

— Я так благодарна, — растерянно улыбаясь, слабым голосом произнесла Данайя и закрыла глаза.

Мать девушки, измученная путешествием в самолете и волнением, но все же более миловидная и изящная, чем одурманенная, больная дочь, стараясь быть любезной, повернулась к сиделке и сказала: «Она говорит, что благодарна вам. Мы тоже вам благодарны. Мы...» Она вдруг сообразила, что та не понимает по-английски. Аннабел, стоявшая в черной вуали перед кроватью, на которую положила букетик желтых роз. перевела ее слова.

Сиделка пояснила Аннабел, что девушка все время повторяет, что она благодарна. Ответ сиделки Аннабел, в свою очередь, перевела на английский, и миссис Лайтенс вдруг осенило: «Постойте, так ведь это ей велел психиатр. Еще на родине с тех пор, как она подверглась психоанализу, она, помнится, всегда отвечала нам, что благодарна, когда мы ее спрашивали, как она себя чувствует и как ей живется в Нью-Йорке (это уже после того, как она переехала туда с севера и сняла квартиру); она только и делала, что по-

вторяла: «Я так благодарна». Нам это казалось довольно странным».

Девушка открыла глаза. Врач в белом халате ввел в палату мужчину, еще нестарого, но с морщинистым лицом. Мужчина еле держался на ногах, но видно было, что это временный упадок сил. Это был отец Данайи. Он сказал жене:

— Доктор считает, что опасность миновала. Прекрасный врач. Прекрасная больница.

Он взял дочку за руку и спросил, явно не ожидая ответа:

— Как ты чувствуешь себя, солнышко?

— Я так благодарна, — сказала Данайя.

Но отца тем временем уже представляли Аннабел, перед которой он извинился за поведение дочки. Родители усиленно старались отмежеваться от поступка дочери. Они с готовностью сообщали всем и каждому, что девушка находилась под наблюдением психиатра, стремясь тем самым показать, что дело тут вовсе не в скверном воспитании, и снять с себя вину. Аннабел сочла эту позицию разумной. Когда при выходе из больницы ее спросили, что сказала девушка, Аннабел ответила по-итальянски, тут же повторив и по-английски:

— Она говорит, что благодарна. Я очень рада.

Родители Данайи, которые стояли рядом, с восхищением и сочувствием глядя на Аннабел, закивали головами. Отец Данайи ласково погладил ее по плечу.

Затем Аннабел опустила вуаль, давая этим понять, что пора прекратить вопросы. Зрители, вспомнив, как недавно она овдовела, почтительно умолкли и перестали толкаться. Лишь репортеры продолжали выныривать из-за массивных спин полицейских, спеша задать новый вопрос и щелкнуть фотоаппаратом. Аннабел сделала знак одному из полицейских, и трое блюстителей порядка расчистили ей путь к обочине тротуара, куда тотчас же подкатила ее машина. Во время этой непродолжительной акции один из полицейских успел ей сообщить, что очень любит англичан — он был в Англии в плену и жил в Экерли, около Блэкберна. Аннабел ответила, что рада это слышать, и повернулась пожать руку супругам Лайтенс, к которым уже присоединился их неизменный спутник — шустрый молодой человек в синем костюме.

— Надеюсь, мы увидимся, — сказала мать Данайи. — Вы еще долго пробудете в Риме?

Аннабел ответила:

— Возможно, я с ребенком уеду завтра же. Сразу

после похорон.

— Ах да, конечно. Бедная моя...

В гостинице вместе с Аннабел вошла в лифт молодая девушка со стрижеными блестящими черными волосами.

Пока кабина поднималась на шестой этаж, девушка обратилась к Аннабел:

— Синьора!

Та взглянула на нее.

— Я — Марина, — сказала девушка.

— Марина?

— Приятельница вашего мужа. Я пыталась связаться с вами... через портье.. по телефону... Чего я только не делала. Писать я не могла — такие вещи не обсуждают в письмах.

Аннабел сказала:

— Вряд ли я сейчас смогу с вами поговорить. — Лифт остановился, дверцы отворились. — Я спешу к ребенку.

Но девушка тоже вышла из лифта и пошла рядом с Аннабел по коридору. Она говорила, понизив голос, но неторопливо, будто бы сама старалась успокоиться. Руки у нее дрожали, и ей никак не удавалось открыть сумочку.

— Он послал мне письмо, — сказала девушка. — Я получила его в тот вечер, когда он умер, в тот

самый вечер. Ужасное письмо, так нельзя писать о жене, он во всем винит вас, я не понимаю...

— Зайдите, — сказала Аннабел, — и сядьте.

Сама она прошла в смежную комнату, полутемную из-за опущенных жалюзи. Ребенок еще крепко спал в своей кроватке, нянька что-то усердно шила, ухитряясь, как умеют итальянки, делать это в темноте.

— Через полчаса я его разбужу, — сказала Аннабел, — а пока сходите и погладьте его вещи. Я буду занята с моей секретаршей, так что можете не возвращаться до шести.

Не отрываясь от шитья, няня ответила, что девушка из здешней прачечной еще утром перегладила всю одежду ребенка. Она явно была намерена остаться в номере и разузнать, о чем станет говорить новая гостья, скрывавшаяся от нее в соседней комнате.

— Вы были сегодня в церкви? Разве вы не пойдете к вечерней мессе?

— Месса начнется только в полседьмого. Если нужно искупать ребенка, я останусь. Одну мессу пропустить — не ахти какой грех.

Аннабел сняла вуаль, небрежно бросила ее на кровать и так же небрежно проронила:

— Ну ладно. Вам не темно тут шить?

— Я боюсь его разбудить.

Вернувшись в гостиную, Аннабел бесшумно притворила за собою дверь.

— Вы говорите по-английски? — спросила она

— Нет, — отозвалась Марина, но ее красивые глазки метнули в сторону смежной комнаты выразительный взгляд в знак того, что она осведомлена о присутствии там няньки и ее упорном нежелании уйти. Потом она безмолвно возвела их кверху, как бы говоря, что такова уж жизнь.

Достав из сумочки письмо, она вручила его Аннабел.

— Если у вас есть какие-то счета, — будничным тоном сказала Аннабел, — ими займется мой адвокат. Он приезжает завтра, рано утром. Садитесь же.

— Нет, платить ничего не нужно, — Помня о няньке, девушка отчеканила эту фразу несколько громче, чем требовалось.

— Что ж, хорошо. Не говорите так громко, Марина, вы разбудите ребенка. Все расходы, связанные с похоронами, оплатит мой адвокат, — говоря это, Аннабел пробегала письмо глазами.

Когда она перевернула страницу, Марина ответила, старательно подхватив заданный опытной актрисой тон:

— Я это запишу. Вы не знаете, синьора, кто займется организацией похорон?

— Мистер О'Брайен и синьор Леопарди взяли на себя все хлопоты. Похороны начнутся в три часа. Следствие в одиннадцать. В квестуре, вы ведь знаете?

— О да, конечно. Мне нужно прийти?

— Нет, это вовсе не обязательно, — сказала Аннабел. — Постойте-ка, что это здесь о вечеринке... С ума, что ли, они сошли? Как я могу в такое время ходить на вечеринки?

— Я тоже так подумала. Нужно быть сумасшедшим, чтобы писать вам о вечеринках.

— Наверное, не читали газет. Даже при жизни мужа я бывала так занята на съемках и с ребенком, что на вечеринки у меня не оставалось времени. Ходила изредка, на самые немноголюдные, — она дошла в письме до места, где Фредерик жаловался, что она постоянно посещает «оргии с раздеванием». — Особенно не выношу эти сборища возле бассейнов, где все веселятся чуть ли не голыми. — Она помахала письмом, зашуршав страницами: — Посмотрите-ка, вот это письмо... Вы сняли с него копию?

— Нет, а разве нужно?

— В этом нет необходимости, если я оставлю его

у себя. Мой адвокат вам скажет, какие копии ему нужны. А это что за бумаги? — Аннабел указала на поднос, стоявший между ними на столе.

— Здесь все просмотрено, синьора.

— Отлично. Тогда мы кончили. Спасибо, что пришли в воскресенье.

— Это пустяки. У вас такое горе...

Аннабел подошла к двери, ведущей в коридор, и отворила ее.

— Вы знаете, где лифт? Если появится что-нибудь новое, сообщите. Можете позвонить мне или синьору Леопарди. До свиданья.

— До свиданья.

Девушка смотрела жалобно, но не решалась ничего сказать, боясь ушей, прилежно слушавших за дверью смежной комнаты. Она вышла, дверь закрылась, но еще не успела щелкнуть, как Аннабел натренированной рукой снова распахнула ее в самую последнюю секунду.

— Да, вот еще... — Она вышла следом, беря Марину за руку и увлекая за собой в сторону лифта, — зайдите ко мне на квартиру, у вас ведь есть ключи...

Они удалились на такое расстояние от номера, что подслушивать и подглядывать за ними стало невозможным.

— Я ни разу в жизни не была на оргии, — сказала Аннабел.

Девушка вдруг разразилась потоком взволнованных фраз:

— Простите меня, умоляю вас, простите, синьора, — заклинала она Леди Тигрицу. — Я любила вашего мужа, но, прочитав его письмо, я поняла, что он этого не заслуживал. Я никогда ему не навязывалась. Сегодня у меня дома был один репортер, он расспрашивал меня о нашем романе. Он и сам много чего наговорил мне и все допытывался, была ли я в той церкви, где за Фредериком гонялись дамы. Он сказал...

— Ш-ш-ш, — Аннабел схватила ее за плечо и поднесла палец к кнопке лифта. И направо и налево коридор был пуст, но как знать, что происходит за любой закрытой дверью.

— Успокойтесь же. Не надо так огорчаться, — сказала Аннабел.

Девушка все еще плакала, но, казалось, несколько повеселела, облегчив душу.

— Что за репортер? Говорите тихо.

Марина понизила голос.

— Не знаю, как его зовут. Такой высокий, белокурый. Он немец.

— Что вы ему сказали?

— Я сказала, что и близко не подходила к той церкви. И это правда. Я сказала ему, что бываю у мистера и миссис Кристофер, так как шью распашонки для их сынишки.

— Молодец. Вы не показывали ему письмо?

— Нет, о нет. Он предлагал мне денег за историю моей любви, но о письме не говорил ни слова. Ваш муж, наверно, помешался. Ни о чем подобном он никогда прежде со мной не говорил.

— Вы думаете, он сошел с ума?

— Конечно. Мне иногда и раньше так казалось, когда он начинал вдруг проклинать свою судьбу.

В коридоре открылась одна из дверей. Охорашиваясь и обсуждая, не похолодало ли на улице, вышла пожилая пара в вечерних туалетах. Он одергивал на ходу смокинг, она, поведя плечами, поправила белую шерстяную накидку. Они подошли к лифту.

— Вам вниз? — спросила Аннабел по-итальянски и нажала кнопку, вызывая лифт.

Вверх ехать было нельзя, так как лифт не поднимался выше, но ни он, ни она об этом не упомянули и вообще не сказали ни слова. Приветливо кивая, они показывали жестами, что едут вниз. Эти двое не понимали по-итальянски.

Лифт пришел.

— Вы верите мне, вы меня простили? — спросила девушка.

— Всего хорошего, — сказала Аннабел; она втолкнула ее в лифт вслед за пожилой четой, потом приветливо кивнула — не девушке, а как бы всем троим, дверцы захлопнулись.

К вечеру благодаря ее усилиям слухи об оргии как будто пошли на убыль. Ребенок спал. Аннабел отдыхала, дожидаясь Луиджи, который должен был вот-вот прийти и пообедать вместе с ней. Тем временем она дозвонилась до Голли Макинтош, оказавшейся в Париже, и отчасти для того, чтобы уяснить все для себя самой накануне дачи показаний, испробовала на Голли свою версию о смерти Фредерика.

— В конце концов, — рассказывала Аннабел, — эти женщины настигли его в одной церкви и начали за ним гоняться. Под церковью есть вырытые в земле катакомбы, а их поддерживают леса. Мы с Фредериком там однажды были. Так представляешь — он бежит, а все эти девицы гонятся за ним, гуськом. Одна была так близко, что он шарахнулся в сторону — и прямо вниз. А еще одна пробралась в нашу новую квартиру и от любви к нему покушалась на самоубийство. Милая моя, я чуть не заболела.

Голли спросила:

— А что это за слухи, будто у вас в квартире была оргия и какая-то молодая американка отравилась наркотиками, а потом одна девочка обнаружила в шкафу ее тело.

— В шкафу? Это пишут парижские газеты?

— Да.

— Что за газета? Как это могло попасть в парижский воскресный выпуск, когда римские только сегодня поместили этот материал? Как называется газета?

— Не помню. Она осталась наверху. Я говорю из вестибюля. Аннабел?..

— Да?

— На твоем месте я бы смылась.

— Почему?

— Да так. Приезжай ко мне, вместе съездим куда-нибудь. Скажем, в Швейцарию. В Лозанне у меня знакомые, уверена, что вы друг другу понравитесь. У них бассейн.

— Зачем мне бассейн? Я сегодня навестила эту девушку. Это было тяжкое испытание, но я его перенесла.

— Какую девушку?

— Ту американку. Ее зовут Данайя Лайтенс. Ту самую, что приняла пилюли в моей ванной.

— Лайтенс!.. Кажется, я знаю родителей, если это те, что жили в Нантакете. У них и на шестьдесят шестой была квартира. Как пишется их фамилия?

— Понятия не имею. Они тоже были в больнице.

— А что она говорит?

— Говорит, что благодарна.

— Что? Плохо слышно. Кто благодарен? Ее мать?..

— Ты была великолепна, — говорил Луиджи, вспоминая только что увиденные на телеэкране кадры, запечатлевшие Аннабел в момент прихода и ухода на пороге больницы. — Слухам насчет оргии конец. Теперь все знают, что твой муж погиб, спасаясь от влюбленных женщин. Во время следствия никто об оргии не заикнется. Сегодня я видел Билли О'Брайена и от него узнал фамилию и адрес Марины

— Марину мы оставим в покое, — сказала Аннабел.

— Отчего же? На следствии можно не говорить, что она бегала за твоим мужем по церкви. Это будет подразумеваться. Ты только назови ее фамилию. Билли тоже придется давать показания, ведь он последний из друзей Фредерика, видев-

ший его живым. Он подтвердит, что Марина одна из тех девиц. Остальное сделают газеты.

— Марина исключается, — сказала Аннабел. — У нас с ней особый договор.

Она достала из сумочки связку писем, в которых Луиджи узнал предсмертные послания Фредерика.

— Они все еще у тебя? — удивился он. — Ты их не уничтожила... Так и носишь в сумке?

— Здесь безопаснее всего. В другом месте их могут найти. Завтра утром, как только откроется банк, я попрошу Тома положить их в сейф на мое имя.

Том был ее лондонский адвокат. Его ожидали в понедельник рано утром.

— Ты можешь потерять сумку. Или кто-нибудь вырвет ее у тебя из рук.

— Я же не выхожу на улицу, — ответила она, глядя на окно, из которого накануне наблюдала за беззаботно сидящей в кафе молодежью. — На меня и в обычные-то дни все таращатся. Можешь не тревожиться за мою сумочку.

— Лучше бы ты их сожгла, — сказал Луиджи. — Сожги, брось в раковину, пепел смой водой. И конец делу.

— Нет, я думаю, их нужно оставить. Хотя бы для

того, чтобы показать их Тому. Ты их видел, Билли тоже, значит, должен увидеть и мой адвокат. Впоследствии могут начаться разговоры, и если Тому нужно будет что-то там опровергать, так пусть уж будет в курсе.

— Разговоры... как это понять? Ты намекаешь на меня?

— Нет, что ты, — вежливо ужаснулась она, — конечно, я имею в виду Билли. После такого скандала у людей бывает искушение рассказать кому-то из друзей, как все обстояло на самом деле. Ну, лет через пять, через десять.

— Как ты предусмотрительна! Думаешь о том, что случится через пять и десять лет, когда уже завтра начнется следствие, которое — как знать, вдруг мы чего-нибудь недоглядели? — может погубить твою репутацию. А ты размахнулась на годы.

— Зато у тебя семь пятниц на неделе. Только что ты меня уверял, что следствие пройдет как нельзя лучше и мне не о чем волноваться.

— Что ж, возможно. Но не загадывай на десять лет вперед. Актеры так не делают.

— У меня и через десять лет будет ребенок.

— Тебе нужно сжечь все письма и забыть о них. Скажи спасибо Билли, что он их не сфотографи-

ровал. Он говорил, и я ему верю, что ему это даже в голову не приходило. Я его долго проверял как будто невзначай, то так, то сяк. Самому потом стало стыдно. Он благородно поступил, что отдал тебе письма, не думая о своей выгоде.

— Благородно? Подумаешь, благородство — не делать гадостей.

— Ну, ты сама знаешь, какой теперь народ. Билли неплохо к тебе относится. Он дал нам адрес Марины. Готов назвать в суде ее фамилию. Тогда к ней ринется вся пресса. И она не сможет отрицать...

— Постой, постой одну минутку... — она вытащила из связки письмо, достала его из конверта, развернула: — Новое, ты этого еще не видел.

— А ты уверена, что она не сняла фотокопий?

— Убеждена. Она, возможно, и не знает, что такая штука существует. Она вот что знает: ходит слух, будто за Фредериком кто-то гонялся по церкви. Уверяет, что она в той церкви не была. Еще бы. Там вообще никого не было.

— Ты пообещала ей не называть ее фамилию, если она отдаст письмо?

— Не совсем так. Она сама мне отдала письмо, потому что считает Фредерика сумасшедшим. Кстати, это идея. Если так думает Марина, значит

можно убедить и остальных.

— За один день ты никого не убедишь.

— А письма, все эти письма! Пусть даже он не лжет — кто, кроме сумасшедшего, способен настрочить такую бездну писем, и все только об одном да об одном. Клинический случай. Эта пачка писем — готовая история болезни.

Он немного подумал и сказал:

— Не спорю, окончательный вывод может быть только один — твой муж сошел с ума...

— Чего стоит одно лишь его письмо к матери, к мертвой матери.

— Конечно, это уже прямо символ. Нашу печать оно бы привело в восторг. Письмо к матери, да еще к мертвой! У нас любят письма к матерям, и к усопшим и живым. — Он нахмурился и, приблизив к ней лицо, жестко сказал: — Первым откликом на эти письма будет крах твоей карьеры. Ты больше не сможешь сниматься в моих фильмах. Позже, может быть, подыщешь себе что-то в другом роде, а там станешь старше: тридцать пять, под сорок, пойдут другие роли, которые не будут так уж бить в глаза. Мне же придется искать новую звезду и запускать ее срочно, прямо на той неделе, вот в этой штуке.

Он кивнул на сценарий, лежавший на комоде

у окна.

— Пора обедать, — сказала Аннабел.

— Воздержись, понятно?

— Не волнуйся, хлеб, картошку и спагетти я не буду есть. Так что я не растолстею и смогу играть Дафну.

Он сказал уже мягче:

— Я говорил о письмах; воздержись показывать их на суде.

— Я так и поняла. Я хочу есть.

— Может, куда-нибудь сходим? Куда бы тебе хотелось?

— Нянька ушла до утра, а на кого-нибудь другого я ребенка не оставлю. — Она посмотрела на часы. — Скоро придет Билли. Если ты не против, мы могли бы пообедать здесь втроем и обсудить в деталях, что нам завтра говорить. Кроме Билли, меня и доктора, других свидетелей не будет.

Они сидели и вдвоем обедали за круглым столом на колесиках, доставленным для этой цели в номер, когда явился Билли, опоздав на два часа. Все засуетились, начали заказывать ему обед по внутреннему телефону; ресторан уже закрылся, и вместо бифштекса Билли пришлось довольствоваться холодной телятиной.

Он был на удивление кроток. В ожидании обеда

угостился их вином и съел несколько ломтиков хлеба.

Когда еда была принесена и официант ушел, Аннабел принялась давать инструкции, а Билли ел и слушал. О Марине ни слова. Ладно, согласился он. Потом он выразил желание взглянуть на письмо. Ему дали взглянуть. Билли тут же выпачкал страницу маслом.

— Какое счастье, что письмо у тебя, — сказал Билли, — это же просто счастье, что Марина им не воспользовалась. Такое письмо для нее целое богатство. Если бы ее назвали виновницей самоубийства, она выложила бы письмо, а уж покупатель нашелся бы, — произнес он со смаком.

— Какой-то репортер одолевал ее расспросами. По-моему, этот твой ужасный Курт.

— Он видел письмо?

— Нет, конечно, нет. Я не сомневаюсь, что она мне говорила только правду.

— И она не сняла фотокопий, ты точно знаешь?

— Да.

— Что ж, везет человеку, — заключил Билли, сложил замасленное письмо и довольно бесцеремонно ткнул его в руку Аннабел. — Одно могу сказать — везет.

Луиджи тоже согласился, что ей везет. Потом спросил:

— А не могло случиться, что Фредерик еще кому-то написал?

— Случиться-то могло, — ответил Билли, — только вряд ли. Я знаю всех его знакомых. Марина единственная, кому, как мне казалось, он мог написать. Ишь ты, а мне она и не обмолвилась насчет письма.

— О, так ты к ней заходил? — спросила Аннабел.

— Я ей звонил. Она была напугана и отвечала очень уклончиво. Сказала, что не хочет втравлять в неприятности свою родню. Говорит, что, если она попадет в скандальную историю, ее мать этого не переживет. А о письме ни звука.

— Итак, нам повезло, — с раздражением сказал Луиджи, которому, должно быть, надоело рассуждать об их неслыханной удаче и не терпелось перейти к другим делам. Он тут же объяснил Аннабел, что помощь его адвоката, который тоже явится на следствие, будет чисто формальной, но это и неважно, поскольку Аннабел не придется почти ничего говорить — пусть лишь повторяет, что она не верит, будто муж ее покончил с собой.

— А это ты и так уже говорила репортерам, —

сказал Луиджи, — да и вообще это всегда полезно повторять. Еще прибавь, что у Фредерика, по всей видимости, было очень уж много поклонниц и они его заморочили до полной потери сознания.

— Передайте, пожалуйста, вино, — сказал Билли.

— На том и стой, — учил Луиджи. — Если тебя спросят, знаешь ли ты этих женщин, отвечай, что ты не знаешь их, но прощаешь. Если вспомнят американку, которая приняла у тебя в квартире пилюли, скажи, что ты прощаешь и ее. Ох, не нравится мне режиссировать следствие, — вдруг пожаловался он.

Билли сказал:

— Предоставьте все мне.

— Да, но от вас не требуется, чтобы вы прощали девушек.

— Где уж мне.

— Вы хоть подтвердите, что их было много.

Аннабел сказала:

— Значит, Том действительно мог бы не приезжать?

— Ну конечно, — ответил Луиджи. — Он здесь совсем не нужен. Он ведь не входит в здешнюю коллегию адвокатов. Моего адвоката вполне достаточно. Мне надо было заранее вас позна-

комить, но он сегодня за городом. В суде он проследит, чтобы тебя не обижали и чтобы допрос продолжался не больше нескольких минут. Я на твоем месте не стал бы вызывать сюда еще второго. Позвони своему в Лондон, дай отбой. Ему нечего тут делать. Версия с оргией лопнула окончательно и бесповоротно. Еще был бы смысл, если бы предстояло торговаться с прессой или, скажем, чего-то потребовала Марина. Дай отбой, пока не поздно, — повторил он, разминая пальцами кусочек хлеба.

— Э, нет, — вмешался Билли, — не уговаривайте ее. У Аннабел еще будут разные хлопоты с бумагами и имуществом Фредерика. Ей не обойтись без адвоката. Сами подумайте: все мужнины дела вдруг сваливаются на нее одну. А она, не забывайте, всего лишь женщина, и вовсе не такая пробивная, как вам кажется.

Не оборачиваясь, Аннабел глядела в открытое окно на звезды.

VIII

В понедельник в половине десятого утра только что прибывший из Лондона адвокат Аннабел входил к ней в номер.

Она сказала:

— А, Том, у вас здесь почему-то стал ужасно итальянский вид.

Он и в самом деле был похож на молодого адвоката-итальянца — тонкий, смуглый, быстроглазый, с блестящими черными волосами.

Он заговорил прямо с порога:

— Аннабел, эти письма... Как мог Фредерик с вами так поступить? Я никогда в жизни не слышал о таком адском...

— Какие письма? Как вы о них узнали?

— В аэропорту меня встретил какой-то... О'Брайен.

— Билли!

— Да, он сказал, что он ваш друг и друг Фредерика. Так прямо и представился. Не очень-то тактично, по-моему.

— И он рассказал вам о письмах?

— Показал фотокопии — уже по дороге сюда. Вообще-то у него была с собой машина... Едва

я вышел из таможни, этот тип подошел ко мне и окликнул: «Мистер Эскон!» Я отвечаю: «Да?» Он говорит: «Меня прислала Аннабел, вас ждет машина». И, понимаете ли, тотчас же хватает мой портфель. Что-то мне в нем сразу не понравилось — то ли его повадка, то ли эта машина, то есть, конечно, не машина сама по себе — у него маленький английский «остин», — но мне показалось сомнительным, что это вы его прислали, и я сказал: «Благодарю вас, я возьму такси. Мне нужно по дороге просмотреть бумаги». Забираю у него свой портфель и посылаю носильщика за такси. Не отстает, идет рядом. Я уже понял, что речь будет о деньгах: таких субъектов как-то сразу узнаешь. Он твердит, что для вас чрезвычайно важно, чтобы наша с ним беседа состоялась до того, как начнется следствие. Что делать, я пустил его к себе в такси. Свою машину он просто бросил. Потом вытащил эти письма.

— Сколько?

— Четыре.

— Наверное, снял копии в тот вечер, когда умер Фредерик. Мне он клялся, что не снимал. Я в самом деле тогда подумала, что он меня жалеет. Таким добрым прикинулся. И вчера вечером он тут сидел, тоже добренький-предобренький.

— Значит, он вас обманывал.

— Вижу.

— Он намекнул, что вам не обязательно знать о нашем разговоре. Я ответил, что это исключено. Ведь копии, может быть, даже поддельные.

— У меня есть тут эти письма, подлинники, — сказала она. — Их писал Фредерик, это совершенно точно. Одно мне, другое Билли, третье его матери, которой давным-давно нет в живых, а последнее Карлу. Было еще письмо к его любовнице Марине, но Билли оно не досталось, оно у меня.

Когда Том начал рассказывать, она села на стул. Выглядела она неважно.

— Том, — сказала она, — не платите ему ничего. Ни пенса.

— Заплатить придется, — ответил он. — Я думаю, это необходимо сделать. В противном случае он грозит предъявить фотокопии уже сегодня, во время следствия. У нас в запасе только час.

Она вдруг громко закричала, хотя в смежной комнате, дверь в которую была приоткрыта, няня собирала на прогулку Карла.

— Сколько? — взвизгнула она. — Сколько он хочет? Том Эскон прошел в детскую, взял ребенка на руки

и принялся его щекотать и тормошить; маль-

чик залился смехом.

Аннабел вошла следом и спросила уже тише:

— Так сколько же он требует? Девушка не понимает по-английски.

Том отошел к окну с ребенком на руках. Нянюшка, которая, держа коляску наготове, следила за этой сценой во все глаза, пролепетала, обращаясь к Аннабел, нечто сочувственное и добавила, что, когда похороны будут за плечами, синьоре станет легче. Аннабел справилась с собой, сама усадила ребенка в коляску и помахала вслед рукой.

— Дети понимают больше, чем нам кажется, — сказал Том. — Даже при самых маленьких нужно тщательно следить за каждым словом.

— Я знаю, — ответила Аннабел. — Так же как люди, которые не говорят на твоем языке. Вероятно, эта няня знает куда больше, чем я могу предположить.

— Грудные дети не столько понимают, — сказал Том, — сколько регистрируют шумы. Позже они все это каким-то образом припоминают. Дома с обоими своими ребятами я всегда держу себя в рамках.

— Я не хочу платить за письма, — сказала она.

— Знаете что, — сказал Том, — сейчас, когда вы так расстроены, я не буду называть вам сумму,

которую он просит. Но игра стоит свеч. Вчера вечером я разговаривал по телефону с вашим Луиджи Леопарди. Он, разумеется, еще не знал, что с писем сняты копии, но он сказал мне, что, если что-нибудь подобное произойдет, никакие опровержения не помогут вам вернуться в кино.

— Сумма? — спросила она. — Сколько он хочет?

Он ответил.

— Много. Очень много. Но вы в состоянии заплатить.

— А потом он выложит новые копии, — сказала Аннабел. — Как быть с теми?

Том ответил:

— С него можно взять расписку. Вторично он на это не пойдет. По-моему, он действует в пределах узаконенных правил. Такие, как он, всегда знают эти пределы. Как бы там ни было, я согласился заплатить. Мы с ним встретимся после заседания суда. Я с превеликим удовольствием принял душ, когда закончилась наша совместная поездка.

— А мне все не верится, — сказала Аннабел.

— Вам нужно будет подписать нечто вроде предварительного обязательства, гарантирующего, что деньги будут уплачены. Оно должно быть передано О'Брайену, как только закончится

заседание. Иначе он отдаст письма в газеты.

— Ясно.

Том обнял ее, поцеловал и посоветовал не вешать нос.

Она спросила:

— А в котором часу вы разговаривали вчера с Луиджи?

— Очень поздно. После одиннадцати. По римскому времени было, наверно, уже за полночь. Он сказал, что только что отобедал с вами.

— Он всегда все делает наверняка. Что он вам говорил?

— О, он был очень деловит. Упомянул в двух словах, что возможен скандал, причем явно старался избегать в телефонном разговоре подробностей и просил внушить вам, что вам нечего и думать о кино, если в глазах публики вы не останетесь такой же, какой она всегда вас знала. Мол, как бы вам не споткнуться о свой собственный пьедестал. Все это, конечно, ужасно. Мне жаль, что вам пришлось соприкоснуться с этой мерзостью. Но ведь это только вопрос денег. Мы заплатим О'Брайену за какие-нибудь вымышленные услуги и, таким образом, сами ничего противозаконного не совершим.

— Да, — сказала Аннабел, — среди бумаг моего

мужа были письма на эту тему. Четыре письма. Вот они, — она открыла сумочку и вынула пачку, полученную от Билли. Письмо Марине она уничтожила перед тем, как отправилась в суд. Зал загудел, но она почти не услышала этого. За широкими, распахнутыми настежь окнами зеленела молодая листва. Аннабел нашла глазами Билли. Перед этим она уже однажды посмотрела на него, когда подошла к столу для дачи показаний.

Тогда он встретил ее взгляд с насмешливой улыбкой и поклоном самонадеянного шутника, который убежден, что жертва розыгрыша будет вести себя смирно. Поэтому сейчас, когда, покрывая гул взволнованных восклицаний, над залом гремел низкий голос судьи, она смотрела только в одну сторону. Даже в тот момент, когда из ее руки кто-то вытаскивал письма, она не спускала глаз с Билли, будто боялась пропустить даже самый малейший оттенок выражения. Он вытаращился на эти письма, как два дня назад таращился на белый шар в окне гостиницы. Совпадение не было полным — сегодня он не завизжал, — но этот взгляд и искривленные, бесшумно шевелящиеся губы она узнала.

Наконец судья добился тишины. У Аннабел спросили, где найдены письма. Она говорит:

— Не знаю, кто мне их прислал: Я их получила распечатанными, вот в таком виде...

— Они написаны рукой вашего мужа?

— Да, по-моему, да, — отвечает она

Адвокат Луиджи, бешено жестикулируя, что-то торопливо втолковывает судье.

Судья говорит, что в связи с появлением неизвестных до этого времени вещественных доказательств в заседании должен быть сделан перерыв.

Аннабел говорит:

— Я заявляю, что в тех обвинениях, которые выдвигает против меня муж, нет ни слова правды. Мой муж был невменяемым.

Судья говорит, что это уж он сам будет решать, и объявляет перерыв.

И вот она в аэропорту, ждет самолета, отлетающего в Грецию.

— Зачем вы это сделали? — спросил Том, когда они вернулись в гостиницу. — Необходимости ведь не было.

Аннабел сидела, держа на коленях ребенка.

Она ответила:

— Мне хочется быть такой же свободной, как мой ребенок. Надеюсь, он зарегистрирует этот шум.

Но ни тогда, ни сейчас она не чувствовала себя свободной и не чувствовала несвободной. Просто ей было спокойно и хорошо сидеть здесь, в аэропорту, с ребенком на руках, ожидая самолета на Грецию.

Она отказалась от обеда, сказав, что устала. В два часа дня, когда все обитатели гостиницы либо еще сидели за столом, либо, только что перекусив, намеревались отдохнуть часок-другой, Аннабел выскользнула в послеполуденное пекло улицы. Отряды полицейских не охраняли ее в аэропорту от толп любопытных. Те и другие дожидались возле здания суда, куда она должна была явиться к четырем часам. Она никогда еще не была так популярна. Похороны отложили из-за дополнительного заседания суда. Те немногие, кто не слышал этого сообщения по радио, собрались уже, конечно, в церкви Иоанна и Павла и ожидали Аннабел там.

В этот ленивый, сонно-равнодушный час она вышла на улицу; в ее руке был чемоданчик, плотно набитый вещами Карла, через плечо висела сумка с ее собственным имуществом, а в другой руке она несла ребенка. Завернув за угол, Аннабел остановила такси. Никто не ожидал встретить в аэропорту среди толп туристов лицо, только

что глядевшее с экрана телевизора; ее не узнали ни таможенники, ни эмигранты, ни служащие аэропорта. В момент прихода Аннабел увидела группу пассажиров, направлявшихся к зданию таможни от только что приземлившегося самолета. Ей показалось, что среди них была Голли Макинтош. Но Аннабел не стала ждать и поэтому так никогда и не узнала, ошиблась она или это в самом деле была Голли.

Она купила билет третьего класса, отдала на весы свой багаж, после чего двое жизнерадостных студентов помогли ей снова надеть сумку через плечо, и теперь ждала. Объявили посадку. Стюардесса подошла к ней взять ребенка, но Аннабел протянула ей сумки.

Ожидая возле трапа, она чувствовала себя одновременно свободной и несвободной. Она избавилась от тяжелых сумок, но у нее появилось странное ощущение, будто она опять беременна этим ребенком, которого держала на руках. Она была бледна, как раковина, и на этот раз не надела своих темных очков. Никем не узнанная, стояла она, одной рукой держа ребенка, неся в себе никогда не покидавшее ее невесомое бремя, как пустая раковина хранит отзвуки и неизбывный образ давно исчезнувших морей.